

ДУРАКИ И КАРНАВАЛ

АНАРХИЯ В РФ

**ДУРАКИ И КАРНАВАЛ.
АНАРХИЯ В РФ**

2021

Итак, представляю вам очередную писанину на тему молодежного радикализма. Здесь я попытался описать радикальное анархистское движение конца нулевых годов. Не буду врать, что моя книга важна и вообще главное событие десятилетия, как это принято в радикальной среде. Но интересующимся темой некий интерес может представлять.

Эта книга – субъективный взгляд одного человека на анархистское движение в 2007-2018 годах. Может быть, этот взгляд ошибочный. Может быть, односторонний. Но сегодня, когда анархизм в России разгромлен, необходимо осмыслить накопленный опыт. Я был активным участником многих событий в 2007-2012 годах, и одним из так называемых «лидеров» и организаторов в 2013-2018 годах, организовав большую часть анархистской деятельности в десятые годы. Так что, вероятно, мой опыт также может быть интересен в этом плане.

В ходе написания и редактирования книги передо мною встал ряд вопросов, прежде всего, этического характера – насколько правильно и оправданно упоминать те или иные события? Первоначально, я хотел создать что-то вроде документального романа, но упоминание каких-то событий и персонажей вынудило бы меня значительно изменить множество деталей, в пользу удобства художественного изложения и безопасности персонажей этих историй. Что плохо сочеталось бы с попыткой правдиво описать происходящее в те годы. В конце концов, я остановился на относительно сухом изложении, без дополнительных сцен и деталей, которые значительно оживили бы повествование и воссоздали атмосферу того времени. Возможно, совместить своеобразную «хронику» движения с зарисовками из его жизни было бы

более интересно и захватывающе. Но это внесло бы слишком большой художественный элемент в повествование, и я счёл более честным придерживаться более сухого варианта.

Однако это значит только, что здесь я излагаю суть событий, а в продолжении (а оно обязательно будет) постараюсь сконцентрироваться на судьбах отдельных людей, передать через них атмосферу описываемых событий и судьбу движения.

Обстоятельства некоторых ситуаций могут быть сознательно изменены или объединены с другими событиями, ради удобства художественного изложения или безопасности участников событий. Многие персонажи, упомянутые в книге, являются собирательными образами. И даже если вам показалось, что они похожи на ваших знакомых — помните, что прототипами одних и тех же персонажей могли выступить разные люди. Некоторые события, являющиеся довольно стандартными и рядовыми ситуациями, не были бы упомянуты, если бы они не были ранее вынесены в публичное поле другими людьми, и не было бы необходимости изложить моё видение ситуации.

В любом случае, это не более, чем полухудожественная попытка описать эпоху, и рассказать об анархистском движении в России.

Я бегу мимо разгромленных банков и сгоревших автомобилей по улице, залитой пламенем и слезоточивым газом. С неба на головы обрушиваются градом полицейские гранаты. Одна из них взрывается у меня под ногами. Что-то больно ударяет в ногу, газ врывается в ноздри и обжигает горло.

Вокруг – несущаяся вперёд бурная человеческая река. Переворачивают машины, бьют витрины, строят баррикады, грабят магазины. Всего через несколько улиц возвышается сияющая неоновыми огнями Эйфелева башня. Крутящиеся прожекторы на её вершине разрезают дым над пылающим городом двумя мощными лучами электрического света.

Сил полиции недостаточно для подавления бунта, а потому они методично бомбардируют участок за участком, прогоняя протестующих вперёд по улице. После чего медленно занимают освободившееся пространство. Но это бесполезно. Прежде, чем с неба прольётся новый гранатовый дождь, что отгонит нас ещё дальше, времени хватит, чтобы разгромить, сжечь, разграбить улицу и привести в панику её богатых обитателей, задыхающихся в своих квартирах от полицейского газа и страха перед народным гневом.

Человек с рукой-факелом забрасывает огненный шар в кабину автомобиля. Тот вспыхивает гигантским фонарём, освещая ближайший банк. Помещения и банкоматы разгромлены, выломанные двери и битое стекло усыпают пространство снаружи.

Грабежи и погромы этим вечером повсюду. По центральным проспектам одиноко прогуливаются, вместо полицейских патрулей, группки бунтарей в жёлтом. Город сегодня принадлежит нам.

Спокойствие царит лишь в центре, на одной из самых дорогих улиц мира. Этот район превращён в цитадель, окружён полицейскими оцеплениями и переносными стенами. Пустые вечерние улицы, новогодние гирлянды, дорогие магазины... Редкие прохожие не замечают, что всего в паре кварталов отсюда полиция сдерживает самую страшную стихию – восставший народ. Там всё залито огнём, там война. Здесь же – уют и покой. Именно уют и покой самых богатых людей города и охраняет полиция.

Этот город видел многое. Повидал он бастующих рабочих, армии санкюлотов и буйство «Черного блока». Видел «красный май», торжество Коммуны и падение Бастилии. Мне посчастливилось оказаться здесь в момент очередной смуты. Как говорят местные — это самые мощные протесты за полтора столетия, с 1871 года. Мы оставили глубоко позади даже легендарный май 68-го.

* * *

Что я делаю во Франции? Пожалуй, из этого получилась бы отличная история. А что ещё может быть нужно человеку, кроме хорошей истории?

Как всё начинается? Может быть, ранним утром, с шумом выбиваемой двери? Люди в масках нацеливаются на меня лазерными указками автоматов. Из распаивающихся дверей белого минифургона на голову налетает чёрный мешок. Трещит электрошокер. Приказы говорить доносятся через боль. Это начало парижской истории и конец другого периода моей жизни. Тот начинался за много лет до этого, в белых московских переулках, усыпанных снежным покрывалом. Полсотни ребят, уподобившись средневековым варварам, штурмуют здание в центре столицы. Его обороняют древнегреческие гоплиты с русскими лицами. Бандиты колют нас сквозь прутья забора стальными ломанами. Это не поможет, через минуту они все улягутся в белый снег. Мы, если хотите — вигиланты, поборники справедливости, взявшие право творить добро в свои руки. Ещё вчера мы были сборищем панков и скинхедов, что громили московские площади и дрались с милицией... Но это, кажется, уже другая история? Она тоже с чего-то должна начаться. Так, с чего всё началось? Наверное, с осени. Было слишком тоскливо, понимаете? А теперь меня считают лидером террористов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОЛОГ

РУССКОЕ ДЕТСТВО

Осень раньше всегда наводила на меня тоску. Начинаются холода, всё вокруг умирает. Деревья стоят голые, страшные, мёртвые. Скинули разноцветные листья на землю. Та тоже умерла. Вся высохла, промёрзла, и не осталось в ней совсем ничего живого.

Непонятная грусть наваливается на плечи. Смотришь в осеннее небо, а изнутри съедает тоска. Даже не тоска – настоящая паника захватывает тебя, и кричит об убогости существования. Мы никогда не совершим ничего великого и достойного. Мы сопьёмся, состаримся, умрём и превратимся в перегной, всеми забытые и никому не нужные. Наши жизни ничего не стоят. Их будто и вовсе нет – через пару столетий никому даже в голову не придёт мысль, что ты был. Что вы видите, когда смотрите на могилы? Разве эти люди могли когда-то существовать? Вы можете представить их? Кто они? Просто пыль и сгнившие кости под слоем земли? Осень это экзистенциальный ужас. А в наших краях и подавно.

В детстве осень всегда ассоциировалась у меня с пьянками. Мы начинали бухать чаще и больше. В моём родном городе мы пили невкусное пиво в подъездах. Или же шли в ларёк и брали волшебную жидкость в бутылочке из под «Sprite» – спирт, смешанный со стеклоочистителем «Снежинка». Другой крепкий алкоголь нам не продавали, а эту гадость можно было купить рублей за 15, кажется. Поэтому наскребали всей тусовкой мелочь, покупали парочку таких бутылок, дешёвые сигареты «Альянс» и «Ява», и шли за ближайшую школу пить. Играем в футбол мёртвой вороной. БУМ – ворона шмякается о голову пьяной подруге, задремавшей на бревне. Дружный смех. Перед уходом бьём стёкла в школьных окнах.

Город наш расположен в воистину живописном месте. Кругом холмы, затерянные в бесконечной степи – сухой, выгорающей за считанные недели. Уже к лету от жары трава высыхает, и всё застывает в цветовом диапазоне где-то между жёлтым и коричневым. Степь доходит до самого горизонта, и там будто соприкасается с небом – изгибается, искривляется, и идёт куда-то вверх по кривой, превращаясь в небосвод. По вечерам, на закате, эта точка соприкосновения превращается в огромный огненный шар, окрашивающий всё вокруг в красный цвет. Если, конечно, простор не нарушается холмами – такими же высушенными, жёлто-коричневыми. Наверное, это напоминает характерные пейзажи западных вестернов.

В конце весны сухая трава загорается, настолько здесь жарко. И тогда можно увидеть, как горит степь – огонь просто ползёт по земле, и живёт собственной жизнью. За ней следуют и холмы. Где-то на вершине вспыхивает пожар, и пламя будто катится вниз со склонов, а вверх вздымается чёрный дым. Словно специально огонь забрался на самое высокое место в округе, откуда ближе дотянуться до неба.

И сколь жарко и сухо здесь лето – настолько же холодна и многоснежна зима. Степи укрываются толстым снежным

покрывалом. Когда же зима, обжигающая своими морозами, сменяется весной – реки выходят из берегов, и городские улицы уходят под воду.

Сам город обязан своей оригинальной планировкой европейским архитекторам-новаторам, мечтающим построить здесь утопию после победы революции. Стараниями немцев и швейцарцев, город расположился по обе стороны Урала, сразу на двух континентах. Будто европейцы хотели передать городу простор раскинувшейся вокруг степи. Простор и убожество степи, обезображенной жарой.

600 квадратных километров социального ада и убожества российской глубинки! Город тянется по степи архипелагом бесконечных посёлков и микрорайонов, будто искусственно соединенных друг с другом. Кажется, что по ним можно ехать бесконечно. Широкие проспекты обрамляются по краям двух-трёх-пятиэтажными старыми ветхими зданиями. Уродливые бараки советской застройки превращают город в бесконечную промзону. И вот на эти бесцветные бараки наша эпоха навесила яркие, цветастые и безвкусные рекламные щиты. Уродство двух эпох сплетаются во что-то невообразимо безобразное.

Настоящим символом сплетения эпох является Дом Культуры на одной из центральных площадей. Историческое здание, служившее когда-то центром культурной жизни, украшено колоннами и статуями в античном духе. В нашем детстве здесь собирались всевозможные неформалы¹, проходили рок-концерты, а местная гопота вылавливала посетителей по окрестностям. Здесь же – криминальные разборки с применением «Калашниковых», оставляющих после себя только трупы. Теперь Дом Культуры превращён в торговый центр. Колонны и статуи украшают коммерческая реклама и надпись «Магнит».

Город может похвастаться большим количеством всевозможных титулов. Например, званием ВИЧ-столицы нашей бескрайней родины. Другой повод для гордости – город счи-

¹ В восьмидесятые-нулевые годы – обобщенное название для молодёжных субкультур

тается криминальной столицей области. Обычные заголовки криминальной хроники – расчлененные женщины, расстрелы предпринимателей, массовые убийства, мёртвые дети. Есть и свои маньяки, серийные убийцы.

Ну и, конечно, отдельной строкой – наркотики. Через город на границе идёт наркотрафик из Средней Азии. Когда учился в школе, в кустах школьного двора шприцы валялись горами, убирали их на субботниках. Наркоманы также внесли свою лепту в криминальную статистику, неплохо разбавив её убийствами и ограблениями. У меня же сама мысль о внутривенном приёме наркотиков вызывала брезгливое отвращение, граничащее с паникой.

Другое дело – конопля. В наших краях она растёт повсюду, начиная с порога. За домом – целые конопляные поля. Впрочем, по убойному воздействию она довольно слабенькая, но в детстве казалась ничего. Прекрасно годилась хоть для курения, хоть для изготовления манаги².

А ещё конопля – очень удобный способ для мусоров повышать статистику. Поймают какого-нибудь бедолагу, и лупят его, пока он не согласится нарвать травы и положить себе в карман. После чего его можно задержать за хранение наркотиков.

Несмотря на разгул уличной преступности, больше всего боялись всё-таки именно мусоров. Все знают, что там происходит в отделениях милиции. Об этом в газетах в каждом номере пишут. С юных лет узнаёшь, что такое «слоник»³, как мусора хватают первых попавшихся ребят и подвешивают их в кабинетах, избивая и требуя взять на себя побольше дел.

Ударные методы работы дали стражам порядка замечательную статистику – в начале нулевых раскрывались 80% уголовных дел. Впрочем, преступность всё равно росла ещё более ударными темпами. На пресс-конференциях милиционеры жаловались, что у них не хватает людей для того, чтобы

² Каша из конопли

³ Пытка, применяемая российской полицией в отношении задержанных. На жертву надевается противогаз и перекрывается доступ кислорода

заниматься всеми этими делами. А город не даёт достаточно денег на бензин для патрульных автомобилей, поэтому улицы не патрулируются. Но милиционеры искренне старались раскрывать дела стахановскими темпами, не брезгуя никакими методами. Так что, оно и к лучшему, что город не патрулируется – меньше беспредела.

Когда на окраине возвели девятиэтажки, мы с друзьями ходили через весь город посмотреть на них и покататься на лифтах. Тогда это казалось каким-то чудом архитектуры. Становишься у стены, смотришь наверх, и эта громада, тянущаяся к небу, будто падает на тебя. Голова кружится, насколько дома бывают высокими! Такие, наверное, в нормальных городах повсюду. Не то, что у нас – полусгнившие двухэтажные бараки с деревянными полами и, в лучшем случае, пятиэтажки, казавшиеся ранее огромными высотными гигантами. По телеку крутили американские фильмы, показывающие большие города, состоящие из небоскрёбов. Это резко контрастировало с окружающей действительностью. С тех пор, как я увидел девятиэтажки, высокие дома стали для меня символом современного города. Низкоэтажная застройка ассоциируется с родными местами и нагоняет депрессию.

И дойти до этих девятиэтажных домов, скажу я вам, в детстве было настоящим приключением – в каждом дворе можно было нарваться на местную гопоту, из которой состояла почти вся городская молодёжь. Ещё в восьмидесятые здесь всюду расцветала локальная гопарская субкультура – «ништяки». Ребята в смешной одежде – трико, домашние тапочки, рубашки, кожанки, какие-то кепки, творили криминал и поножовщину. К нашим временам «ништяков» не осталось, но немногочисленным ниферам всё равно было довольно тяжело. Даже по улице пройти – уже проблема. Не говоря о рок-концертах.

В убогости российской глубинки неформалы казались чем-то ярким и интересным, каким-то островком разнообразия, доносившим до наших краёв оттенки западной культуры и больших городов. Сначала начинаешь слушать русский рок

восьмидесятых и девяностых, потом «Короля и Шута», «Арию»... В отсутствии интернета приходится искать что-то новое и интересное в магазинах с видео- и аудио-кассетами. А там, кроме «Короля и Шута» и «Арии», из рок-музыки мало что имеется. Впрочем, потом наткнулся где-то на кассету, что-то вроде «10 лучших треков Black Sabbath». Песни ещё из семидесятых, когда на вокале был Оззи Осборн. Black Sabbath шокировали и приводили в неопикуемый восторг сразу же, начиная с самого первого трека — Paranoid. Воистину, лучшая песня всех времён и народов. Смотрел на окружающее убожество строек, промзон, серых бараков и жёлтой степи, а музыка ни в чём не походила на весь знакомый мне мир, и будто бы уносила куда-то далеко, в большие города, где высокие дома и вообще всё по другому.

Нашим краям больше подходил другой саундтрек — принявший постпанк из соседнего Казахстана. Ермен Анти из группы «Адаптация» описывал социальную реальность российской и казахстанской провинции. Приезжал к нам в город, давал концерты-квартирники, и говорил задумчиво: «ваш город, в принципе, тоже к моим песням можно отнести».

Вечером по рабочим кварталам пройдуь,
Там, где город меняет лицо на ебло,
Там, где в грязных общагах дети хавают хлеб.
Там, где водка, наркотики и туберкулёз.
Вижу и понимаю — кайфа больше нет!
Ну а рядом-то — совершенно иная жизнь,
Здесь сытые дети бесятся с жиру.
И не охота бедным в Майями или Париж.
А вот Актюбинск, Челкар, Мартук — вот это престиж!
Мне обещают 2030-й год,
А что мне делать — я буду ждать его.
Я буду уже лысый, я буду без зубов,
Мне тогда будет уже 56 лет⁴.

⁴ Адаптация — «Кайфа больше нет»

Уже там, в этих песнях, под тоннами провинциальной тоски и разочарования читался мощный протестный посыл, который направлял ход мыслей слушателей в нужное направление неприятия этого мира.

Так что довольно рано я стал колхозным патлатым говнарём⁵. Приятного в такой глубинке в этом мало — неприятности можно было найти повсюду, вся молодёжь города смотрела на нас с ненавистью и презрением. И, конечно, у нас было много проблем. Это закаляло, со временем мы уже сами цеплялись к гопникам. Всё горел идеей начать целенаправленно их вылавливать, но старшие ребята просто посмеивались.

Но всё равно, мы постоянно огребали. Нас было мало. Их много, они были на несколько лет старше нас. Двадцатилетние парни в кожаных пальто и кепках-гоповках, смотрящие на меня с сияющими яростью глазами. Они хотели бы порезать меня, тринадцатилетнего патлатого пацана в балахоне «Iron Maiden» прямо здесь и сейчас, но это невозможно. Никогда я больше не видел взгляд, столь преисполненный ненавистью. Чистая, испепеляющая тебя взглядом ненависть.

Был случай, пришлось мне драться с одним пареньком. Повалил его и начал выдавливать ему глаза. И он как заорёт

⁵ Оскорбительное прозвище для неформалов, в частности — любителей русского рока, панка и тд.

страшно, панически. Я тогда подумал ещё – что я делаю, я ещё совсем ребёнок, и такому же ребёнку глаза выдавливаю. Поднялся, но он снова полез в драку, и эта ситуация повторялась раза три или четыре. В пятый раз повалил он меня, и нормально так попинал. Ухрамывая оттуда, понял, что жалость, наверное, была лишней. А драться так и не научился, так и остался неуклюжим и слепым.

Любимым местом тусовок же в детстве были холмы на окраине. В одну сторону с них открывался вид на наш город – страшный и большой, с уродливыми трубами заводов, рассыпанных повсюду. А в другую – вид на жёлто-коричневую степь, лесочки и промзоны соседнего города, и густой чёрный дым из таких же огромных уродливых труб, идущий в нашу сторону.

Либо же тусили на всевозможных стройках. У меня была обеспеченная семья, жили мы в частном секторе, и за домом открывался целый строящийся район всевозможных буржуйских коттеджей. Наши сверстники от скуки, бывало, бомжей били и убивали. А мы эти коттеджи разносили, ломали там всю технику, поджигали их со всем богатством. Особенно полюбилась стройка, которую мы ласково прозвали «Круши-ломай», расположенная по соседству с нашим постоянным местом тусовок. После учиненного погрома, хозяева укрепили её железными дверями и решётками на окнах. Мы восприняли это как вызов, и постоянно проникали туда снова и снова, находчиво обходя всё новые укрепления. Хозяин недостроенного дома напивался с горя, приходил к нам, и говорил, что знает, что это мы его стройку ломаем. И однажды он нас там поймает и тогда будет говорить совсем иначе.

И, однажды, действительно поймал. Кто-то курил на крыше, а мы играли в подобие боулинга на втором этаже, выбивая молотками и кувалдами куски стены, ставя их на окна, и сбивая другими выбитыми кусками. За этим делом он нас и застал. Сдал в милицию. Те очень обрадовались, что им привезли злоумышленников на блюдечке, и самим делать ничего не

пришлось. Но хотя опера и грозились начать пытаться нас, мы всё отрицали – ничего не знаем, весь район туда лазит, а мы вообще там в первый раз. Кто ещё лазит не знаем, ни с кем не общаемся. Так что, в итоге, отпустили нас без последствий.

Ну а мы в ходе погромов нашли неплохой способ заработка. В очередной стройке был подвал, запертый на массивную металлическую дверь. Выбить дверь мы не могли, так что просто пробили дыру в стене, построенной из каких-то плохоньких блоков. Внутри нашлись настоящие сокровища, какие-то стройматериалы, которые можно было кому-нибудь толкнуть. У парня из нашей компании как раз недавно освобожденный из колонии отец. Мы попросили его помочь вывезти эти богатства. Батя кореша приехал, загрузил всё в автомобиль, уехал, продал сам, деньги оставил себе. Нас неудача не обломала, и мы начали вскрывать стройки уже целенаправленно, чтобы воровать то, что может представлять какую-то ценность – различные стройматериалы, технику или медный кабель. Чтобы освободить его от изоляции, мы тащили кабель на «нашу» стройку. Там разводили хорошенький костёр, в котором и «переплавляли» проволоку. Продавали всё это, и ездили в другой конец города на рынок, где находили всевозможные ниферские шмотки, за которые потом имели проблемы на улице. Как-то так и жили.

Дома, впрочем, тоже всё было не слишком хорошо. Регулярно приходилось уходить оттуда и бродить по ночному враждебному городу. И тоска от уродливости окружающего мира усиливается отчаянием безысходности, когда некуда пойти. И вот ты просто оказываешься ненужным лишним человеком без своего места. И ты просто идёшь, и идёшь, и идёшь... Летом ещё ничего. А вот зимой замерзаешь так, что не чувствуешь своих ног. Сперва их будто ножи режут, и они горят морозом, и потом коченеют и уже почти их не чувствуешь, и ступни, затвердев, уже плохо слушаются. И всё на свете проклинаешь, и чувствуешь себя бездомной собакой, и мечтаешь просто вырваться из этого ада. На кассетном плеере в наушниках уже что-то поновее, какой-нибудь Lumen,

с их идеализмом и максимализмом. Поют про промышленные районы и загаженные подъезды, откуда хочется сбежать, про милицееское насилие, про какие-то внутренние дилеммы, которые стоят перед каждым подростком. А потом призывают к бунту, воспевают протест против государства. Для меня они стали чем-то вроде саундтрека бездомных холодных улиц, по которым я слонялся подростком.

Но когда, наконец, покидаешь этот город – он остаётся где-то глубоко внутри, и становится частью тебя. И сердце переполняется иррациональной тоской и чувством безысходности при виде промзон или уродливых провинциальных пейзажей. И находишь какое-то успокоение в длительных бесцельных прогулках. Всё, однажды случившееся с нами, впечатывается в нашу личность, остаётся с нами до самого конца, хорошее и плохое. И никуда от этого уже не деться.

* * *

Когда переехал в Подмосковье, стало попримичней. Бухали водку или чуть менее невкусное пиво. Какое-то время собирались пить в квартире знакомого, но потом того зарезали, и теперь по ночам мы перебирались в подъезды. Под утро приходил домой, в халупу, в которую мы переехали. Мы с братом живём в разваливающейся пристройке с отдельным входом от основного дома в частном секторе, зимой здесь невыносимо холодно. В морозы раковина замерзает, из крана вырастает сосулька. И крысы – они повсюду. На улице, испуганно перебегают дорогу. Дома, разбегаются при моём появлении. Больше крыс я увижу, наверное, только в Париже. Дома я читаю Штирнера⁶ и исторические книги об анархистах-террористах, что выбирались из трущоб в правительственные кварталы и взрывали там вообще всё – богатых, чиновников, судей, жандармов... Утром – школа, высыпаюсь на занятиях и иду бухать дальше.

⁶ Немецкий философ 19 века, идеолог анархо-индивидуализма

Наша тусовка – обычные ниферы. Через пару лет я перестану с ними общаться, так как они заразятся нацистским бредом. Вообще говоря, в нулевые годы нацизм среди молодёжи был распространён поголовно. Быть нацистом было совершенно нормально. Весь район, куда я переехал, был исписан свастиками, надписями «skinhead», «хачей на ножи» и подобными. А сами правые скины, были, кажется, вообще в любом дворе.

Да и стоит ли говорить, что нацисты пользовались колоссальной поддержкой в обществе? Не только подростки, но и взрослые люди одобрительно высказывались о скинхедах, яро приветствуя борьбу с «понаехавшими». Даже учителя в школе, в которой я учился, не могли сдержаться от восхваления скинов. Всё наше общество было больно.

Была, наверное, в этом своя романтика. Все смотрели «Romper Stomper», слушали «Коловрат», пересказывали друг другу ролики «Формат 18». Нацистская идеология и красивая боевая музыка, взывающая к чувству героического в человеке, давали подросткам из серых российских городов почувствовать себя не шпаной или отбросами, но кем-то большим. Не знаю, что их вело в большей степени – ненависть к чужакам, уличная мода, желание приобщиться к чужой силе, к большому движению, или же та самая экзистенциальная тоска, бессмысленность нашего существования, отсутствие каких-либо перспектив в жизни. Но массовая культура кормила всех нас образами героев и обещала интересную яркую жизнь, насыщенную приключениями и историями успеха. На деле же заняться всем нам было решительно нечем, жизнь была скучна и не обещала в будущем вообще ничего, кроме алкоголя и унылой работы. Радикальные движения же давали возможность убежать от этого, найти для себя великую цель, на пути к которой можно вообразить себя кем-то другим. Не знаю, кем воображали себя эти ребята – древнерусскими воинами, солдатами СС или героями фильмов об ультранасилии. Но по факту они оставались теми же подростками с окраин, тупыми и злобными.

У нас на районе, помимо того, существовал особый объект, используемый скинами в пропаганде расовой войны. Совсем недалеко от меня, на соседней улице, располагался роскошный дворец, выстроенный на заре девяностых и украшенный античными колоннами, витражными окнами, итальянской росписью стен и потолков. Красота, в общем! Жил во дворце некий цыганский барон, сделавший себе состояние на торговле наркотиками и похищении людей. И дворец его внушал в людские сердца справедливое чувство социальной розни, конвертируемой нацистами в расовую ненависть. Только вот сами скины, почему-то, воевали не с наркоторговцами, а творили насилие против случайных людей, трудящихся честных людей. Цыганский дворец же, в конце концов, взяли штурмом силовики. Наркобарон уехал в места не столь отдалённые, а заброшенный особняк стал самым, должно быть, роскошным притоном для бомжей и наркоманов. Пока, наконец, не сгорел в десятые годы. Всё, что сделали правые – изрисовали стены дворца свастиками уже после посадки его хозяина.

Как-то мне позвонил мой друг Бензин, полный энтузиазма – ему срочно нужно было что-то мне рассказать. В подъезде, в котором мы пили водку, он поделился со мной своими соображениями.

– Слушай, что ты думаешь о сионистах? – спросил меня Бензин, передавая бутылку и пакетик апельсинового сока для запивки.

– О ком?- Сионисты. Это еврейские нацисты. Оказывается существует тайное общество, которое правит миром. Мне сегодня батя рассказал.

– Никогда об этом не слышал.

– Я тоже не слышал, пока батя не рассказал. Теперь то я понимаю, почему люди не любят евреев. Никогда этого не понимал. Вот знаешь, например, Андрея?

– Полный такой, с длинными волосами?

– Ага. Он вот их ненавидит. Когда узнаёт, что кто-то еврей, сразу в драку лезет.

– А чё они сделали то, евреи эти?

— Ну они создали сионистский заговор, и теперь правят миром, поработили вообще всех. У власти теперь одни евреи. А все остальные народы живут в нищете, то есть если ты русский, то ты всегда будешь нищим. А во власть берут только евреев. Погоди, я тебе сейчас такую песню включу, зацени!

В прокуренном подъезде, в котором расположились распивающие водку подростки, на дешёвом мобильном телефоне заиграла довольно красивая песня. До сих пор жалею, что у анархистов нет таких песен. Красивая музыка и возвышенная лирика повествовали о бедах Руси, обвиняя евреев в захвате власти и стравливании братских белых народов. Такая музыка способна достучаться до каждого сердца и поднять его на борьбу. Но мне, честно, пассажи про евреев, захвативших власть, показались очень стрёмными и сомнительными.

Был ещё правый алко-металлист Вульф, который всегда читал плохую литературу в духе «СС — наследники Тевтонского Ордена», но никто всерьёз этого никогда не воспринимал. Рассказы про сверхвоинов СС всегда чередовались с фантастическими историями в духе РЕН ТВ, или байками из жизни самого Вульфа, каждая из которых была наполнена мистикой. А потому воины СС вскоре в моём сознании заняли место где-то рядом с Вангой и внеземными цивилизациями, построившими пирамиды.

Иногда с нами подтусовывал какой-то правый скин. Мы с ним никогда особо не общались, просто тусовались в одной компании. Как-то в очередной раз я оказался на улице — то ли ушёл из дома, то ли меня выгнали. В таких ситуациях я обычно просто бродил по улицам. Пока ты идёшь, тебе не холодно. Ночью можно залезть в какой-нибудь подъезд или переночевать в электричке.

Недалеко от дома встретил этого скина. Тусили с ним полночи, и он поведал мне о Русской Освободительной Армии⁷, что хотела освободить Россию от власти большевиков. Но я, на

⁷ Военные части из русских коллаборационистов, сражающиеся во время Второй мировой на стороне нацистской Германии

самом деле, тогда ничего не понял, кроме того, что у него дед в этой РОА служил, по его словам.

Продолжили нашу беседу в другой раз. Я возвращался зимней ночью с панк-концерта, и недалеко от железнодорожной станции увидел его. Он стоял растерянный, совершенно не понимая, куда ему идти. На этот раз из дома выгнали его. Ну, обычное дело, решил чуть затусить с ним, чтобы поддержать морально.

– Бля, братан, спасибо тебе. Я тут стою охуеваю, вообще хуй знает, куда идти.

– Давай, ща пивка возьмём – направляюсь к небольшому магазину в ближайшем дворе.

– Стой, ты чё, это же кавказский магаз.

– И чё?

– Бля, ну чувак, у них там крысы, все продукты просроченные. Я тебе точно говорю, я там такую крысу видел, просто охуеть. Они по дешёвке скупают просроченные продукты у крупных магазинов, а нам продают их по завышенным ценам. Давай лучше до «Магнита» дойдём...

Зима, холодно, и неплохо бы найти какое-то укрытие на ночь для чувака. У него другая стратегия. Не ищет дома с незакрывающимися подъездами, а звонит в домофоны.

– Откройте, милиция.

– Откройте, почта.

– Откройте, скорая.

– Скорая? Ну так звоните в ту квартиру, в которую вы приехали.

– У них не работает домофон, откройте.

– Вы в какую квартиру?..

Совсем околевав от холода, скин пытается вписаться в заброшенные здания недалеко от станции. Схватив кусок трубы, врывается внутрь с воинственным криком. Там пусто.

– Чё ты делаешь то?

– Ну мало ли, в таких домах могут бездомные жить. Пиздец, ненавижу бомжей этих ебанных – сетует скин, сам оказавшийся в положении бездомного.

С сомнением оглядываем помещение, заваленное мусором, с обвалившимся местами полом. — Слушай, а что у тебя случилось то? Почему ты домой не можешь пойти?

— Понимаешь, я скинхед. Мы боремся с оккупантами. Вчера пошли накрывать⁸ гастарбайтеров, но они сами нас отпиздили и забрали сотовые телефоны. А дома мне сказали не возвращаться, пока не найду свой телефон... Завтра должны приехать ребята из Москвы на подмогу, с ними мы найдём этих чурок. Знаешь Кису? Лысая такая скинуха московская. Вот должны её друзья приехать. Пиздец тогда этим гастерам. Бля, мы вообще такие дела делаем. Знаешь банк заброшенный сгоревший на Юбилейной? Там вот обычно скины тусят. Недавно вообще цыганку поймали, пустили по кругу и сожгли потом.

И тут я понял, что эти ребята какие-то конченные. Не просто на уровне «нацизм это плохо», что я знал всегда. Не на уровне неправильных политических и эстетических взглядов. Но конченные так, как вообще может быть конченным человек, как серийные маньяки-убийцы. Вся их деятельность пахла кровью и водкой.

⁸ «Накрыть», на сленге молодежных субкультур — неожиданно напасть

МОЙ 2007

Сколько себя помню, я всегда был анархистом. Это не было сознательным выбором. Меня возмущала несправедливость и импонировали образы бунтовщиков. Думаю, в значительной мере это заложено ещё в нашей культуре, избыточной образами восстания. Кино, литература, история, музыка, компьютерные игры, кадры горящих баррикад, что можно увидеть в передачах новостей – всё это формирует весьма привлекательный образ революционера.

Надо полагать, я был довольно впечатлительным ребёнком, но в 16 лет уже мечтал примерно о той жизни, которую мне доведётся прожить в дальнейшем. Прочитав в очередной книге об анархистах, я сразу понял, что это как раз то, что мне нужно. Тогда я зачитывался историями о французском динамитном анархизме, о его героях, с бомбой в кармане и безумной мечтой о всеобщей свободе в сердце... Равашоль и Эмиль Анри⁹ казались чем-то далёким и фантастическим, персонажами художественной литературы. Но очутившись в Париже 13 лет спустя, я стал всюду наткаться на памятные надписи, посвященные им; на места их боевой славы, чьи забытые названия всплывали из глубин памяти. Незабываемое впечатление – попасть в мир прочитанных в детстве книг, когда на твоих глазах оживает ранее сказочная и ненастоящая вселенная. Наверное, это сродни тому, как поклонники Толкина очутились бы в Средиземье.

Но это сейчас. А тогда я горел жаждой справедливости и борьбы. Дорвавшись до интернета, я первым делом устано-

⁹ Французские анархисты конца 19 века, устроившие серию взрывов в Париже. Оба были казнены, их выступления в суде стали манифестами анархистов-террористов начала 20 века.

вил контакт с анархистами. С этого и началась вся моя жизнь. С небольшим количеством столь же юных товарищей я не пропускал ни одной анархистской акции, ни одного социального конфликта. В равной мере нас гнали вперёд стремление к справедливости, вера в анархию и желание побузить. А что ещё нужно в 17 лет? В этом возрасте я, практически ежедневно, забыв об учёбе и чём-либо ещё, участвовал в борьбе с точечной застройкой в Москве. Власти города сносили частные дома простых москвичей и детские площадки с зелёными насаждениями во дворах многоэтажек. На их месте возводились новые квадратные метры для рынка недвижимости. Жители, естественно, протестовали. Их поддерживали анархисты и всевозможные коммунисты.

С утра едешь на стройку на улице Маршала Бирюзова. Местных активно мутузят нанятые застройщиками бандиты при полном попустительстве ментов. После – поездка в Бутово, где власти сносят целый район из частных домов. Частный сектор порой больше напоминает деревню. Дороги здесь всегда плохие, полно зелени и грязи, посреди которых выстраиваются оцепления ОМОНа, перегораживая улицы. Пропускают только по прописке. Потом будут штурмовать деревенские заборчики и сараи местных жителей.

Вечером – очередная стройка, она может находиться где угодно. Бегаешь с местными жителями и активистами по строительной площадке, как по большому футбольному полю. Ломаешь заборы, опрокидываешь технику, убегаешь от прибывших ментов. Омоновцы с зажатыми под мышками шлемами бегут на позиции. Когда всё заканчивается, убегаешь дворами от мусоров и непонятно откуда вынырывающих тебе наперерез милицейских машин. И вот ты уже успешно скрылся, и идёшь к метро, и чудится тебе, что каждый проезжающий мимо ментовской экипаж – это за тобой, и готовишься бежать, как только он затормозит, и мышцы напрягаются, но машина проезжает мимо. Каждый день одно и то же.

А утром может разбудить звонок от знакомых анархистов. Срочно нужна помощь, менты штурмуют очередной дом в Жулебино. Сейчас там, как и в Бутово, частный сектор. А спустя десять лет вырастет приличный современный район с метро и многоэтажками. Быть может, такой прогресс и к лучшему, но жители тех домов по какой-то причине не особо желали расставаться с единственным жильём ради развития района. И вот двух сестёр из числа местных жителей, особо активных в организации протестов, рано утром навещают милиционеры. Одну из них избивают и забирают в отделение, вторую удаётся отстоять прибывшим анархистам. К середине дня удаётся собрать несколько десятков человек местных жителей и всевозможных активистов – либералов, анархистов и коммунистов. Идём к отделению полиции требовать освобождения задержанной. На входе на территорию отделения нам наперерез кидается мент с автоматом, снимает его с предохранителя и истерично кричит «на место, блядь, всех перестреляю». Депутат от партии «Яблоко¹⁰» Митрохин показывает депутатское удостоверение. Менты вырывают удостоверение и выбрасывают его в урну, самого депутата уводят в отделение и там избивают, выпуская взамен задержанную утром местную жительницу.

В другой раз, во время разгона очередного народного схода, Митрохин просто стоит и взирает на происходящее с тоской и некой беспомощностью во взгляде. Именно беспомощность, наверное, лучше всего характеризует ситуацию, когда ты вроде бы и депутат, но реальной власти у тебя ещё меньше, чем у самого рядового мента, и все твои попытки помочь простым людям ни к чему не приводят. Для меня депутат Митрохин стал настоящим символом бессилия закона и легальных методов. Всё решает грубая сила, количество и организация. Кто сильнее, тот и прав. И даже если ты депутат, и пытаешься

¹⁰ «Яблоко» – либеральная партия, до 2007 года имевшая представительство в Государственной думе

помочь простым людям – ты будешь абсолютно бессилён это сделать, так уж устроена система.

Теперь ассоциации с осенью у меня изменились. В это время года начинается политический сезон. Летом – затишье, все разъезжаются. А осенью уличная политика возобновляется с новой силой. Полные народа площади, в лужах на них отражается серое пасмурное небо, флаги развеваются на ветру, вокруг автозаки, менты в пятнистой форме, люди в штатском зорко высматривают молодых экстремистов...

Кажется, первой моей демонстрацией был 90-летний юбилей Октябрьской революции, куда анархисты вышли в составе колонны красных скинхедов¹¹. Колонна редскинов на юбилее революции – 50 человек под чёрными флагами – движется по центру Москвы. Впереди белый баннер «Redskins» и перечеркнутая красным черная свастика. Впрочем, то, что она перечеркнута, в темноте видно плохо, и издали выглядит, кажется, просто свастикой. Публика – собственно, те самые красные скины. Вышедшие из Авангарда Красной Молодёжи¹² ребята по скиновской моде, очень активные в плане уличного антифашизма. Лонсдейлы, модные джинсы, какие-то кепки. Всевозможные анархисты, присоединившиеся к демонстрации – зачастую взрослые уже дядьки и тётки, многие со следами ниферской юности. Некоторые напоминают каких-то хиппи, но большинство выглядят, что называется, «по обывале¹³». Ну и мы с компанией моих новых товарищей – говнари в косу-

¹¹ Красные скинхеды, редскины – скинхеды, придерживающиеся коммунистических идей.

¹² «Авангард Красной Молодёжи» – молодёжное коммунистическое движение, заметное и популярное в первой половине нулевых.

¹³ «Обывалы» – пренебрежительный термин, применяемый представителями субкультур по отношению к «обычным», несубкультурным людям. Быть одетым «по обывале» – одеваться обычно, не выглядеть субкультурно.

хах и ниферских балахонах с названиями рок-групп. Совсем маргинальные ребята, молодые анархисты. Длинные патлы и покоцанная косуха довершают мой говнарский образ.

Лозунги у нашей колонны соответствующие. Если учесть, что это блок на демонстрации, организованной КПРФ, зрелище получается и вовсе увлекательное. Идут колонны пенсионеров под советскими флагами, требуют воскрешения Сталина и возвращения Советского Союза. И между ними втиснулся небольшой чернознаменный блок субкультурной молодёжи, орущей «редскин, редскин, ой, ой, ой¹⁴!», «скинхед не было, скинхед не расист! Скинхед – рабочий, скинхед – социалист», «Шарп¹⁵ и раш¹⁶, бона¹⁷ ебашь!». Кричалки от бога.

Рядом движется колонна «Авангарда Красной Молодёжи» под предводительством Сергея Удальцова. Красная молодёжь выглядит стрёмно. В лучшем случае, как мы с товарищами – какие-то говнари. А мы выглядим очень плохо. Хотя для нулевых в самый раз. Проблема красных, что они и в следующем десятилетии будут выглядеть также.

Кто-то из скинов объясняет мне:

– Чувак, косухи – это прошлый век! Это уже давно не модно, говнарство какое-то.

Нелюбимый всеми Удальцов кричит в мегафон: «а вот рядом идут наши товарищи, анархисты и красные скинхеды. Это наши союзники...». «Иди нахуй» кричит ему один из редскинов и порывается продемонстрировать всю глубину своих това-

¹⁴ Oi – музыкальный жанр, разновидность панк-рока, играемого скинхедами.

¹⁵ Шарпы, SHARP – от английского **Skinheads Against Racial Prejudice** – скинхеды против расовых предрассудков. Скинхеды, придерживающиеся антифашистских позиций, но не разделяющие левых политических взглядов.

¹⁶ Раши, RASH – от английского **Red And Anarchist Skinheads** – красные и анархо-скинхеды. Общее обозначение для скинхедов, придерживающихся левых взглядов, коммунистических и анархических.

¹⁷ Оскорбительное прозвище ультраправых скинхедов-нацистов. Сокращение от «бонхед», **bonehead** – «костеголовый», «долбоёб».

рищеских чувств. Его удерживают на месте друзья. Оценив товарищеский порыв, Удальцов отводит свою колонну подальше.

Никогда больше не видел такой эпичной атмосферы с такими замечательными лозунгами на политических демонстрациях.

* * *

Анархистская музыка была злой и прямолинейной, резко контрастируя со всем, что я слышал ранее. Она оглушала, шокировала, побуждала действовать. Грубая примитивная музыка сопровождалась не пением — криками вокалиста, вдалбливающего в тебя столь же примитивными текстами простые истины. Особенно преуспели в этом беларуские панки.

Нет человека, который может решать за других!
Нету суда, который был бы всегда справедлив!
Нету правительств, что думают о нас!
Нет президента — избранника масс!
Нету бога, который будет заботиться о нас!
Нету милиции, которая будет нас защищать!
Нету родины, которой нужен наш долг!
Нету реальности в экране голубом!¹⁸
Недовольные люди выходят на улицы,
Милиция готовится к новой войне.
Тупые ОМОНовцы и жирные политики -Вы никогда не будете на нашей стороне!
У конфликта не бывает решения,
Когда аргументы — дубинки и газ!
Тупые ОМОНовцы и жирные политики -
Они никогда не будут за нас!
Ваша машина полицейского контроляИ весь политический аппарат!
Нет перспективы, будущего нету,
Мы по разные стороны баррикад!¹⁹

¹⁸ Песня группы **Contra la contra** — «Думай головой»

¹⁹ **Contra la contra** — «По разные стороны баррикад»

Так вопила из колонок вокалистка группы Contra la Contra, озвучивая то, что смутно подозревал каждый из нас. И тут-же призывала:

На улицах только фашисты
Или ублюдки-менты
На улицах националисты
PHE²⁰, БПСМ²¹, но не ты!
ВЫЙДИ НА УЛИЦУ, ВЕРНИ СЕБЕ ГОРОД!²²

И вот мы выходили на улицы, и превращали строчки из песен в лозунги:- Выйди на улицу, верни себе город! Резиновые пули, слезоточивый газ – подарок президента для народных масс!

Другие белорусские группы были не менее радикальными.

Верить ли ты в перемены,
Для такого отброса, как ты?
Когда решают твои проблемы
Политические скоты.
Реакцией на протесты
Почему-то всегда был арест.
А удары ментовских дубинок
Превращались в стук наших сердец.
Кулаки превратились в ладони.
Ладони закрыли рты.
Если политики что-то меняли,
То не для таких как мы²³.

²⁰ Русское Национальное Единство – движение русских нацистов, очень популярное в девяностых и начале нулевых годов.

²¹ Белорусский Патриотический Союз Молодёжи – провластная молодёжная организация в Беларуси в конце девяностых и начале нулевых годов

²² **Contra la contra** – «Выйди на улицу»

²³ **Bagna** – «Перемены»

Я помню разбитые лица друзей
После ночи в ментовском участке
Я помню довольные лица ментов
Эти ублюдки ничего не боятся...²⁴
8 часов для работы
10 часов для сна
Дни-близнецы с интервалом в секунду
Понедельник, вторник, среда...²⁵

Всего в нескольких строчках их песен содержалась такая отчаянная критика капитализма, государства, равнодушия и «обывательской» жизни, что она полностью согласовывалась с зовом бунтарского сердца, с мыслями 17-летних юношей и девушек, и толкала туда же — на улицы, в борьбу за лучший мир.

«В эпоху прогресса и глобального капитализма, во сколько оценивается человеческая жизнь? Как существа, как раба, как личности? Сколько будет стоить твоя жизнь сегодня? Завтра?

Ты уверен, что живёшь в “справедливом” мире закона и порядка. Кто его создал, кто установил его как норму? Я спрашиваю тебя, кто?

Кто имеет право управлять твоей жизнью? Государство? Ты с этим согласен? Ты готов к наказанию за своё свободомыслие? Ты готов зарабатывать на жизнь, ценою других жизней?

Ты законопослушен. Твоя жизнь: работа, еда, телевизор. Два выходных в неделю — веселись, развлекайся, бухай. Сиди дома и смотри ТВ, и похуй, что где-то идёт война, похуй на смерти других, ведь ты дома в своей камере, в своём концлагере»²⁶.

У российских групп больше преобладала антифашистская тематика. Панк-рокеры и хардкорщики призывали всех на

²⁴ **Bagna** — «Никогда не буду пацифистом»

²⁵ **Bagna** — «Понедельник, вторник, среда»

²⁶ **Antiglobalizator** — intro

борьбу с нацизмом. Культурная московская хардкор-команда «Проверочная Линейка» прямо обозначала проблему:

Забили собой все стадионы,
Заняли все концертные залы,
Повсюду понаехали арийские воины,
Бонхед столицей столица стала!
Меня достала ваша ложь,
Тупые салюты, тухлая гордость,
Хватит пороть беспросветную чушь,
Хватит слушать этих уродов!
Ваше позерство меня заебало,
А ну-ка, давай-ка, убывай нахуй!

Вайт пауэр порядок, арийский диктат,
Беспощадная тупость пэтэушных солдат!
Душа не важна, важна только раса,
На этой хуйне кто-то делает кассу!
Всем диктует нацистское быдло,
Гнать со сцены давно надо было!
Гнать с улиц пьяные орды,
А то быть нацистом уже стало модно!
В этом безумии, в этой борьбе,
Нельзя оставаться стоять в стороне,
Они задушат хардкор, затопчут сцену,
Всему придет Коловрат на смену!
Их всегда больше, нас всегда мало!
А ну-ка, давай-ка, убывай нахуй!²⁷

Питерские панки «Кранштейн» вторили им:

Фашистская агрессия на каждом перекрёстке,
Фашистская зараза хочет подавить,

²⁷ Проверочная Линейка – «Освободите сцену»

Фашистская система фашистскими захлёстами
Хочет мою правду убить
Тупоголовые болваны ходят за фюрером,
Им лишь надо сказать слово»фас»,
Их тупая башка закончила развитие,
Они не видят, у них нет глаз
Бей фашиста, бей сейчас,
Рожей прямо в унитаз,
Бей фашиста автоматом,
Пулю в лоб, башка томатом,
Развивай свою сноровку
Вешай падлу на верёвку
Бей фашиста, бей по роже!
Быть живым фашист не может
Геноцид мне режет вены,
Геноцид в потоках СМИ,
Мы повесим президента,
За всю кровь, что пролили.
Пока есть власть над человеком
Человек — кусок дерьма,
Мой товарищ с пистолетом
Я вчера убил мента²⁸
Борьба или ужас быть угнетённым,
Смерть или жизнь под знаменем чёрным,
Свобода одна, и её не отнимешь,
А если отступишь, то навсегда сгинешь.
Вперёд же товарищ, скорей дави мразь!
И хватит всего нам:
И правды, и духа!
Победа за нами, терпеть хватит грязь,
Подохнет навечно имперская сука!
Свет или серость квадратной системы,
Мы скоро разрушим серые стены,

²⁸ Кранштейн — «Антифа»

Фашизм не пройдёт, смерть козлам-патриотам,
Для нас нет границ, война-властям, мир-народам!
Страх или дух в глазах миллионов,
На охоту поехал автобус с ОМОНОм,
Борьба или ужас быть угнетённым,
Смерть или жизнь под знаменем чёрным!²⁹

А «Ничего Хорошего»? Петрозаводская группа, в 2007 году их бодрый стритпанк был настоящим глотком свежего воздуха, чем-то новым и ярким. Тексты, в духе того времени, звали на баррикады:

Мне вчера приснился ночью
Долгожданный сон
Сон о том, о чём мечтаем
И о чём поём
Тысячи людей сорвались
Со своих рабочих мест
Тысячи людей собрались
Вместе выразить протест
Я поджигаю молотов коктейль
И запускаю его в милиционеров
Я поджигаю молотов коктейль
Я отвечаю так на вызовы системы
Мусора идут рядами
Прямо на толпу
Всюду крики, всюду флаги
Улицы в дыму
На проспекте Ленина
Огромные горят костры
Польхает мэрия
Банки все разнесены!³⁰
1 мая в Брюсселе справляют

²⁹ Кранштейн — «Имперская сука»

³⁰ Ничего хорошего — «Молотов Коктейль»

Баррикады
В Лондоне тоже народ воздвигает
Баррикады
Снова я вижу в предместьях Парижа
Баррикады
В Риме, Мадриде, Стокгольме, Берлине
Баррикады
И только лишь в моей стране
Моей стране
Никто не хочет встать с колен
И никому не нужно здесь
Свободы, равенства и братства
Смотрю вокруг и вижу лишь
Алкоголизм и блядство³¹

Это была музыка подвалов и выбитых окон, мобилизующая молодых людей на баррикады. Сейчас так уже не играют — в какой-то момент, из панк-рока и анархизма ушли вся злость и непримиримость, звучание стало сглаживаться, а тексты всё больше повествовать о какой-то ерунде.

Тогда же это был новый мир для нас. Для кого-то дверь туда приоткрывали политические идеи анархизма, для кого-то панк-рок или хардкор. Нам предлагалась целая культура, большой комплекс понятий, о которых раньше никто не слышал. Равенство мужчин и женщин, людей всех культур и рас, защита прав животных, стрейтэйдж³², веганизм³³, сквоттинг³⁴, антифа³⁵,

³¹ **Ничего хорошего** — «В моей стране»

³² **Straight edge, SXE.** Субкультура, вышедшая из панк-рока, провозглашающая отказ от употребления алкоголя, наркотиков, случайных половых связей и тд

³³ Отказ от мяса и продуктов животного происхождения

³⁴ Занятие пустующих помещений

³⁵ Радикальное боевое крыло антифашистского движения, прибегающее к насильственным методам в борьбе с неонацистами

чёрный блок³⁶, дияйвай³⁷ – всё это вывалилось нам в головы, и окрасило окружающий мир совершенно иными красками. Борьба за всё хорошее и против всего плохого. Если нацисты были откровенным злом, то мы стали откровенным добром. Образ врага в виде нациста, мента и чиновника был очевиден и понятен. Идеи, предлагаемые нам в песнях и лозунгах – неоспоримо правильны. Свобода, равенство, всеобщее братство, солидарность и право человека быть другим – как можно с этим не соглашаться?

Образы движения, которые мы видели, все эти логотипы и трафареты, были не менее захватывающими, чем лозунги. Цветастое лого «антифашистского действия» и символы западной контркультуры, нанесенные трафаретами на стены и одежды, действовали на сознание молодых ребят также опьяняюще, как двумя десятилетиями ранее логотип «Кокка-колы» и «Макдональдса» пленял умы наших родителей. За этими образами стояло что-то новое, принесенное с запада, к чему мы могли теперь приобщиться. Но если наши родители приобщались к западному потребительскому культу, то мы следовали за протестной антипотребительской контркультурой, которая говорила нам:

ГЛАВНЫЕ В МИРЕ ВЕЩИ – ЭТО НЕ ВЕЩИ
ПОТРЕБЛЯЙ, РАБОТАЙ, СДОХНИ

ПРОТИВ ВЛАСТИ, КАПИТАЛА И НИЩЕТЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ
ЖИЗНИ

Мы видели до того только серость и убогость «обывательской» жизни. Теперь же нам предложили что-то совершенно

³⁶ Тактика, применяемая на протестах в западных странах наиболее радикальными протестующими, как правило анархистами. Все участники одеты в похожие чёрные одежды, что позволяет атаковать полицию и громить улицы и оставаться непопанным

³⁷ **DIY – Do It Yourself.** “Сделай сам” – один из основополагающих принципов панк-культуры, который противопоставляется коммерческой сцене. Заключается в самостоятельной организации концертов, изготовлении мерча, распространении аудиозаписей и тд, без участия специализированных коммерческих фирм

противоположное, идеальный бунт против системы и неправильного общества.

* * *

Время к полуночи, осень. Я бегу по улице, с противоположной стороны дороги слышны выстрелы. Стреляют в нашу сторону. Под ноги мне летят какие-то булыжники, куски бетона или что-то вроде того. Сейчас за нами несутся здоровые такие мужики со стволами и бейсбольными битами. Им не очень понравилось, что мы сломали забор стройки полчаса назад.

Полчаса назад здесь был сход против очередной точечной застройки. Точка, что называется, «горячая», и протесты проходят ежедневно. Жители блокируют подъезды строительной технике, перекрывают дорогу... Порой, их разгоняет ОМОН. Порой – нанятые застройщиком бандиты. Типа тех, что сейчас бегут за нами, паля над нашими головами.

Сегодня сход против застройки проходил достаточно скучно и мирно, так что нам – молодым анархистам и коммунистам – стало даже немного досадно. Просто так, что ли, мы сюда ехали? Наспех собранный отряд малолетних экстремистов зашёл на территорию стройки с тыла, и успел повалить заборы, прежде чем на нас спустили собак.

И вот, по пути к метро, на нас прыгают пустившиеся следом за нами бандиты. Мы – малолетние патлатые дрыщи, явно ничего вооружённым мужикам противопоставить не можем. Потому и бежим.

В какой-то момент они настигают отставших ребят. При свете фонарей в ночи силуэты бейсбольных бит, поднимающихся и опускающихся над лежащими телами, выглядят особенно стрёмно. Но что поделать, когда твоих соратников месят битами? Остаётся только разворачиваться и бежать им на выручку. В ближайшей урне подбираем стеклянные бутылки, разбиваем их – получаются розочки. Весьма сомнительное оружие против бит и стволов, но чего поделать. С каким-то

безумным бешеным криком несёмся на быков. Ну, сейчас мы вам покажем, ублюдки!

- Съеби нахуй отсюда!
- Отьебись от него, мразь!!
- АААААААААААААААААААААА!!!!

Наш зерг-раш³⁸ удался. То ли бандюганы были немного ошарашены рёвом несущейся на них молодёжи, то ли решили, что достигли поставленных целей, но они практически сразу отступили обратно на территорию стройки.

Новость о том, что застройщики совершили вооружённое нападение на протестующих, распространилась довольно быстро. На следующий день здесь собирается внушительная толпа недовольных. Ментов почти нет, и нас достаточно для того, чтобы сравнять стройку с землёй. Вместо этого мы просто перекрываем проезжую часть. Сцепляемся руками в области локтей, выстраивая живую стену, перекрываем дорогу, скандируем лозунги против застройки. Милиция, памятуя причину схода, толерантно отворачивается. В любом случае, они сейчас ничего не могли бы сделать.

После расходимся по домам. Я чувствую себя обманутым. Тогда, в 17 лет, кажется, что любой митинг, любой сход, должны оборачиваться, как минимум, беспорядками, а как максимум – восстанием. Всё остальное кажется предательством, трусостью, соглашательством.

* * *

Мы с Борисом поочередно пилим навесной замок на двери во дворике на Пушкинской. Он обнаружил здесь целый ряд пустых подъездов, пригодных под сквот³⁹, и сегодня ночью мы с подругами отправились разведать помещение. Полночи бухали,

³⁸ Зерг-раш – в компьютерных стратегиях так называют массированную атаку самыми слабыми и дешёвыми юнитами

³⁹ Самовольно занимаемое для жилья пустующее здание

ожидая, пока город уснёт и на улицах не останется случайных прохожих. Теперь, уже изрядно пьяные, взялись за дело.

Девушки стоят на выходе из переулка. По замыслу, они должны стоять на стрёме, но, кажется, они слишком бухие для этого. Вместо того, чтобы смотреть по сторонам, весело бухают и обсуждают последние происшествия радикальных движей.

Я пилю замок, и до меня доносятся сплетни: ...на скиновском гиге⁴⁰ вокалист группы «Mister X⁴¹» заявил со сцены, что они играют музыку для нормальных аполитичных парней, и все «красные мрази» должны покинуть помещение... после концерта была большая драка панков и красных скинов с шарпами... два известных антифашиста заметили за собой слезку... решили, что это нацистский скаут⁴², и избили его... скаут оказался опером... ребят задержали и всю ночь били в отделе... недалеко отсюда, в подземном переходе метро Пушкинская, другому антифашисту нацисты всадили нож в голову... у него как раз тем вечером родила жена, ехал навестить её...

За увлеченной беседой стоящие на стрёме подруги, конечно, пропустили появление милицейского патруля. Первым ментов заметил, как ни странно, Борис, пиливший в это время замок, благодаря чему успел убежать прямо у них под носом.

– Тааак, молодёжь, что тут делаем? – удивленно рассматривают нас мусора.

– Мы котёнка ищем – не теряется подруга. Говорит, впродчем, с трудом.

– Какого котёнка в три часа ночи?

– Маленький такой щеночек, потеряли его. Вот ищем. Хорошенький такой котеночек... щеночек...

– Какой котёнок? Какой щенок? Давайте так, мы сейчас уходим и возвращаемся через пять минут, и чтобы вас здесь не было!

⁴⁰ На субкультурном сленге – концерт

⁴¹ Антифашистская музыкальная группа из Беларуси

⁴² Разведчик

Мы возвращаемся во двор, пытаемся отыскать Борю. Впрочем, он, кажется, уже убежал, и нам его не найти. Продолжаем бухать какое-то время, задумываемся о ночлеге. – Вон грузовик какой-то стоит, можно в нём переночевать.

Подруга, придумавшая версию с поиском котеночка, подходит к старому, выглядящему заброшенным грузовику, задумчиво заглядывает в кабину, после чего начинает долбить по окнам руками и ногами. Стекло сыпится внутрь. Заглянув туда, она выносит свой вердикт

– Нет, там нельзя. Там стекло всюду битое... Блядь, руку порезала!

– Так, блядь! Молодёжь! Я вам что сказал?! – раздаётся крик мусоров со входа во двор.

– Всё, уходим, уходим.

Ловим машину, едем на вписку. Договариваемся на неделе навестить сквот снова, уже на трезвую голову.

* * *

Но все планы перечёркнуты сообщением об очередном сходе против точечной застройки. На сей раз бунтуют жители Чертаново. Даже не раздумывая о выборе, еду на «Чертановскую», предварительно послав СМС товарищам. Как выяснится позже, они тоже совершили правильный выбор. Лишь один Борис поехал в итоге на этот сквот. Жаль, он тоже любит хорошую бузу, и ему, конечно, очень обидно будет узнать, что мы все поехали вместо назначенной встречи на протест, который он пропустил. Ему обидно, а мне стыдно. Но приоритеты есть приоритеты.

В Чертаново весело, народ настроен по боевому. Во дворике посреди многоэтажек капиталисты хотят воткнуть ещё один дом, снеся для этого все зеленые насаждения и прочие радости жизни местных жителей. Те, конечно, очень недовольны, и в час сбора собирается огромная толпа в пару сотен человек. Мужики ныкают ломы и прочие приспособления для ломки забора в припаркованных неподалёку тачках. Мне это нра-

вится. Ненавижу скучные мирные сходы, когда люди стоят, подавятся недовольством и расходятся по домам. Чертановцы настроены очень правильно.

Когда начинается сход, эти достойные люди переходят сразу к делу, и кидаются на забор, ограждающий стройку. Из нычек извлекают на свет божий необходимые инструменты. На каком-то участке орудуют болгаркой, срезают забор. Радостный гул поднимается над толпой. Знакомый анархист заводит толпу, забравшись на забор и размахивая руками с криками «вперёд, братцы! Давайте, братцы!».

Менты вяло пытаются подавить протест, но их сегодня слишком мало. Вижу в толпе и товарищей, с которыми должен был сегодня открывать сквот. Мы группируемся.

Наконец, забор повален. Сама стройка ещё не начата, внутри ломать особо и нечего. Но гнев народный бурлит и требует быть услышанным. В толпе поднимается клич с призывами идти перекрывать трассу. Испуганных ментов, попытавшихся было перекрыть нам путь, мы даже не замечаем. Жиденькая мусорская цепь просто тонет в могучем людском потоке, который выплескивается на Чертановскую улицу и заливаает проезжую часть. Перекрываем все полосы в одном направлении. Менты растерянно встают на другой стороне дороги, ждут подмоги.

Стоим на проезжей части, становится скучно. Активистка Национал-большевистской партии⁴³, которую как раз в это время запрещают, рассказывает нам о репрессиях против нацболов. Центра «Э»⁴⁴ ещё нет, и экстремистами занимаются обычные опера. Они вломились к какому-то нацболу, начали срезать

⁴³ Национал-большевистская партия (НБП) — радикальная партия, популярная в девяностые и нулевые годы, объединяющая на имперском начале ультраправые и ультралевые идеи. В 2007 году судом была признана экстремистской и запрещена. Члены партии называются нацболы (сокращённо от национал-большевик) или лимоновцы (от фамилии лидера партии Эдуарда Лимонова).

⁴⁴ Центр противодействия экстремизму — политический отдел полиции, занимающийся борьбой с оппозицией. «Эшник» — сотрудник отдела

с него ножом татуировку «лимонки⁴⁵». Тот выпрыгнул в окно. Вообще похоже на байку, но на дворе — середина нулевых, и лимоновцев и правда прессуют очень жёстко. Может, так оно и есть, времена жестокие. Всего через месяц в подмосковном Серпухове опера забьют насмерть нацбола Юрия Червочкина. Беседующая с нами активистка же в будущем войдёт в состав прокремлевской молодёжи. Ну а сейчас мы стоим на проезжей части, болтаем. Хотя партия и запретила нацболам участвовать в этих протестах. Мол, протестующие не хотят признавать руководящую роль их партии или что-то вроде того.

Решаем, что перекрыть только половину улицы не очень правильно. Неплохо бы заблокировать движение в обе стороны. Но как увлечь за собой толпу? Определенно, лучший способ — пропаганда действием. Идём вчетвером на вторую половину улицы. Я — молодой патлатый маргинал, и три девушки. Не самый, должно быть, лучший состав для такого действия.

Только мы занимаем вторую половину улицы, сцепившись локтями, как на нас радостно накидываются мусора. В отличии от толпы на другой стороне, мы кажемся легкой добычей. Какое-то время героически стоим под натиском набежавших со всех сторон милиционеров. В конце концов, меня выхватывают и тащат за припаркованный здесь же автозак. Навалившись, парочка ментов начинают превышать должностные полномочия ударами в корпус. Высокий худой мент, скалясь, спрашивает, сколько мне заплатили за эту провокацию.

Спасение приходит неожиданно — из-за угла выбегают мои соратницы. Несутся с перекошенными от злости лицами и очень агрессивным криком «отпусти его, сука!!!». За ними бежит целая толпа мусоров. Не знаю почему, но удерживающие меня милиционеры разбегаются во все стороны от вида этих разгневанных валькирий.

Всё-таки, хорошие у меня подруги. Благодаря таким подругам с самой юности и усваиваешь, что бросать своих непра-

⁴⁵ Изображение гранаты-лимонки — один из символов национал-большевиков

вильно. И если начинают кого-то задерживать — в лепешку разбейся, но отбей товарища. Всегда старался следовать этому правилу. Десять лет спустя уличная оппозиция в ответ на задержания будет лишь снимать происходящее на смартфоны и кричать «позор!». В наше время смартфонов не было, приходилось отбивать друг друга.

Товарки подбирают меня, и вместе мы победно несёмся к основной массе протестующих. Однако, пока подруги отбивали меня от мусоров, нашему примеру решили последовать какие-то комсомольцы. То ли из Союза Коммунистической Молодёжи⁴⁶, то ли из Авангарда Красной Молодёжи, кто их разберёт. Менты уже скрутили комсомольцев, те стоят на коленях. Не сговариваясь разворачиваемся, и несёмся отбивать молодых коммунистов. На удивление, менты, увидев нас, разбегаются. Вероятно, решили что за нами последует вся толпа протестующих. Подбегаем, подбираем коммуняк, и победно возвращаемся все целые и незадержанные к основной массе протестующих.

Настроение уже значительно лучше, стало интереснее. С важным видом к нам подходит Сергей Удальцов — лидер Авангарда Красной Молодёжи. У него непомерные вождистские амбиции, всюду пытается вести себя как начальник. Вот и здесь спрашивает нас, зачем перекрывали ту часть улицы. Просто отмахиваемся от него. Удальцов всех давно уже бесит. Пусть идёт командует своими комсомольцами.

В какой-то момент протест, казалось бы, сдувается. Ничего не происходит, становится совсем скучно. Мы молодые и глупые, и делаем большую ошибку, отходя в расположенный неподалеку супермаркет.

Уже на кассах видим, что магазин резко опустел. На входе люди в штатском что-то говорят охранникам, показывая на нас. Охранник кивает, подходит к нам. — Вы, кажется, что-то украли. Давайте мы вас проверим по одному в подсобном помещении.

⁴⁶ Молодёжное крыло КПРФ

Вообще, повзрослев, я на подобные просьбы всегда буду реагировать довольно агрессивно. Столкнувшись с агрессивной реакцией, охранники обычно извиняются и уходят. Но сейчас мы молодые и глупые, и вместо того, чтобы отказаться, просто предлагаем проверить нас здесь. Товарищ расстёгивает рюкзак, показывая его содержимое...

...на моё плечо опускается рука человека в штатском. «А вас, молодой человек, мы проверим на улице». В ответ на отказ в магазин залетает отряд мусоров. Сходу начинают заламывать меня, выталкивают на улицу, и, после упорного сопротивления, сажают в мусоровозку. Везут в отделение, где собрались лучшие люди страны. Удальцов, какие-то активисты-оппозиционеры, даже КПРФ – в эти времена её рядовые активисты ещё активно участвуют в таких экшенах.

После нашего ухода на место стянулись силы полиции с трёх окрестных отделов. Взяли протестующих в оцепление, из которого выпускали по предъявлению паспорта с пропиской. Так отделяют активистов от местных. Если прописка не местная – значит активист подвергается полицейскому насилию и отправляется в отделение. Если местный – выпускают. На застройках предпочитают работать именно по активистам, считая, что они раскачивают местных на незаконные действия.

Меня, как сопротивляющегося при задержании, ставят лицом к стене, руки за спину. Вскоре привозят и моих товарищей. Все три ОВД забиты. Нас ведут на дактилоскопию⁴⁷. Мы молодые и глупые и даже не думаем отказаться.

Отпечатки пальцев снимают молодые ребята ниферского вида. Завидев меня, широко улыбаются.

– О, ты панк? Мы тоже. А ты какую музыку слушаешь? Мы вот любим группы «Свиньи в Космосе», «Волосатое Стекло»...

В коридоре встречаю мента, что пытался задержать меня во время перекрытия. При встрече он расплывается в улыбке.

⁴⁷ Процедура снятия отпечатков пальцев с задержанных

И спрашивает немного дружелюбно, немного победоносно: «Что, всё-таки взяли тебя?». Радуетя.

После допросов всех на ночь спускают в актовй зал в подвале. В общем то, компания большая и уютная, но я ещё несовершеннолетний, и выпустить меня без родителей не могут. Должны везти в спецприемник. Жалуюсь инспектору по делам несовершеннолетних, что был избит при задержании. Ей, кажется, не очень хочется возиться со мной. Вызывает скорую.

В карете скорой помощи водитель поворачивается ко мне с понимающей улыбкой.

— Ну что, куда тебя везти. На освидетельствование или к метро?

Не веря в удачу, выбираю вариант с метро.

Довозит до станции «Чертановская». Ночь, октябрь, до открытия метро еще пара часов. Затусил с каким-то работником метрополитена. Холодно, и мы пьем перцовку, она отлично согревает. Речь зашла за политику. Собутыльник говорит, что не верит политикам. «Вот только Махно был хороший, за народ. Не то что сейчас. Понаехали все эти чурки. Сталина на них нет!».

Наконец, открывается станция метро. Сотрудники метрополитена проводят меня через турникеты бесплатно. Еду домой весь грязный, в ссадинах, с перегаром.

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ СУД

О ТАКОМ НЕ РАССКАЗЫВАЮТ

В книгах и рассказах участников обычно всё красиво. Истории заканчиваются победой, их герои смелы и непогрешимы, а оппоненты — слабы и трусливы. Жизнь, однако, гораздо разнообразнее.

Год назад нацисты убили антифашиста Александра Рюхина. Александр не был каким-то боевым антифа, он занимался совсем другими делами, как утверждали его знакомые. Например, Рюхин участвовал в акциях «Еда вместо бомб», в ходе которых антифашисты и анархисты раздают бесплатную еду бездомным. И вот Александра убили по пути на хардкор-концерт — за значок с перечеркнутой свастикой его зарезали шестеро нацистов.

Трое из них были вычислены полицией, и сегодня над ними должен состояться суд. Который посетят как сторонники обвиняемых, так и единомышленники убитого.

На месте сбора в метро Борис своих не обнаруживает. Вместо них здесь снуют группы правых скинхедов и футбольных фанатов. Очевидно, антифашисты решили, что более безопасно не мозолить глаза превосходящему их противнику, но добраться до суда по одиночке. Выйдя из метро, Боря натывается на двух парней.

— Эй, парень! Где здесь суд?

— Не знаю — мотает головой Борис. Ведь кто его знает, что это за ребята?

Сев в трамвай до суда, однако, он понимает, что едет с этими парнями в одном вагоне. Вот остановка суда... они выходят вместе с ним. Перед судом уже собралась группа поддержки антифашистов. Никаких серьёзных уличных боевых парней не приехало, только совсем молодые ребята. Непонятно, что они будут делать в случае агрессии со стороны нацистов.

Борис присоединяется к собравшимся антифашистам, что обсуждают последний скандал в нацистском движении. Всем не даёт покоя история с девушкой по прозвищу Тайна СС. Националистка и патриотка имела интимные отношения с одним из лидеров правых скинхедов Максимом Марцинкевичем, более известным как «Тесак». После, по каким-то причинам, она серьёзно переосмыслила своё мировоззрение, и присоединилась к антифашистам. Марцинкевич не придумал ничего умнее, чем слить их интимное видео в интернет. Теперь все обсуждают эту историю. Все любят слухи и сплетни. А оппоненты Марцинкевича по националистскому лагерю и вовсе сделали акцент на маленьком половом органе Тесака, над чем теперь и глумятся по полной.

– Эй, чурбаны! Протеином запахло! – крик сзади сопровождается подзатыльником, отвешенным Борису. Человек пять правых фанатов проходят мимо, и антифашисты ничего не могут сделать. Борис ничего не может сделать, он чувствует былинный стыд за унижение, на которое не в состоянии ответить.

Наконец, антифашисты заходят в суд. В коридоре уже полно правых фанатов и скинхедов, они встречают прибывших левых широкими улыбками. Приставы объявляют

– В зал проходят только родственники!

– Это всё наши родственники! – кричит мать одного из убийц-подсудимых, показывая на толпу правых.

Тем не менее, ни правых, ни левых внутрь не пускают. Они остаются в коридоре одни, и для нацистов начинается самое веселье, они сполна наслаждаются своей силой и унижают молодых антифашистов. Самодовольно прохаживаются по коридорам, отвешивая пинки оппонентам. Кто-то фотографирует антифашистов для размещения на соответствующих ресурсах. И правые и левые ведут сайты, где публикуются фото и личная информация их идеологических оппонентов...

Парни не понимают, что им делать и как реагировать. Девушки же, наоборот, кидаются на нацистов с кулаками и пы-

таются как-то сопротивляться. Впрочем, правых это скорее веселит.

Вскоре находится новое развлечение. Нацисты расспрашивают левых:

– О, слушай, а как ты в интернете подписан? На антифа.ру⁴⁸ сидишь? Какой у тебя там ник?

– Борис – честно отвечает Борис.

– Так, ну тебя не помню, ты мне вроде не грубил. А Ади знаешь? Нет? Жаль, вот его я бы ебанул!

Ещё один бонхед присоединяется к разговору

– А чего вы, шавки⁴⁹, пиздите, что мы ненастоящие скинхеды? Это почему мы ненастоящие?

– Скинхеды изначально были против расизма. Вы знаете, откуда скинхеды пошли? На Ямайке была субкультура рудбоев, это были черные ребята, что играли ска и регги. И среди ямайских мигрантов в Англии были рудбои, от которых английская молодёжь скопировала моду. Так и появились скины. Как можно быть нацистом и приверженцем черной культуры одновременно? Скинхеды-нацисты только в восьмидесятые появились, до этого скины были против расизма.

– А ты знаешь, что первые скины пакистанцев избивали? И они вообще против политики были. Вот вы придумали там каких-то красных скинов, скинов-антифашистов. Что, первые скины антифой или коммунистами были? Не были! Вот я трад⁵⁰ – настоящий скинхед. А антифа – ненастоящие скины.

– А меня знаешь? – над Борей нависает невысокий скинхед с выбитыми зубами. Улыбаясь, он выглядит довольно безобидно и даже добродушно, но это обманчивое впечатление. Близкий соратник Тесака, с тем же добродушным детским выражением лица он снимается в пропагандистских роликах, где советует использовать нож для борьбы с «понаехавшими».

⁴⁸ Популярный антифашистский сайт в нулевые годы

⁴⁹ Оскорбительное прозвище, данное нацистами антифашистам

⁵⁰ Трады – аполитичные скинхеды, не имеющие никаких политических взглядов

Спустя полтора десятилетия выяснится, что он действительно причастен к убийствам мигрантов. — Нет — отвечает Борис.

Нацисты дружно смеются.

— Ну как же, не знаешь. Ты не видел видео с первой Авангарда Красной Молодёжи?

— Да, видел.

Это было довольно известное видео. Под крутой бодрый музон испанских леваков «Орсіо К-95» сменяются кадры. Колонна молодых коммунистов маршируют под красными флагами. На них нападает небольшая группа нацистов. Красные скинхеды в масках-террорках бросаются на нацистов. В следующем кадре наци поднимают упавшего соратника и убегают.

В нацистской среде кадры с этого столкновения тоже разошлись широко, но это были другие кадры. Фото с той самой драки, которая оказалась вырезана в антифашистском видео. На фотографиях этот самый беззубый нацист вырубает коммуниста, и вообще выглядят боны там не так уж и плохо. Понятно, почему коммунисты решили обрезать эту часть со своего видео. После драки у каждого, как известно, своя версия.

— Ну ты сам подумай — широко и дружелюбно улыбается беззубый, — мы тогда прыгнули вдсятером на целую колонну коммунистов, человек сто их было. Никого из нас тогда не приняли, сильно не наебашили, а мы вдсятером целую колонну держали. Красные пиздят, что это они мне тогда зубы выбили, но это пиздёжь, зубы мне таджик ещё задолго до этого случая выбил...

После заседания антифашисты быстро сворачивают заседание суда и бегут на остановку.

На самом суде нацистам удалось подловить и унижить одного известного антифашиста, чем они гордились ещё спустя много-много лет. Шутка в том, что ранее один из этих нацистов был точно также пойман и унижен антифашистами. Такие унижения были с обеих сторон, и они лишь озлобляли униженных, заставляли их кидаться в войну против оппонен-

тов с удвоенной жестокостью. Что-то внутри требовало найти и унизить оппонента также, как ранее унизили их самих.

– Что происходит, не трогайте меня! – девушка плачет и ничего не понимает. Она гуляла с друзьями, когда на них напали мы. Ничего интересного, друзья девушки сразу убежали, оставив её одну.

– Мадам, ваши друзья нацисты – высокопарно отвечает ей Киборг.

– Я не знала!..

– Успокойтесь, мадам, вас никто не тронет.. Вы же понимаете, что нацизм это очень плохо? Ваши друзья убивают людей. Это нехорошо.

Вечно он разговаривает с людьми напыщенно, как с умственно отсталыми. Киборг – такой же неофит от анархизма, как и мы с Борисом. Мы довольно много времени проводим вместе. Вместе гуляем, пьём, обсуждаем анархизм и всё, что прилагается к нему комплектом – вегетарианство, панк, антифашизм. На вписках мы смотрим антиглобалистские фильмы, такие как «Четвёртая мировая война»⁵¹, и так называемое «райот-порно» – ролики с уличными беспорядками с западных стран, и мечтаем, что однажды устроим тоже самое в Москве. Когда мы пьём пиво в подъездах, Киборг рассуждает о грядущей мировой революции и победе анархизма.

Я тоже фанатичный неофит, и читаю много литературы об анархизме. А потому Боря и Киборг постоянно расспрашивают меня.

– А что плохого в глобализме?

– А анархия где-то воплощалась?

– А расскажи про Махно. После того, как меня огорошат вопросами, я понимаю, насколько мало знаю, и дома честно

⁵¹ Имеется в виду фильм 2003 года

читаю об этом у каких-нибудь анархистских классиков, чтобы потом пересказать всё товарищам.

Киборг вообще настроен довольно бескомпромиссно и радикально. Услышав от меня, что важно понимать причины, по которым люди становятся нацистами, он подпрыгивает на месте.

— В смысле, ты что, охуел, блядь?! Не говори такой хуйни. Сперва нацистов нужно понять, а потом зиговать начинаем.

Киборг, вообще — хороший парень, но слишком он заморачивается из-за ерунды. Кажется, он свято чтит всё, что положено чтить настоящему антиглобалисту и анархисту. Я покупаю беляш в ларьке, а он ходит вокруг меня и повторяет:

— Блядь, ты понимаешь, что ради этого животных убивают? Ты трупы жрёшь! Какой ты нахуй анархист, если ты позволяешь убивать животных? Ты же за справедливость и равенство должен быть!

Я покупаю хачапури с сыром, а он ходит и повторяет:

— Блядь, чтобы этот сыр произвести, убивают маленьких телят и используют порошок, получаемый из их желудка. Маленьких, блядь, телят. Они же ещё совсем, блядь, дети!

...

— Блядь, ты что, яйца ешь? Ты знаешь, что такое яйца? Это неоплодотворенная куриная яйцеклетка. Это, блядь, куриные месячные. Пиздец, нахуй жрать месячные?

И всё в том же духе.

Если ты ешь мясо, то в анархистской среде ты что-то вроде неполноценного анархиста. Твоя идейность измеряется тем, что ты кушаешь. Хуже мяса, пожалуй, может быть только одно.

— Блядь, это что, кока-кола? Давай, блядь, спонсируй капитализм! На эти деньги потом корпорации нас же и выебут.

— Ты же понимаешь, что покупая вообще любой товар, ты спонсируешь каких-то капиталистов, корпорации? Чем кока-кола в этом плане хуже?

— Это же символ империализма! Можно покупать товары компаний, не замешанных в очевидном пиздеце!

— Это какие? Сейчас всё под корпорациями.

– Вон Миф продаёт кофе, которое поставляют сапатисты⁵². И никаких корпораций!

– Блядь, и чё теперь, мне один кофе жрать?

– Если не покупать у корпораций, то они разорятся, и весь этот ебанный капитализм рухнет!

Киборг жил в мире простых рецептов и готовых ответов. Следуй антиглобалистской культуре, и так победим. Не уверен, с чем именно было связано дальнейшее разочарование Киборга в идеях анархизма. То ли то, что у него появились друзья среди тех, кого он, как и полагается панку, презрительно звал «обывалами». То ли просто в ходе взросления понял, что простым отказом от кока-колы капитализм не уничтожишь. Чем дальше, тем больше Киборг просто ругает окружение.

– Ну что, ты пойдешь на первомой?

– Да нахуй, эти мудаки санкционированный митинг делают. Пиздец, анархисты, спрашивают разрешения у властей, чтобы помитинговать. – Если тебе это интересно, вечером, после митинга, мы хотим сделать небольшое несанкционированное шествие...

– И хули вы этим добьётесь? Нахуй надо.

– Ой, блядь, мудака, ты заебал уже.

Такие люди, как правило, рассуждают, что только беспорядками можно чего-то добиться. Когда беспорядки, действительно, случаются, они начинают утверждать, что и это ерунда. Только настоящая партизанская борьба может изменить хоть что-то... Появляются и партизаны – и вот, такие Киборги уже заявляют, что и все ночные атаки на милицию ничего не значат. Они приводят пример Греции. Мол, посмотрите, как там. Если бы вы делали также... Они ждут, что кто-то всё сделает за них. И даже слышать не хотят, что движение, подобное греческому, возникало не на пустом месте, что это был длительный процесс, что они, в конце концов, и сейчас занимаются не только войной с государством, но и множеством социальных

⁵² Индейские повстанцы, контролирующие несколько районов в Мексике

проектов, организуют митинги, расклеивают уличную агитацию... Когда движение усиливается, Киборг говорит, что это всё ерунда, а все вокруг идиоты, потому, что нужно становиться «лидерами мнений». «Все становимся лидерами мнений», повторяет он снова и снова. «Я бы сам стал, но у меня нет необходимых навыков».

Однажды воинственный веган отходит к ларьку с шаурмой. Убеденный антиглобалист разочаровывается в контркультуре. Идейный панк становится «обычалой», сосредоточившись на личном успехе. Это – самый распространённый тип, который вы можете встретить в субкультуре. Мне довелось видеть сотни подобных ребят. Пара лет молодёжного бунта заканчиваются, начинается взрослая жизнь.

Или, порой, если хочется сохранить радикальную эстетику, такие люди – токсичные, вечно ноющие и всем недовольные – находят себе новую идею, которая позволяет ничего не делать. Теперь они все уверовали в марксизм. Согласно его заветам, объясняют, что прежде, чем что-то делать, нужно изучить Маркса. Вчерашние анархисты, отлынивающие от любой деятельности, собираются в кружки и обсуждают писанину позапрошлого века. Это успокаивает их совесть – теперь они заняты революционной борьбой.

Иные вклиниваются в либеральные структуры, забывают о своей радикальной молодости и предпочитают более уважаемые идеи правозащиты, хорошего капитализма и честных выборов.

Остаются единицы.

* * *

Лента промышленной машины каждые несколько секунд отрывает пачку пластмассовых деталей. Я должен успеть каждую из них обработать и упаковать. Поначалу получается плохо, я не успеваю. Ваночка, в которую машина выплевывает пластмассу, всё заполняется. Я пытаюсь опустошить её, но это

бесполезно, машина наполняет её быстрее. Вот-вот она будет переполнена, пластмасса достигает краёв ёмкости... В воздухе стоит запах горячей пластмассы. Всю жизнь этот запах у меня будет ассоциироваться с заводом.

12 часов в день я вынужден выполнять одни и те же механические действия. Это совершенно отупляет и подавляет меня. Я пытаюсь жить автономно от тела, и думать о чём-то приятном. Например, об увиденных недавно фильмах про испанских анархистов. Во время революции в 1936 году анархисты были одной из самых значимых сил в Испании. Два миллиона человек – каждый десятый испанец! Они пытались построить новое общество, но всё кончилось так, как всегда кончается у анархистов. Пока они воевали с фашистами на фронте, коммунисты сделали очередной НКВД и всех репрессировали в тылу. Фильмы, кажется, окончились на той же ноте – в первом, пришли коммунисты и всех расстреляли, а во втором обошлось даже без них. В результате упорной борьбы фашисты захватили отряд анархисток-ополченок, и перерезали им горло после изнасилования.

Пытаюсь вспомнить недавний погром, но вскоре прекращаю попытки думать о чём-то хорошем. Думать вообще хоть о чём-либо. Ведь так получается работать ещё медленнее. Нужно концентрироваться на этих маленьких пластмассовых деталях, выпадающих в ваночку. Все 12 часов концентрироваться на одном, не думать. Смена кажется бесконечной. Время ползёт едва-едва. Сколько можно удерживать внимание на одном и том же? Сколько времени можно выполнять одно и то же действие? Час? Два? Я когда-нибудь выйду отсюда? Завод превращается в тюрьму.

Перекур, наконец-то. У меня есть пять минут, чтобы покурить и прийти в себя, подумать хоть о чём-то, кроме этой чёртовой машины. В курилке вижу других рабочих. Они живут так уже много лет, давно привыкли, и способны выполнять работу на автомате, думая о чём-то своём или коротая время за разговором. Они работают здесь каждый день, чтобы как-

то прокормить семью. 12 часов каждый день. Вся жизнь их проходит за этими чёртовыми машинами, в этом оглушающем шуме завода, посреди запаха горячей пластмассы. Мне кажется, что это какой-то ад, будто они уже при жизни загнали себя в преисподнюю. А что им остаётся, с другой стороны? Нужно что-то есть, нужно кормить детей.

Я бы всё отдал, чтобы быть сейчас на каком-нибудь веселом действии, вместо этого завода. Когда тебе семнадцать, это не то, чем ты хотел бы заниматься большую часть своего времени. Теперь я даже вынужден пропускать различные мероприятия, или по окончании смены просто не имею сил, чтобы доехать до Москвы и присоединиться к какому-нибудь хорошему делу.

Хуже всего – ночные смены. Начальства нет, и работяги включают музыку. Теперь грохот машины перебивает какая-нибудь русская попса, от которой хочется лезть на стену. Я засыпаю, а руки продолжают по инерции выполнять одно и то же механическое действие, повышая процент брака. Я борюсь со сном, и каждый раз резко просыпаюсь, одёргивая голову, но вновь и вновь медленно сползаю в дрему, сознание постепенно отключается... новый рывок и усилие воли бьют по голове. Всю ночь я вынужден бороться со сном.

Наконец, машина побеждает, и я перестаю пытаться думать хоть о чём-то, я сливаюсь с ней, и 12 часов живу только этими пластмассовыми деталями. Я прекращаю существовать, перестаю быть человеком, и становлюсь просто придатком к машине. Я больше не принадлежу себе, даже мои мысли мне не принадлежат. Нет ничего более антигуманного, чем этот оупляющий труд. Как там, по Марксу? Отчуждение человека от самого себя? Бытие-для-иного, всё моё существование на протяжении этих 12 часов отсекается от всей прочей моей жизни и сводится к машине, я существую ради машины. Машина пожирает меня, становясь сутью моего существования, вытесняя оттуда всё, что имело для меня смысл ранее.

* * *

Мы с Борисом, по возможности, старались не пропускать ни одной акции. Даже если она, скажем так, не совсем по нашей теме. Так для нас и запомнился 2007 год. Не эмо на улицах и чёрно-розовая клетка, но регулярные акции и погружение в тему анархистской теории и панк-рока. Мы и познакомились на какой-то из этих акций. Кажется, это был очередной сход против точечной застройки.

Вот и на этот раз. Боря ни разу в жизни не был вегетарианцем. Что же он делает в рядах зоозащитников, собравшихся в сквере на Сретенском бульваре? Ну как вам сказать. По правде, большинство здесь собравшихся, из этих двух-трёх десятков парней и девчонок – мясоеды. Вот, например этот светловолосый парень в клетчатой рубашке, со значком ALF на груди. ALF, аббревиатура, которая на русский переводится как «Фронт Освобождения Животных» – очень радикальное международное движение воинствующих вегетарианцев, которые занимаются тем, что освобождают животных из лабораторий, ферм и прочих мест их заточения. В США это движение считается террористическим. А в России это часть радикального фольклора, модный значок для антиглобалиста, с помощью которого ты можешь показать, что ты «свой», тоже в теме. Даже если ты ешь мясо.

Или вот эти три огромных анархо-скина, стоящие неподалёку от Бориса. Тоже едят мясо. Кажется, здесь вообще все, кого знает Борис, едят мясо. Вероятно, как и нас, их привлекает вероятность прямого действия, хорошенького радикального угара. Просто, чтобы вы понимали – в те времена мы получали сообщения об акциях по рассылке. И это был как билет в лотерею: ты приходишь туда, и если тебе повезёт, акция обернётся погромом.

Сегодня они могли быть кем угодно – анархистами, антиглобалистами, противниками точечной застройки, антифашистами или антикапиталистами. Но сегодня они – зоозащитники. И сегодня они идут в офис фирмы, которая делает сайт для

питомника лабораторных животных в Пущино. Приёмник этот особенно гадкий. Проводят опыты над животными, чем уже вызвали гнев мясоедов-зоозащитников. Радикальная молодёжь недавно ворвалась туда с зоозащитными баннерами и горящими файерами в руках. Побили окна, освободили лабораторных крыс. Выпустили их где-то в лесу. Крысы, не привыкшие к дикой жизни, наверное, померли в первые же дни. Но зато они умерли свободными, скажут нам зоозащитники. Да-да, может быть и так... А потом приехала милиция, и всем вломила жёстких физических санкций. Городская легенда радикалов гласит, что задержанных девушек усадили в машины, а парней приковали к милицейским автомобилям и заставили бежать следом. Сколько в этом правды – сказать не могу, меня то там не было.

В общем, радикалы свою борьбу с питомником продолжили, и на этот раз цель – офис компании, которая делает сайт для учёных-садивтов. Когда-то на месте, где теперь располагается офис, был храм апостолов Павла и Петра, но в 1940 году богоборческие большевики открыли на его месте кинотеатр. Человек предполагает, а Господь располагает, как говорится, и это решение, видимо, не слишком понравилось последнему, потому что уже через год, в 1941 году, кинотеатр уничтожен фашистской бомбой, сброшенной с неба. После войны, в 1946 году, забыли и о храме, и о кинотеатре, и открыли здесь экспериментальный институт угольного машиностроения «Гипроуглемаш». Который, после распада СССР, здание приватизировал и стал сдавать под офисы. Один из которых и снимает фирма, ставшая сегодня целью радикалов.

Три десятка разноцветных панков, скинхедов, анархистов и прочих зоозащитников делятся на группы по 4 человека, дабы не привлекать внимание охранников, и прошествуют в бизнес-центр. По красивой, как в кино, мраморной лестнице поднимаются на второй этаж, где вновь собираются в огромную толпу, и шествуют по длинному коридору с красным дощатым полом. Натягивают маски... и врываются в совсем небольшой офис метра три на четыре. Прихожая, в которой

сидит секретарша. Комната за ней. И кухня чуть в стороне. Очень маленький офис. Набившиеся радикалы здесь утрамбованы, как шпроты в банке.

— Мочи вивисекторов! Хуй вивисекции! — орёт Боря, и зоозащитники начинают разносить офис. Бумаги и папки, лежащие в шкафах и на столе, летят на пол. Компьютеры и ноутбуки никуда не летят — радикального запала в 2007 году ещё не хватало на погром столь дорогой техники.

— Закрывай их! Неси ключи! — кричит кто-то из работников, столпившихся в коридоре, и пытается запереть радикалов внутри. Те из зоозащитников, кому не хватило места в офисе, запихивают работников внутрь, утрамбовывая ими находящихся внутри активистов. Во всей этой неразберихе поступает команда «Выходим!», и вот теперь работников выталкивают обратно в коридор, дабы радикалы могли выйти наружу. Вся бригада бежит обратно по коридору, в направлении выхода. Какая-то девчонка, бегущая впереди, падает, но её тут-же подхватывают и поднимают на ноги. На выходе охрана пытается схватить кого-нибудь наугад, но дружное сопротивление толпы, вытягивающей задержанного и толкающей охранников — и вот все на свободе, выбегают из бизнес-центра. Стоящий снаружи на шухере здоровенный пьяный скинхед, видя вываливающихся на улицу своих, радостно орёт им:

— Ребята! Я живой!

Все разбегаются кто куда. Борис с несколькими активистами несутся по Сретенскому переулку. Потом гуляли на Манежке, обсуждали прошедшую акцию, кричали зоозащитные лозунги перед меховыми магазинами и созванивались со своими, выясняя, не задержан ли никто из товарищей. Задержанных в тот раз не было.

Фирменная тактика Удальцова, лидера Авангарда Красной Молодёжи, заключалась в том, чтобы прийти куда-то

толпой, и всем дружно повинтиться⁵³. Чем больше народу задержат, тем больше журналисты обратят на это внимание. Он проводил, в своё время, эту тактику в Авангарде Красной Молодёжи. Когда-то, в первой половине нулевых, это была довольно массовая молодёжная коммунистическая организация. Чем дальше, правда, тем больше комсомольцы начинали подозревать, что здесь что-то неладно. Что год от года их просто бьют мусора, а ничего особо не меняется. Что Удальцов сам не очень понимает, что делать. Что за фазой задержания следует только фаза личного пиара Удальцова. Так что, к 2007 году АКМ растерял весь свой потенциал, люди разбежались оттуда. Кто-то ушёл к нацболам, кто-то подался в антифа, кто-то стал анархистом.

Проблема была в том, что Удальцов, имеющий определенный медийный авторитет, теперь проводил ту же стратегию в движении против точечной застройки.

Сегодня вечером должен быть сход протестующих жителей против очередной застройки. Активисты всевозможных левых движений от коммунистов до анархистов собираются у метро, когда становится известно, что на сход прибыли крупные силы милиции, что прессуют местных жителей. Мы спешим к ним на помощь под предводительством Удальцова, у которого, как всегда, имеется гениальный план.

По пути разговариваем с каким-то коммунистом, помощником в кандидаты депутата от КПРФ. Я твержу ему заученную истину о том, что если бы выборы что-то меняли, их бы запретили.

— Но смотри, если я стану помощником депутата, я уже смогу на той же точечной застройке проводить народные сходы, организовывать встречи с депутатами, и милиция не будет нас разгонять...

— Ага. Как Митрохин от «Яблока». Видал я, как его мусора отхуячили, когда он удостоверение предъявил. Чёто ему депутатский статус не очень помогает.

⁵³ Оказаться задержанными полицией

– А что ты предлагаешь, есть какая-то альтернатива? Конечно. Надо не на выборы идти, а на улицу выходить. Чем больше нас выйдёт, тем скорее наши требования будут воплощены.

– Ну вот в девяносто третьем вышли. В итоге всех танки давили и снайперы расстреливали.

– Заканчивайте дискуссию – командует Удальцов – мы на месте.

За углом видим ментовское оцепление, охватившее толпу местных жителей. Отряд коммунистов и анархистов выбегает на проезжую часть, перекрывая дорогу.

– Нет точечной застройки! – орём мы на всю улицу.

Перекрытие длится считанные секунды. Армия мусоров сразу налетает и буквально сносит нас с улицы, набивая нами одинокую милицейскую «Газель», припаркованную неподалёку. Мы, как можем, пытаемся сопротивляться. Когда всех уже снесли, последними остаёмся мы с Удальцовым, пятимся назад, сиюсья устоять на ногах, когда на нас виснет по несколько ментов сразу. Но силы слишком неравны, и вот нас волокут в ту же «Газель». Нас никто не бьёт, хотя и действуют довольно жёстко.

В «Газели» мест на всех явно не хватает, люди уже сидят друг у друга на коленках. Кое-как нас втискивают внутрь, и машина отправляется в путешествие до отделения. Миссия на сегодня выполнена, и Удальцов начинает обзванивать журналистов.

– Алло, это Сергей Удальцов. Нас только что задержали на сходе против точечной застройки, тридцать человек. Меня избивали, валяли на земле и били ногами. Были коммунисты из АКМ, СКМ, анархисты тоже были...

– Алё, это Сергей Удальцов. Меня только что избивали милиционеры на акции против точечной застройки...

– Алло, это Сергей Удальцов. Только что было задержание на сходе против точечной застройки. Сотрудники милиции всех избивали ногами, валили прямо в грязь...

Я смотрю на Удальцова непонимающим взглядом. Никто же нас не избивал?

Когда «Газель» приезжает в местное ОВД, нас выводят во двор. Из отделения выходят менты, ругаются с водителем «Газели»

– У нас места нет, нам до этого уже человек двадцать привезли. Куда мы их денем?

Менты командуют ждать во внутреннем дворе, сами отправляются в отделение растасовывать задержанных ранее. Удальцов пользуется возникшей паузой, падает в зимнюю грязь, и долго и упорно в ней переворачивается. Наконец, поднимается, весь грязный, и фотографируется для журналистов. Мы, тем временем, обнаруживаем место в заборе, через которое можно перелезть. Задержанная молодёжь, не дожидаясь возвращения ментов, валит через забор и убегает.

– Как, вы с нами? – поворачиваемся к группе Удальцова.

– Нет, нам для журналистов нужно задержаться, чтобы про эту ситуацию написали – отвечают они.

– Ну, удачи – прощаемся с ними и лезем на забор вслед за остальными.

* * *

Пикет против реформы образования. Конечно, правые «друзья» решили навестить нас. Из каждого дворика выглядывает по бригаде каких-то правых скинов и футбольных хулиганов. Нас немного, пара десятков человек. Бойцов среди нас особо нет. Пара ментов, дежурящих на пикете, конечно, не смогут остановить драку. Всё складывается максимально плохо, в общем. Прямо перед нами проходит огромный футбольный фанат, широко улыбается и вскидывает руку в нацистском приветствии. У станции метро, поглядывая на нас, тусит группа юных фанатов. Эти довольно молодые, не старше нас и их не так уж и много. Куда более стрёмные те, что прячутся во двориках.

Мы ожидаем конфликта, в котором у нас не будет никаких шансов. Нападут или нет?

Как-то так, бывало, проходили пикеты в нулевые годы.

* * *

А бывает и так. Человек 15 в капюшонах и солнцезащитных очках – мера предосторожности, чтобы не «засветить» лицо на фотографиях, которые делают нацистские скауты на антифашистских митингах – организовано движутся к остановке. В руках – древки от флагов. Вокруг пикета сновало большое количество нацистов, так что есть все основания ожидать нападения.

Борис изрядно нервничает – он никогда ранее не был в подобной ситуации, и не очень понимает, чего ждать от всего этого. Вот подходит троллейбус, двери открываются, анархисты и антифашисты заходят внутрь. Двери закрываются, троллейбус движется дальше...

Когда Борису уже стало казаться, что ничего особенного не произойдёт, и можно выдохнуть, за окном на улице он заметил какое-то мельтешение. Десятки ребят, каких-то скинов и футбольщиков, бежали следом за троллейбусом. Чем ближе была следующая остановка, тем больше становилось оппонентов. Троллейбус замедляет движение, подходя к остановке...

Сердце Бориса выпрыгивает из груди от адреналина и эпичности происходящего. Вражеская армия за окном, подбегающая к остановке, в несколько раз превышала их собственное количество, и не очень понятно, что с этим делать.

– ДЕРЖИМ ДВЕРИ! – кричит кто-то

– Древки! Ломайте древки надвое! – подхватывает кто-то, вырывая древко у товарища. Они ломаются пополам, и этими половинками вооружаются ребята у входа.

– Ты вставай спереди, а я за тобой, буду тебя удерживать, чтобы не вытянули – протягивает Борису осколок деревянной палки какой-то огромный детина.

Завидев приготовления, пассажиры троллейбуса, кажется, начали что-то подозревать. По крайней мере, это отражалось в их глазах, столь безразличных обычно, что, казалось, даже

если кого-то будут убивать прямо перед ними, они просто отвернутся, позёывая.

Кто-то из антифашистов объявляет на весь троллейбус уверенным голосом:

– Внимание! Сейчас на нас будет совершено нападение нацистов! Никому не подходить к дверям! Возможно, будет использован слезоточивый газ.

Борис увидел взгляд девушки, сидящей неподалёку. В глазах – какая-то насмешка и удивление. «Серьёзно?» – будто спрашивала она. Какие нацисты? Какое нападение?

Взгляд изменился, когда двери троллейбуса открылись и вооружившиеся половинками древков антифашисты заорали

– СМЕРТЬ! ФАШИЗМУ! СМЕРТЬ! ФАШИЗМУ!

А со стороны улицы раздался клич десятков голосов

– ДАВАЙ ЕБАШЬ, БЛЯДЬ!

Теперь в глазах девушки отразился животный страх.

Раскрывающиеся двери и ринувшаяся в пространство троллейбуса орда заставила Бориса вообразить себя одним из трёхста спартанцев. Обломки древков использовались ими как подобия копий, которыми наносились тычки в головы нападающим врагам. Встретив отпор, волна нацистов откатилась назад и принялась закидывать стоящих в проходе антифашистов бутылками. Галдящая орда врагов с обезображенными от ненависти лицами напоминала каких-то фэнтезийных гоблинов из «Властелина Колец» – так они кричали что-то невнятное, прыгали вокруг входа в троллейбус и время от времени пытались туда прорваться вновь. Борис неумело ткнул древком в голову какому-то правому скину, тот отпрыгнул обратно на улицу и, ослабившись, показал ему фак.

Теперь всё стало напоминать, скорее, какую-то старую игру, вроде тетриса, где ты стоишь с палкой и отбиваешь вражеские фигурки, не пропуская их за условную линию. Пропустишь – проиграл.

Кто-то из антифашистов догадался крикнуть водителю:

– БЛЯДЬ, ДОЛБОЁБ, ХУЛИ ТЫ СТОИШЬ, ДЕБИЛ, БЛЯДЬ?! ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ТЕБЯ ВМЕСТЕ С НАМИ УБИЛИ? ДАВАЙ ЕЗЖАЙ, БЛЯДЬ!

Казалось, этот крик, наконец, снял оцепенение с водителя. Двери захлопнулись, и троллейбус поехал так быстро, как никогда, должно быть, до этого не ехал.

2008. БЕСПОРЯДКИ

16 марта 2008 года в Москве должен был состояться концерт антифашистской панк-группы «Ничего Хорошего». На сайтах футбольных фанатов распространялся призыв к нападению на его посетителей, к которому приехавший в столицу из Хабаровска 19-летний правый скинхед Владислав Тамамшев отнёсся достаточно серьёзно.

Ранее ему уже приходилось убивать людей. Так, в феврале Тамамшев с соратниками убили вполне себе русского парня, приняв его за кавказца из-за черного цвета волос. Группировка Тамамшева, известная как «Национал-социалистическое общество», всего за первую половину 2008 года убила 27 человек, включая собственного соратника, заподозренного в сотрудничестве с силовиками. Его задушили, расчленили и закопали в лесу. Процесс расчленения записали на видео: в ванной ему отрезают голову ножом, напевая песню «С чего начинается родина». Другим убитым оказался панк из подмосковного Ногинска Алексей Крылов, намеревающийся посетить концерт «Ничего Хорошего» 16 марта 2008 года.

Тамамшев взял два ножа, позвал соратников, и отправился убивать «шавок». Гуляя в районе клуба, где должен был состояться концерт, они и наткнулись на группу панков. Опознав в одном из них антифашиста, «по красным шнуркам и подтяжкам», служащих их отличительным символом в те времена, нацисты подошли к своим жертвам. — Вы антифа?

Прежде, чем ребята успели ответить, в ход пошли ножи. Алексей Крылов остался лежать с тридцатью ножевыми ранениями. Его друзьям удалось сбежать и укрыться в синагоге, расположенной неподалёку. Во время нападения Тамамшев выронил свой телефон, по которому его и нашли впоследствии.

Крылов же, как утверждали его знакомые, никаким антифашистом не был. Он был аполитичным панком, который любил хорошую музыку. Что не помешало нацистам убить его, а антифашистской группе «Ничего Хорошего» записать песню в честь Алексея Крылова, погибшего за какую-то идею. Песню, во всех отношениях замечательную, если не считать аполитичности Крылова.

Мы же на следующий день вышли на несанкционированный марш в центре Москвы против нацистского насилия. Призывы на такие акции тогда распространялись посредством личных контактов и смс-рассылок, которые получали, кажется, вообще все. Кто-то из получивших приглашение на акцию додумался опубликовать призыв в социальных сетях, так что и менты, и нацисты знали, что антифашисты планируют шествие от Пушкинской площади. Понятно, что там нас ждали уже две вражеские армии. В последний момент, посредством всё той же смс-рассылки, люди были переправлены на старый Арбат, и вот на главную туристическую улицу Москвы вываливаются несколько сотен разгневанных панков, анархистов, левых скинхедов и антифашистов в масках.

— Нацисты убивают, власти покрывают! Алерта! Алерта! Антифашиста! Шарп и раш, бона ебашь! — орём мы в несколько сотен голосов.

По периметру шествия ходят вооруженные ребята в масках из «антифа», пристально осматривающие окрестности. В руках у некоторых стволы. Или, быть может, это всего лишь газовый пистолет «Удар»? В темноте не разобрать.

— Выйди на улицу, верни себе город! Нет фашизму всех мастей, от подворотен до властей! — продолжаем скандировать мы.

Свет десятков пиротехнических факелов освещает жмущихся по краям улицы туристов, уличных художников и музыкантов, промоутеров и прочих обитателей Арбата.

— ЗИГ ХАЙЛЬ! ЗИГ ХАЙЛЬ! ЗИГ ХАЙЛЬ! — начинают неистово орать какие-то нацисты, попавшиеся на пути шествия. Антифа бросаются за ними, боны прячутся в ближайшем Макдональдсе.

Массовым несанкционированным шествием в центре столицы антифашисты сумели привлечь внимание общества к проблеме нацистского насилия, и заявили о себе, как о политической силе. Это было ярко и неожиданно для всех, никто не мог понять – кто эти ребята и откуда они взялись.

Теперь всё стало совершенно иначе.

* * *

Нацист сложился в позе эмбриона. Подтянутые к лицу ноги, закрывающие от ударов корпус, сходились с локтями где-то в районе груди. Левая рука закрывает висок, правая – лицо и макушку. Ребята, толкаясь и мешая друг другу, осыпали пинками брошенными соратниками воина белой расы, но большая часть ударов приходилась, видимо, на руки и ноги. Кто-то из антифашистов советовал Борису в такой ситуации бить в позвоночник и поясницу – мол, согнувшийся и закрывшийся противник сразу раскроется. Но нацист лежал спиной к стене, да и в возникшей толкучке пытаться проверить теорию было неудобно.

Осторожно и неуверенно, будто боясь не рассчитать силу, Борис ударил нациста арматурой. Попал в обхватившую голову руку, но обрывистые испуганные крики сменились настоящим паническим воплем человека, решившего, что его убивают. Второй удар, более уверенный, освободил голову для третьего, после которого крик избиваемого парня прервался, а сам он как-то странно обмяк и, после очередного пинка, отвалился к расположенной за ним стене.

Удовлетворившись состоянием противника, ребята совершили небольшую пробежку по дворам, чтобы оказаться как можно дальше от места происшествия. Разбившись на две пары, они добрались до остановки, и автобус увёз их настолько далеко, что они, наконец, почувствовали себя в недосыгаемости для ментов.

Борис тупо уставился в окно. Что, если парень помрёт, или останется дураком на всю жизнь? Интересно, сколько

предполагает уголовный кодекс в этом случае? Смогут ли их вычислить, если что-то произойдёт с этим парнем?

— А ктонибудь видел, там были камеры? — спросил он товарищей, сходя с автобуса. Те пожалы плечами, и компания двинулась в магазин за пивом.

А ведь это был совсем молодой ещё парень, их ровесник. Может, он вообще и не был никаким нацистом, а просто затусил с модными ребятами, одевался в модные ныне шмотки, а нацизм и вся эта расовая война ему вообще по барабану. А они его, быть может, покалечили и дураком сделали на всю оставшуюся жизнь.

Ребята переместились во дворик, и принялись делиться эмоциями и впечатлениями, смакуя вкус победы.

Впрочем, ведь и сами нацисты ни с кем не церемонятся, верно? В иной ситуации это Борис мог лежать в том дворике просто за то, что разделяет не те идеи, носит не ту одежду, слушает не ту музыку. И били бы его не ногами и арматурой, но ножами. Эта мысль немного снимала странное чувство вины и брезгливого отвращения, но некоторый страх по поводу возможных последствий оставался.

Интересно — оглядел Борис товарищей — они чувствуют что-то подобное? Судя по их веселью и радостному смакованию подробностей — вряд-ли. Мысль о пареньке, выбравшем не те шмотки, не ту идею и не ту музыку, что они, овладела Борисом на весь оставшийся вечер.

Если бы Борису кто-нибудь ещё год назад сказал бы, что он будет бить людей за неправильную одежду железными прутьями по голове, он бы покрутил пальцем у виска. Не такой он был человек. Но, в принципе, ему никогда не нравились нацисты, которые, казалось, были везде. На учёбе, в дружеских компаниях, среди гопоты и неформалов, на концертах и футболе — повсюду были правые. Было что-то нездоровое в этом. Когда нацизм успел стать нормой в нашем обществе?

На каком-то панк-концерте Борис познакомился со странным парнем, который был скинхедом, но яростно отрицал шовинизм, ксенофобию и всё, что с ними связано. Он позиционировал себя анархистом, и говорил, что настоящие скинхеды всегда были против фашизма. Борис на тот момент знал пару хардкор-групп, слышал что-то про SXE, это казалось чем-то новым, ярким и интересным. Новый знакомый же, казалось, знал об этом всё. Так они и заобщались. Борис втянулся в его тусовку таких же скинхедов-антифашистов. Вместе они обсуждали политику и религию, музыку и вегетарианство. Ходили по секундам в поисках брендовых шмоток, посещали панк и хардкор концерты.

И вот, в один день, состоялось боевое крещение Бориса. Его новый товарищ гулял со своей подругой, типичной скинухой на челси⁵⁴, когда их необычный вид заметила группа молодых нацистов. Скин с подругой спрятались от них в секунду, но те, здраво рассудив, что антифашисты не могут сидеть в этом магазине вечно, и рано или поздно должны выйти, уселись ждать их у входа. Скин же принялся отзванивать своим товарищам, среди которых был и Борис. Борис, конечно, не мог и не хотел бросать друга в беде, и поехал ему на выручку.

И вот их собралось человек 10 – панки, скинхеды, какие-то скейтеры... Один из приехавших ребят, называвший себя стрейтэджером, явился на подмогу пьяным. На вопрос Бориса лишь улыбнулся, развёл руками и ответил мантрой:

– Чувак, у каждого своя анархия.

Собрав внушительный отряд, выдвинулись в сторону неприятеля. Нацисты побежали от превосходящих сил противника. Один из них, пацан в модной куртке «Lonsdale», был пойман и избит под бодрые крики «антифа!». Какая-то старушка, проходя мимо, хотела было вступить за избиваемого, но ответом ей было:

– Бабушка, это же нацист, посмотрите!

⁵⁴ Популярная у представительниц скинхед-культуры женская причёска

– Нацист? Так бейте его сильнее, сынки!

Так Борис полюбил насилие. Теперь они с новыми друзьями срывались порой на окраины, гуляя по чужим районам и высматривая там ребят, одетых по правой моде. Искали их в общественном транспорте, бесцельно катаясь и высматривая скучающим взглядом среди пассажиров образ врага. Иногда получалось довольно смешно – противник сам находил их, принимал за единомышленника, благо мода у ребят была довольно похожа. Отойдя с новыми соратниками во дворы, правые удивлялись, когда те начинали кричать «антифа» и вдалбливать их в землю ногами и кастетами.

Впрочем, они были довольно молоды, неопытны, и угрозу представляли, кажется, только для таких же субкультурных юнцов с противоположной стороны. Как-то, правда, получилось совсем глупо и нелепо – возвращаясь поздно вечером домой, Борис с ребятами заприметили впереди тех, кого безуспешно искали на протяжении нескольких последних вечеров. Обрадовавшись, натянули на себя страшные маски-балаклавы, как у террористов, и прыгнули со спины на компанию правых. А какое благородство может быть в уличной войне? Те явно не ожидали этого, про антифа они вообще лишь читали в интернете, и думать не думали, что когда-то придётся столкнуться с ними в живую. Так что, когда в их пьяные ряды влетели люди в масках с криками «комон-комон, антифа-хулиганс!», первая реакция от неожиданности была – бежать.

Антифашисты, которых было в три раза меньше, с чувством триумфа бросились за противником. Противник, впрочем, был вынужден притормозить на светофоре, где дорогу ему преградило оживленное автомобильное движение, и те из правых, что не побежали, рискуя жизнью, между стремительно летящим вперёд автотранспортом, скоро сообразили, что нападающих, во-первых, в несколько раз меньше, чем их самих, а во-вторых – это не та легендарная антифа, а всего-лишь какие-то подростки. И какой неприятный сюрприз это был для Бориса, когда взрослый дядька, за которым он гнался, внезапно переду-

мал убежать, развернулся, достал нож, и побежал обратно, в контратаку! До этого они лишь били толпой численно уступающих им оппонентов, а здесь врагов было заметно больше, и выглядели они страшно. Стоя посреди проезжей части, в потешной теперь уже террористической маске, Борис внезапно почувствовал себя очень глупо. Тело заныло в ожидании нешуточных ранений, которые ждали его в обозримом будущем.

В этой ситуации он не придумал ничего лучше, чем ткнуть этого взрослого правого дядьку шилом. Что-то хрустнуло, дядька заорал, а Борис, развернувшись, побежал. Все они побежали. Спрятались всей толпой в аптеке, вокруг которой прыгала собравшаяся толпа нацистов. Возможно, она бы и решилась ворваться внутрь арийским штурмом, но прибыла милиция, белые воины разбежались, а антифашистам пришлось выдумывать какую-то ерунду, чтобы объяснить правоохранителям, что здесь вообще происходит.

Жизнь, внезапно, стала весёлой и интересной.

Весной всё иначе, совсем не так, как осенью. Весенний воздух опьяняет, хочется дышать полной грудью и радоваться, творить революционный угар. Весна и беспорядки – что может быть лучше?..

Сегодня 11 апреля, 2008 год. На Славянской Площади в Москве состоится пикет против ментовского беспредела. Он обещает быть довольно массовым – повод есть, и он возмутил всех. В Москве милиция проводит операцию «неформал». Для того, чтобы быть задержанным милиционерами, сейчас достаточно субкультурно выглядеть. Неделю назад это привело к печальным событиям – в «Сокольниках» мусора попытались задержать компанию панков и анархистов. Те оказали сопротивление, в результате чего обозленные полицаи подвергли их пыткам в отделении и возбудили уголовное дело по обвинению в нападении на сотрудников милиции.

Это и послужило причиной пикета. Выходя из метро «Китай-Город», я уже вижу огромную очередь желающих присоединиться. Здесь несколько сотен человек. Вскоре, милиция перестаёт пропускать людей – превышено количество заявленных участников. Вокруг площади возводятся металлические ограждения, за ними остаётся больше людей, чем внутри. Я успел пройти, и теперь держу баннер с перечеркнутым ментом и надписью «нет ментовскому беспределу». Баннер огромный, чтобы держать его верхний угол, забираемся на постаменты стоящих здесь статуй.

Сотни голосов под чёрным флагом, реющим над головами, кричат: «выйди на улицу, верни себе город!», «нет ментовскому беспределу». Публика, в основном – разноцветные панки и скины. Либералы, присоединившиеся к акции, время от времени заряжают «соблюдайте ваш закон». Но эту кричалку толпа поддерживает плохо.

Вскоре из припаркованных рядом автозакон выходит ОМОН. Мусорам не понравилось, что на баннере написано слово «ментовскому». Пытаются забрать его. Начинается...

Сперва всё напоминает перетягивание каната. Мы тянем в одну сторону, мусора в другую. Металлические ограждения, установленные вокруг площади, падают на землю, сотни неформалов вываливаются на площадь, скандируя «эй-си-эй-би! Ал копс ар бастрадс!»⁵⁵. Мусор бьёт металлоискателем по рукам протестующих, чтобы те разжали баннер. Пытаюсь выдернуть у него металлоискатель, в ответ он просто отворачивается и удаляется прогулочным шагом.

Баннер – удобная вещь. Огораживает нас от мусоров и позволяет держать подобие строя. Выдернуть кого-то из-за него не получается. Но, в конце концов, в дисциплине по перетягиванию баннера побеждает дружба – он рвётся, половина баннера остаётся у нас, половина – у них. Довольные мусора уносят трофей в автозак, после чего начинается основное веселье.

⁵⁵ А.С.А.В. – аббревиатура **All cops are bastards** – «все менты ублюдки». Популярный у различных молодёжных субкультур лозунг

Разгневанные неформалы высыпают на дорогу, блокируя её для проезжего транспорта. Всё те же самые лозунги и бодрящая песня о любви к сотрудникам, исполняемая десятками голосов:

«Ой! Ой! Полетели бутылки!
Ой! Ой! Упал автомат!
Товарищ майор, усатая гнида,
Отправляется прямо в ад!
Ой! Ой! Помятая форма!
Ой! Ой! Хрустит голова!
Эй-си-эй-би!
Смерть ментам от ножа!»⁵⁶

С налётом ОМОНа начинаются задержания. Спротивляемся, кто как может: кто-то бьёт ментов ногами, какая-то девушка очень красиво опрокидывает мусора. Сцепляемся руками в районе локтей, это затрудняет задержания и позволяет держать строй. Тем не менее, мусорам удаётся задержать многих и вытеснить нас с участка.

Но освободив от нас одну улицу, они получили лишь множество новых точек конфликта. Разогнанная толпа заново собирается в разных местах, блокирует уже несколько улиц. Начальники ОМОНа и простых мусоров не могут решить, кто из них старше, и потому действия ментов не скоординированы. Они долго тупят, не приступая к разгону протестующих. Кажется, полицаи вообще не ожидали, что простой пикет может обернуться беспорядками. Их довольно немного сегодня. Впрочем, прибывают подкрепления, оцепляют район вокруг площади.

Мне приходит в голову идея, что неплохо бы возвести что-то вроде баррикады на проезжей части. Кажется, я видел что-то подобное в видео с западных райотов на ютубе. Последний год засматривался подобными видосами, мечтая, чтобы в России

⁵⁶ Песня «А.С.А.В» группы «Руки на одеяло»

когда-то было также. Теперь появляется возможность воплотить увиденное на практике. На глаза попадает автомат по приёму стеклотары. Начинаю было его ломать и подумываю, как-бы поудобнее перенести на дорогу. Но меня осаживает знакомый анархист.

Окей. Возвращаюсь к нашим, стоим возле входа в метро «Китай-Город». Замечаю мусорную урну. Там же могут быть... Достая стеклянные бутылки – из них могут получиться отличные снаряды. Один из парней следует моему примеру, и пытается раздавать бутылки протестующим. На него смотрят большими глазами и любезно отказываются от предложенных снарядов. Кажется, все уже довольно деморализованы, и не готовы к такому противостоянию.

ОМОН кидается в нашу сторону. Все бегут в метро по подземному переходу. Я, разочарованный, кидаю бутылку (неудачно), бегу следом за всеми последним. Человек пятьдесят несутся по длинному переходу, оглашая его криками «Эй-си-эй-би».

Впрочем, нашлись более меткие метатели. Вскоре на телевидении появились красивые кадры бутылки, прилетающей в голову мусору. Федеральные телеканалы транслируют испуганное лицо полиция. Теперь, получив отпор, он не такой смелый. Смотрит несчастно, затравлено. Кто-то из мусорских начальников уводит его с места, риторически вопрошая: «кровь есть? Ну всё, пошли». Другой начальник, при таких раскладах, подбежал к ближайшему ОМОНовцу, снял с него шлем, и водрузил себе на голову, как об этом писала «Новая Газета». Спустя пару дней вечером в парке мы обменивались выпусками этой газеты, смакуя то, что об акции написали (и написали хорошо) во многих СМИ. Вообще, если месяцем раньше, после несанкционированного шествия антифашистов по Арбату после убийства Алексея Крылова, российские СМИ заметили антифа, то теперь все заговорили об анархистах как новой политической силе.

Кроме того, телевизионные каналы выпустили большие репортажи. Быстро подсутились либералы, и попытались

пропиариться на случившемся. Гарри Каспаров, который в те времена был их лидером, сразу поспешил на радио, сообщать о том, что это «их ребята» провели эту акцию. Что, конечно, немало возмутило всех и симпатий либералам не прибавило. Через неделю, 18 апреля, оппозиция заявила «продолжение» акции, и организовала какой-то унылый пикет на полторы старушки на Болотной площади. Естественно, мы туда не пошли. Наш ответ на разгон акции был куда интереснее...

* * *

Прошла неделя. Милиция, кажется, ещё не очень понимает, с кем имеет дело, и думает, что речь идёт о каком-то движении неформалов. Поэтому ОМОН в этот день дежурил, кроме акции либералов, на столичных площадях, популярных у неформальной молодёжи. Пока милиция высматривала на площадях готов, эмо и толкинистов, мы спокойно собрались в самом центре Москвы, на Пушкинской площади. По сигналу организаторов, сотни молодых ребят панковской и скиновской внешности стянулись со всей площади во внушительную толпу, что вываливается на Тверскую.

Всё те же кричалки против милиции. **ВЫЙДИ НА УЛИЦУ!
ВЕРНИ СЕБЕ ГОРОД** – скандирует толпа.

Впереди толпы – копия баннера, уничтоженного на прошлой неделе, с перечеркнутым ментом и надписью «нет ментовскому беспределу». Над головами – черный флаг и пиротехника. Движение за нами заблокировано – ОМОН просто не может проехать через пробки. Всё идеально.

ПОКА МЫ ЕДИНЫ, МЫ НЕПОБЕДИМЫ!

ЭЙ-СИ-ЭЙ-БИ! ЭЙ-СИ-ЭЙ-БИ!

Разбрасываем в сторону прохожих листовки против милицейского насилия. В воздухе весна и ощущение бунта. Улицы принадлежат нам.

НЕТ МЕНТОВСКОМУ БЕСПРЕДЕЛУ!

ЭТО НАШ ГОРОД!

На адреналине и радостном чувстве бунта и весны мы проходим до метро «Маяковская». Исчезаем в подземке, пробка рассасывается, и вскоре сюда приезжает целая армия из ОМОНа, внутренних войск и рядовых ментов. Но слишком поздно, нас уже нет, мы разъезжаемся в разные стороны.

Власти отреагировали неадекватно. Они, видимо, ещё не понимали возможности интернета в распространении информации. И пока всюду разносились фото и видео массового несанкционированного шествия в самом центре Москвы, власти не придумали ничего лучше, чем заявить, что никакого шествия не было. Просто это 20 футбольных фанатов переходили улицу в неподобающем месте...

В целом, две эти акции дали всем нам небывалый прилив энтузиазма. Мы почувствовали себя силой, и казалось, что дальше будет только лучше, больше, радикальнее... В ближайшие пару лет нелегальные марши стали для нас обычным делом. Самое смешное, что организовывались они банальной СМС-рассылкой, и мусорам потребовалось около года, чтобы научиться бороться с этим.

Каждое утро я прихожу на работу, сажусь за компьютер, и делаю вид, что занимаюсь чем-то полезным. Когда никто не видит, я залипаю на анархистских форумах или читаю какие-нибудь статьи об анархизме. Так, вот статья об аргентинском рабочем движении начала 20-го века, интересно. Там творился суший ад – регулярно десятки тысяч рабочих-анархистов выходили на забастовки и демонстрации, которые заканчивались настоящей уличной войной, массовыми перестрелками с полицией. Вот у них было нормальное движение, конечно. Неплохо бы и мне сейчас оказаться на каком-нибудь весёлом мероприятии. Вместо этого сижу тут, восемь часов на одном месте. Это утомляет. Иногда нужно что-то делать, но мне кажется, что мне платят недостаточно, чтобы я ещё

и что-то делал. Наверное, я хронический бездельник. Или, быть может, просто не нашёл, чем бы мне было интересно заниматься. Но я действительно не понимаю, как можно гротить стройку, бить нациста, швыряться бутылками в ментов, а потом пойти и сидеть в офисе восемь часов подряд. Это как будто твоя жизнь была наполнена адреналином и угаром, а потом ХУЯК, и ты просыпаешься, и оказывается, что это было как бы и не с тобой и не про тебя, ведь про тебя – сидение в офисе за компьютером. Пытаешься вспомнить приятные моменты, но из офиса они кажутся совершенно блеклыми, не более реальными, чем какой-нибудь фильм про уличное насилие. «Бойцовский Клуб» или «Ромпер Стомпер». Приключения прошли и растворились в трудовых буднях...

Выхожу покурить. Пытаюсь затянуть перекур на максимально возможный срок. Понимаю, что усну, если не вернусь сейчас в офис. Какая тупая бесполезная работа. В принципе, не сказать, что я совсем бесполезен, но говоря откровенно, я мог бы делать всю эту работу из дома, тратя на неё час-два своего времени. Для чего мне протирать штаны всё оставшееся время в кабинете, я решительно не понимаю. Это даже обидно, тратить столько времени впустую. Вместо этого я мог бы поехать на очередной экшен, например. Ну, или выспаться этим утром. Всё-таки, система труда организована совершенно иррационально.

* * *

СМС сообщает, что вечером состоится акция «Прорыв». Организатор – группа «Война»⁵⁷. Я не очень понимаю о чём речь и что за «Война». Но сегодня – седьмое ноября, годовщина революции. Наверное, речь идёт о прорыве милицейского оцепления на демонстрации. Такое нельзя пропустить.

На месте сбора встречают меня девушка и волосатый парень в кожаной куртке. Девушка вскоре получит всемирную из-

⁵⁷ Культовая в конце нулевых и начале десятых годов арт-группа, занимающаяся художественным акционизмом

вестность и превратится в поп-звезду. Парень тоже, в какой-то степени. Он очень живо интересуется

– О, а ты анархист?

Мне не нравятся такие вопросы от незнакомого человека.

– А ты был на этих несанкционированных шествиях? Часто вообще в акциях участвуешь?

Отвечаю максимально уклончиво и односложно. Парень не отстаёт. Садимся в метро, едем на другую станцию. Меня ведут к месту сбора, вздыхая, что из анархистов никто больше не приехал.

В каком-то студенческом кафе богомного вида группа обсуждает будущее страны. Для прорыва оцепления людей явно недостаточно... Среди собравшихся замечаю всего одно знакомое лицо.

– ... наша цель в том, чтобы объединить всю оппозицию.

– И нацистов?

– А нацисты не оппозиция!

Наконец, переходят к обсуждению акции. Излагают план:

– Мы разделимся на две группы. Одна поедет к Белому Дому...

...так, это уже интересно...

– Там участники группы прыгают на забор и начинают перелезать через него...

... пахнет чем-то радикальным...

– После чего все бегут к Белому Дому...

... что это? Акция в духе НБП? Они хотят ворваться внутрь? Кажется, это будет весело.

– Добежав, касаемся рукой стены Белого Дома, разворачиваемся, и бежим обратно.

...что?

– Если выбегает охрана и начинает кого-то задерживать – не обращаем внимания, никак не реагируем, и бежим дальше...

... ЧТО?! В смысле, не обращать внимания, когда кого-то задерживают?

– Добежав обратно к забору, перелезаем и убегаем...

... какая-то ерунда.

— Вторая группа должна будет проецировать на Белый Дом изображение черепа. Череп станет сигналом для первой группы.

... что это? Кто это? Что за ерунду они предлагают? Зачем это?

Поднимаюсь. — Ребят, у меня, наверное, не получится. У меня дела.

Растерянно смотрят на меня. Время уже довольно позднее. Парень, излагающий план растерянно предлагает:

— эээ... ну хорошо. Мы подождём... Ты же можешь потом приехать?

— эээ. Нет, знаете. У меня дела надолго.

— эээ... ну мы можем даже поздно ночью провести. Мы подождём тебя.

— Нет, знаете, у меня дела на всю ночь. Давайте, ребят, удачи вам.

Выхожу из кафе. Знакомый чувак идёт за мной, и как-бы оправдывается.

— Да, эта акция не очень. Но я думаю поучаствовать. Вообще у них бывают нормальные акции. Например, недавно они ебались в музее в знак протеста.

Что они делали в знак протеста? Куда я попал вообще?

* * *

После первомайского шествия пьём пиво в парке, дожидаясь начала уличной вечеринки, запланированной «Анархистским Действием» — крупнейшей в нулевые годы организацией анархистов. Обсуждаем наш внезапный успех. На протяжении всех нулевых никто не слышал об анархистах, героями улиц были совсем другие ребята. Комсомольцы из «Авангарда Красной Молодёжи» и лимоновцы из «Национал-Большевистской Партии». Сегодня всё было иначе. Жиденские колонны НБП и АКМ не собрали и 50 участников. Анархистская колонна же внезапно для всех вывела несколько сотен человек. Вместо унылого марша с кричалками организаторы колонны устроили что-то среднее между политической демонстрацией и дискотекой.

Грузовик с музыкальным оборудованием,двигающийся за нами, транслировал все хиты радикальной музыкальной сцены, от Atari Teenage Riot – Revolution Action, до Rage Against Machine – Radio Guerrilla. Получилось очень круто и драйвово, и организаторы марша КПРФ, к которому мы примкнули, даже испугались настолько, что вначале отсекали нашу колонну от прочих армией ОМОНа, а после и вовсе попросили покинуть шествие на половине пройденного маршрута.

Блок анархистов и антифашистов облепили всевозможные журналисты, гадающие, что это за сила, и откуда она вообще взялась. Мы теперь, сидя в парке, рассуждаем о том же самом. Конечно, несмотря на анархистские флаги, собравшиеся не были поголовно анархистами. Там собрались вообще все – политические анархисты, антифа, просто панки и молодые неформалы. В ту пору, кажется, быть панком и не быть политически активным вообще означало какое-то лютое говнарство. В немалой степени, всех политизировали тупоголовые нацисты, режущие людей направо и налево. Нападая на панк-концерты, они сами создали себе врага. Впрочем, и панк-сцена в то время была донельзя политизирована, прямо транслируя идеи анархизма, антифашизма и политического активизма.

– Ещё много ребят пришло из АКМ – сообщает кто-то из антифашистов – половина антифы, наверное, в прошлом были в АКМ, все эти редскины.

Переходят на обсуждение Удальцова, дружно ругают его.

– Я сам раньше слюни по нему пускал, он умеет людей собрать и харизматично себя подать. Но что делать дальше – не знает. Просто гонит всех получать пиздюли от мусоров, чтобы лишний раз пропиариться...

– Бля, какой угар был. Мы когда в АКМ состояли, нам всем лет по 14 было, и мы регулярно на ОМОН бросались. Представляешь, такие пиздюки прут на огромных дядек из ОМОНа – ностальгически смеётся ещё один экс-АКМщик, – Помню, стоим на митинге и обсуждаем, как после революции будем омовцев расстреливать. И показываем пальцами на

конкретных омоновцев, охраняющих митинг, и говорим «я вот этого расстреляю». А сами ещё в школу ходим...

– А я помню, как мы первый «Русский Марш⁵⁸» петардами закидывали. Нас тогда ОМОН принял, жестко нахуячил всех...

Я же задумываюсь вот о чём. Если все эти АКМ и НБП были так круты в прошлом и собирали столько народу, а теперь едва ли собирают несколько десятков человек, то ждёт ли это и нас? Любой успех временен. Сегодня мы наблюдаем невиданный подъём, бунт чувствуется в самом весеннем воздухе, и, кажется, не за горами настоящее восстание, вот-вот мы устроим «как в Европе». Но что будет завтра? От мысли, что всё это может закончиться и что однажды мы сами растеряем весь свой вес, как это происходит с любыми радикальными движениями, мне становится страшно. По настоящему панически страшно. Я не знаю, чем ещё заняться в жизни, кроме этого.

⁵⁸ Ежегодная демонстрация русских националистов

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
АНАРХИЯ В РФ

2009. GUERRILLA URBANA⁵⁹

После кампании против ментовского беспредела, проведенной весной 2008, настало, как всегда, летнее затишье. А вот осенью всё веселье возобновилось с новой силой. Продолжались акции против точечной застройки, во время которых мы действовали ещё злее и радикальнее. Анархистская молодёжь совершала налёты на стройки, круша всё, что попадётся под руку. На народных сходах тоже не было скучно. Перекрытия дорог, сносы заборов... Порой, мы могли разнести всю стройку, сломать вообще всё, что только можно.

Не прекращались и уличные несанкционированные шествия. В сентябре мы вновь прошли по Арбату в поддержку питерского панка Алексея Бычина, засаженного за решётку за поножовщину против омоновцев. Как-то вечером Бычин гулял с подругами, когда их заметили двое нацистов. Защитить себя и подруг Алексей сумел при помощи ножа. К несчастью, оказалось, что оба нациста работают в ОМОН, и из-за двух порезанных сотрудников правоохранительные органы всерьез взялись за Бычина. Вскоре, милиция нашла кого-то из его друзей, приковала того к батарее и заставила позвонить Алексею и назначить ему встречу. Там то его и приняли. Дальше – пять лет лишения свободы и многочисленные акции солидарности...

И вновь – сотни анархистов и антифашистов маршируют по Арбату, и туристы поспешно освобождают путь нашей колонне. Испуганный мент жмётся к стенке и орёт в рацию что-то о массовых беспорядках. На подходе к метро замечаем мусорские оцепления, перекрывшие выходы с Арбата. Но

⁵⁹ Городская партизанская война

мы и не собираемся никуда прорываться — вся наша колонна исчезает в подземке, менты пытаются принимать отставших. Им удаётся задержать несколько ребят, засевших в каком-то кафе и разбивших там витрину.

Мы чувствовали себя не просто уличными погромщиками, но частью всемирного сопротивления государству и капитализму. В конце нулевых годов весь мир содрогался от анархистских бунтов. Начавшийся экономический кризис повлёк за собой массовые выступления на всех континентах — в Азии и Латинской Америке, в США и Европе. По телевизору показывали, как анархисты громят Лондон и нападают на кортеж английского принца. Движение «Оккупируй Уолл-Стрит»⁶⁰ в США также не покидало топы новостей.

А вскоре вспыхнуло настоящее анархистское восстание. В Греции группа подростков-анархистов встретила полицейский патруль руганью и оскорблениями, в ответ на что полиция не придумала ничего лучше, чем застрелить одного из них — 15-летнего Александра Григоропулоса. Убийство полицией подростка вызвало закономерное возмущение греческого общества, и привело к массовым выступлениям. Теперь улицы находились во власти стихии бунта. По теленовостям можно было видеть картины разгромленных офисов, сожжённых банков, улиц, покрытых горящими баррикадами. Полицейские танцуют в огне, пытаясь сбить с себя пламя. Университеты захвачены анархистами, страна парализована забастовками. Казалось, вот-вот Греция станет страной победившего анархизма. Пример греков вдохновлял анархистов по всему миру, и мы не стали исключением.

Очередной нелегальный марш анархистов был проведён в знак солидарности с греческим восстанием. Во время демонстрации неизвестные забросали посольство Греции коктейлями молотова. Становилось всё жарче и интереснее.

⁶⁰ Движение, развернувшееся в США в начале десятых годов. Протестующие выступали против капитализма и за более справедливое распределение средств

* * *

Баттерсу повезло – когда он рос, в его доме всегда было полно книг на самые разные темы. Ещё совсем малым ребёнком он поглощал одну за другой сборники детских сказок всех народов мира. Затем пошли фэнтези, исторические романы, фантастика... Все культурные произведения, которые он потреблял, от детских сказок и до фантастических повестей, говорили, что бунт против диктатуры – дело хорошее, правильное и само собою разумеющееся.

А к старшим классам школы Баттерс добрался и до многолетней энциклопедии катастроф, сыска и преступлений, занимавшей целую книжную полку. Тома о террористах и революционерах пленили его романтикой бунта. Образы другой, по настоящему красивой жизни, захватили его воображение. Вот бойцы Ирландской Республиканской Армии⁶¹ звонят в квартиру, приставляют пистолет ко лбу хозяина дома, связывают его, и устанавливают пулемёт у окна, чтобы расстрелять проезжающий мимо военный кортеж... Энциклопедии не стеснялись желчи для высмеивания левых террористов. Баадер из РАФ⁶² описывался ими, как «левак, не работающий в своей жизни ни дня». Баттерс читал это и думал – вау, круто! Фотография патронов, с подписью, что эти пули использовались Эйслин Гудрун для убийства полицейских. Они разрывались в телах своих жертв... Юный анархист смаковал такие описания. Серьёзно, они расстреливали полицейских? Офигеть, как круто! Или отряды хунвейбинов⁶³, описываемые как банды молодых

⁶¹ Ирландская Республиканская Армия – сепаратистское формирование ирландских социалистов, на протяжении 20-го века ведущее вооруженную борьбу за независимость от Великобритании Ирландии, а после – за независимость Северной Ирландии.

⁶² **Rote Armee Fraktion** – «Фракция Красной Армии». Леворадикальная террористическая группа, действующая в Германии во второй половине 20-го века. Андреас Баадер и Эйслин Гудрун – лидеры РАФ.

⁶³ Хунвейбины – радикальное массовое движение в 60-ые годы 20-го века в Китае. Ставили своей целью осуществление культурной революции и полного уничтожения всех старых ценностей, культуры и идей.

беспредельщиков. А Баттерс думал, как же это потрясающе – ведь они разрушали старый мир до самого его основания!

А однажды на глаза ему попались старые фотографии из Италии семидесятых. В те годы там были так называемые «годы свинца» – период ожесточенной уличной войны между правыми и левыми, сопровождающийся перестрелками, взрывами, уличными беспорядками, похищениями и убийствами членов правительства... На фотографиях – демонстрация в Милане, 14 мая 1977 года. Люди в масках-балаклавах и пиджаках, с пистолетами в руках. Они бегут по горячей улице. Демонстранты перестреливаются с полицией. Один из копов убит.

Просто невозможно жить, как будто ничего этого нет, когда в мире происходят такие события. Хочется приобщиться к празднику жизни. Не участвовать во всём этом было бы странно. Это как попасть в мир какой-нибудь фантастической книги, и сознательно держаться в стороне от приключений основного сюжета, понимаете?

Потому Баттерсу, выросшему на чтиве об анархистах-бомбистах и леворадикальных террористах, само собой разумеющимся казалось продолжение борьбы в этом русле. Способствовал и дух времени – радикализация анархистов, уличные погромы и столкновения с мусорами, убийства нацистами антифашистов... Казалось, у нас тоже идёт война, как в Греции, и действовать нужно соответствующими методами. К счастью, так думал не только Баттерс.

Знаете ли вы, как много могут сделать абсолютно бытовые вещи? Пустая бутылка из под пива, бензин с заправки, машинное масло из магазина и несколько молодых отчаянных ребят? Вскоре эти ребята полностью изменили российский анархизм.

Первой и главной целью были мусора. Их каждый ненавидел всей душой. Мусора, думали они, вообще не люди. Эти ублюдки, стоящие на страже системы, готовы делать что угодно, выполнять любой приказ, ломать жизнь любого человека – и абсолютно безнаказаны. Так не пойдёт, они должны понимать, что их ждёт возмездие.

Происходящие в стране события только подогревали радикализм анархистов. Вот майор милиции Евсюков⁶⁴ расстреляет случайных людей в магазине. А вот вице-президент Лукойла Анатолий Барков устроит ДТП, в котором погибнут две женщины⁶⁵. Виновными, конечно, назначат погибших. Беспредельная власть имущих, вся несправедливость происходящего просто зывали к тому, чтобы действовать такими методами.

Вскоре, в интернете появилось первое видео – мусорскую автостоянку забрасывают коктейлями «молотова». Партизаны были совсем ещё неопытны – редкий снаряд достигал цели. Однако, и долетев до тачки, «молотов» оставлял скорее косметические повреждения. Первый блин вышел комом, но само видео разошлось на ура и произвело впечатление.

Анархисты отреагировали по разному. Ребята помоложе восхищались такими кадрами. Те, кто постарше, интеллигенция из 80-ых, старые профессора и блогеры, начали кричать о провокациях. Однако давали интервью журналистам от имени анархистов, когда те писали об этих случаях. Записывали видео, где объясняли, что действующие методами городской герильи не анархисты, а скорее всего – сталинисты. Особенно старался один левый социолог, участник панк-группы, призывающий в песнях к беспорядкам и насилию против мусоров. Когда песня стала былью, он заговорил иначе. Вся эта богема – профессора, социологи, поэты и музыканты – Баттерс сразу их возненавидел. Они создают себе радикальный образ и на каждом шагу разглазывают о терроризме и радикальной борьбе, но остаются в рамках тусовочек. Всё происходящее для них – не более, чем шоу. Когда появляются реальные радикалы, они первыми опол-

⁶⁴ Майор Денис Евсюков – начальник отдела внутренних дел ОВД Царицыно. 27 апреля 2009 года он зашёл в супермаркет, где начал расстреливать случайных людей.

⁶⁵ 25 февраля 2010 года на Ленинском проспекте в Москве состоялось ДТП с участием мерседеса, принадлежащего Анатолию Баркову – акционеру и члену правления нефтяной корпорации «Лукойл». В результате ДТП погибли две женщины, которые и были назначены виновницами аварии, несмотря на общую убежденность в том, что виновником был автомобиль Баркова.

чаются на них. Забыв при этом снять футболку с логотипом какой-нибудь западной левой террористической группы.

Старики объясняли, что поджигателей поймают через пару месяцев. Но их не поймали. Ни через пару месяцев, ни позже. Зато последовали новые атаки. Оживлённым вечером новые герильерос⁶⁶ в масках прямо в центре Москвы выбежали из неприметных столичных переулков, и забросали огнём здание, принадлежащее МВД, на глазах у прогуливающих мимо добропорядочных граждан. Бросок – и огненный шар взрывается прямо под окном у полицаев. Ещё бросок – языки пламени охватывают крыльцо и лижут дверь.

А после нападавшие скрылись в бесчисленных московских закоулках. Баттерс возвращался домой окрылённый, в наушниках на репите играла «fuck the british army». И, надо сказать, если вы не слушали этой песни сразу после партизанской атаки – вы не слышали её вовсе. Повстанческая музыка раскрывается во всей своей красоте только под впечатлением от повстанческих же вылазок и связанных с ними рисков. Барабанная дробь, вступающие бодрые ирландские мотивы – всё это само по себе вырисовывает в голове образ бойцов ИРА, облаченных в маски и камуфляж, взрывающих британцев в Белфасте. После партизанской вылазки же этот образ смешивается с твоим собственным.

Вскоре появились песни и нашей русской герильи. Помимо подпольных анархистских групп, воспевать городских партизан начали и довольно мейнстримные коллективы. «Электрические партизаны»⁶⁷ – самый, пожалуй, очевидный пример. Казалось, сама эпоха дышит ожиданием российских RAF и «Красных Бригад»⁶⁸. Их пример воспевали и «Электрические партизаны», побуждая следовать ему современную молодёжь:

⁶⁶ Партизаны

⁶⁷ Российская рок-группа, значительная часть песен которых посвящена революционерам и партизанам

⁶⁸ Итальянские леворадикальные террористические группы, действующие во второй половине 20-го века.

Миром правит алчность, миром правит ложь
кто-то должен этому противостоять
стать врагом системы в силах молодежь
если не боится оружие поднять
мы капитализму вызов бросили
нанесем ему смертельные раны
и мы не сумасшедшие, не инопланетяне
просто городские партизаны
эй, круши систему! будущее есть!
в городе действует Баадера отряд
пусть в гробу капиталистам снится страшный сон:
красная звезда и черный автомат, звезда и автомат!
Выстрелы и взрывы и сирены вой
вдаль уходят прошлого дорожные столбы
завтра новый город, завтра новый бой
на передовой классовой борьбы
мы отменим деньги, мы отменим власть
многие из нас не выживут в борьбе
но ветер перемен свищет в дырах от наших пуль
капитализм, могилу рой себе!⁶⁹

К вооруженной борьбе стали призывать уже и настолько мейнстримные рок-гуру, как Глеб Самойлов, один из основателей небезызвестной «Агаты Кристи». На пару с панк-поэтом Алексеем Никоновым они пели:

Разная форма для разных ментов!
Грязь выливается с этого гадства!
Хиппи, порнуха, такая любовь,
Бутылка, бензин и машинное масло!
Подполье, борьба, плохой героин.
Выход один, для тебя и меня!
Нечего делать, вывод один:

⁶⁹ Электрические партизаны — «Звезда и автомат»

Кто митингует — парится зря!
Время пошло, вот и пиздец!
Делайте бомбы а не секс!⁷⁰

Так в ту пору пели Никонов с Самойловым. «Барто»⁷¹ записали отвратительную песню «Готов», где пели:

я готова и ты готов
поджигать ночью машины ментов
это как правило жизни, признак хорошего вкуса
в отношении тех для кого закон мусор⁷²

Когда Баттерс услышал её, то истерично засмеялся — настолько песня была плоха. Другие хиты группы были не менее забавны. Под танцевальную электронную музыку вокалистка декларировала: «Моё сердце бьётся слева, нахуя мне королева?». «Если хочешь быть богатым, ты работая на дядю, то твой выбор — стоять раком, быть корпоративной блядью! Анархия и хаос, пошёл в жопу Микки Маус!». Однако, это было приятно — делать то, что теперь воспевают популярные группы. Даже «Ляпис Трубецкой»⁷³, певшие до того оды зеленоглазому такси, прониклись духом эпохи, и переоделись в певцов анархии. Их песни были гораздо более светлыми, лёгкими и оптимистичными, чем у большинства тех, кто воспевал герилью и анархию:

Ты веришь, что звезда в твоей руке
Способна разбудить горячие сердца.

⁷⁰ Песня «Делайте Бомбы» Глеба Самойлова и Алексея Никонова

⁷¹ «Барто» — музыкальная группа, относительно популярная в конце нулевых годов в России.

⁷² **Барто** — «Готов»

⁷³ Ляпис Трубецкой — популярная поп- и рок-группа. В девяностые и нулевые исполняли юмористические песни о любви, в конце нулевых в своём творчестве начали затрагивать социальные и революционные темы.

Город Чевенгур на золотом песке —
Хрустальная мечта идейного борца.
Маленький Гаврош, наивный принц —
Для тебя борьба, как карнавал.
Ты искал свободу без границ,
Ты на баррикадах пел и танцевал
Молодость и радость!
Ты главный партизан!
Анархия и ярость!
Двенадцать обезьян!⁷⁴

По миру волна демонстраций
Вгоняет тиранов в дрожь
Торчит рояль из баррикад
На нём танцуют Спартак и Гаврош
Горят цистерны с бензином
Факелы новой зари
Взрываются яхты и лимузины
Тревогу бьют звонари
Достоинство человека
Свобода, гордость и честь
Нам всем сейчас не до смеха
Победа решается здесь!
И если сейчас не бороться
То завтра нам всем пиздец
Больше никто не увидит солнца
Позорный, трусливый конец⁷⁵

Баттерс становился тем, о ком читал в подростковом возрасте, о ком смотрел фильмы, кто задал ему модель для подражания. В отличии от многих других, он хотел быть таким человеком, а не просто потреблять радикальные образы.

⁷⁴ Ляпис Трубецкой — «12 обезьян»

⁷⁵ Ляпис Трубецкой — «Броненосец»

Выступить против сил зла, участвовать в городской герилье... Его переполняли счастье и адреналин, ярость молодости.

Вскоре горело всё – мусорские автостоянки, офисы прокремлевских движений, районные администрации, опорные пункты милиции, военкоматы, частные тачки прокуроров и ментов... Довольно быстро пришло осознание, что гораздо эффективнее не кидать в объект «молотов», а просто хорошенько разбить окна, облить всё бензином – и уже тогда зажигательный коктейль упадёт на благоприятную почву, пламя пожрёт всё.

Что вы знаете о красоте, если не видели военкомат, охваченный пламенем? Что вы знаете об адреналине, если не прокрадывались ночью на мусорскую автостоянку с бутылками, полными бензина и масла? Что вы знаете о романтике, если ночами вам не приходилось совершать походы в лесах и переулках – чтобы вынырнуть в неожиданном месте, атаковать неприятеля, и скрыться в ночи? Если вы не видели регулярно в теленовостях и газетах репортажи об очередной своей ночной вылазке?

Что испытывает человек, занимающийся герильей? Кроме адреналина и радости, чувство обреченности. Баттерс думал, что их обязательно поймут. Каждая вылазка была праздником, который мог оказаться последним. А дальше – арест, пытки и половина жизни в тюрьмах.

Многим ли из анархистов-бомбистов и левых террористов удалось остаться непойманными? Потому он всегда носил с собой чувство скорого конца. Баттерс не видел никакого смысла задумываться об учёбе или карьере. Будущее казалось предreshённым.

Никогда он так не понимал Нечаева⁷⁶ с его «революционер – человек обречённый». Когда до акции остаются считанные

⁷⁶ Сергей Нечаев – российский революционер 19 века, проповедующий обреченность революционеров и необходимость для них отказаться от какого-либо будущего и вложить все силы в революционную деятельность. В конце концов, был вынужден бежать за границу после показательного убийства студента Иванова – члена его революционной организации, осмелившегося не подчиниться Нечаеву. С тех пор имя Нечаева стало нарицательным

часы, и нужно собираться на выход, тогда какое-то гнусное предательское чувство поселяется внутри, разрастается, наполняя всё твоё существование мраком неопределенности. Быть может, это твои последние часы на свободе? Выходишь в ночь, едешь в Москву на последней электричке, и не знаешь, вернёшься ли обратно. Но ведь кто-то должен был это делать? Кто-то должен показать пример радикального сопротивления. Расплата неизбежна, но именно таковой всегда была цена свободы. Никто нигде не давал людям права просто так, везде за них приходилось кому-то умирать. И если забиться по углам, боясь ареста – то всё будет становиться только хуже. Примерно так рассуждал Баттерс.

Но их не поймали, и пример оказался заразительным. По всей стране стали возникать группы анархистов-подпольщиков. Появились такие группы и в соседних странах, и даже среди националистов. В какой-то момент, нападения стали происходить по несколько раз в неделю. СМИ не умолкали, постоянно твердя об анархистских атаках. Казалось, не за горами наши «годы свинца»⁷⁷.

Мы были на подъёме.

* * *

Маркелов⁷⁸ был известен, прежде всего, активной гражданской позицией. Идейный социал-демократ, защищающий в судах анархистов и антифашистов. 19 января 2009 года вместе с журналисткой Анастасией Бабуровой⁷⁹ они вышли из независимого пресс-центра на Пречистенке, и направлялись к метро

⁷⁷ «Годами свинца» в Италии называют семидесятые годы 20-го века. Это был период расцвета политического насилия в стране, когда ультраправая и ультралевая молодёжь повсеместно прибегала к убийствам, перестрелкам, взрывам бомб, похищениям политиков и уличным бунтам.

⁷⁸ Станислав Маркелов – российский левый адвокат, в нулевые годы защищающий леворадикалов и ведущий дела против неонацистов

⁷⁹ Анастасия Бабурова – журналистка «Новой Газеты», анархистка

«Кропоткинская». За их передвижениями наблюдала некая девушка, давшая сигнал мужчине у метро. Как только адвокат с журналисткой вышли на улицу, он двинулся им навстречу. Пройдя мимо, достал пистолет с глушителем, и выстрелил Маркелову в затылок. Обернувшаяся на шум выстрела Анастасия кинулась на стрелявшего, после чего получила пулю в голову. Стрелок удалился, а Анастасия ещё полчаса истекала кровью на снегу. Прохожие аккуратно обходили мёртвого мужчину и умирающую девушку, даже не думая оказать им какую-либо помощь. Лишь сердобольная старушка спустя полчаса зашла в аптеку неподалёку и попросила вызвать скорую. Это уже не помогло – Анастасия умерла в реанимации. Возможно, вызови кто скорую помощь раньше, у неё был бы шанс.

Стрелявшим был русский националист Никита Тихонов. Ещё в юности, в конце девяностых годов, Тихонов входил в группу правых скинхедов «Объединенные Бригады 88», занимавшуюся нападениями на мигрантов и погромами рынков. Когда на улицах российских городов появились антифашисты, Тихонов с товарищами переквалифицировался на борьбу с ними. Маркелов и Бабурова были далеко не первыми и не последними его жертвами. До этого, в 2006 году, Тихонов участвовал в убийстве антифашиста Александра Рюхина. И хотя его подельников по этому убийству задержали, сам Никита сумел избежать подобной участи.

Находясь в подполье, Тихонов вместе с бывшим прапорщиком ФСБ Алексеем Коршуновым создал террористическую группу «Боевая Организация Русских Националистов», целью которой они ставили устранение врагов русских нацистов. Организация пользовалась покровительством Администрации Президента, и получала данные об антифашистах от правоохранительных органов. Как позже показал сам Тихонов на суде – БОРН устраняла лидеров антифашистов, чтобы не допустить в России «левого Майдана». За время своего существования БОРН убила ряд уличных боевых антифашистов, рассматривающего дела против ультраправых судью, и несколько выходцев

с Кавказа. Тихонов и его сожительница-подельница Евгения Хасис будут, в конце концов, задержаны, и расскажут в суде, что их деятельность направлялась людьми из Администрации Президента. А Коршунов, также принимающий непосредственное участие в убийствах, бежит в Украину. Там он подорвётся на собственной гранате, совершая утреннюю пробежку.

* * *

— Ты зачем косуху надел? Тебя же в ней принимают всегда. На выходе из метро, улыбаясь, подходит парень в «лонсдейле».

— Знаешь, мне кажется, что учитывая контингент мероприятия, скорее тебя с твоим прикидом примут.

Вчера нацисты застрелили в центре Москвы левого адвоката Станислава Маркелова. Вместе с ним была убита анархистка Анастасия Бабурова. И этим зимним вечером от метро «Кузнецкий Мост», на выходе из которого мы сейчас стоим, должен начаться несанкционированный марш против нацистского насилия.

Но в этот раз что-то не так. Вокруг станции уже стоит ОМОН, высматривающий подозрительных ребят. Спускаемся обратно в подземку — здесь никого не задерживают, здесь безопасно. Внутри уже толпятся различные группки анархистов, левых активистов, панков и скинхедов. Нахожу знакомых, подхожу к ним. Ждём, что делать дальше. Наверняка есть запасной план.

Вскоре смс-рассылка всех отправляет на «Театральную». Запасной маршрут шествия начинается там, под стенами Кремля.

Едем на новое место сбора. Когда мы подходим к массивным деревянным дверям, ведущим на улицу, они распахиваются, и навстречу нам ломится толпа наших чуваков. За их спинами какой-то хаос. Вечернее черное небо наверху так контрастирует с тонким белым слоем снега на Театральной площади, обрамлённой со всех сторон зданиями больших и малых театров,

возведённых ещё в 19 веке. Снег, ночное небо, дореволюционная архитектура, белые колонны театров, статуя Аполлона, управляющего четвёркой скачущих лошадей, ОМОН проводит задержания, в ментов летят бутылки... Вот она, романтика начала 21 века. Как позже напишут СМИ, кому-то из мусоров даже придётся покинуть площадь на носилках. Всего задержат около полусотни антифашистов. Остальным удастся уйти.

Это место сбора тоже накрыто мусорами. Возвращаемся в подземку, настроение подавленное. Катаемся в метро, пока не приходит СМС с указанием нового места сбора. Станция «Новокузнецкая». Едем туда, поднимаемся. Чисто, мусоров нет. Наконец-то.

Довольно быстро здесь собирается внушительная толпа молодёжи. Шествие начинается. Атмосфера злая, все разгневаны произошедшим убийством. Накрывы мусорами места первоначальной акции только усугубили ситуацию. Вслед за шествием выстраиваются мини-баррикады из мусорок и дорожных ограждений. Вскоре начинается всё самое лучшее – люди отделяются от демонстрации и кидаются на расположенные по пути маршрута заведения. Бьют арматурами витрины, кидают в них мусорки. Я держу баннер, и не могу присоединиться к веселью. Это обидно.

Шествие получилось коротким, но злым и ярким. Доходим до следующей станции метрополитена, спускаемся туда. Здесь погромы продолжаются. Спускаясь на длинном эскалаторе, слышу звон, сверху сыпится стекло. Хорошо, что я в косухе – могу закрыть ею голову. Чуть выше парень в маске методично лупит арматурой по плафонам, освещающим эскалатор.

Сегодня что-то изменилось. Было иначе – это касается и атмосферы шествия, и действий мусоров. Следующую попытку несанкционированного марша они сорвут полностью. Затем ещё один будет накрыт ОМОНОм. Шествие против приговора антифашисту Алексею Олесинову, которого за драку в клубе обвинят в хулиганстве, получится крайне эффектным и красивым – сотни две ребят в черных одеждах, темных очках,

с большим количеством пиротехники. Красиво побьют мусоров в штатском, следующих за толпой. Но потом появится ОМОН и большую часть участников задержат.

Дело против Олесинова было тоже довольно громким и характерным. Публичного антифашиста, воспринимаемого многими как лидера движения, демонстративно подвергли уголовному преследованию, чтобы показать пример остальным, как это бывает. Осудили его всего на год, но этого хватило, чтобы он стал символом движения, за которого на улицу выходят другие и о ком поют песни. В будущем, сроки будут не такими щадящими, а уголовные дела – куда более частыми.

Следующие несанкционированные марши будут уже менее масштабными. Они не будут «всеобщими», собираемыми по рассылке, но будут проводиться определенными сообществами, и собираться на них будет до полусотни человек. Зато они станут гораздо злее, погромы войдут в норму.

* * *

Центр Москвы, поздний вечер. Собираемся в заранее обозначенном дворике за гаражами. Днём был санкционированный митинг, собралось человек 300. Но для нас этого недостаточно. Ограничиться митингом – это поражение. Самые отмороженные, которым нужно больше, собираются за гаражами. Нас немного. Может быть тридцать, а может – пятьдесят. Не больше.

Несколько дней назад собрались таким же прохладным тёмным вечером в каком-то тупиковом переулке. Бритые парни, девушки с разноцветными прическами, на жилетках надписи, вроде «Самые важные вещи – это не вещи». На сумочках нарисованы кастеты и четыре буквы – АСАВ. Обсудили наши злодейские планы, договорились встретиться сегодня для яркой радикальной демонстрации.

Здесь анархисты, антифа и все подонки – панки и скинхеды. Раздаём файеры, арматуры, флаги. Я привёз рюкзак хороших

таких крупных булыжников – набрал на железнодорожной станции по пути из дома. Разбирайте, ребят! Шествие обещает получиться жарким и красивым. Но есть проблема...

Подхожу к товарищу- Видели недалеко во дворике целый ряд автозаков и армию мусоров. Центр, конечно, и всякое может быть. Но, может, и по нашу душу. Проверить бы.

Возвращаемся в тот дворик. Всё чисто. Наверное, уехали. Можно начинать!

Радикальная молодёжь, натягивая маски, выходит из-за гаражей. Движемся дворами к проезжей части. Внезапно... во дворике стоит жирный милиционер. Невозмутимо щёлкает семки и взглядом провожает толпу молодёжи в масках с арматурами и булыжниками. Выходим на дорогу...

Нам наперерез несутся колонны ОМОНовских автобусов. За спиной врубаются фары мусорских машин. Нас обложили со всех сторон!

Разбегаемся кто куда. Перебегаем с парой товарищей дорогу, долго бежим дворами. За спиной носятся мусора – принимают отставших.

* * *

Поджоги и погромы были не просто весельем, хотя и им тоже. Но, прежде всего, это политическое действие. Насилие – голос тех, кто не имеет возможности высказаться иначе. У нас нет миллионов долларов и крупных СМИ, как у властей или либеральной оппозиции. И донести свою позицию мы могли только таким способом. Хочешь, чтобы о твоей проблеме говорили? Разгроми что-нибудь в центре, а ещё лучше – дай пизды мусору. Хочешь донести какую-то идею? Сожги ментовку и напиши манифест. Насилие было нашим пиар-менеджером, единственным способом говорить наравне со СМИ.

Но что важнее – насилие было экзистенциальным поступком. Прибегая к насилию против власть имущих, ты уничтожаешь в себе страх перед ними, перешагиваешь через ту границу в сво-

ей голове, которая сакрализует власть и запрещает поднимать руку против неё. Насилие во все времена было инструментом, при помощи которого власть удерживает своё господство над нами – смердами, холопами, чернью. Насилие против нас называлось законом. Когда мы прибегали к насилию, чтобы защитить себя, это называли преступлением, экстремизмом, терроризмом. Они даже нас убедили в том, что мы не имеем права защищать себя. Когда мы прибегаем к насилию против них – мы доказываем обратное. Доказываем это себе и всем вам.

Когда эта граница будет преодолена в головах многих, и тысячи выйдут на улицу, чтобы грызть ментов, жечь дорогие тачки, врываться во дворцы чиновников – лишь тогда нас начнут слышать. Оппозиция лжёт, указывая на необходимость мирного протеста. Власть запугивает сроками за насильственный протест. Но разве у нас есть выбор? Посмотрите, как проходят протесты на западе. Там хороший протест не обходится без сожжённых городов и раненных мусоров. И лишь тогда местные власти готовы слушать население.

Ещё сто лет назад было иначе. Народы запада были более бесправны, чем даже мы с вами. Протесты и забастовки расстреливались, бомбились авиацией, бунтарей казнили, сжигали заживо, ссылали на край света... Но они не останавливались. Обагрили города своей кровью, гибли на площадях и эшафотах. Только благодаря им и выработались гражданское общество и традиция сопротивления, с которыми вынуждены теперь считаться власти. Каждое право, каждая социальная гарантия на западе куплены кровавой ценой. Нигде и никогда не бывало иначе, права и свободы добываются только в борьбе. И любой, кто отговаривает вас от радикального протеста, лишь отдаляет волшебный миг освобождения.

Товарищ любил говорить – «мы не увидим революцию, мы сторим в первой революционной волне». Он оказался прав, но не предвидел, что эта волна окажется и последней.

* * *

Луч фонарика шарит по кустам в поисках подозрительных ребят, увиденных ментами поздно ночью на лесной дороге. Баттерс прячется за деревом в глуби леса. Его соратники – кто также сидит за деревом, кто лежит в кустах. Чёрные одежды, в рюкзаках – маски и «молотовы». В кармане нож, в голове единственная мысль – если их обнаружат, придётся нападать либо бежать. Страх нет, есть единственная мысль, чёткая и ясная. Главное понять – бегут они или атакуют. В такой темноте и рассредоточенности сделать это непросто. Если атакуешь, пока товарищи побегут – тебе конец. Если побежишь, пока атакуют остальные – конец может настать тем, кто атаковал. А тебя до конца дней будет грызть совесть за то, что оставил товарищей в беде... Вот дилемма. Они не обсуждали поведение в этой ситуации. Зря.

Свет фонарика гаснет. Хлопает дверца машины, заводится двигатель. Мусора уезжают в сторону отдела. Герильерос продолжают свой путь.

Отделение стоит на окраине леса. Это самое удачное расположение. Подмосковные леса и огромные лесопарки на территории столицы делают городских партизан неуязвимыми, скрывая от камер и любопытных глаз. Зашёл в одном конце, прошёл полночи, вышел у отделения. Дальше – в зависимости от обстоятельств. Здесь, например, удобный решётчатый забор. Мусорские тачки на территории отделения припаркованы прямо у него. Можно дотянуться рукой. Идеально. Спокойно подходят, достают канистры с волшебной смесью. Обливают всё, до чего дотягиваются. Чиркает спичка – и ночь освещена рядом горящих мусорских машин. Поджигатели исчезают в темноте...

В других случаях можно бить окна, и заливать чудодейственный эликсир прямо в помещение.

Не спасут и высокие бетонные заборы. Товарищ подсаживает Баттерса, и тот, взобравшись на забор, наблюдает обстановку

на участке. Окна отдела горят электрическим светом. Наверняка, там сейчас бодрствуют немногочисленные сотрудники. Может быть, прямо сейчас очередной бедняга подвергается пыткам? Прямо за этим окном?

Поливает сверху резко пахнувшей смесью припаркованные тачки и кидает горящую спичку. Языки пламени пробегают по бензиновой дорожке за доли секунды. Когда они облизывают мусоровоз со всех сторон, берут его в огненные объятия – сердце выпрыгивает из груди. От страха, адреналина, восторга, безумной радости и чувства справедливого возмездия. Спрыгивает с забора и бежит в лес...

В самых сложных ситуациях можно закидать цель «молотовыми» с расстояния – классический метод, но увы, не самый эффективный, если речь идёт об автотранспорте. Гораздо эффективнее, если нужно передать пламенный привет какому-то зданию. В идеале сперва кинуть туда хороший булыжник, чтобы выбить стекло. А следом меткий бросок «молотова» может сжечь кабинет с полицейской техникой, материалами дел, и всем прочим. Это очень просто, на самом деле.

Картины горящих мусорских тачек и зияющих глазниц выбитых окон с вырывающимся изнутри пламенем, перемешались в памяти Баттерса в какую-то сплошную череду атак. Ночные партизанские переходы, обсуждения, сомнения, наблюдения за объектом перемешиваются сильнее, образуя в памяти бесконечный поход молодых экстремистов против полицейского беспредела.

2010. АНТИФАШИСТСКИЕ ПОГРОМЫ

В ноябре 2009 года в своём подъезде нацистами из «Боевой Организации Русских Националистов» был застрелен Иван Хуторской – анархист, активный уличный антифашист. Нацисты рассматривали его как одного из лидеров движения, и опасались, как заявили на суде, что Хуторской может повлиять на ход протестов в стране.

Это убийство ещё более радикализовало антифа. Вскоре, толпа антифашистов атаковала офис прокремлевского движения «Россия Молодая». Были разгромлены припаркованные здесь автомобили, выбиты окна офиса. «Россия Молодая» возглавлялась депутатом-единоросом Максимом Мищенко. Она была известна провокациями против оппозиции, нападениями на протестующих, а кроме того – сотрудничеством с ультраправой организацией «Русский Образ». «Русский Образ», в свою очередь, являлся «легальным крылом» «Боевой Организации Русских Националистов». Таким образом, связь «России Молодой» с убийцами Хуторского была довольно прямой.

Кажется, тогда и начались конфликты некоторых из антифа с анархистами. Собственно говоря, антифашистское движение, хоть и позиционировалось со стороны как анархистское, и выходило на уличные демонстрации под анархистскими же флагами, было довольно разнообразным по своему составу. Здесь можно было найти людей самых разных взглядов – сталинистов и троцкистов, либералов и социал-демократов, консерваторов и монархистов. Анархистов тоже хватало. Но и там всё было довольно пёстро. Хотя доминирующим был коммунистический анархизм, можно было встретить рыночных анархистов, анархо-индивидуалистов, «анархистов без прилагательных», анархо-примитивистов и тд. И даже среди

людей, называющих себя анархо-коммунистами, всё было очень плохо. В качестве альтернативы капитализму анархисты могли выдвигать идею бартера; дарономики, когда люди будут просто дарить друг другу излишки; аграрного коммунизма, когда люди уйдут в деревни и будут жить на уровне древних обществ; примитивизма, когда люди в принципе откажутся от каких-либо технологий. Представления об анархизме у людей складывалось из текстов песен, постов в социальных сетях, каких-то комиксов, и тд. Самые продвинутые читали теоретиков 19 века, но ведь и они безнадежно устарели в 21 веке. Большинство анархистов же вовсе не парились по этому поводу – для них анархизм был комплексом субкультурных понятий: отказ от мяса, воровство в магазинах, драки с нацистами, сквотерство и тд. Впрочем, и такие анархисты не были большинством в движении. Преобладали аполитичные субкультурные ребята, панки и скинхеды.

Объединяло всех одно – противостояние с нацистами, которые в нулевые развернули уличный террор, убивая мигрантов, бездомных, панков, левых активистов и тд.

То же самое касалось и антифа. Найти там можно было кого угодно – анархистов, коммунистов, либералов, аполитичных ребят или правых консерваторов. Многим аполитичным и умеренным антифашистам, конечно, не нравилось публичное доминирование анархизма в движении, как и «выходки» радикалов. И чем больше становилось движение, тем очевиднее становились противоречия внутри него. Анархизм для «умеренных» был глупыми сказками, им хотелось более уважаемой политики.

Сперва на анархистских митингах публичные антифашисты призывали всех отказываться от анархизма, начать сотрудничать с политическими партиями и оппозиционными политиками. Затем начали проводить уже собственно антифашистские митинги без всякой анархистской повестки. Темы вроде «русские против фашизма» должны были создать новый, патриотический антифашизм, чуждый всем этим анархистским

утопиям. Дошло до того, что антифа начали принимать участие в акциях протеста против строительства мечетей в Москве. По меркам толерантных анархистов и вообще европейского образца антифашизма, уже одного этого было достаточно, чтобы словить обвинение в «фашизме».

Сказалось это и на антифашистской музыке. Появились популярные группы, осуждающие в равной степени и ультраправых, и ультралевых, пропагандирующие патриотизм и антифашизм. Наиболее образцовым примером здесь была, конечно, Moscow Death Brigade. Они об этом и пели — здесь Русский марш стал синонимом толпы фашистов, но это я — русский, а ты нацистская шлюха, и мы не ведемся на нацистский бред и догмы ультралевых, политика это для слабых, своё мнение для смелых...

О том же пели другие антифашистские группы того времени. Мол, настоящие патриоты это мы, мы помним подвиг дедов, а нацисты — обычные русофобы. Левые идеи в их песнях уже ставились в один ряд с нацизмом, а мигранты открыто провозглашались таким же врагом, как и ультраправые.

Под ритмы стрит-панка антифашисты провозглашали:

Приехал из Азии или с Кавказа
В чужой монастырь со своим уставом
Он ведет себя, словно находится дома
По-русски не знает ни единого слова
Они не понимают наши нормы поведения
Они здесь чужие, это вне сомнений
Нацисты-русофобы никому не нужны
Убирайтесь на хуй из моей страны
Равные права и свободы для всех
Будь проще: черный, белый, желтый — валим всех⁸⁰

В антифашистском рэпе враг также обозначался предельно чётко: «быдло, боны и хачи»

⁸⁰ **Disorderly Conduct** — Будь проще

Эти квадратные метры в центре Вавилона
Стали дороги, как космонавту глоток кислорода.
Не веришь? Пройдись по улицам Москвы!
Быдло, боны и хачи — кругом одни враги.
В руке острый нож — ты только в этом уверен,
Как партизан, лезешь в пекло, несмотря на потери.
Я видел ада пустоту в посетителях клубов,
Пробиваемся вперед, со мной Саша Крайм и Куба!⁸¹

Дальше всех в этом деле зашли кировские красные скинхеды антифашисты, чьи тексты уже стали неотличимы от ультраправых:

Старушка Европа встречает закат, какое будущее её ждёт?
На их пособие живёт иммигрант и на законы плюёт
Легализован однополюый союз, разрушается семья

Толерантность это не выход, так жить нельзя⁸²

Нацисты пели ровно о том же самом, но левые и правые скинхеды, выступающие против одних и тех же западных ценностей, продолжали резать друг друга:

Западной Европы страны во власти трёх пороков
Приведут к крушению деградации Земли
Война культур отсутствие национального потока
Ведут свою политику либеральные скоты
Проповедовали свободный секс и смешанные браки
Получили чёрно-бело-желтых обезьян
С непонятной ориентацией геи лесбиянки
Диктует модный MTV телеэкран⁸³

⁸¹ Папаха, Куба, Саша Прайм – Наш автобус едет в Ад

⁸² Klowns – Горите в аду

⁸³ Северный Воин – Царство

Впрочем, не судите антифашистов этого периода строго. Идеи человека формируются под влиянием окружения, социальной реальности. Подобные взгляды же были широко представлены в российском обществе. Так что ещё могли думать дети своего времени, выходцы из своей социальной среды, существующие, к тому же, в условиях перманентного уличного насилия с многочисленным и опасным врагом? То, что эти ребята встали на борьбу с русским нацизмом, уже являлось большим прогрессом. Видимо, они считали, что левые идеи не будут пользоваться большим спросом среди российского населения, и попытались играть с нацистами на их поле, выбить у них из-под ног их социальную базу. Смешно, но в то же самое время ультраправые, обеспокоенные подъёмом антифашистского движения, взяли на вооружение ряд левых идей. Таким образом, нацисты двигались влево, антифашисты вправо, и разницы между ними становилось всё меньше... Многие из бывших врагов сойдутся через несколько лет где-то посередине.

В плане уличной политики же умеренные антифашисты как будто попытались монополизировать радикальное насилие – подавляя неподконтрольные им радикальные действия других групп, они охотно применяли их сами. Вместо уличной герильи и тотальной войны с государством, они уже пытались договариваться с силовиками. Так, спустя неделю после убийства Ивана Хуторского, антифа договорились с ГУВД Москвы о возложении цветов у могилы неизвестного солдата. Несколько сотен антифа под стенами Кремля без препятствий со стороны милиции почтили таким образом память убитых товарищей. Попытка проведения группой анархистов несанкционированной демонстрации тем же вечером наткнулась на противодействие антифашистов.

— Вы кто такие вообще? Вы понимаете, что мы договорились с ГУВД, что если они дают нам возложить цветы, то никаких беспорядков не будет? — с позиции силы говорили антифа анархистам.

Следующий конфликт возник после похорон Хуторского. Корреспондент «Комсомольской Правды» Дмитрий Стешин — сам идейный нацист и соратник убийц из «Боевой Организации Русских Националистов» — сравнил похороны антифашиста с похоронами криминального авторитета, ввиду того, что они проходили под оцеплением силовиков. Это, в свою очередь, возмутило анархистов, которые решили разгромить офис газеты «Комсомольская Правда» за участие в ней нациста и соратника убийц из БОРН. На почве этого чуть было не произошёл физический конфликт — антифа планировали приехать и защищать газету от нападения анархистов, но не смогли выяснить день нападения. В результате, группа анархистов разбила витрины в здании и забросала офис бульжниками и пиротехникой.

Партизанские вылазки анархистов также встречали возмущение антифашистов. Тем не менее, они продолжались и становились всё более радикальными и массовыми. Да и сами антифашисты были не чужды радикализму. В первую годовщину убийства Маркелова и Бабуровой в Москве попытались организовать демонстрацию их памяти. Власти запретили её, разрешив лишь пикеты в начале и конце запланированного шествия. Конечно, тысяча антифашистов, собравшихся на первый пикет, всё равно попыталась провести марш. Всё закончилось столкновениями с милицией. Антифа прорвали металлические ограждения, милицейские оцепления и забросали ментов ледяными глыбами. Снег, вечер, мороз, сугробы, разбитые куски льда под ногами, сотни антифашистов и анархистов прорывают милицейские оцепления на московских бульварах — красота! Хотя силы были примерно равны — демонстрантам противостояло также около тысячи милиционеров — справиться с антифашистами милиция так и не сумела. Пришлось привлекать ОМОН. Но и тогда всё закончилось ничьей. Генерал милиции пообещал отпустить всех задержанных в результате столкновений в случае, если беспорядки прекратятся. На том и договорились. Фамилия генерала была Козлов, что привело к забавному казусу. Когда стареющий правозащитник после

переговоров объявлял антифашистам, что генерал Козлов готов отпустить задержанных, из толпы раздались недоумевающие выкрики: «чей генерал?!»

Параллельно этим событиям, анархисты атаковали здание Союза Писателей в Москве. Он провинился тем, что предоставлял место для собраний нацистам. После погрома, политика писателей в отношении нацистов изменилась, и их сборища там прекратились.

Вообще же, новости в 2010 году уже больше напоминали пресловутые «годы свинца». Вот у отделения милиции найдена бомба. Подозревают анархистов. А вот группа неизвестных ограбила магазин футбольной команды «Спартак». По словам продавца, в него выстрелили, назвали «нацистской свиньей», взяли кассу и подпалили магазин броском коктейля молотова... 2010 был годом какого-то тотального беспредела. Любое уличное насилие уже ассоциировалось с анархистами и антифа.

Дошло до того, что когда в конце года вспыхнули беспорядки на Манежной Площади, в которых приняли участие нацисты, министр внутренних дел Рашид Нургалиев по привычке сообщил о беспорядках, «организованных леворадикалами». Хотя, правды ради, действительно в этих ультраправых выступлениях московских фанатов, разразившихся после убийства болельщика «Спартака» кавказцами, приняли активное участие антифашисты. Одним из обвиняемых по делу стал 15-летний московский антифашист и анархо-коммунист, которого назначили организатором беспорядков. Другими фигурантами стали национал-большевики. Сколь-либо серьезных, организованных правых там не было – лишь правая масса фанатов и слетевшиеся туда левые и левоправые радикалы, для которых, кажется, важна была хорошая буза, неважно под какими лозунгами. Закончилось всё погромами Манежной площади, столкновениями с ОМОНОм и избиениями случайных кавказцев и азиатов в метро.

Казалось, теперь можно делать вообще всё, что угодно.

* * *

Первомай 2010 в Москве выдался особенно жарким. Накануне группа анархистов атаковала деловой центр, закидав его дымовыми шашками. В ночь на первое мая другая группа, вооружившись ломami и коктейлями молотова, поджигала столичные банки. Рано утром несколько десятков анархистов напали на опорный пункт полиции на окраине Битцевского леса в Коньково, забросав его камнями и дымовыми шашками. Затем – большое санкционированное шествие в несколько сотен анархистов и антифашистов в центре города. Несанкционированное перекрытие дороги в Чертаново, наконец, закончилось задержаниями. Несколько десятков анархистов в чёрных одеждах и капюшонах высыпали на проезжую часть, залитую белым дымом, растянув красно-черные флаги и баннеры с призывами к революции. Тут-то всех и накрыла полиция. Соотношение сил получилось вовсе не в нашу пользу, так что можно было наблюдать разбегающихся людей в чёрном, столь выделяющихся на фоне белого неба и зеленого сквера у метро «Чертановская». Я даже на секунду остановился, залипнув в это зрелище – чёрные пятна разбегаются на зелено-голубом. Красиво и немного комично, знаете, только музыки из шоу Бенни Хилла не хватало... Я то был одет «по обывале», никаких чёрных шмоток, а потому спокойно смешался с толпой и ушёл оттуда прогулочным шагом. Копам удалось задержать нескольких ребят, попытавшихся оказать сопротивление. Против них, в итоге, были возбуждены уголовные дела за нападение на сотрудников полиции.

Параллельно с этим, на другом конце Москвы, на ВДНХ, проходил первомайский митинг-концерт антифашистов и анархистов. Власти, по какому-то злому умыслу, дали нацистам разрешение на проведение митинга по соседству. Скорее всего, они планировали спровоцировать столкновения между правыми и левыми радикалами, с последующими показательными делами. В Питере также анархистскую колонну на Первомае

пустили рядом с колонной ультраправых. Эшники подходили к антифашистам, и предлагали им напасть на нацистов – мол, вам за это ничего не будет, мы хотим засадить ультраправых, а не вас. Интересно, предлагали ли они тоже самое нацистам? Как бы то ни было, никто на провокацию не повёлся, и массовых столкновений не случилось.

Зато произошла драка уже в метро, когда участники обоих митингов покидали мероприятия. В одном вагоне оказались компании молодых антифашистов и столь же юных нацистов. Правые применили ножи, порезав нескольких из антифашистов. Среди нацистов также были пострадавшие – их добивали молотками уже на следующей станции. Но пострадавшими в драке, в виду полученных ножевых ранений, сделались антифашисты. Нацистов посадили за самооборону при активном участии антифашистов.

Далеко не самая красивая история, но, к сожалению, характерная. Зачастую нацисты поступали аналогичным образом – атаковали антифашистов, и, получив отпор, писали на них заявления в полицию. Антифашистов сажали, и те обвиняли нацистов в сотрудничестве с копами. Но такие ситуации были с обеих сторон. И, осуждая противоположную сторону за такое поведение, своим ребятам тоже самое, конечно, прощалось, и считалось чем-то нормальным.

Ночь, большой отряд из пары десятков анархистов пробирается по лесным тропам, утопшим в грязи. Такое ощущение, будто идёшь по болоту – ноги так и вязнут, проваливаются под землю. Одна из девушек вскрикивает – выдернув ногу из пучины, она лишается кроссовка. Все попытки отыскать обувь заканчиваются ничем, грязь поглотила его. Бывают нелепые ситуации, конечно. Кто-то из ребят джентльменски жертвует ей свои ботинки, а сам передвигается по холодной лесной грязи в бахилах на голые ноги. На это даже смотреть холодно, честно говоря.

Цель на сегодня – пробраться в строительный лагерь, осуществляющий вырубку леса, и проверить какой-нибудь саботаж. Чем больше, тем лучше.

Добравшись до края лагеря, выглядывают из кустов. Работников или охраны не видно. Анархисты рассредотачиваются по лагерю. Двое обегают строительную технику. Один с ножом, пытается повредить шины. Второй проверяет старую байку, засыпая сахар в бензобаки. Считается, что это должно привести к повреждениям двигателя. На самом деле это всё бред, но тогда они этого не знали.

Закончив с техникой, передвигаются к ограждениям.ломают их, и скидывают в глубокий строительный ров. В этот момент, в лесу вспыхивают десятки фонариков, они движутся к лазутчикам. – Что это?

– К нам кто-то идёт!

– Блядь, там десятки людей с палками в руках и фонариками на головах – запыхавшись, докладывает кто-то.

После короткого обсуждения, решено не принимать бой, а спрятаться в кустах группами и бежать, в случае необходимости. Скрывшись в зарослях, наблюдают за приближающимися к огоньками фонариков...

– Блядь, это лыжники – покатываются анархисты с хохота, когда те пробегают мимо. Подняли панику из-за лыжников! В тёплое время года они носятся по лесам с лыжными палками, тренируются. Собравшись снова, анархисты смеются и подшучивают друг над другом.

* * *

Самая, конечно, эпичная акция российских антифашистов – погром в Химках летом 2010 года. Предыстория довольно проста – власти надумали строить платную трассу Москва – Санкт-Петербург, проложив её через Химкинский Лес. Экологические активисты требовали перенести трассу в обход леса, и долгие годы безуспешно боролись с вырубкой. В 2010 году

ими был организован протестный лагерь, и компания, вырубающая лес, не придумала ничего лучше, чем нанять правых футбольных фанатов для разгона лагеря протестующих. На рассвете пара десятков крепких парней в импровизированных масках из белых футболок атаковала экологических активистов и расчистила путь для строительной техники.

Это, в свою очередь, вызвало ответную реакцию антифашистов. Чтобы собрать народ на акцию, было объявлено о проведении концерта антифашистских групп «Проверочная Линейка» и «Moscow Death Brigade». Группы были, что называется, легендарными, и послушать их собралось несколько сотен человек. Каков же был их облом, когда вместо групп к ним вышел один из известных антифашистов, и спросил, улыбаясь:

— Надеюсь, здесь нет лошков, которые думали, что идут на концерт?

Конечно, все шли именно на концерт, не имея никакого представления о замысла организаторов. Но признаваться в том, что они «лошки» и повелись на объявление о концерте, тоже никому не хотелось.

— Мы едем сейчас в Химки, где ОМОН и нацисты под видом ЧОПа нападают на экологов. Все силы зла собрались сейчас в Химках, поэтому мы проведём там акцию, она будет охуенная!

И вот полтысячи антифашистов садятся в электричку, и едут в подмосковные Химки. Колонна молодых людей выходит на железнодорожной станции, подбирает булыжники с земли и пивные бутылки из мусорок, растягивает впереди белый баннер, на котором написано «Очистим лес от фашистской оккупации», и движется в сторону городской администрации.

Когда колонна приближается к мэрии, самые энергичные бросаются в атаку. Десятки антифашистов в масках забрасывают здание камнями, бутылками, дымовыми шашками, расстреливают окна здания из пистолетов. Здание обволакивает чёрный дым, под покровом которого люди в масках пишут на стенах лозунги в защиту леса. Несколько антифа выламывают входную дверь. Дело идёт скорее, когда-то кто-то приносит

топор и начинает рубить дверь топором. Ещё несколько сотен антифашистов столпились у входа, скандируя экологические и антифашистские лозунги. Лишь иногда кто-то из них выбежит из толпы, чтобы тоже швырнуть что-нибудь в здание.

Наконец, администрация разгромлена, акция проведена, и колонна поворачивается обратно к станции. На пути шествия попадает мусорская машина. Разгоряченные антифашисты несутся к ней навстречу с яростными криками, не сулящими ментам ничего хорошего. Те предпочитают скрыться в ближайшем переулке.

Антифа доходит до станции, садятся в электричку и уезжают обратно в Москву.

* * *

Конечно, химкинский погром вызвал ажиотажа не меньше, чем репрессий. Нападение обсуждалось, кажется, вообще всюду — от аполитичных интернет форумов до теленовостей на Первом канале. Теперь за антифа и анархистов принялись всерьёз.

Началось, кажется, с задержаний спецназом журналистов, присутствующих на акции. Также были задержаны и помещены под стражу некоторые медийные антифашисты. Как раз те самые ребята, что пытались хоть как-то договариваться с властью и двигаться в политику. После этого, кажется, таких попыток уже никто не предпринимал, и акценты в движении опять больше сместились в сторону анархизма.

Антифашистов теперь власти воспринимали совсем на ином уровне, и по всей стране пошла волна задержаний и составления списков антифа. Задерживались, в первую очередь, конечно, участники погрома. Выявить их не составило большого труда. Во-первых, присутствующая во время погрома группа «Война» додумалась снимать всё происходящее не только во время самой акции. Когда антифашисты расселись по электричке и уже сняли маски, люди из «Войны» продолжили съёмки, засняв лица погромщиков и выложив их в интернет.

Во-вторых, участников погрома определили по сигналу сотовой связи. Вообще, во время радикальных акций и партизанских вылазок телефоны обычно отключались, это было общим правилом. Но здесь люди не знали, что они идут на радикальную акцию. Эти люди, в большинстве своём, в принципе не участвовали никогда в радикальных акциях, и могли не понимать самых основ безопасности на таких мероприятиях. А организаторы акции, конечно, никого не проинструктировали. И вот, сотни антифашистов вычисляются по сигналу сотовой связи и доставляются в отделение, где их, конечно, бьют и запугивают, требуя называть другие имена.

Далее, принялись принимать засвеченных ранее участников движения, известных силовикам антифашистов. И, наконец, начались массовые облавы на антифашистские концерты по всей стране. Доходило до того, что в один день в разных городах могло быть задержано до полутысячи антифашистов. В общем, теперь списки левых экстремистов были составлены. И началась серьёзная их разработка.

Вырубку Химкинского леса же остановить так и не удалось. Но в результате борьбы антифашистов и экологов были заметно уменьшены запланированные первоначально масштабы вырубки леса.

Химкинская история имела продолжение в соседней Беларуси. Повстанческая волна добралась и туда, и местные анархисты уже какое-то время занимались партизанскими атаками на банки, казино, и прочие объекты буржуазного капитала. После волны репрессий в России, они решили проявить солидарность с российскими антифашистами, и забросали российское посольство коктейлями молотова. Начался международный скандал, российские власти обвиняли белорусского президента Лукашенко, Лукашенко обвинял в провокации российские власти, но в итоге виноватых нашли в лице местных анархистов.

Силовики провели большую зачистку белорусского анархистского движения, в результате которого несколько активистов оказались за решёткой.

Солидарность с белорусскими анархистами, оказавшимися в тюрьме за солидарность с российскими антифашистами, репрессированными за солидарность с химкинскими экологами, на сей раз решили выказать московские анархисты, возведшие на Минском шоссе в Московской области настоящую огненную стену из горящих покрышек. Анархисты вышли на проезжую часть, спокойно разложили покрышки перед вставшим автотранспортом, полили их бензином, и подожгли. Огонь взметнулся вверх, встал стеной, перегородив движение, анархисты же раскидали листовки с информацией о репрессиях в Беларуси и покинули место происшествия. В общем, акция тоже получилась достаточно яркой.

Кажется, этот замкнутый круг солидарность-репрессия-солидарность-репрессия-солидарность может продолжаться вечно.

* * *

Прямое действие – краеугольный камень доктрины анархизма. Суть его в том, чтобы решать все встающие перед нами проблемы в обход государства. То есть ты не обращаешься в суды, полицию или прочие государственные инстанции, но кооперируешься с другими такими же обделенными властью людьми, для совместного решения проблемы своими силами. В современной политической среде это понятие потеряло свой смысл. Всевозможные нацболы и коммунисты зовут теперь «прямым действием» любую несанкционированную демонстрацию. Нацисты и анархисты же под «прямым действием» подразумевают радикальные насильственные акции.

Мне не нравится это неуместное использование термина. Тем самым лишается смысла само это понятие и через него – и весь анархизм. Прямое действие – это когда жители района

организуются для его благоустройства. Или когда рабочие не обращаются в трудовые инспекции, а организуют забастовки. Спустя несколько лет я создам инициативу по борьбе с бандитами и рейдерами, в ходе которых люди сами, без обращения к государству, будут добиваться возвращения своих денег и защиты своего жилья от бандитов. Вот это – прямое действие.

Для «зажигательных» акций уместнее использовать другой термин – «пропаганда действием». Эта концепция в своё время взорвала мир, залив Европу реками монаршей крови. Именно с ней связана угрожающая слава анархизма конца 19 века.

В 19 веке было много светлых умов, интеллектуалов и прочих пиздоболов, обсуждающих справедливое переустройство мира. Пока беднота едва сводила концы с концами, социалисты разглагольствовали о никому не нужной философской ерунде. Пока, однажды, не появились анархисты, провозгласившие, что идеи должны распространяться не словами, но делом. Громкие дела – лучшая форма пропаганды. Никто не услышит ваш манифест, но сдобрите его кровью тиранов – и тогда он станет бестселлером.

Кроме того, насилие заразительно. Осуществляя насилие, вы показываете остальным, что так можно. Показываете альтернативу, которой будут следовать те, кто жаждет действия.

И понеслось. По всему миру заговорил динамит. Анархисты застрелили президентов США и Франции, короля Италии, закололи напильником австрийскую императрицу, совершили бесчисленное количество нападений на прочих правителей, чиновников и полицаев... Вскоре насилие стало действительно массовым. Взрывались полицейские участки, церкви, суды, дома чиновников. Настоящая война развернулась по всему земному шару, от Аргентины до России, от Японии до США, от Китая до Франции. Тысячи безумцев и смельчаков кидали свои жизни в костёр революции.

Каждый из них служит примером не просто политического бойца, но экзистенциальным утверждением всего лучшего и светлого, что есть в человеке. Жизнь каждого из них напо-

минает приключенческий роман. Образ, созданный их врагами и друзьями, сравним с героями мифов и легенд.

Помните «Старуху Изергиль» Горького? Когда люди очутились во мраке, Данко повёл их к свету и счастью. Но путь из тьмы был труден, и люди стали осуждать Данко. Они сказали, что он слишком мало сделал для них. Возмущился Данко. Ответил, что повёл их, потому что в нём есть мужество вести. Сами люди же ничего не сделали для собственного счастья, но лишь осуждают его. Эти слова ещё более разъярили людей, и они приговорили Данко к смерти. Но и тогда Данко сохранил любовь к людям. И он задал самый важный вопрос, который только может быть задан человеком самому себе. — Что сделаю я для людей?

Вынул он своё горящее сердце, и осветил путь в кромешной тьме. Конечно, никто не оценил жертву. Данко погиб, а сердце его было втоптанно в грязь. Но люди выведены из тьмы его любовью к ним.

Этот образ казался мне всегда самым сильным в литературе. Что я сделаю для людей? В этом заключается главный вопрос. Гуманизм Данко, готовность к самопожертвованию ради людского счастья — в этом заключается высшая добродетель. Станем ли мы когда-то такими? Приближимся ли к идеалу?

Рассказ о Данко пугает реализмом. Горький очень точно изобразил реакцию людей на самопожертвование. В анархистской среде видно это особенно чётко. Здесь лишь небольшое количество активистов отдают делу свои жизни, время, силы, нервы. И именно они подвергаются проклятиям. Они делают недостаточно, и совсем не то, чего от них ждут прочие. Множество бездействующих скажут, что единицы действующих — мудаки, потому что делают не то, что хотелось бы им, критикантам. Хотите нажить врагов? Просто делайте дела. И вас возненавидят те, в ком нет мужества действовать, в чьём сердце нет огня. За то, что вы посмели действовать тогда, когда они не могут. Разве может оскорбить человека что-то глубже, чем чужой пример? Чужой успех — самое худшее, что может быть

с человеком экзистенциально. Чужое действие подчёркивает бессмысленность существования бездействующего человека.

Другим таким образом является титан Прометей из древнегреческих мифов. Создатель людей и защитник их от богов. «Видящий прежде», он наделён пророческим даром. Осознавая всю тяжесть наказания, что он понесёт за своё преступление, Прометей похищает огонь и отдаёт его людям. Теперь человечество не беззащитно перед дикой природой. Оно осваивает технологии и покоряет окружающий мир, уподобившись богам. Тем самым, божественная власть поставлена под сомнение. Именно оспаривание власти является самым страшным преступлением в любой религии и государстве. Прометей приговорён к страшным мукам — будучи прикован к горе на Кавказе, каждый день он ждёт прибытия орла, что клюёт его печень снова и снова.

Древнегреческий поэт Эсхил вкладывает в уста Прометею Прикованному следующие слова:

«Ах, как легко тому, кто в безопасности,
Увещевать и поучать попавшего
В беду. Но я ведь это все и раньше знал.
О да, о да, прекрасно знал, что делаю,
И, людям помогая, сам на пытку шел.
Не думал, правда, что такая выпадет
Мне пытка — чахнуть на утесе каменном,
Над пропастью повиснув, среди пустынных скал.
Но не тужите о моих сегодняшних
Невзгодах, а спуститесь и о будущих
Услышите судьбах, чтобы все, как есть, узнать.
Молю, молю вас, будьте сострадательны,
Беду чужую видя. Ведь без устали
Кочует злополучье от одних к другим.»⁸⁴

⁸⁴ Эсхил — «Прометей Прикованный»

Здесь мы видим тот же посыл, что в поступке Данко. Одержимый состраданием Прометей понимает, что его ждут наказание и насмешки со стороны тех, в жертву кому он приносит себя. Но он одерживает победу над верховной властью Зевса. В конце концов, богам приходится смириться, что люди становятся равны им.

На первый взгляд, Прометей здесь перекликается с новозаветным Христом, что приносит себя в жертву под улюлюканье толпы во имя блага людского. Те люди, ради которых он принимает муки, высмеивают его.

Но гораздо более сильное сходство обнаруживается с другим библейским персонажем – Люцифером. Ветхозаветный Бог это не доброе христианское всепрощающее божество, но суровый патриархальный тиран, чьё главное требование – беспрекословное подчинение. Люцифер и падшие ангелы совершили самое страшное преступление, оспорив власть божественного тирана, после чего на небе началась война. Тот же самый мотив, что и в древнегреческих мифах, где боги ведут борьбу за власть с титанами. И один из этих титанов-падших ангелов дарует людям свет знания – огонь, или запретный плод. Вкусив по наущению дьявола плод познания, люди стали собственно людьми. Они начали узнавать окружающий мир, постигать добро и зло, стали действовать осознанно. Дьявол выступает здесь величайшим благодетелем, одарившим человека волей.

Но тем самым люди совершают страшное преступление – они ослушиваются Бога, оспаривают его власть. И за это наказаны изгнанием из райского сада.

В библейских и древнегреческих мифах мы видим один и тот же мотив – становление личности как самостоятельного актора, наделенного волей, достигается лишь через бунт, послушание и оспаривание высшей власти. И это осуждается религией. Что характерно, первоначально Прометей был отрицательным персонажем, как и библейский дьявол. Лишь со временем великие гуманистические мотивы Прометея начинают выходить на первый план, и он становится положительным героем.

Этот образ один из сильнейших в мировой истории. Бунтовщик, бросивший вызов высшей власти. Мученик, приносящий себя в жертву ради тех, кто осудит его. Не сломавшийся в аду победитель, с которым вынужден смириться могущественный Зевс. В христианстве же этот образ распадается. Бунтовщик-Люцифер однозначно осуждается, и противопоставляется смиренному мученику-Христу. Теперь мученичество должно быть безопасным, не оспаривающим верховную власть.

У каждого из нас есть ориентиры, представления о том, каким должен быть человек, к чему нужно стремиться. Для меня идеал заключался в поступке Данко-Прометея. Бунт, борьба за счастье людское – это вопрос не политики, но бытия, экзистенциальный выбор.

Но всё это персонажи вымышленные, художественные. Может ли реальный человек быть таким? Я находил воплощение этих качеств и добродетелей в биографиях анархистов 19 и начала 20 века. Казалось, что эти люди пришли в наш мир из античных легенд.

Производят впечатление «чикагские мученики», давшие импульс мировой борьбе за восьмичасовой рабочий день. Трудовые мигранты, прибывшие в США из Европы, не застали здесь царства благоденствия и равенства. Чтобы выжить, им приходилось работать за гроши без выходных на вредном производстве по 12 часов в день. Когда тяжёлая работа доканывала их, и они теряли трудоспособность в совсем ещё молодом возрасте, их просто выбрасывали на улицу без всякого пособия. Их семьи были обречены на голодную смерть. Владельцы фабрик же делали огромные состояния на труде этих бедняг. Жизнь рабочих сводилась к работе, каждый день, от зари до заката. После никакой жизни нет, есть лишь голодная смерть.

Что делать в такой ситуации? Весной 1886 года трудящиеся вышли на улицы с требованием введения восьмичасового рабочего дня. Анархисты присоединились не сразу – они считали, что даже восьмичасовой рабочий день является согласием отдавать треть своей жизни на обогащение капиталиста. Но,

в конце концов, они поддержали и возглавили выступления, надеясь перевести их в революционное русло.

Когда полиция начала разгонять очередной митинг в Чикаго, им ответили бомбами. После – сотни обысков, пытки. Наконец, восемь человек арестованы. Выступления анархистов на суде были настоящим обвинением государства и капитала. Режим убивает рабочих голодом и пулями. Официальные газеты публикуют статьи с призывом к жестокой расправе над рабочими. И вот теперь анархистов судят за «призывы к насилию»?

«Другие обвиняемые сказали, что не верят в насилие. На это могу вам сообщить, что им со мной не по пути. Они невиновны, все и каждый из них; а я на это не претендую. Я верю в насилие точно так же, как вы верите в него. В этом мое оправдание. Сила – высший судья в человеческих делах. Вы били дубинками безоружных рабочих, стреляли в них на своих улицах, убивали их жен и детей. Пока вы делаете это, мы, называющие себя анархистами, будем взрывать вас.

Не успокаивайте себя тем, что мы жили и умерли напрасно. Хеймаркетская бомба по крайней мере лет на двадцать заставит полицейских забыть о дубинках и револьверах. И эта бомба первая, но не последняя...

Я презираю вас. Презираю ваше общество с его обращением с бедняками, ваши суды и ваши законы, вашу власть, поддерживаемую силой. Вешайте меня за это!»

Так говорил анархист Луис Линг. Этот человек не сдался даже в тюрьме. Он не хотел ждать, как скот в скотобойне, пока его отведут на виселицу. И Луис умудрился собрать бомбы в тюремной камере, чтобы уходя забрать с собой нескольких подонков от правосудия. Его план был раскрыт, и он переведён в одиночную особо охраняемую камеру. Но и там Луис не стал дожидаться смерти от рук палачей. Собрав бомбу и здесь, он взорвал себя. Смерть пришла не сразу – изуродованному телу Линга пришлось дожидаться её несколько часов.

Другой обвиняемый, Альберт Парсонс, единственный урожденный американец из обвиняемых анархистов, пламенный

оратор, имеющий огромные симпатии населения, отказался от помилования. Он посчитал, что будет предательством покинуть товарищей на эшафоте. И предпочёл разделить судьбу соратников. На суде он не заискивал перед правосудием, прямо обвиняя режим в насилии.

– Не думайте, господа обвинители, что с этим делом будет покончено, когда мое безжизненное тело отнесут на поле горшечника. Не воображайте, что сможете поставить крест на этом деле, повесив меня и моих товарищей! Я говорю вам, будет другой суд, будут другие присяжные и будет справедливый вердикт!

Суд истории оправдал его. Чикагские мученики были оправданы уже после казни большинства из них. Они превратились в героев, в их честь был учреждён первомай – день борьбы трудящихся за свои права. Эти люди были титанами духа, бунтовщиками и мучениками, пошедшими до конца, погибшими, но победившими. Воплощение легендарного Прометея в нашем несовершенном мире.

И сколько их было! Можно бесконечно писать о героях эпохи динамитного анархизма. Эпоха великой несправедливости и великой борьбы породила великих людей. Ознакомившись с биографией каждого из них, вы просто не поверите, что это реально.

Характерна жизнь анархиста Амилькаре Чиприани. Уже в 16 лет молодой итальянец участвует в масштабной битве при Сальферино – итальянцы и французы сражаются с австрийцами за независимость Италии. Впрочем, победа не принесла освобождения. Французы вскоре объединились с австрийцами и повернулись против своих вчерашних союзников. Репрессии вынудили Чиприани бежать в Грецию, где он и присоединяется к анархистам.

В 19 лет Амилькаре с товарищами участвуют в восстании против греческого короля. Король изгнан, но на смену ему приходит другой монарх, развернувший репрессии против анархистов. И Чиприани вынужден покинуть и Грецию.

В 25 лет он присоединяется к антитурецкому восстанию на Кипре. Восстание жестоко подавлено, турки вырезают бунтовщиков, но всё-же вынуждены облегчить ярмо своего правления. Амилькаре удаётся избежать расправы, и он бежит в Париж.

В 1870 году Париж подвергается осаде прусских солдат. Самое грандиозное сражение 19 века, с участием полумиллиона солдат, продлилось четыре месяца. Амилькаре и здесь на переднем краю, борется с прусской монархией. Но в январе 1871 года Париж сдаётся. Французская Империя пала, что повлекло за собой захват власти в Париже простым народом и провозглашение Коммуны.

Казалось бы, вот оно – торжество анархизма, свободы и народного самоуправления. Но вскоре Коммуну уничтожают правительственные войска. Коммунаров расстреливают на улицах. Чиприани же снова везёт – его отправляют в ссылку на край света, в Новую Каледонию.

В 36 лет анархист возвращается в Европу, и практически сразу приговаривается итальянскими властями к десятилетней каторге по обвинению в подготовке заговора. После каторги весёлая жизнь продолжается – Чиприани участвует в анархистском движении, греко-турецкой войне, попадает в тюрьмы... Не жизнь, а приключенческий роман!

Но самым потрясающим воплощением Данко-Прометея является испанец Буэнавентура Дуррути. В духе времени, Дуррути был вынужден трудиться с четырнадцатилетнего возраста, чтобы прокормить себя. В 21 год он присоединяется к анархистам и участвует в забастовке. Анархисты в Испании – одно из самых массовых политических движений, совмещающее террористические методы и организацию рабочей борьбы. Быть анархистом в Испании того времени – это бесконечные заговоры, забастовки, уличные сражения, перестрелки с бандитами, покушения на королей и прочих высокопоставленных лиц. Дуррути – ключевой участник этих событий. Он организует радикальную анархистскую группу «Солидарные», которая становится грозой режима.

В 1923 году в стране устанавливается фашистская диктатура, и «Солидарные» отбывают во Францию, где организуют очередной заговор. В час икс отряды анархистов вторгаются в Испанию со стороны Франции. Одновременно начинается восстание в Барселоне. Оно подавлено, и «Солидарные» вынуждены бежать в Америку. Начинается латиноамериканский тур анархистов. Из страны в страну они несут за собой огонь революции и возмездия эксплуататорам. На Кубе организуют сельскохозяйственных рабочих и ведут террор против плантаторов. В Мексике, которая только что пережила разрушительную гражданскую войну, Дуррути перенимает революционный опыт. В Чили каждые несколько месяцев происходят бунты и военные перевороты. Против рабочих активистов и анархосиндикалистов развёрнуты репрессии. Анархисты отвечают беспорядками. После – Аргентина, где анархисты практически с нуля создали рабочее движение страны. Массовые уличные баталии, непрекращающийся террор, перестрелки с полицией – вот что такое Аргентина в начале 20 века. Дуррути активно участвует в событиях. Грабит банки, убивает латифундистов, и в конце концов, его ищет полиция уже не только в европейских столицах, но и латиноамериканских. «Солидарным» удаётся ускользнуть на корабле обратно в Европу.

В Париже Дуррути планирует убийство испанского короля. Безуспешно. Вскоре он знакомится с Нестором Махно – героем российского анархизма, который также может поделиться революционным опытом. Но никто не может оставаться неуловимым вечно – в конце концов, Дуррути арестовывает французская полиция. Выдачи Дуррути добивается целый ряд стран, каждая из которых хочет казнить героя. Его спасает массовая кампания протеста. В результате, Дуррути просто высылают из одной европейской страны в другую. Никто не хочет принимать у себя опасного анархиста.

В 1931 году диктатура в Испании пала, торжествует республика. Анархисты-беженцы возвращаются домой. Теперь они ещё сильнее, и регулярно поднимают восстания. Республика

подавляет забастовки в городах, в ответ на что поднимается деревня, провозглашая анархический коммунизм. Войска уничтожают восставших крестьян, на что города отвечают новой волной солидарности, забастовками и восстаниями... замкнутый круг насилия прорывается в 1936 году, с началом настоящей революции. В ответ на военный мятеж против республики, анархисты захватывают Барселону и ряд сельских территорий, и организуют жизнь на новых началах. Торжество утопии, свобода и равенство начинают воплощаться. К сожалению, анархистам нечем воевать – республиканское правительство и помогающий ему СССР очень не хотят, чтобы оружие попало им в руки. Тем не менее, анархисты формируют боевые части и отправляются на фронт биться с фашистами. И действительно – кому нужно оружие, когда в сердце – огонь и радость свершившейся революции? Революционный энтузиазм сильнее любого оружия!

Дуррути проявляет себя как самый радикальный из лидеров анархистов. Он формирует собственную «Колонну Дуррути» – наиболее боеспособное формирование анархистов на фронте. Время террора и герильи прошло, начинается время войны.

Дуррути крайне популярен в народе. По популярности с ним не может сравниться ни один республиканский лидер. При этом он негативно относится к сотрудничеству с Республикой, угрожая расстрелять каталонские власти. Никакой власти, кроме власти народа, никаких уступок и компромиссов – настоящая революционная позиция.

Когда фашистские мятежники подходят к Мадриду, и республиканское правительство бежит, им на смену прибывает Дуррути со своей колонной. Поговаривают, что его хотят назначить главой обороны Мадрида. Но во время очередного боя Дуррути убит. Согласно популярному мнению, его убили коммунисты, боявшиеся популярности анархиста.

Дуррути становится героем Республики, которого одинаково уважают все антифашисты. Его похороны в Барселоне превращаются в огромную демонстрацию. Кажется, что весь город вышел проститься с героем.

В 19 и начале 20 веков борьба анархистов дала сотни и тысячи подобных героев. Будем ли мы когда-нибудь такими же? Что будут говорить, глядя на наши жизни потомки? Заслужат ли вообще наши жизни воспоминания? Я не знаю, но знаю, что нужно стремиться к тому, чтобы быть похожими на этих людей. А на кого ещё? Наше время почти не даёт образов героев.

2011. ХОРОШЕЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ПАНК-РОКА

Если к анархистам многие аполитичные и консервативные антифа относились с насмешкой, как к наивным мечтателям, то вот панков зачастую просто ненавидели.

– Стоим мы, значит, на гиге. И тут на сцену поднимается Деревня, и в микрофон такой заявляет: «круто, что нам удалось собраться здесь без мудаков, что мешают нам развлекаться». Я такой стою – показательно скрестил руки на груди знакомый скин Бидон – смотрю на него, и думаю, что это, должно быть, вызов. Ну, я поднимаюсь на сцену, и бью ему в ебало, и тут весь зал лезет на сцену...

Совсем недавно он и сам был весёлым панком с копной цветных волос. Теперь передо мной стоит бритый парень в поло «Фред Перри».

– На защиту Бидона встают два скина, один с огромным мачетом, размахивает им, пытается сдержать зал...

– Но это бесполезно, его просто поглощает толпа крастеров, как в фильмах про зомби, они наваливаются толпой и он пропадает под ними...

– И я пытаюсь съебать оттуда, я бегу в коридор, а там со всех сторон ко мне тянутся эти грязные вонючие крастеры, и я внатуре как в фильме ужасов, Resident Evil какой-то, где бежишь по коридору и к тебе тянутся со всех сторон руки зомбаков. И я бегу и меня просто хуярят со всех сторон...

Ребята попытались повторить нападение антифа-патриотов на панк-концерт, но в какой-то момент что-то пошло не так...

Вообще говоря, антифашисты если и нападали на концерты, то обычно это были нацистские концерты. Те, кого помень-

ше и кто послабее, вылавливали нацистов на пути к клубу. Группы побольше и организованнее могли позволить себе налететь на собравшуюся перед концертом толпу правых, или, порой, ворваться в сам клуб. Нацисты, понятное дело, аналогично атаквали антифашистские концерты, а потому перед панк-концертами обычно антифа ловила нацистов, пришедших выловить антифашистов.

В тот раз всё было иначе. На забитом панками концерте группа антифашистов в масках, с бейсбольными битами и пистолетами, поднимаются на сцену. Вырывают микрофон у вокалиста выступающей группы...

В принципе, всем понятно, почему они ненавидят панков. Те, зачастую, ведут себя довольно развязно, по мнению большинства. Никто не любит, когда перед ним машут хуями или ссут где попало полуголые панки.

Человек в маске ходит по залу и поочередно приставляет пистолет к голове то одного, то другого панка. Те, кажется, максимально подавлены, и даже не думают сопротивляться. Да и что они сделают? В этом, пожалуй, ещё одна причина неприязни этих ребят к панкам. Чем дальше, тем больше в антифа-среде складывался культ силы. Если ты слабый, то ты беспомощен. Ты не сможешь ни защитить себя, ни быть полезным в случае физического конфликта. В конце концов, это просто обычные ценности уличных пацанов – суметь постоять за себя в случае конфликта. В принципе, все эти панки, конечно, хуярят нацистов – но таких же бесполезных модников. Никого серьёзного они, скорее всего, не ебнут. Так что, должно быть, эти ребята из антифа чувствуют, что тащат на себе антифашизм в России. Пока анархистские умники разглагольствуют, а панки вытворяют мерзкие выходки, по которым и будут оценивать антифашистов.

Наверное, как-то так они думают.

– Кто из вас надругался над московским флагом? – кричит парень с пистолетом.

Ах да. И главное. На прошлом концерте панки решили проявить свой антипатриотизм, осквернив флаг славного города-героя Москвы, волею судеб оказавшегося на том концерте. В результате, панки с голыми пиписьками наголо провели фотосет с флагом, «зашкварив» его таким образом. А это, в свою очередь, оскорбило патриотические чувства антифа.

– Это был ты?! – приставляет он пистолет к голове очередного посетителя концерта.

– Или ты? Что, может быть кто-то хочет повторить свои действия с флагом в нашем присутствии?

Желающих не оказывается. После демонстрации силы, антифашисты покидают концерт.

Впрочем, очередной инцидент с участием антифа-патриотов случится всего через несколько дней, когда ими будет избит популярный в узких кругах музыкант, известный как Миссис Гаррисон. Причиной явилось некое видео сексуального характера с участием вантуза и упоминанием антифашистской позиции Гаррисона, записанное им аж за четыре года до описываемых событий. Как объяснили нападавшие – он «позорил» антифашистское движение, и такими видео настраивал против антифашистов людей, толкая их в объятия националистов.

Всё это, конечно, вызвало очередные конфликты в движении, обсуждения, манифесты и взаимные обвинения. При этом, даже среди анархистской молодёжи многие с пониманием и сочувствием относились к поступку «патриотов». Вместе с тем, как-будто происходила некая дискредитация самого понятия антифашизма даже среди самих антифашистов. Для панков «антифа» стала ассоциироваться с суровыми гоповатыми пацанами, для антифа-патриотов – с «наркоманами, пидорами и русофобами», для политически ориентированных ребят – с подростковым субкультурным мышлением. Было очевидно, что никакого единого движения нет, оно полно противоречий, и как только ситуация с нацистами уляжется, ничего общего у этих людей не будет.

* * *

Поздний вечер, шипуем деревья в очередном лесу, отданном под вырубку. Чтобы воспрепятствовать ей, вбиваем гвозди в помеченные для вырубки деревья. Считается, что это эффективный способ спасти их. Якобы, зашипованные деревья так просто не спилить. Впрочем, как мне подсказывает мой опыт, это не очень эффективно. Ни разу не вспомню, чтобы это само по себе остановило вырубку.

Не сплю уже несколько дней. Пару ночей назад была очередная акция. Вчера бухал с какими-то панками-скинхедами. Ни одного из них не помню толком. После поехал домой на последней электричке, но уснул, и проснулся в Балашихе. Пришлось всю ночь идти домой пешком. Ну, тоже неплохо, люблю такое. Проблема в том, что пока дошёл, уже пора было собираться на учёбу в Москву. Учусь на повара, но как-то, на самом деле, плохо. Половину учёбы я бухал и пропадал на акциях. Вторую половину находился в розыске. В результате диплом получил, но знаний и навыков приобрёл не очень много. После учёбы поехал шиповать деревья. Третий день без сна...

Вырубаясь прямо во время шипования, автоматически продолжая вбивать гвозди. Просыпаясь, обнаруживаю, что дерево больше похоже на кольчугу – всё утыкано наполовину согнутыми гвоздями, в каком-то неприличном количестве. Будто дерево плодоносит металлом. Пожалуй, нужно всё-таки поспать этой ночью.

* * *

– Нахуя тебе нож? Убери.

Малознакомая компания. Совсем молодые ребята. Бухали неподалёку, когда заявился чувак из их тусовки, и рассказал, что его накрыли боны в торговом центре. У меня как раз закончилась условка – год назад я получил условный срок по обвинению в драке с милиционером. Всё это время я ограни-

чивал себя от участия вообще в чём-либо, и порядком соскучился по угарам. Потому с радостью отправился с ребятами карать злодеев.

Но то, что я увидел, мне решительно не нравилось. То ли я слишком трезвый, то ли возраст даёт знать своё. А может, негативный опыт уголовного дела? Как бы там ни было, мы сейчас едем в автобусе, чуваки достают маски и ножи.

Объясняю чуваку, что нож ему не нужен. Но вот наша остановка. Люди на ней, при виде выбегающей из автобуса молодёжи в масках с молотками наголо, бросаются врассыпную. «Кто бежит, тот нацист!» орёт кто-то. Молодёжь разбегается в разные стороны.

Что происходит? Я ожидал, что приедем, накроем бонов, и уедем. Вместо этого они гоняются с молотками за рандомными людьми. Я, в свою очередь, гоняюсь за молодыми антифашистами с ножами и молотками.

Забегаю следом за несколькими чуваками в торговый центр. Чудесная картина. Несколько парней в масках и с аргументами⁸⁵ в руках стоят на входе и кого-то высматривают. Завидев подростка лет четырнадцати, одетого в модные шмотки, кликают его.

— Эй, ты!

Подросток оборачивается и видит уставившихся на него парней в масках с молотками. Естественная реакция — бежать.

— Он побежал! Он правый!

Теряю этих чуваков в толпе.

На выходе из торгового центра остальные ищут «правых», подходя к курящим группкам молодёжи.

— Девушки, а как вы к фашистам относитесь?

— Эээ... нормально относимся!

— Это очень хуево, девушки. Надо плохо к фашистам относиться.

Угрожающие нотки в голосе. Удаётся успокоить ребят и увести их во дворы. У одного из чуваков из куртки выпадает

⁸⁵ Сленговое обозначение оружия

обрезок трубы. Забираю его себе. Идём к автобусной остановке. Наиболее бухих ребят приходится чуть ли не закидывать в автобусы.

Более трезвые хотят гулять ещё и всё-таки найти каких-нибудь правых. Решаю, что лучше остаться с ними.

Ребята развлекаются ещё какое-то время, показывая окружающим, что могут делать всё, что захотят. Наконец, находят парочку лесбиянок, идущих за руки. У одной из них из под куртки виднеется толстовка с имперским флагом. Вскоре она отправляется дальше в зимний пятничный вечер полуголая, в одном лифчике. Но обошлось без физического насилия.

Ребята довольны, заполучили трофей. Цель на вечер выполнена. Идём к метро. На прощание понимаю, кого мне напоминает один из заводил компании, невысокий бритоголовый скин в длинной зимней куртке-парке. — Знаешь, ты похож на такого олдвого бона из начала нулевых. Вот они такие же были.

Парень стоит, задумавшись. Взгляд его проясняется, становится растроганным. Искренне благодарит меня, восприняв это за комплимент. Разъезжаемся по домам. Никого этим вечером не убили и не покалечили, но на душе крайне мерзко. После пары таких вечеров смотришь на многие вещи совершенно иначе.

* * *

Мусора совершенно не умеют работать. Часто они вообще скрывают, что на их территории произошёл поджог или взрыв. Боятся получить нагоняй от начальства. Порой, политическая полиция из центра «Э» узнаёт о партизанских вылазках из интернета, и уже потом ищет, где же произошла атака. Их работа тяжела, ведь менты не желают признаваться, что допустили такое на своей территории.

Об этом я узнаю только спустя почти десять лет, когда меня, наконец, примут оперативники центра по борьбе экстремизма и спецназ СОБР. Они будут травить друг другу байки о том, как искали тех или иных анархистов.

В 2011 году какие-то отчаянные ребята заложили бомбу у поста ДПС. Тогда атаки, кажется, начали происходить уже почти что еженощно. То анархисты забросают бомбами стоянку элитных авто. То подожгут банк, военкомат или мусорскую автостоянку. А теперь вот это – взрыв у поста ДПС. Опубликовали видео взрыва. После этого эшникам пришлось обзванивать все посты ДПС, чтобы выяснить, у кого из них произошёл взрыв. Ни один не сознавался. В конце концов пришлось уже обращаться в руководство дорожной полиции, чтобы то надавило на своих подчиненных и всё-таки выяснило, у кого же этот взрыв произошёл. Впрочем, когда выяснили, никого по этому делу, кажется, так и не нашли.

* * *

Я ненавижу коммунистов. Ненавижу целиком и полностью. Ненавижу их совковую эстетику, тоталитарную идеологию, ту софистику, что они называют «диалектикой». Ненавижу их историю – предательства анархистов, репрессии простого народа, строительство красных империй. Ненавижу современных коммунистов, этих оторванных от реальной жизни книжных задротов, всё ещё живущих во времена Ленина.

Но в 2011 году я читаю «маленькую красную книжицу» Мао Цзедуна. И это, должен сказать, очень хорошая книга. Прочие марксисты могут на тысячах страницах демагогически расписывать, что чёрное это белое, да ещё используя при этом совершенно ублюдский псевдоинтеллигентский язык. Вы прочитаете тысячу страниц, но нигде так и не найдёте чёткого тезиса или определения. Мао Цзедун не таков. Здесь мысли выражены метко, лаконично, красиво. В ёмких фразах он выражает простые истины, которые поймёт в его изложении даже тёмный китайский крестьянин.

«Винтовка рождает власть». «Все реакционеры – бумажные тигры». «Классовая борьба, победа одних классов, уничтожение других – такова история цивилизации». «Организовать народ

должны мы. Свергнуть китайских реакционеров должен организованный нами народ. Ничто реакционное не рухнет, если не нанести по нему удара». «Революция – это не званый обед, она не может совершаться так чинно и учтиво. Революция – это восстание, это насильственный акт».

Социальный психолог Эрих Фромм писал, что мы получаем психологическое удовлетворение, когда читаем что-то, с чем мы согласны. Я получаю большое удовольствие от чтения Мао Цзедуна. Его взгляды на политику и экономику мне, по большому счёту, чужды. Но, нужно сказать, что у него имеется большое количество хороших статей о том, как правильно выстроить политическую работу, организовать агитацию. Он ругает своих товарищей-марксистов за тот непонятный простому народу язык. Для кого вы пишете агитацию? – спрашивает Мао. Вас просто не поймут. В наше время марксисты и анархисты тоже пишут какую-то ерунду, перегружая свои текстами понятными лишь университетской среде терминами.

Но лучшее в маоизме, конечно – это эстетика, отношение к революции и борьбе. И цитаты из красной книжицы, в которых они так блестяще выражены. Читая их, хочется оказаться в хаосе рушащегося мира и круговороте политического насилия.

Во времена Мао молодёжь Китая и всего мира была вдохновлена этими лозунгами. Европейские студенческие бунты шестидесятых проходили под сильным влиянием маоизма. В самом Китае вдохновленные маоизмом молодые студенты и рабочие уничтожали старое общество, всю культуру старого мира. Тысячелетние ценности сгорали в огне. Молодые бунтари вытаскивали за шкуру из кабинетов университетских профессоров, партийных чиновников и даже высшее руководство страны. Чиновников ссылали на перевоспитание в деревни, где их заставляли заниматься физическим трудом. В какой-то момент, бунтари захватили целый город, провозгласив там самоуправление народа. Естественно, длилось народовластие только до прихода армии. Разрушение старого мира, круше-

ние основ, торжество ярости и энтузиазма, присущих бунту молодости – разве может это не вдохновлять?

Или лозунги последователей Мао – «банды четырёх»? «Хаос на земле ведёт к порядку на небесах».

Или экстремистский эксперимент красных кхмеров, уничтоживших города, отменивших деньги и полностью переустроивших социальные основы общества? Попытка вырваться из рамок современного мира, построить что-то принципиально иное...

Идейно, политически, это абсолютно враждебные нам течения. Но как пленительна их эстетика бунта, непрекращающегося даже после победы; эстетика разрушения; эстетика самых безумных и фантастических экспериментов, прыжка в неизвестность.

Кажется, сегодня всем нам не хватает этих смелости, безумства и чёткости суждений. Сегодня анархисты всё больше напоминают либералов. Они рассуждают о правах, встраиваются в либеральные структуры, осуждают насилие, отрекаются от экстремизма. А нужно кричать на каждом углу, что мы хотим уничтожить весь этот мир до самых основ. Хотим непрекращающегося бунта – весёлого и страшного. Хотим ввергнуть весь мир в хаос революций. Хотим строить с нуля что-то новое и невиданное ранее. И разве нам нужны те, кто не разделяет этого стремления? Да здравствует экстремизм!

**ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
НАШЕ ПОРАЖЕНИЕ**

2012. РЕВОЛЮЦИЯ НЕ СОСТОЯЛАСЬ

Перелом начался в конце 2011 года, с началом белоленточных протестов. Первые массовые протесты были взрывом надежды, что нёс за собой всеобщую эйфорию и ожидание скорых перемен. Однако мечтам о скорой революции не суждено было сбыться. Вожди оппозиции, возглавившие протест, были слишком трусливы и неуверенны. Они боялись активных действий, а уличный протест использовали лишь как разменную монету на переговорах с властью. Месяцами разгневанные люди просто выпускали пар на площадях за мусорскими кордонами. Протестующим полагалось прийти, выслушать речи вождей, и разойтись по домам.

Нас это не устраивало. Многие считали, что единственный шанс победить – прорвать мусорские кордоны и повести толпу на условный Кремль. Анархисты и антифашисты в Москве в то время вполне могли составить такую силу. Анархистский блок собирал около 500 радикально настроенных молодых ребят, уже имевших достаточно опыта уличных столкновений с нацистами и полицией.

Спустя пару лет, на украинском Майдане такой радикальной силой станут местные ультраправые. Они поведут наиболее радикально настроенных протестующих в атаку на милицию, справедливо послав местных вождей оппозиции с их призывами «не поддаваться на провокации». Московские анархисты, однако, для этой задачи оказались слишком неорганизованными. Мы не смогли выработать собственную стратегию в этих протестах. Собрания анархистских групп превращались в говорильню, решавших только, с каким баннером блок выйдет на очередную демонстрацию. Радикальная молодёжь, способная стать ударной силой революции, в итоге просто шаталась по площадям под черно-красными флагами, плетясь за либералами.

Этот опыт помог понять, что одного голого радикализма мало. Необходима организованность, движению нужна стратегия.

* * *

Лучшие московские вечера – сразу после парламентских выборов. Протест нелегален, но никого это не останавливает. Тысячи людей выходят на улицы, ОМОН их разгоняет, случаются какие-то редкие стычки с поверженными мусорами. На улицах – праздничная атмосфера массового непослушания. Чувствуется растерянность и испуг власти.

Сегодня протест назначен на Триумфальной площади. Собираемся с друзьями на соседней Пушкинской. Всюду ходит патрулями ОМОН, проверяют подозрительных личностей. Подходят к нам

– Что здесь делаете?

– Гуляем.

– Ты по паспорту в Лужках прописан, в Подмосковье. Чего тут гуляешь?

– А где мне гулять, в Лужках? Вы их видели?

Оставляют нас, переходят к следующей группке молодёжи.

Дожидаемся всех своих, переулками двигаем к Триумфальной. Она уже оккупирована прокремлевской молодежью. Пара сотен свезенных со всей страны активистов под символикой провластных организаций. Бьют в барабаны. Эта акция столь же незаконна, как и наша, но их охраняет оцепивший площадь ОМОН. Выглядит максимально по-фашистски. Кстати, так оно и есть – на площади достаточно привлеченных властями правых футбольных фанатов.

Вокруг площади море протестующих, разливаются ручейками по окрестным улицам. Нас во много раз больше, чем кремлевских холуев. Почему-то, ожидаю столкновений – быющая в барабаны толпа с футбольными фанатами на площади выглядит агрессивно. Да и протестующие вряд-ли так просто уйдут.

Но нет, протест слишком неорганизован. Здесь нет лидеров и организующей силы, просто тысячи обычных людей, которым надоел беспредел. У них нет опыта уличных выступлений, никакой структуры, они не знают, что им делать. Вопреки догматам анархизма, без организующей силы толпа остаётся толпой.

Вскоре протест перемещается в десятки других мест. По толпе разносятся слухи, что новый сбор назначен у Белого Дома. Кремлевцы, тем временем, собираются и мирно уходят к метро. Пытаемся кого-то выловить, но быстро оставляем эту мысль. Пообщавшись с ними, понимаем, что это не идейные сторонники власти, а обычные ребята из провинции, которым предложили поездку в Москву за стояние на площади. Простые наивные ребята, которые уцепились за возможность увидеть большой город. Испытываю даже какое-то сочувствие к ним. И в то же время осознаешь, насколько всё плохо у власти. На всю Москву и область она не сумела найти людей, что вышли бы за неё на улицу. На всю страну не нашли людей, кто искренне вышел бы за неё на улицу. Бюджетники и бедные юноши и девушки из небольших провинциальных городков, которые не понимают, что происходит – вот и вся их поддержка. Собираемся, едем к Белому Дому.

Здесь абсолютно пусто. Кроме нас по улицам прохаживаются одинокие мусора в армейский касках. Ехать куда-то ещё смысла уже нет – на Триумфальной народ разошёлся. Кажется, и протесты на сегодня закончились. Ну что-же... Запасаемся алкоголем, тусим в парке перед Белым Домом. Здесь установлена огромная шахматная доска. Разбиваемся на команды, играем в живые шашки, заменяя собой фигуры. Кажется, игра заканчивается ничьей.

Фантастическая атмосфера – тысячи людей в центре Москвы, стоят на выходе из метро Площадь Революции. Вот собираем-

ся мы под красно-черными флагами. А невдалеке Александр Поткин⁸⁶ раздаёт имперские флаги молодым националистам. И мы не нападаем друг на друга.

Безумный старикан убеждает нас не участвовать в этом «проплаченном американцами шабаше». Мы лишь смеёмся над ним.

Наконец, толпа отправляется на Болотную площадь – лидеры оппозиции договорились о переносе акции. Нацболы во главе с Лимоновым увещевают протестующих остаться на Площади Революции. Вообще, нацболы правы. Уход на санкционированную акцию на Болотной – это трусость и отступление. Нужно эскалировать конфликт. Но ни у нас, ни у нацболов нет достаточного влияния на протест. Никто не слушает старика Лимонова. Он остаётся на Площади Революции с горсткой соратников, и это, кажется, политическая смерть оппозиционера Лимонова. Более ни он, ни его партия не будут играть никакой роли в протестах. А в будущем даже сделают огромный крен в сторону Кремля.

Мы же идём небольшими московскими переулками на остров на Москве-реке. Атмосфера праздничная. Чувствуется, что город сегодня наш. Подходя к мосту, видим внушительную картину – Кремль, окруженный армией мусоров в несколько цепей. Боятся прорыва. И это большая ошибка, что мы не прорываем это оцепление. Мы проиграли революцию в этот самый момент.

На Болотной настоящее столпотворение. Столько людей на протестных акциях я никогда не видел. Здесь тысяч сто, наверное. Анархисты в толпе с трудом находят друг друга по флагам и формируют блок. Зажигаем файеры. Со всех сторон свист, недовольные крики «потуши!» «провокация!». Люди настроены очень мирно, боятся провокаций. Они верят в закон и мирные методы.

После митинга все расходятся. Чувство, что меня обманули. Сто тысяч человек, что могли бы смести перепуганную власть,

⁸⁶ Один из лидеров националистов в нулевые-десятые годы

собрались послушать речи ораторов. Они не понимают, что без насилия ничего не изменят.

Революция на дворе не отменяет заботы о хлебе насущном. Устроиться на работу – целый квест. В моём возрасте уже давно начали спрашивать военник. Военного билета у меня нет, зато есть судимость. И то и другое для работодателя плохо. «Мы вам перезвоним», говорят они на прощание. Я знаю, что не перезвонят. Никогда не перезванивают. Ещё один день потрачен впустую. Каждый день тратишь на поездки по вакансиям. В некоторых местах сразу понимаешь, что это развод. Длинная очередь у входа, офис забит столиками с девушками, беседующими с соискателями. Очередное ёбанное кадровое агентство. Суки, я к вам ехал с области, вы обманули меня. Разворачиваюсь, не дожидаясь своей очереди. Тут работы не будет.

Следующий адрес. Кажется, настоящая работа. Всё идёт хорошо, пока не спрашивают про судимости. В первые разы отрицаешь. Что вы, я не судим. Это неправильный ответ, иногда они это пробивают. Что-же, попробуем иначе. Да, у меня судимость за драку. На меня напал какой-то мужик, я отбивался от него, он оказался сотрудником полиции. Понимающе кивают, всё нормально. Теперь им нужен мой военник. Какой военник, если я в военкомате ни разу не был? Зачем мне в военкомат? Я не хочу в военкомат. Военкомат должен гореть. У меня нет военника. И это гораздо хуже.

Третья контора. Опять мошенники. Я уже научился определять их сходу. Эти из тех, что предлагают тебе работу кем угодно, но в первый рабочий день ты понимаешь, что они хотят, чтобы ты ходил по улицам и впаривал что-нибудь прохожим. Интервью со мной ведёт какой-то молодой пацан. Блядь, да ведь он младше меня. В рубашке, с галстуком, он задаёт мне вопросы, аккуратно намекая, что работать мне придётся не по объявленной вакансии.

– Вы готовы согласиться на другую вакансию?

– Возможно, если это не уличные продажи – отвечаю я как-то излишне агрессивно и смотрю на него с ненавистью, мне хочется разбить ебало этому мудаку за то, что он лжёт мне, отнимает мои время и деньги. Я час потратил на то, чтобы добраться до него. Час обратно. Верни мне мои два часа, уебок!

Он как-то сжимается в своём кресле и отвечает:

– Почему уличные продажи, не уличные продажи...

Затем, собравшись с мыслями, спрашивает

– А вы бы согласились заниматься уличными продажами?

– Нет.

– Хорошо. Мы вам перезвоним...

Тогда то я и понял, что больше всего на свете мне хочется уничтожить этих ублюдков, пьющих кровь и без того безработных людей, отчаявшихся найти работу в большом городе. Верни мне мои два часа, мразь! Верни сотни часов, потраченных на таких, как ты!

Декабрь, время массовых протестов. Анархистский блок собрал что-то около трёх сотен человек. За нами весь митинг гоняются ЛГБТ – радужные флаги, лозунги вроде «Мы – геи, у нас украли больше всех», плакаты «вся власть феминисткам». Мы ни за какую власть не выступаем, в том числе за власть ЛГБТ и феминисток, и такие лозунги кажутся зашкварными. Безуспешно пытаемся отделиться от этих ребят, но они нас, кажется, преследуют, и хотят стоять рядом с нами. Анархисты недовольно ропщут на лозунги. Антифашисты гомофобно шутят «берегите задницы, к нам пидары пристраиваются!»

Анархисты организовали «свободный микрофон». Пока на сцене вещают всякие важные шишки, у нас любой может подойти и высказаться, используя нашу технику. Впрочем, подходят только сами анархисты, и слушают их только другие анархисты.

В какой-то момент, блок разбегается во все стороны. Люди натягивают маски, орут кому-то «езжай в Куршавель⁸⁷». Мы с товарищем, увлеченные какой-то важной беседой, не очень понимаем в чём дело. На нас движется, сцепившись руками, толпа каких-то мужичков. Провокаторы? Единственные с товарищем вдвоём остаёмся у них на пути. Никуда не собираемся уходить.

Вот стена подходит к нам

— Чё такое, ребят?

Молча прут на нас.

— Хули ты прёшь то, обойди, епта.

Начинают нас вытеснять. Толкаю одного из мужиков в грудь. В ответ тоже начинают пихаться, с меня сбивают очки. Зря они это сделали. Хватаю одного из них, и бью ему по морде. Это несколько охлаждает их пыл, стоят растерянные. Один из мужичков подлетает ко мне

— Давайте без насилия!

— Что без насилия, вы попёрли на нас, очки с меня сбили, совсем охуели чтоль?

Мужички бегают вокруг, ищут сбитые очки. Находят, возвращают, извиняются. Отхожу к нашим ребятам. Они говорят, что это проходил миллиардер и кандидат в президенты Михаил Прохоров со своей охраной. Себя он позиционирует, как оппозиционера, но людьми воспринимается как «спойлерный» кандидат. Среди предложений Прохорова – введение 12-часового рабочего дня. Пожалел – знал бы заранее, нужно было бы и ему тоже врезать.

Нелепый конфликт был заснят на камеры, и вскоре разошёлся по сети, как «нападение на Прохорова». Самая популярная копия собрала что-то около полумиллиона просмотров. Видео в дальнейшем будет использоваться кремлевской пропагандой, как свидетельство склонности оппозиции к насилию.

⁸⁷ Курорт для богатых во французских Альпах

* * *

Первая попытка радикализировать протест состоялась после президентских выборов 2012 года. На следующей день на Пушкинской площади в Москве состоялся очередной митинг оппозиции. Места на нём всем не хватило, и многим пришлось стоять за ограждениями. В том числе и части анархистов. Нас здесь сейчас не так много – человек 100–150. Но безумие храбрых не смотрит на соотношение сил, и мы собираем народ на прорыв оцепления. Это не сложно – достаточно показать собственный пример. Сцепляемся локтями, организуем первый ряд, ободряюще кричим. Нашему примеру следуют остальные, и за нами вырастают ещё несколько рядов. В этот момент со сцены митинга заиграла песня «Колизей» группы «Ария», немало воодушевив радикалов. БОГИ ПРОКЛЯЛИ СПЯТИВШИЙ РИМ – разносят динамики над площадью голос Артура Беркута.

– Ааааа, колизей! Еееее, вперёд, блядь!

Боевой дух, и без того крепкий, в эту минуту взлетел до небес. Есть такие песни, которые прочно ассоциируются у тебя с какими-то событиями и вызывают к жизни определенные воспоминания. «Колизей» Арии теперь всегда напоминает мне об этой попытке прорыва. Очень хорошая песня.

Было очень смешно наблюдать богемного поэта, который известен радикальными стихами, в которых описывает, как сожжёт Москву и разгонит ОМОН. Этот герой, оказавшись между стеной анархистов и полицейским оцеплением, впал в панику и попытался прорваться сквозь наш строй. Но, увидев осуждающие взгляды, был вынужден встроиться в атаку с криком «да, пойдёмте, пацаны, покажем им». Радикальные поэты, как правило, остаются радикалами лишь на словах.

СИЛА ПРИНОСИТ СВОБОДУ! – доносится со сцены, и мы прём на металлоискатели... всё происходящее остаётся в моей памяти отдельными слайдами, как бывает порой, в момент сильного адреналина... Первый слайд – металлические рамки падают на землю. Второй – группки омовцев, уже рассла-

бленные и разошедшиеся по разным сторонам, удивлённо поворачивают головы в наши стороны. В руках сигареты, шлемы зажаты под мышками, в глазах удивление... Третий кадр – люди в пятнистой форме несутся со всех сторон, отрезают наш первый ряд от остальных. Какое-то время мы стоим, сцепившись руками, но вскоре нас валят на холодный асфальт и начинают молотить дубинками...

...ТВОЙ ВРААГ В ПЫЛИ, ЖАЛОК И СЛАБ! ЗАГНАННЫЙ ЗВЕРЬ, РАНЕННЫЙ РАБ!..

...огромный мент, у которого кубики пресса, кажется, выступают на лице, бьёт меня ногой в корпус. Они таких горилл в подземных лабораториях выращивают? К нему присоединяется омоновец, что проходится по мне дубинкой. Мент сжимает моё горло своей ручищей, душа меня и вжимая в холодный асфальт площади. Становится холодно, мороз будто проходит сквозь одежду и кожу, обмораживая мои внутренности. Я подрагиваю, а мент шипит:

– Сука, металлоискатели кто, ты поломал? Знаешь хоть, сколько они стоят? Знаешь, на сколько уехать можешь?

Задние ряды вытесняются с площади. Группируются, кидают дымовуху в ОМОН. Атмосфера, надо полагать, там отличная. Нас же ведут в автозак. На входе обыскивает какой-то вояка. Не рядовой мент. Невысокий, но в нём чувствуются твёрдость и сила. Думаю, что он наверняка прошёл войну. Звоню на всякий случай на работу с предупреждением, что на следующий день меня ждать не стоит.

ОМОНу же, внезапно, пришлось воевать на два фронта. С другой стороны оцепления лидеры протеста – Удальцов и Навальный – залезают в фонтан и призывают людей не расходиться. ОМОН вытесняет людей с площади, но ещё долго приходится гоняться за протестующими, которые разбрелись небольшими шествиями во все стороны. Сегодня полиция пытается не задерживать людей, но вытесняет их в метрополитен. Метро же на «Пушкинской» имеет большое количество входов и выходов, и протестующие просто выходят в другом месте

заново. Так что все усилия полицейских – Сизифов труд. Мы наблюдаем за этим спектаклем в окошко автозака, комментируя:

– о, люди туда пошли! Смотрите, кто-то дымовуху кинул!

Нормальное представление. Вскоре, автозак укомплектован, и мы едем в отделение. По пути всем автозаком поём нетленный хит «Электрических партизан»:

– Миром правит алчность, миром правит ложь. Кто-то должен этому противостоять...

Выпускают нас, правда, достаточно быстро. Полиция, кажется, настроена всё ещё очень мягко по отношению к протестующим.

* * *

Очередная вырубка леса. На этот раз в подмосковном Жуковском. Прибыв на место с товарищем, в лагере протестующих сразу видим толпу наших чуваков. Присоединяемся к ним. Народу довольно много: два-три десятка наших ребят, и за сотню местных жителей – какие-то женщины, старички и тд. В лагере под тентами установлены столики, на них – полевая кухня, ещё что-то. Парень в солнцезащитных очках держит на плече огромный бумбокс, оттуда орут Beastie Boys, Atari Teenage Riot и Боб Марли.

Огромная вырубленная площадка огорожена забором, представляющим из себя деревянные столбы с натянутой между ними колючей проволокой. Несколько десятков ЧОПовцев, ухмыляясь, смотрят на нас.

Вскоре начинается. Анархо-антифа кидаются на забор. Пытаемся повалить деревянные основы и прорваться на площадку. ЧОП с противоположной стороны наваливается на столбы, пытается удержать их. Закидываем ублюдков камнями. С одной стороны забора на другую перелетает огромное бревно. Затем запускается в ответку. Так и летает из стороны в сторону. Местные приносят кусачки – колючая проволока перекушена, мы врываемся на площадку. ЧОП отступает, перегруппировывается

где-то в глубине территории. Мы же несёмся к металлическому забору, отделяющему площадку от проезжей части.

Тем временем, ЧОП собрался с силами и кидается на нас. Мы с парой товарищей как раз повалили забор, оказываемся на проезжей части. Отрезаны от наших оцеплением ЧОПовцев. Любые попытки приблизиться заканчиваются тем, что вся эта стена человек в 15 оборачивается и несётся на нас. Нас трое или четверо, остаётся только убежать. Когда ЧОП прекращает преследование и возвращается к площадке, возвращаемся и мы, сцена повторяется ещё пару раз. Утешаю себя хотя бы тем, что отвлекаем этих ребят от основной драки.

На площадке, тем временем, происходит нормальное такое побоище, ЧОПовцы налетают на анархистов и антифашистов. В ходе драки заливают друг друга газом, закидывают бревнами, забивают ногами. К веселью присоединяются местные жители, затем – ОМОН... Вскоре действие перемещается за вынесенный забор, на проезжую часть. Здесь нам, наконец, удаётся присоединиться к нашим чувакам, но практически сразу после этого ОМОН вынуждает всех скрыться в лесу. Там разбиваемся на пары и расходимся лесными тропами и переулками.

На ближайшей станции всех ждут сотрудники центра «Э», задерживая подошедших. Мы с товарищем предусмотрели такую возможность, и решили отправиться к дальней станции. Избегаем задержания, едем в Москву. Там затусим в центре.

* * *

Вторая попытка радикализации протеста – 6 мая 2012 года, Болотная площадь. Анархисты таки стали ударной силой оппозиции. Никто не ожидал, что соберётся столько людей – все думали, что протест пошёл на спад, что будет мало народу. Но марш собрал какое-то огромное число протестующих. Большим получился и наш анархистский блок на марше. Как обычно – собрались несколько сотен ребят в масках, и пошли вперёд, крича свои обычные лозунги про разрушение старого

мира и построение нового. Десятки раз мы маршировали так, и обычно все наши лозунги оставались просто словами. На сей раз всё иначе. Толпа остановилась ближе к Болотной площади. Мы стоим, ничего не понимаем. Впереди – тысячи человек. За ними – омовские оцепления и перегораживающие улицы оранжевые очистительные машины. Постояв на жаре, в давке, мы начинаем понемногу продвигаться вперёд, к оцеплениям, уже предвкушая возможное веселье.

– Пропустите организованную колонну анархистов! – призывают организаторы марша в мегафон.

Вот мы у оцеплений. Толпа сзади давит на нас, и буквально вдавливая меня в омовца. Чуть ли не упираюсь лицом в забрало его шлема, смотрим друг другу глаза в глаза. Он несколько растерян, я пожимаю плечами и пытаюсь развести руками (в толпе не удаётся) – мол, давка, толпа, что поделаешь. Натиск усиливается – оцепление омовцев рассыпается, толпа прорывается вперёд. В круговороте людского потока ничего не понять. Вокруг – наши ребята, толпа уносит нас вперёд. В стороне виден кинотеатр «Ударник», ассоциирующийся у меня с строками популярной песни.

«Если в городе революция, война, беспорядки
Хуй куда я уебу с этой грядки...
Такое бывает, хули, за это Москву я люблю...
Дело к вечеру, хаос всё нарастает, чё происходит ваще хз
Мобилы замолкли, сеть упала, коммуникация в пизде
Появился танк на мосту, во ещё один, видать напарник
Первый танк вдруг взял и заебашил по кинотеатру Ударник»⁸⁸

Вот он – «Ударник», и вот они – беспорядки. Омовцы восстанавливают строй, выстраиваются прямо перед нами. Мы снова в первых рядах, но за нами уже – десятки тысяч. Все что-то орут, гул такой, что можно оглохнуть. Где-то дале-

⁸⁸ Кривосток – «Беспорядки»

ко позади слышны крики националистов «Русские, вперёд!». Вокруг, на передовой, наши лозунги. Когда мы обрушиваемся на дрогнувших омоновцев, я ору им в лицо:

— Нас миллион, вам пизда!

Перепуганные ОМОНовцы отступают назад, прячась за срочников из внутренних войск. Бугаи в доспехах испуганно хватают бледных, ничего не понимающих детей в военной форме, и выставляют их вперёд, как щиты. Юные солдатики — вчера ещё они были подростками, а сегодня военкомат послал их на эту площадь. И вот они стоят не по своей воле, без понимания ситуации смотрят на надвигающуюся на них бушующую толпу. Лица их сейчас мертвенно бледны. В глазах омоновцев за ними — животный страх. У кого-то в руках блестит большой серебристый баллон.

Попеременно идём в атаку друг на друга. Вот ОМОН двигает на нас. В него летят дымовые шашки. ОМОНовцы смешно театрально поднимают ноги, как закованные в броню балерины, и откатываются назад в дым. Теперь наша очередь. Нас поливают газом из тех огромных серебристых баллонов. Откатываемся мы. Начинаем с товарищами орать «резиновые пули, слезоточивый газ — подарок президента для народных масс». Толпа подхватывает.

— Блядь, наконец-то эта кричалка актуальна — смеётся мне мой хороший товарищ, с которым мы прошли множество беспорядков.

— Ну как, это то, чего ты хотел? — спрашивает меня, смеясь, другой товарищ. В толпе, на адреналине, я даже не узнаю его, он смешался с десятками других знакомых лиц. Личности сейчас не имеют значения. Я просто киваю. Да, это то самое, о чём я мечтал.

Кажется, это были самые счастливые моменты моей жизни, когда я получил всё, чего так долго желал. Навсегда запомню испуганные глаза ОМОНовцев; их бледные лица; их шлемы, сброшенные в реку и поднятые на древко вместо флага; их самих, испуганно жмущихся назад и выставляющих вперёд

остолбеневших и ничего не понимающих пацанов из внутренних войск. Это – триумф справедливости, наше возмездие за все годы диктатуры и страха перед мусорами. Теперь бояться они – десятки тысяч людей кидаются на мусоров почти под самыми стенами Кремля. Невероятное чувство свободы, единства, весны. Что ещё нужно то? Мы проснулись!

В какой-то момент вперёд выходят какие-то патлачи из «Левого Фронта»⁸⁹. В разгар столкновений садятся на асфальт. Очень глупо – при очередной атаке ОМОН просто затопчет их. Пытаюсь объяснить им очевидное:

- Чё вы делаете, вас же затопчут!
- Ничего, если что, мы встанем!
- Нахуй вы сели то?
- Удальцов сказал, что проводим сидячую забастовку!

Сидячая забастовка явно неадекватна моменту, но ребята этого не понимают, у них приказ от вождя. Перед нами несколько рядов леваков, мы более не первый ряд. Расслабляемся, распускаем сцепку. ОМОН переходит в атаку. Леваки вскакивают и разбегаются в разные стороны. Мы оказываемся прямо перед ОМОНОм, не успев подготовиться и организовать новую сцепку. В стремительном налёте ОМОНу удаётся отсечь первые ряды, где, конечно, находимся мы. Отряд «космонавтов» выталкивает меня в сторону, за нами смыкается цепь мусоров. Я отрезан от протестующих, лежу на земле, целая толпа ОМОНовцев молотит по мне дубинками. Мы с товарищами кидались на них всего пару минут назад, я орал им что-то в лицо, и вот они получили возможность отомстить. На самом то деле, меня нередко избивали мусора и ОМОНовцы, но в этот раз всё было по другому. В этот раз ими руководит какой-то животный страх, они забивают нас потому, что панически боятся. Это читается в их перекошенных от ужаса лицах. Я закрываю голову руками, но очередной удар проби-

⁸⁹ Объединение коммунистических и лево-патриотических организаций организаций в конце нулевых-начале десятых годов

ваает блок и вырубаает меня. Очнулся от того, что меня тащат через строй ОМОНовцев, каждый из которых подбегаает и бьёт меня кулаками по корпусу. Всё в тумане. Голова кружится, рука ноет непрекращающейся болью. Впрочем, выхожу из отделения этим же вечером. Времена пока ещё травоядные.

* * *

Такой кайф Борис никогда в жизни не смог бы получить ни от одного наркотика. Это, как бы это банально ни звучало, было лучше, чем секс. То чувство счастья и блаженства, которое даёт человеку влюбленность, заставляя мозг усиленно производить дофамин, было ничто по сравнению с тем, что он испытывал теперь, когда бил мента. Сильное глубокое чувство ощущалось физически. Оно взрывалось где-то в груди безумной радостью и адреналином каждый раз, когда нога Бориса встречалась с закованным в броню жирным ОМОНовцем. Ещё минуту назад тот размахивал дубинкой, намереваясь превратить лицо очередного демонстранта в огромную гематому. А теперь он визжит, как свинья на убое, облепленный теми, кого сам хотел бить.

Очередной удар ногой по силовнику преисполнил Бориса таким чувством блаженства, что он, наконец, осознал, что никогда в жизни не был счастлив. Да, раньше он думал, что бывает счастлив. Но теперь, когда он познал настоящее счастье, настоящий кайф, он осознал, что раньше он счастливым не был. Он никогда раньше не бил мусоров. Бить мусоров было нельзя.

Теперь же он переступил через этот запрет. И просто охуел.

Короткий период эйфории. Кажется, дальше будет только лучше, больше, радикальнее. Люди собираются на постоянный протест на Чистых Прудах, «Оккупай Абай». Все лидеры оппозиции отсиживают сутки, а потому включается самоорганизация – решения в протестном лагере принимаются ассамблеей,

общим собранием всех участников. Каждый вечер протестующие здесь собираются и обсуждают проблемы, стоящие перед лагерем. Выступить может каждый. Все решения принимаются голосованием. Оппозиционные политики появляются только в этот момент, чтобы засветиться на камеры. Приезжает Борис Немцов. Его охрана грубо расталкивает протестующих, чтобы Немцов мог пройти и встать в первых рядах для позирования на камеры. Он молчит и уезжает сразу после окончания ассамблеи. Пиар сделан – пора домой.

Казалось бы – протест радикализируется и идёт в анархическом русле самоуправления. Мы активно включаемся в работу лагеря.

В этих условиях особенно смешны были нацболы, которые начали проводить неподалёку акции против самоорганизованного лагеря оппозиции. Они так и не свыклись с мыслью, что протест обошёлся без них. Патлачи из «Левого Фронта» пытались взять руководство лагерем, пришли и заявили всем, что «Удальцов поручил нам руководить». Но всем плевать и на них, и на Удальцова. Здесь самоорганизация.

В лагере сухой закон, а потому, во время очередного визита на Оккупай, мы с Борисом пьём пиво в уютном дворике в стороне от Чистопрудного бульвара. После идём на Оккупай.

– Парни! Хорошо что вы здесь. Нам нужны дружинники от анархистов, можете помочь с этим – обращаются к нам ребята из «Анархистского Действия». – Окей. А что делать надо?

– Просто пойдите к главе охраны лагеря, возьмите у него бейджики, и ходите по лагерю следите, чтобы никто не пил.

Идём к главе охраны... Нужно сказать, что на Оккупай-Абае было две огороженные политизированные территории. Небольшой инфоцентр в самом центре лагеря, занятый анархистами. И большая территория в стороне от лагеря, занятая нацистами. Это были какие-то олдовые алкобоны ещё из девяностых. В молодости, должно быть, они славно кутили, но сейчас выглядят как алкаш дядя Вася из деревни в футболке с коловратом. Ну, лысые и здоровые, но лица ещё более пропитые, чем даже

у Кельта. И вот нас отправляют в этот нацистский лагерь, потому что главный охранник, как выяснилось – нацист.

Находим этого алкаша. На нас чёрно-красные ленты анархистов, вполне в духе времени. После того, как протестующие повязали себе белые ленты, каждая политическая сила ответила своей ленточкой. Мы гоняли с красно-черными лентами, нацисты с имперскими ленточками, коммунисты – с красными. Стареющий алкобон смотрит на наши ленточки, улыбается и протягивает нам бейджики службы охраны митинга 6 мая. Какой сюрреализм, вы только подумайте.

И вот мы с Борей, сами малость подпитые, ходим по лагерю и выпроваживаем пьяных и пьющих. В какой-то момент, начинаю чувствовать себя ментом, когда в очередной раз подхожу к распивающим на скамейке и сообщаю им:

– Извините, в лагере действует сухой закон. Здесь запрещено пить.

Они улыбаются и просят

– Ну ладно, мы немножко совсем.

– Извините, запрещено.

Понимающе улыбаются и убирают алкоголь.

И вот ходим по лагерю, ментовским взглядом окидывая протестующих. В какой-то момент, алкашей не остаётся, всех разогнали, и становится скучно.

– Бля, знаешь, Борис – говорю я – я теперь понимаю, что чувствуют мусора, патрулируя улицы.

Он кивает.

Очередные ребята, два молодых парня, отказываются убрать алкоголь, ведут себя агрессивно.

– Вы чё, охуели, где хотим там и пьем! Мы вообще не с лагерем, мы по бульвару гуляем!

Несмотря на агрессию, пытаемся отвечать вежливо.

– Ну так выйдите за территорию лагеря и там пейте.

– А не то что! А не то что?! – ребята двигают на нас. К нам на подмогу подрываются чуваки из антифа и ребятам приходится удалиться.

Анархисты регулярно проводят здесь образовательные мероприятия, и на них становится ясно, как далеки мы от народа. Протестующие хотят либеральной демократии, рыночка, каждый из них хочет стать начальником и иметь своё дело. Марксисты пытаются переубедить их какой-то абракадаброй, непонятной для любого нормального человека:

– Прибавочная стоимость... диалектический материализм... единство и борьба противоположностей...

Белоленточные протестующие просто смотрят на них, беспомощно хлопая глазами, и вообще не понимают, о чём говорят эти ребята. Анархисты, впрочем, не лучше – абстрактные размышления о прошлых революциях, сбивчивая речь – люди нас нихуя не понимают. Да что там говорить, даже мне тяжело выловить из этой расплывчатой речи цельную мысль. Становится понятно, что нужно работать над нашим языком. Не усложнять свой язык, перегружая его максимальным количеством терминов, но наоборот, пытаться говорить просто и ясно, приводить такие примеры, которые поймёт каждый, использовать всем понятные слова. Все эти левые, анархисты, марксисты, этого совершенно не понимают. Лишний раз вспоминается старик Мао. Он писал в одной из своих статей:

«Но зачем ему понадобилось так писать на плакате в Яньани и притом во время войны против японских захватчиков – это уж уму непостижимо. По-видимому, он дал себе зарок писать так, чтобы простой народ его не читал – иное объяснение придумать трудно. Если коммунист действительно хочет заниматься пропагандой, он должен учитывать, с кем имеет дело, должен подумать о тех, кто будет читать его статьи и написанные им иероглифы, кто будет слушать его речи и его беседы. Если он этого не делает, значит он твёрдо решил писать так, чтобы люди его не читали, говорить так, чтобы люди его не слушали. Многие думают, что всё, что они пишут и говорят, понятно всем. На самом же деле это совсем не так, потому что пишут и говорят они по шаблонным схемам, и где уж тут людям понять их! Поговорка «играть на лютне перед буйво-

лом» выражает насмешку над тем, перед кем играют. Если же мы истолкуем эту поговорку иначе, вложив в неё уважение к тому, перед кем играют, то останется только насмешка над музыкантом: почему он бренчит, не разбираясь в том, кто его слушает?»

Нам нужно научиться говорить так, чтобы нас понимали.

Впрочем, вскоре это всё заканчивается. Лагерь закрыт решением суда. Люди не особо сопротивляются, а просто ищут новое место для сбора нового лагеря – менее успешно. Когда люди покидают лагерь, на них, внезапно, нападают нацисты. Случается небольшая стычка с антифа, в результате которой боны погнаны. Один из них, огромный нацист, отступая, пытается швырнуть металлическую мусорную урну в антифашистов. Поднимает её, дико ревет каким-то боевым кличем... и мусор из урны сыпится ему прямо на голову. Замечательно.

Начинаются репрессии. Каждую неделю кого-то сажают. Одних – за угар на Болотной. Анархистам не забыли их участие в беспорядках, и, кажется, они составляют половину обвиняемых. Оппозиция никак не реагирует на посадки анархистов. Навальный говорит, что эти леваки в принципе неадекватны, вот другое дело – националисты. И активно продвигает ультраправых в оппозиции. Тревогу начинают бить, только когда обыски проходят уже у самих лидеров протестов. Тогда начинают кричать о репрессиях.

Создаётся атмосфера страха. Прийти могут за каждым, все были на Болотной. Каждый ожидает визита мусоров в любую минуту.

Протест, тем временем, становится всё более беззубым. Оппозиция боится радикальных действий, власть потихоньку, шаг за шагом, всё более ограничивает протестующих. И, убедившись, что оппозиция не собирается отвечать, но будет действовать «исключительно по закону», власть осмелевает, фабрикует всё новые дела, принимает репрессивные законы, выдворяет протест на задворки. Анархисты по прежнему плетутся в загонах оппозиции, ограничиваясь громкими радикальными

лозунгами. Лозунги обещают уничтожить весь этот мир с его несправедливостью, банками, тюрьмами, дворцами и органами власти, разогнать полицию и установить общество свободы, равенства и братства. Но вот суровые ребята в масках и черных одеждах под конвоем мусоров доходят до финальной точки шествия и расходятся по домам до следующего раза. Вскоре они снова соберутся, чтобы пообещать уничтожить старый мир, и вновь разойтись. Но они никогда не уничтожат этот мир. Это – красивая поза, радикальная фраза.

Революция не состоялась, начинается похмелье.

АКТИВИСТСКИЕ БУДНИ 2012

Нож входит в тело человека легко и приятно. Старый друг сравнивал человеческое тело с маслом. Мне же кажется, что нож проваливается в пустоту, будто никуда и не вошёл. Но это заблуждение – красный ручеек свидетельствует о том, что ты попал в цель.

Впрочем, я, на самом деле, не люблю ножи. У меня развитая эмпатия, и пырнув кого-нибудь, я потом всегда морально страдаю. Думаю о том, какого этому бедняге, и даже чувствую, как ноет то место, куда я всадил нож неприятелю, отливая подобием боли от ножевого ранения.

Кроме того, ножи это довольно летальное оружие. Пырнешь кого-нибудь, и потом беспокоишься, не помер ли бедолага. Ну и, наконец, ножи не всегда эффективно останавливают человека. Он может вообще с самого начала не понять, что его порезали. У меня было несколько легких режущих ран, и я их замечал лишь спустя какое-то время, по теплу, разливающемуся по телу вместе с горячей кровью. Однажды, ещё будучи подростком, с порезанным сухожилием на ноге продолжал бегать какое-то время, ничего не замечая на болевом шоке и адреналине.

Впрочем, наверняка, колющее ранение чувствуется очень хорошо. Думаю, что это очень больно. **ОЧЕНЬ БОЛЬНО.** Но и после пыряющих ранений в корпус некоторые мужики продолжали бодро носиться какое-то время, прежде, чем слечь навсегда. А ещё у противника также может оказаться нож, и тогда вы просто истыкаете друг друга этими ножами, после чего оба дружно помрёте.

Я предпочитаю ножам мачете. От рубящих ударов мне гораздо спокойнее в плане летальности, и они гораздо более

ощутимы для оппонента. Да и мачете сразу привлекает внимание, в отличие от ножа. Когда у тебя из ниоткуда в руке вырастает огромный тесак – неподготовленного противника это уже подавляет морально. Дальше можно бить мачетом куда-нибудь в область плеча, и не бояться, что чувак окажется в морге. Поэтому люблю зиму – зимой можно гонять с двумя огромными мачетами под курткой. Когда их вытаскиваешь, настоящий кайф наблюдать расширяющиеся глаза оппонента и его паническое бегство. Радостно хохочешь и несёшься за ублюдком, размахивая двумя огромными ножами.

В молодости по той же причине любил арматуру. Хорошая арматура помещается под куртку, а в случае надобности – влезает в рукав. Небольшое движение запястьем – и вот арматура приземляется к тебе в руку. Идеально. Изумлённые глаза нехороших людей будто спрашивают – «откуда ты её достал вообще?». Волшебство! Это особенная, уличная магия.

Вообще говоря, я в принципе не склонный к насилию человек. У меня слабое зрение, и в драке, где необходимо снимать очки, я вообще ничего не вижу. Особенно в тёмное время суток. Да и на самом деле, я вообще не боец. Отчасти поэтому приходится приучаться к оружию. Но всё равно, если ты лох, то оружие никогда не поможет тебе против нормального бойца. Если тот, конечно, не испугается. Но что поделать то.

Ведь что такое насилие? Это попытка подавить оппонента. Хочешь ты подавить кого-то, или хотят подавить тебя – здесь все средства хороши. Я никогда не понимал отношения к насилию, как к игрушке – помериться силой, развлечься или установить истину по принципу «кто сильнее тот и прав». Насилие – это крайнее средство, при помощи которого один подавляет другого, принуждает к чему-то. А потому, если дошло до насилия – то здесь нужно не давать поломать себя. По этой причине, в принципе, не стоит стремиться к насилию. Я всегда стараюсь быть вежливым с людьми, соблюдать все договорённости, учитывать их мнение и интересы. Но люди с более легкомысленным отношением к насилию этого не

понимают. Поэтому они могут быть невоспитанными хамами, быдланами или просто не держать своё слово, плевать на достигнутые договорённости. А там, где договорённости нарушаются, там, где договориться нельзя – остаётся последний способ регуляции конфликтов...

В конце концов, насилие остаётся последней мерой справедливости в нашем мире. Здесь нет никаких принципов. Все декларируемые принципы работают только при общении с сильным. Никто не будет соблюдать свои принципы по отношению к слабым. Районная гопота, чиновники, бизнесмены, криминальный мир, антифа, анархисты и нацисты – все они беспринципные ублюдки, кладущие на провозглашаемые принципы. Они могут провозглашать что угодно, но на деле всё решается только тем, кто «свой», и кто более эффективно способен применить насилие.

Государства лгут нам, что анархия – это война всех против всех. Но ведь современный мир и является войной всех против всех, где господствует право сильного. Корпорации и государства закроют глаза на ваши права и интересы, и просто подавят вас – если вы не будете объединены в сильные гражданские движения с такими же простыми отдельными гражданами. Все в этом мире – от маленького человека до транснациональных корпораций – говорят языком насилия.

Значит, нужно и простому маленькому человеку в мире этом полагаться на насилие для защиты себя от насилия, подавления, хамства. И для решения тех ситуаций, где другая сторона явно недоговороспособна. Со слабыми будут делать то, что считают нужным. Значит, в политике и в жизни не обойтись без насилия...

На самом деле, я несоциализированный маргинал, во всём этом мраке окружающей реальности мечтающий о чём-то великом. Чем я занимаюсь, когда не громлю столицу? Мне

совершенно не хочется заниматься ничем иным. Ведь всё остальное бесконечно скучно и приземлённо, и вообще не имеет значения. Так что в свободное от погромов время я просто бухаю. Вся моя жизнь – бесконечные пьянство и погромы. Мечта не даёт увидеть мне себя тем, кто я есть на самом деле – жалким и пьяным. И таких как – тысячи, на самых разных сторонах идеологических баррикад.

Мы с товарищем прилично заряжаемся пивом перед Новым Годом, и едем на застолье уже подпитые, груженные ящиком алкоголя. В новогоднем метрополитене пристаём к парню на питбуле. Ведь все знают, что куртки с питбулем носят нацисты. Тот избирает весьма оригинальную линию защиты – выходя из вагона и увидев за собой двух парней субкультурного вида, всю дорогу разглядывавших его, оборачивается и сам спрашивает нас

– Ребят, вы что, правые? Сам он, конечно, не правый, и «питбуль» ему мама на рынке купила.

Приезжаем на застолье уже хорошие. Подкурив на кухне, я вырубаясь, заблёвывая новогодний стол. Я просыпаюсь, трава совершенно лютая, не отпускает меня до самого утра, и мне приходит идея что плюс на минус даёт ноль, и я пытаюсь перебить её спидами.

Товарищи растягивают баннер перед посольством, и начинают выкрикивать обвинения в адрес президента этой латиноамериканской страны. Он, по нашему мнению, виновен в геноциде индейцев, которых прямо сейчас сгоняют с их земель ради интересов крупной корпорации. Кто-то пишет лозунги краской на асфальте, кто-то раскидывает листовки, а я взбираюсь на подоконник посольства и пару секунд прицениваюсь к флагу, висящему на флагштоке. Прыжок – и я повисаю на нём. Под радостные крики товарищей тот обрушивается под моим весом. Флаг подвергается поруганию, а металлический флагшток, обернувшись копьём, летит в окно посольства.

Блюющие звуки отражаются от металлического дна глубокой кастрюли, усиливаются таким образом, и разносятся

по всей комнате, к всеобщему весёлому смеху. Малой сидит рядом и сочувственно смотрит, как я в полубессознательном сознании, лёжа на матрасе в центре комнаты, уткнулся лицом в кастрюлю. Этот чувак прячется здесь от ФСБ. В своём родном городе на севере России они с товарищами закидали лампочками с краской памятник перед академией спецслужбы. Чекисты оскорбления чести мундира не стерпели, всех нашли и подвергли пыткам. Малому, например, пилили зубы. Понятно, что выйдя из застенков, он первым делом предпочёл свалить в столицу.

Один из панков, пересекая комнату, проходит по матрасу, и обращает внимание:

— Слышали? Если наступить на матрас, звук меняется! Тогда это уже не «блюууэээ», а «уааэээ»!

Вскоре панки всей гурьбой наваливаются на матрас, и прыгают на нём, экспериментируя со звуком.

— Бля, сука, вам всем пизда, когда я протрезвею, вам пизда... — бормочу я, прежде чем издать очередной «уааэээ».

Совсем небольшой несанкционированный марш, человек 20 на проезжей части жгут файеры, растянув баннер с требованием освобождения политзаключенного антифашиста. Когда мы оказываемся у здания Следственного Комитета, оттуда вываливается армия мусоров. Все наши срываются в бегство, мусора кидаются вдогонку. Мне приходит рискованная идея, прикинуться просто случайным прохожим, и я иду спокойно по тротуару, не реагируя на происходящий вокруг хаос. Рука опускается мне на плечо

— Молодой человек, стойте!

Кто-то пытается схватить меня за рукав. Адреналин подсакивает, и в считанные секунды я обгоняю бегущих впереди сотрудников полиции и наших ребят, оставляю их далеко позади. Я бегу по улице, из проезжающей мимо тачки компания молодых ребят орёт мне

— Давай, беги, блядь!! Хочется ударить их чем-нибудь, и разгромить их тачку, но за мной мусора, и приходится бежать

дальше, пока, наконец, не заворачиваю в переулок, соединяющийся целым лабиринтом с десятками улочек. Здесь я скрываюсь от преследователей.

Всю ночь мы пили «Охоту» крепкую, и теперь на парах я нахожусь в некоей прострации, когда мне приходит СМС от ребят. Они едут в далёкий северный город, и зовут меня с собой. После пар, не заезжая домой, гоню с ними на поезд. У меня нет билета, я захожу как провожающий и ложусь в багажное отделение под спальным местом на первом этаже поезда. После того, как проводники проходят, проверяя билеты, парни занавешивают отсек простынями, чтобы девушки переоделись, и я вылезая наружу. В северном городе мы будем, конечно, бухать, я заблую куртку какому-то местному шарпу, а на следующий день придёт парень, что угостит всех желающих спайсами. Сука, я думал это как трава, как жестко то, почему меня не отпускает. Я сижу в серой комнате с задернутыми шторами и жду, когда меня отпустит, и настенные часы бьют своё «тик-так» мне прямо в голову, я не знаю куда деться от этого тиканья часов. Обратно в столицу уезжаю также в багажном отделении.

Мы с ребятами ходим весь день по магазинам крупной торговой сети. Один из них бастует, протестуя против несправедливых штрафов, и мы посещаем другие заведения сети, распространяя листовки среди сотрудников и покупателей, объясняя им ситуацию и призывая бойкотировать магазин. Кто-то из посетителей разворачивается и уходит, но я, в целом, не уверен, насколько эффективно мы действуем.

Кельт признаёт только водку, несколько дней мы бухали у него в посёлке. Когда кончились деньги, начали выносить алкоголь из местного магазина, я забиваю бутылками внутренние карманы куртки. Однажды, охранник останавливает нас, заведя какие-то подозрительные контуры под одеждой.

– Молодой человек, что у вас там?

Расстегиваю куртку с предвкушающей улыбкой и демонстрирую ему рукоятку мачете.

– Вот что.

Охранник не имеет больше вопросов. В другой раз нас ловят с бутылкой бренди, окружают и мы понимаем, что лучше, всё таки, заплатить. Мы с Кельтом бухаем несколько дней, я, кажется, совсем пропиваю мозги, и когда спустя почти неделю он требует продолжения банкета, я просто мотаю головой и иду на электричку сквозь уродливый осенний посёлок на задворках Московской области. Я еду на электричке пару часов до Москвы, в голове ядерный взрыв, за окном тоже всё выглядит так, будто здесь произошёл ядерный взрыв, в теле слабость. Включаю плеер, там играет свои депрессивные песни Александр Непомнящий, звучит «Полёт Валькирии» Вагнера, и становится совсем уж плохо. В Москве я должен добраться до своего вокзала, и снова ехать на электричке домой. Оказавшись дома, получаю новые приглашения бухать, но уже нет никаких сил, и я заваливаюсь спать, я буду спать дня два, наверное.

Очередной марш, на этот раз санкционированный. Несколько сотен ребят в черных одеждах, натянутых на головы капюшонах и солнцезащитных очках, маршируют, отгородившись от окружающего мира цветастыми красивыми баннерами. На баннерах высечены банальные лозунги, киногерои и кинозлодеи призывают к революции и справедливости, Годзила уничтожает двухголового орла. В общем, тот ещё поп-арт. Обложившись ими со всех сторон, мы выстраиваемся квадратом, как римская «черепаха», и идём по улицам в сопровождении омовцев. – Вааааан салюуушеен! Рееволююшееен! А! Анти! Антикапиталиста! – кричим мы лозунги на английском. Потом, внезапно, обращаемся к армии мусоров вокруг нас.

– Эй! Си! Эй! Би! Эй! Си! Эй! Би! Снимайте погоны, вставайте к нам в ряды!

Странно, я совсем не хочу, чтобы они встали к нам в ряды. Я хочу, чтобы все эти мрази были уничтожены. Толпа, тем временем, продолжает.

– Наше решение – самоуправление! Рабочим – винтовки, буржуям – веревки! Свобода, равенство, анархо-коммунизм! Несколько

сотен ребят за цветастыми баннерами грозятся сжечь Москву, разогнать полицию и правительство, и устроить революцию. Когда мы доходим до места, до которого нам позволяют пройти полиция и власти, мы расходимся с чувством выполненного долга, чтобы через несколько месяцев собраться и вновь в окружении мусоров погрозить властям революцией. Такой себе карнавал.

Я просто пил английский стаут в пабе, вкуснейший английский стаут. До этого весь вечер мы жрали водку, и, кажется, это была плохая идея, продолжать пить этим вечером. Вот я пью вкуснейший английский стаут в пабе, а в следующий момент просыпаюсь вообще в другой компании в месте, в которое и не планировал ехать. Что произошло? Собираю подробности прошедшего вечера, как мозайку-пазл, кусок за куском. Местные ребята в шоке, они думали я серьёзный анархист, а я завалился к ним посреди ночи бухой и весёлый. Зачем-то попытался побить какого-то парня, но девушка уложила меня подсечкой, я упал и захрапел, так я был пьян. Звонит один из товарищей, с кем я бухал вчера, и на вопрос, что произошло, долго смеется. Затем приходит другой из вчерашних парней, участливо, но с некоторой иронией спрашивает о самочувствии. Рассказывает, что мы с одним из чуваков вчера нажрались до потери памяти, я с мачетом наголо зачем-то кидался на буржуйский ресторан. Охранник предпочёл сделать вид, что ничего не заметил, и по быстрому зашёл внутрь. Нас усадили на такси и наказали развести по домам, так что вопрос, как я попал сюда, для меня остаётся открытым. Наконец, второй нажравшийся парень что-то помнит, мы решили не ехать домой и ещё какое-то время тусили с ним, вышли у станции метро. Не описать словами, как стыдно в такие моменты, вы не представляете. Только надеюсь, что мы ничего не натворили вечером.

* * *

По телевизору выступает женский хор Корейской Народной Армии. Северокорейские военные гимны это вообще лучшее,

что есть в современном искусстве. Звучат, как музыка из опеннингов к аниме, грозят уничтожить западный империализм и сразу вызывают желание обратить весь мир в труху и радиоактивный пепел.

– Короче, встретил я недавно знакомого. А у него нос синий полностью, прикиньте? – начинает Борис.

– Синячит?

– Вот я тоже так подумал. Говорю ему, мол, чё ты, совсем спился? А он отвечает что нет, совсем не пью. Ну я и спрашиваю – а что нос тогда синий? Вот он и рассказывает. Сидели с корешами в «Вокзале». Ну, знаете, бар этот на «Новослободской». А там же ещё и боны тоже тусят. И вот встретились они с ними, и начали толкаться. И кто-то из бонов ножом ему прям по носу рубанул. Нос полностью отлетел, отрезали, значит. Боны сами с таких раскладов охуели и сразу убежали. Ну, чувак берёт нос в руку, садится на такси и едет в травму. Нос то ему там пришили. Но он так и остался синим на всю жизнь. – Пиздец, жоско. Прикинь так, всю жизнь с синим носом ходить. Ещё, наверное и не работает теперь, запахи небось не чувствует?

Плохо понимающие по русски официантки приносят нам алкогольную настойку на змее и ассорти северокорейских блюд на огромном подносе. Мне даже стрёмно есть все эти сырые морепродукты, каких-то непонятных животных, и я ограничиваюсь алкоголем.

– Интересно, а это же по любому сотрудницы спецслужб северокорейских, хотя бы номинально. Иначе хуй бы их выпустили работать в Москву – рассуждает товарищ. Он загорается идеей трахнуть агента северокорейских спецслужб, замутить с одной из этих официанток.

Подземный ресторан «Корё» в Москве – место замечательное, атмосферное и экзотическое. Здесь мы вспоминаем все наши маоистские увлечения и любовь к Азии. Безумные маоистские эксперименты, буйство хунвейбинов, выселение городов Пол Потом, вьетнамские ловушки и сеть подземных тоннелей «же-

лезный треугольник»... Как можно всё это не любить? Азиатские коммунисты — те ещё массовики-затейники. Да и азиатская история в целом — это что-то фантастическое, читается как фэнтези, нечто из другого мира.

— А вы знали, что Пол Пот начал интересоваться политикой, ознакомившись во Франции с книгой Кропоткина «Великая Французская Революция»? Да и Мао начинал, как анархист. В десятилетия, когда он начинал, в Китае был популярен анархизм. Марксизма там в принципе никакого не было. Анархисты создавали рабочие организации, газеты, поднимали профсоюзное движение. А анархисты из соседней Японии в принципе концентрировались на идеях Кропоткина об объединении города и деревни, уничтожении разделения труда, и тд. Эти идеи японскими анархистами широко распространялись и среди китайских товарищей. Марксисты здесь появились уже в двадцатые годы, когда Советский Союз направил сюда своих эмиссаров. Компартия в принципе вербовалась из китайских анархистов, и они очень долго ещё слабо разбирались в марксизме. Да и переводов на китайский то этих марксистов не было. Сам Мао, кажется, только в тридцатые стал усиленно изучать марксизм, до того у него были довольно примитивные представления. Да и во всей практике маоизма видно, какое влияние на него оказали кропоткинские идеи. Попытки создания коммун, что занимались бы и сельским, и промышленным производством. Или когда чиновников заставляли заниматься физическим трудом. Это же воплощение постулата Кропоткина о совмещении физического и умственного труда. А посмотрите даже на репрессии в маоистском Китае. Они опирались, во многом, не столько на спецслужбы, как у советских коммунистов, но на стихию уличного насилия. Репрессии делались руками простых людей. Помещиков вырезали крестьяне, бюрократию — восставшие студенты хунвейбины и молодые рабочие цзяофани... Маоизм имеет от анархизма не меньшее наследие, чем от марксизма. И, кстати, по попытке воплощения маоистами отдельных идей Кропоткина можно судить, насколько эти идеи оказались нежизнеспособны.

Нам приносят местное лакомство – фасоловые пирожные. Странно, сделаны из обычной фасоли – но это самое вкусное пирожное в моей жизни.

– Думаете, простые северокорейские рабочие едят такие пирожные?

– Вряд-ли, наверное такое если в КНДР и ест кто, то только чиновники. Рабочие там хуй без соли доедают.

Продолжают подносить какие-то стрёмные яства из сырого мяса и морепродуктов, которые и есть то страшно. И мы продолжаем углубляться в исторические темы.

– А вы знали, что немецкие нацисты выросли, фактически, из движения местных хиппанов?

– Так ведь хиппи были через 20 лет после того, как нацистскую Германию вынесли?

– Так то другие хиппаны. Ещё в конце 19 века в Европе был свой аналог. Сперва были левыми. А потом стали всё больше смещаться вправо. Была, например, в самом начале 20 века в Швейцарии коммуна Монте Верита. Типичные хиппаны, угарали за всё хорошее против всего плохого. Гоняли по коммуне голышом, вегетарианили... К ним туда, кстати, Кропоткин, Ленин и Троцкий пригоняли тусить в своё время... А основал коммуны, как водится, сын голландского магната...

– Ёбанные хиппи! И здесь богема вся эта с сынками богатеньких папаш перемешалась!

– Да, всё как везде у хиппанов. Так вот, вы если их фото посмотрите, вы вообще не отличите их от американских хиппи шестидесятых годов.

– Так а нацисты тут причём?

– Ну вот эта коммуна была частью движения «Лебенсreform», «реформа жизни». Те самые хиппи, пропагандировали всякие мистические практики, вегетарианство, нудизм и прочее... Были популярны как раз среди богатой и богемной публики. Первоначально связывали их с социалистами и анархистами, но уже в двадцатые годы правые, как водится, пиздят культуру. И появляются ультраправые группы «Лебенсreform»,

которые верили, что могут через эти хиппанские практики возродить немецкую расу. И знаете, кто в третьем рейхе был выходцем из «Лебенсреформ»? Гесс и Гиммлер, крупнейшие шишки рейха, были просто старыми хиппанами! Вы думаете, откуда взялись все эти законы о зоозащите, которые проталкивал Гиммлер? Из его хиппанского прошлого!

– Так и чё эти «Лебенсреформ» при Гитлере добились чего?

– Не. Они какое-то время существовали при рейхе, но потом их, как и всех прочих, зачистили. На хуй они нацистам были нужны? Ну вот только крупные шишки остались, что по молодости их ценностями прониклись... А многие активные участники «Лебенсреформ», кстати, бежали в США, и даже повлияли на становление движения хиппи. Можно сказать, они и были первыми американскими хиппанами. Выглядели как хиппи, говорили, как хиппи, бомжевали на пляжах Калифорнии. Одного из самых видных деятелей там арестовали за гомопедофилию, кстати...

– Ёбанные хиппи! Всегда подозревал, что хиппи и нацисты – это примерно одно и то же! А, оказывается, они вообще из одной движухи вышли, родные братья, можно сказать!

Уже порядком захмелев, делимся друг с другом своими идеями о том, как должно выглядеть общество победившей революции.

– Ну, знаете, я бы хотел, чтобы посреди Красной площади установили гигантскую мясорубку, и все высшие чиновники, менты и прочие мрази шли туда по узкой доске, которая обрывалась бы прямо над ней. Ну, шарите, как у пиратов было. И была бы соединена мясорубка с верхними башнями Кремля, чтобы оттуда выходило всё мясо, кровь, и стекали бы они по красным стенам. А в самом городе ездили роботизированные гильотины с автоматическим распознаванием лиц и полной базой всех, кто когда либо работал в полиции. Ну, и распознав бывшего полиция, сразу захватывали бы его длинными щупальцами, и подносили к гильотинам, установленным в корпус... Вот красота была бы!

Товарищ из далёкого сибирского города поедает сырую печень, принесенную официанткой, и рассказывает суровые сибирские истории.

— Я у нас в городе в «Анархистском Действии» отвечал за контакты с желающими вступить в организацию. И приходит как-то анкета на вступление. От девушки по имени Лена. Я сначала обрадовался, потому что у нас вообще девушек было мало в движе. Ну я всем говорю, что вот, девушка хочет присоединиться, все обрадовались. Антифа местная начинает пробивать, что там за девушка такая. Ну я держу интригу, типа хозяин ситуации.

Созваниваемся мы с ней, чтобы договориться о встрече. И тут что-то начинает меня напрягать понемногу. У неё голос такой, басистый, как у пацана. Ну, думаю, ладно. Бывает. У нас мероприятие должно было быть, презентация. Ну говорю ей туда подходить.

На мероприятии антифа местные уже посматривают. Знают, что я какую-то девушку пригласил. А она всё не приходит, опаздывает. Я уже совсем забеспокоился, что не придёт, и тут вижу — идёт к нам какой-то парень, в женской куртке, которая выглядит так, будто он её со старой бабки снял. Какие-то сапоги, как валенки, на ногах. В руке женская сумочка. И идёт в нашу сторону. Я в панике. Думаю — блядь, только бы не к нам, только бы не к нам...

Подходит он ко мне, и говорит: «Привет, я Лена». Я совсем от стыда под землю проваливаюсь, антифа ржут, пальцем в меня тычут. Мол, нашёл девушку в организацию. Слава богу, Лена тут-же говорит, что живёт в какой-то деревне далеко за городом, и ему на электричку пора. Ну, конечно, перед пацанами стыдно было потом.

Накануне первая я бухаю и упарываюсь какой-то лёгкой наркотой на вписке. Когда меня отпускает, я с удивлением

замечаю, какими яркими и живыми стали краски окружающего мира. Я не видел ранее, насколько всё раньше было серо и пасмурно.

Теперь же весна, на улице свежо и хорошо, да ещё и первомайское настроение массовых демонстраций и бунта радует сердце. Доезжаю до места сбора марша левых сил.

Уже поднимаясь из метро, вижу на Трубной площади пёстрые флаги над толпой. Красные флаги различных коммунистических партий, нацболов, социалистов. И множество чёрно-красных флагов над нашими ребятами. Наша толпа самая большая и выглядит лучше всех. Сегодня нас ещё больше. Несколько сотен ребят в чёрном, в масках – выглядим очень круто, гораздо лучше всех остальных вместе взятых. Нахожу в толпе друзей, все бодры и полны революционного энтузиазма. Проходя мимо колонны нацболов, отпускаем в их сторону шуточки, глупые гомофобные шутки про старика Лимонова, сосавшего член у негра. Нацболы лишь отворачиваются. Мы становимся в коробку под чёрно-красными флагами, огороженную цветастыми баннерами, среди сотен юношей и девушек в чёрном. Всегда приятно встретить столько знакомых ребят, друзей и товарищей, как сегодня.

Вот начинается марш. Наша колонна буквально заполняет собой улицу, нас уже просто какое-то огромное количество. Человек пятьсот, а то и больше скандирует привычные кричалки:

– Главный враг в твоей стране! Главный враг сидит в Кремле! Выше-выше чёрный флаг! Государство – главный враг! ФСБ и центр «Э» – главный враг в твоей стране! Наше решение – самоуправление!

В марширующей толпе откуда-то со стороны нам на пути вываливается невысокий пьяноватый скинхед в харике «Лонсдейл», с бутылкой пива в руке.

– Кельт, ты как бухло на марш пронёс? На рамках же обыскивают.

– Так я не через рамки шёл. Я щас с переулка вклинился, там оцепления не было.

Марш, впрочем, продлился недолго, и уже на Чистых Прудах сменился унылым митингом. Выступающие толкают речи, которые никто не слушает. Все разбрелись по бульвару, находят знакомых, которых давно не видели, общаются. Ребята из «Анархистского Действия» сообщают нам, что через несколько часов на Болотной площади они собираются замутить первомайскую уличную вечеринку. Поэтому, когда карнавал заканчивается, у нас остаётся в запасе ещё несколько часов. Захватив разных хороших ребят, мы бухаем на бульварах в ожидании вечера.

Кельт быстро завладевает общим вниманием, травя свои обычные истории:

– ... и она меня спрашивает – кем вы себя видите через 10 лет? А я ей отвечаю – Катя, хуй знает, что там с десятью годами, но уже через год ты выбришь себе челси, перестанешь жрать мясо и будешь гонять со мной на митинги!

– И что, взяла тебя на работу после этого?

– Пф! Конечно, нет!

Чем дальше, тем истории становятся всё веселее. Теперь он рассказывает за подругу-воинственную веганку:

– ... ну и идём бухие уже, и видим – бомж сидит с собакой, и табличка, мол подайте собаке на корм. Ну, она мне говорит, мол – смотри, совсем охуел, собаку эксплуатирует. Ведь понятно же, что это не на корм он просит, а на себя! Ну подходим, я его просто в грудь толкаю, и говорю, мол, чего ты, охуел что-ли? А она его начинает хуярить, натурально валит на землю и начинает ногами ебашить! Тут даже я охуел, еле оттащил её.

Вообще, такие истории не редкость. Движ был пропитан насилием. Мне кажется, все так привыкли к насилию, что оно уже стало обыденностью. Это, в конце концов, привело к многочисленным арестам. В 2012 году вообще село какое-то неприличное количество людей. Кажется, люди садились каждую неделю.

– Что, как ты думаешь, кто сядет на этой неделе? – мрачно подшучивали мы. Шутка, впрочем, всегда содержала только

долю шутки, потому что, действительно, люди садились каждую неделю. Садились за всё.

Садились за политику. Вал арестов по Болотному делу был самым громким, но далеко не единственным. Политические дела возбуждались одно за другим. Сажали тех, кого считали лидерами антифашистов, или активными анархистами. В регионах такой беспредел даже начался чуть раньше. Новости оттуда были совсем уж «веселыми». В Ижевске эшники пытались добиться возбуждения уголовных дел против антифашистов. Для этого им требовались показания нацистов о том, что их избили конкретные люди. Нацисты, к их чести таких показаний не дали. Это было действительно здорово, потому что лидер местного «Анархистского Действия», например, не скрывал, что собирал информацию о нацистах и сдавал её мусорам. Такой себе, знаете ли, анархизм. Нацисты до уровня некоторых своих оппонентов не желали опускаться, и эшникам пришлось изнасиловать одного из них дубинкой, чтобы сломать моральный дух его и его камарадов и, наконец, получить показания.

В Нижнем Новгороде мусора и вовсе додумались до того, чтобы сфабриковать экстремистское сообщество «Antifa-RASH», которое, по тугодумию, расшифровали как «Антифа-Красная анархия скинхедов». Даже создали фальшивые удостоверения такой организации и раскидали местным антифашистам при обыске. Получилось очередное сфабрикованное дело об экстремистской организации. Нижегородский центр «Э» вообще был достаточно жестоким. Попытки задержанных, фабрикация уголовных дел, провокации против подростков, которых сами эшники накручивали на то, чтобы заняться «террором», а потом, внезапно, принимали их на месте акции – всё это нижегородский центр «Э».

Подобная ситуация была во многих городах, и чем дальше, тем больше становилась общей для провинции. Политическая полиция стремилась уничтожить антифашистское и анархистское движение в регионах на корню. И это, в общем то, удалось за пару лет – в большинстве городов столкнувшиеся

с прессингом активисты понимали, что любая деятельность будет вызывать репрессии. После чего, в принципе, прекращали заниматься чем-либо вне рамок субкультуры.

Впрочем, далеко не все политические дела были сфабрикованными. Многие задерживались по вполне себе реальному политическому насилию. Избиения нацистов, ограбления их, стрельба и поножовщина – всё это влекло за собой, в конце концов, всё больше уголовных дел. Наиболее громким, должно быть, получилось дело молодых антифашистов, что подъезжали к месту нацистских концертов, и расстреливали его посетителей из окна автомобиля, в духе американских гангстеров. Во время очередной такой акции, правда, их задержал спецназ в лучших традициях боевиков. Когда автомобиль попытался уехать, один из спецназовцев разбил окно автомобиля рукой, и вытащил водительницу из автомобиля за волосы.

Конечно, разгул насилия очень быстро вышел за рамки молодёжных субкультур, и жертвами зачастую становились уже обычные люди. Так, характерный случай произошёл в Рязани всё в том же 2012 году, столь богатом на беспредел и насилие. Начиналось то всё, на самом деле, довольно комично. К двум 19-летним парням на автобусной остановке подошёл 16-летний подросток с игрушечным пистолетом, который принялся выяснять, не нацисты ли ребята и вообще из какого движа. Конечно, его прогнали, да ещё и игрушку сломали. И сделали это, в общем-то, зря, поскольку вскоре на место явилась команда 16-летних антифа с ножами и кастетами. И если одному из парней удалось убежать и затеряться в толпе, то вот второму, нырнувшему в такси, не повезло. Его вытащили из машины и прирезали. Случай получился громким, резонансным, попал на телевидение, в том числе на Первый канал. Статусные антифашисты заняли позицию «это вообще не наши ребята, и к антифа они отношения не имеют», надеясь сохранить чистое имя антифашистов. Но правда была в том, что подобное поведение и подобные инциденты к тому времени стали уже

слишком частыми. Можно сказать – систематическими, регулярными. Все слишком погрузились в насилие.

И, зачастую, насилие уже даже не пытались оправдывать борьбой с нацистами – реальными или мнимыми. Грабежи, поножовщина, стрельба – всё это применялось и в отношении вполне обычных людей. Доходило до абсурдного, когда незнакомые группы антифашистов устраивали по беспределу стрельбу и поножовщину друг с другом. Всё больше людей садились за насилие, за криминал, за наркотики.

2012 год, конечно, стал рекордсменом в этом плане.

Потому истории Кельта, в общем то, были довольно стандартными и лайтовыми.

Так, история за историей, время приближалось к вечеру, и пора было выдвигаться на Болотную площадь. У метро мы встретили не более трезвую, чем нашу, компанию панков, и после штурма туалетов местного Макдональдса толпой пьяных скинов, панков и анархистов выдвинулись, наконец, в метро. Там Кельт не слишком успешно попытался перепрыгнуть турникеты, но на пути его появилась молодая сотрудница полиции.

– Что, арестовать меня хочешь? – улыбнулся Кельт.

– Давай, накажи меня. Ну давай, надень на меня наручники – маленький лысый мужичок средних лет, весь покрасневший от алкоголя, в неизменном «лонсдейле» и кепке «барберри», покорно вытянул вперёд руки и направился к полицейке. Та такого явно не ожидала, и, смутившись, застыла на месте.

– Ну давай, чё стоишь то? НАКАЖИ МЕНЯ! Чё ты встала то?

Убедившись, что мусорша окончательно дезориентирована таким предложением, Кельт пожал плечами, обошёл её, и двинулся к эскалатору.

– Знаешь, – повернулся он ко мне, пока мы спускались на станцию – я как-то замутил почти с мусоршей. Ей уже сорокет, дети, мамаша такая, была уже в каком-то крупном звании. Но подумал, и не стал.

– А что так, АСАВ?

– Да не, ты чё! Наоборот, было бы круто отъебать мента, за всех панков и скинов. Но я подумал. Вот захочу я её бросить. А она меня по базам пробьёт, поймёт что я экстремист, и сможет угрожать мне. Мало ли, отомстить захочет. Посадит ещё.

Пожимаю плечами. Спускаемся на станцию, направляемся к переходу, когда проходящие мимо дагестанские спортсмены налетают прямо на одного из панков, плетущихся в хвосте. Просто идут на него и таранят, он отлетает в сторону.

– Э, слышишь, да, ти куда прёшь на меня?

Оборачиваемся на происшествие...

– Что такое, ребят? – спрашивает Кельт, находящийся к ним ближе всех.

Это, признаться, были очень стрёмные ребята. Какие-то неестественно огромные дагестанские ребята в спорткостюмах, с бородами, что соединяются с прочей растительностью на лице в львиную гриву. Их было всего четверо, нас же человек, по крайней мере, двадцать. Но, честно, нам всем стало слишком стрёмно. Я встал, всё же, прямо за Кельтом, показывая свою поддержку. Остальные ребята неуверенно подошли, сохраняя расстояние и держась поодаль. Ну, Кельт, ты давай, мы тебя поддержим если что – трусливо думал каждый, перекладывая ответственность.

– Чё, праблемы у тибя? – дагестанец грозно наклонился над Кельтом. И знаете что? Они, честно, были огромными. Но страх делал в наших глазах их ещё больше. Замечали, быть может, что получив пизды, вы подсознательно воспринимаете побившего вас оппонента ещё крупнее и выше, чем он есть на самом деле? Вот здесь произошло тоже самое. А контраст между маленьким, невысоким Кельтом и этой дагестанской детиной окончательно убедил нас, что мы имеем дело с какими-то гигантами. И вот мне кажется уже, что настоящий великан наклонился над Кельтом, разведя свои огромные ручки в стороны. И кажется мне, что Кельт ему лишь до пояса дотягивает. Кельту же, должно быть, нависший над ним детина кажется ещё крупнее.

– Да не, что вы... Какие проблемы... – неуверенно отвечал Кельт.

– Ньу вьот и всё, чьо ти тут стоишь тогда!

– Да ничё...

Мы, переложив ответственность на Кельта за диалог, чувствовали себя довольно странно. С одной стороны, униженными. А с другой как бы и нет. Ведь это же Кельт обосрался, а мы вот если что впряглись бы за него обязательно! Как-то так успокаивали мы себя.

Впрочем, настроение всё равно было подавленным. Все притихли, каждый чувствовал себя униженным, проигравшим, от чего чувство собственного достоинства каждого из нас серьёзно пострадало. С этим срочно нужно было что-то делать. И вы не представляете, какое счастье мы испытали, увидев на следующей станции небольшую группу молодых парней, одетых по правой моде. – Ребяятаааа!! – радостно заулыбались мы, направляясь к ним.

* * *

Летние лагеря анархистов – явление особенное. Они проходили довольно часто. Эко-анархисты организовывали протестные лагеря неподалёку от какого-нибудь вредного производства, чтобы бороться с его закрытием. В формате лагеря всевозможные анархистские организации и инициативы проводили в теплое время года свои съезды. Наконец, проводились и просто анархистские лагеря для обмена опытом, обсуждения теории, или просто знакомств активистов из разных регионов друг с другом.

Не всегда всё проходило гладко, конечно. То начнётся драка из-за того, что одни участники лагеря поймают улинок и захотят их сварить, и против них выступят воинственные веганы и зоозащитники. То известный анархист будет гоняться за женщиной с ножом, потому что она помешала его сексу с другой девушкой. И, конечно, это вызовет большой скандал, обсуждение сексизма и знаменитую фразу «я бил её как человека, а не как женщину».

Но и в более спокойной обстановке всё совсем не здорово. Анархисты искренне верят в консенсус. Все порядки в лагере, конечно, должны утверждаться на общем собрании единогласным решением всех участников лагеря. Для анархистов важно не просто выступать за определенные идеи равенства и самоуправления, но и демонстрировать их своим повседневным опытом. Анархисты верят, что это лучшая пропаганда идей. Мы должны не столько стремиться к построению общества самоуправления, сколько жить уже сейчас в соответствии с ценностями такого общества. И своим примером мы демонстрируем, что это возможно. И когда другие люди увидят, как здорово мы решаем все вопросы консенсусом, то тоже поймут, что анархия работает!

Так что, вопросы согласовываются всем лагерем.

— Итак, давайте составим распорядок дня. Нам нужно составить список мероприятий...

— Давайте для начала решим, во сколько в лагере будет подъём?

— Постойте, а почему должен быть общий подъём? Это что, все обязаны будут просыпаться в какое-то время? Мне кажется это не очень анархичным.

— Да, давайте каждый будет вставать когда сам посчитает нужным, и посещать те мероприятия, которые сам захочет!

— Постойте, сперва нам надо определиться с тем, что такое «подъём».

— Да, непонятно, «подъём» — это во сколько все должны просыпаться или вставать?

— А я считаю, что утверждение общего подъёма для всех противоречит принципам анархизма. Это неанархично...

Обсуждение будет долгим... За ним последует другой вопрос. Кто-то срубил старый засохший корень дерева, мешавший всем и каждому. Когда этот вопрос обсуждали в прошлый раз, консенсус так и не был достигнут. Зелёные анархисты искренне негодовали от самой идеи того, чтобы срубить этот корень. И вот, кто-то, не согласовав этот вопрос, срубил корень

самостоятельно, нарушив тем самым свободу и права всех остальных участников лагеря. Давайте разбираться!

Анархисты каждодневно демонстрировали собственным примером, что анархия работает.

* * *

Подвальное помещение старого хиппанского клуба на юге Москвы. Здесь издавна проходят анархистские мероприятия и концерты. Сегодня мы собрались здесь для просмотра фильма о теории хаоса. Фильм, нужно сказать, интересный. Не знаю, правильно ли я понял его, но он лишь подтвердил одну мысль, которая давно не давала мне покоя. Всё в этом мире детерминировано, и порядок повсюду. Хаос – это порядок, ещё не понятый нами. Хаос от порядка отличает только то, что в хаосе мы ещё не выяснили все координаты системы, не поняли принципы её работы. Как только мы их выясним – хаос обернётся для нас порядком.

После фильма, как водится, обсуждение. Анархисты пытаются на основе этой теории что-то объяснить молодым самодовольным субкультурщикам. Один из них – самый отвратительный, должно быть. Хипстеры ещё не в моде, но он выглядит как хипстер, не панк или скинхед, но просто молодой парень, который хочет быть в теме модных движух, хочет показать, что он не такой как все, настоящий бунтарь.

– Ну – бросает он самодовольно – мы же не эти тупые обывалы, которые смотрят телевизор, верят всему, что там говорят, и ходят голосовать за Путина и «Единую Россию»?

Кто-то из анархистов начинает пояснять ему за «обывал», объясняет, что не стоит с таким презрением относиться к людям. Кто-то спрашивает его, чем он отличается от обывалы, кроме того, что ходит на концерты. А меня эта фраза, слышанная ранее, должно быть, тысячи раз, будто оглушает. Наваливается бесконечной тоской, и даже краски в помещении меняются, как по щелчку пальцев. Всё становится серым

и тусклым. Эти люди, сидящие в помещении, становятся невыносимы. Как я их презираю. Тупые ублюдки, уверенные в своей исключительности, они ничем не отличаются от «обывал», лишь ходят на концерты, но радикальная эстетика позволяет им почувствовать себя выше остальных. Она и нужна им, чтобы поставить себя над остальными. О, я слышал эту фразу тысячу раз, и убедился, что те, кто произносят её – всегда самые жалкие и ничтожные из людей. Бесплезно им объяснять что либо. Это всё не по настоящему. Карнавал. Всё бесполезно. Голова кружится, воздуха не хватает. Я поднимаюсь и молча выхожу из помещения.

Ещё какое-то время я просто брожу по улицам, осознавая бесполезность и убогость нас и нашего движения. Я снова чувствую себя бездомным, выкинутым на улицу подростком, которому некуда идти. Всё должно быть совсем иначе. То, что было задумано как борьба горящих сердец и светлых душ за всеобщее счастье, за справедливость, за доброе и правильное, обернулось грязью, наркотиками, беспорядочным насилием, выблеванным алкоголем, субкультурным угаром. Ведь мы не этого хотели.

Начинается депрессивная полоса разочарования во всём, этакий экзистенциальный кризис, из которого, кажется, меня вытащит только борьба за защиту общежитий, что развернётся чуть погодя. Это будет настоящий социальный анархизм. Пока же есть только разочарование.

2013. РАСКОЛ

Репрессии и поражение протестов привели к всеобщему разочарованию и спаду активности. Люди стали терять веру в возможность что-либо изменить. Другие осознали бесперспективность старых методов, и начали искать новые способы развития движения.

Когда не стало общего врага в виде сильного нацистского движения, исчезла и общая цель. Это серьёзно снизило политизированность субкультуры.

В немалой мере расколу старого движения поспособствовал радикальный феминизм, который как раз пришёл в Россию, и выход в котором видели некоторые анархистки. Если в старом движении все понимали, что взгляды у людей различны, то феминистки уже считаться с плюрализмом не хотели. Неофиты всегда радикальны, а первопроходцы особенно непримиримы. Они и были, своего рода, первопроходцами, предвестницами большой феминисткой волны, что придёт в Россию в десятые годы. И, как и все первопроходцы, они были злы, непримиримы, радикальны и карикатурны во всём этом. С них как будто рисовали правые карикатуры на борцов SJW. Они заявили что все, кто не разделяют их идеи, являются сексистами и фашистами, и должны быть «отписаны от движа». Начались чистки, выявления «сексистов». В конце концов, дошло до заявлений о том, что каждый мужчина в принципе является угнетателем, и не имеет права вступать в споры с феминистками. Ведь у них нет опыта угнетения. И чтобы понять, что такое угнетение, мужчины должны только слушать женщин и со всем соглашаться. Любые критика и несогласие уже расценивались как признак фашизма. Таким образом, дискуссии были запрещены.

Я же относился к тем людям, которые были убеждены в необходимости развития революционной теории и практики. Идеи 19 века, как и альтернативы в форме бартера или ухода человечества в леса, нас явно не устраивали. Они были просто несерьёзны и неадекватны. Мы считали необходимым найти новые методы борьбы – старый акционизм казался уже неэффективным. Также мы видели необходимым создание сильной организации, понимая, что неорганизованное движение неспособно проводить сколь-либо эффективную стратегию. Мы были противниками сексизма и гомофобии, но и взгляды радикальных феминисток, утверждавших, что все мужчины являются угнетателями и борьба с ними не менее важна, чем борьба с государством и диктатурой, казались нам столь же дикими и ксенофобными, как и взгляды ультраправых. Риторика радикальных феминисток же, к сожалению, многих лишь отвратила от любых идей об угнетении меньшинств. Теперь любые такие разговоры вызывали ассоциации с безумными истеричными мужененавистницами, и потребовалось очень много времени, чтобы преодолеть триггер на термины вроде «феминизм».

Мы считали, что выход лежит не в борьбе белых против черных, русских против мигрантов, женщин против мужчин, но в солидарности. Лишь объединившись мы можем отстоять наши общие интересы и заставить власть считаться с нами. Любые идеологии, возбуждающие вражду между простыми людьми, просто играют на руку власти. Думаю, что смена протестной повестки в обществе была выгодна и властям. В какой-то момент общегражданский протест, где общество противостояло государству, сменился борьбой верующих и атеистов, либералов и консерваторов и тд. Посредством раскола общества и протестующих по вопросам отношения к церкви, внешней политике, ЛГБТ и еще десятка тем власть, как мне кажется, просто перевела протест в другое русло, сделала его безопасным для себя. То самое «раздели и властвуй». И поддаваться на навязываемую ими повестку было ошибкой.

Столь же чужды нам были и либеральные взгляды многих постаревших анархистов. Устроившись в либеральные организации и медиа, они сами стали по взглядам всё более напоминать либералов, выступая против прямого действия, идеи революции, критики капитализма и тд. Мы понимали, что единственным адекватным выходом является дискуссия, однако на все подобные попытки получали ярлык фашистов. Вскоре стали появляться призывы очистить движение от «мачистов», изолировать нас, и тд. На предложение же заниматься теми направлениями, которые каждый считает более важными, и просто игнорировать друг друга там, где невозможно сотрудничать, нам отвечали отказами. Встретив такое отношение, мы и сами начали использовать агрессивную риторику в отношении оппонентов.

«Мы» — я не имею в виду персонажей, описанных выше в этой книге. Никто из них не участвовал в расколе. Я говорю о позиции людей, жаждущих большего от анархизма. Мы были из совершенно разных кругов, и ранее могли почти не соприкасаться друг с другом, но теперь, в ходе дискуссии внутри движения, стала образовываться новая сила.

* * *

Конец нулевых годов и начало десятых — время резкого подъёма ультралевых движений. В качестве своеобразного ответа оппонентам, нацисты решили несколько отойти от привычной скинхед-культуры, и скопировать самые модные тенденции антифашистского движения, стремительно завоевывающего радикальную молодёжь.

Теперь правые и левые стали неотличимы. И те, и другие, по старинке, рядились в скинхед-одежды. Но теперь то, что раньше было отличительной чертой левых, нашло применение среди ультраправых. Хардкор, стрейт-эйдж, веганизм, анархизм (да-да, не случайно анархизм находится в одном ряду с откровенно субкультурными проявлениями),

автономизм⁹⁰... Всё это внедрялось в нулевые годы левыми, было составной частью антифа-движения. Теперь же достаточно было сделать к любому из названий приставку НС (национал-социалистический) – и внедрять практику в неонацистскую среду. Так в российских городах появились НС-хардкор, национал-анархизм, НС-стрейт-эйдж, автономные национал-социалисты и прочая экзотика. Ультраправые сайты публиковали целые манифесты и слоганы, оправдывающие копирование левой субкультуры. «Убивай зверей, а не животных» – декларировали наци-веганы, подразумевая под «зверьями» выходцев с Кавказа и Азии. «Национал-автономы совмещают в себе левую антикапиталистическую борьбу и правую националистическую, таким образом являясь идеальной точкой объединения пассионарной молодёжи» – декларировали автономные НС. «Держи кровь чистой» – писали на знамёнах НС-стрейтэйджеры. «Мы спиздили вашу культуру» – просто глумились над оппонентами НС-хардкорщики.

Таким образом, они хотели придать новую жизнь ультраправому движению, перехватить повестку у ультралевых. Но это лишь способствовало ещё больше маргинализации нацистов. В нулевые годы их повестка была близка большому числу россиян, они собирали десятки тысяч сторонников на своих маршах. Теперь же они променяли всё это на субкультуру, на темы, интересные лишь маргинальной молодёжи. Они добровольно переместились в то субкультурное гетто, в котором находились и их оппоненты. Как и всё новое, пару лет наци-автономы были модными, яркими, интересными для молодёжи. Но когда мода прошла, все их забыли. Националистическое движение же в целом пришло в упадок, растеряв свои позиции на улицах.

Пока же на улицы российских городов выходят новые националисты, которые, внешне, ничем не отличаются от анархистов.

⁹⁰ Обобщённое название ряда леворадикальных теорий и практик. Также «автономами» могут называться политические активисты, действующие автономно, независимо от организаций и централизованных структур

Колонны людей в чёрной одежде, солнцезащитных очках и под чёрными флагами. Злейшие враги таких же людей в чёрном и под чёрными флагами слева. Не можешь победить – возглавь, так кажется решили ультраправые в какой-то момент?

Колонна движется по городу и скандирует: «Выше-выше чёрный флаг! Государство главный враг!» «Национальный! Социализм!» «Долой чекистский строй!» «За Русь без бояр и холопов!» «Нация! Народовластие! Социализм!» «Свободный! Социальный! Национальный!».

* * *

Нет ничего бесполезнее общепанархистских собраний. Впрочем, это обещает быть весёлым. Оно посвящено конфликту, возникшему на последней демонстрации в честь годовщины революции.

Парень, называющий себя в среднем роде и имеющий погоняло «Лена Оно», встроился в анархистскую колонну. Нужно сказать, что антифашистская среда довольно мачистская, и на существо среднего рода в бабушкиной одежде многие смотрели неодобрительно. А оно ещё и радужный флаг подняло. Обычно, радужные ребята если и ходили, то по соседству с анархистами, а не в одной колонне. Так что один сорокалетний не очень умный и довольно простой мужик накинулся на Лену, отнимая у него флаг. Нужно отметить, что оба они – и Лена, и этот мужик – не были активными участниками движения и появились здесь только в последние месяцы. Тем не менее, к конфликту за каждую из сторон сразу присоединились свои ребята из более олдových участников. Антифа пытались объяснить, что радужному флагу здесь не место, так как это колонна анархистов, а не ЛГБТ. Так что здесь должны быть только анархистские флаги. Лена Оно и присоединившиеся феминистки орали «анархия – она здесь, внутри, а не на флагах» и повторяли «гомофобия это популизм, популизм это гомофобия!».

По соседству шла колонна левых националистов из «Вольницы», что на фоне этого зрелища смотрелись очень непло-

хо. Молодое развивающееся движение с броской эстетикой. Чуть меньше сотни спортивных ребят под черными флагами, в черных одеждах и солнцезащитных очках. Некоторые ребята искали возможность сотрудничества с ними, утверждая, что они стремительно левеют и становятся всё более близки анархистам. Это тоже стало началом ещё одного конфликта.

Мне были одинаково чужды позиции как сторонников союза как с левыми националистами, так и с либеральными ЛГБТ. На этом собрании ни одна из сторон мне не импонировала, и я пришёл скорее понаблюдать за дискуссией.

Началось всё с отписок «неправильных» анархистов. Антифа привели на собрание парня из «Вольницы», а феминистки – ещё одного «оно». Парня (если можно так выразиться, учитывая его гендерную принадлежность) с длинными волосами, во фраке и цилиндре, придерживающегося весьма экзотических взглядов. Рыночник-сатанист, сторонник легализации педофилии. В итоге оба гостя были отписаны – один за национализм, второй за рыночные взгляды. Парень из «Вольницы» вышел спокойно, в то время как рыночник-сатанист был дерганый, хлопал дверью и вообще плохо совладал с эмоциями.

Началось обсуждение – что делать с радужными флагами на анархистских демонстрациях? Одни заявляли, что радужные флаги отпугивают простых людей, а потому мы должны отказаться от них из чисто популистских соображений. Другие говорили, что нужно создавать две колонны анархистов – одну без радужных флагов, а другую с ними. И пусть каждый решает самостоятельно, к какой присоединяться. Третьи предлагали сделать черно-радужный флаг – наполовину чёрный, наполовину радужный. «Любой флаг, который содержит в себе чёрный цвет, может быть признан анархистским!» – говорили они. Но вопрос, является ли анархистским имперский флаг⁹¹, они предпочли проигнорировать.

⁹¹ Имперский флаг русских националистов состоит из чёрного, жёлтого и белого цветов

Наконец, дошло до метания кружек. Эсперантист, в будущем также ставший «оно», кинул кружкой с чаем в богемного поэта, но попал в одного из антифашистов. На этой ноте феминистки поднялись и покинули собрание, заявив, что любые решения теперь нелегитимны, поскольку приняты без их участия. В коридоре плакала анархистка из «Анархистского Действия», а вокруг неё крутился марксист, злорадно посмеиваясь и приговаривая: «вот и всё, скоро твоему уютному анархо-маня-мирку придёт конец!».

Мы с товарищем молча наблюдали за этим цирком. Казалось, все безумцы Москвы собрались здесь, в этом помещении. Вместе с тем, было очень горько. Во что мы превратились? Ни у кого уже не было желания ассоциировать себя с этим. Мотивация, итак подорванная поражением протестов и репрессиями, была добита этим сборищем. Наверное, если бы не последующая история с защитой общежитий, в ходе которой нам удалось собрать адекватный активный коллектив и заложить фундамент для нового движения, я бы просто спился и деградировал от разочарования.

Несколько лет спустя меня начнут обвинять в том, что это я организовал раскол анархистов и «Анархистского Действия». Но это неправда – на тот момент у меня элементарно не было возможностей и авторитета для подобного. На том собрании я едва ли произнёс пару слов, на демонстрации же, с которой всё началось я и вовсе не присутствовал. На тот момент я просто наблюдал. Раскол начался без какого-либо моего участия.

* * *

Революция представлялась мне чем-то большим, чем просто политический акт. Конечно, революция является и им тоже. Конечно, революция необходима, ведь власть имущие просто так не откажутся от своего права грабить народ и принимать решения за нас с вами. Но вместе с тем образ революции носил для меня какой-то религиозный характер.

Понимаете ли, я атеист. У меня нет того великого морального преимущества, которое есть у истинно верующих. В их мире всё просто – однажды будет Страшный Суд, где всевышний, кем бы он ни был, накажет грешников и вознаградит праведников. И если ты в этом мире сука последняя – то жрать тебе в аду гной чертей, кем бы ты ни был. Не спасут тебя ни власть, ни богатства, ни погоны. Прекрасная идея!

Но вот только я этой великой иллюзии лишён. Есть только этот мир, и ничего иного не будет. Не будет никакого великого возмездия от всевышнего. И так обидно мне становится от этой мысли, вы даже не представляете. Ведь есть много мучеников, героев, обездоленных. Которые, получается, страдают ни за что. Неважно кто это – рабочие, отдающие свою жизнь работе и семье, или политические заключенные, или обычные заключенные, или молодые пацаны, угнанные в армию. Они терпят лишения, и никогда не будут вознаграждены за это. А есть мрази, что пытаются людей, унижают, вгоняют их в нищету. Они наслаждаются властью и богатством, и проведут всю свою жизнь в удовольствии, так и не получив возмещения за свои грехи. Получается, плохим людям всё, а хорошим – ничего? Становится просто до ужасного обидно. Где-то внутри просыпается в эти моменты маленький ребёнок, который ещё не понял, что всё в этом мире так. И тянет, сдерживая слёзы обиды – «нечестно». Это и есть чувство справедливости – маленький мальчик, шокированный неправильностью мира. Он сжимает кулачки и повторяет голосом, сдавленным обидой и готовностью разрыдаться, одно слово. «Нечестно».

Ну нечестно это, и всё тут. Вот мент подходит к тебе на улице, щеголяя своей властью сделать с тобой всё, что ему вздумается. И нечестно, что ему за это ничего не будет. Вот каждый день миллионы паломников вынуждены выходить из своих домов в пять утра, грузиться в вагоны, как скот, как сардины в банке, и трястись часами в дороге до Москвы. Эти люди вдыхают в столицу жизнь, их труд и пот кормят мегаполис. И каждый день они вынуждены часами трястись

в пригородных электричках, забытых доверху, просто ради возможности поработать на москвичей. И ведь ещё и должны пошлину платить, чтобы в Москву въехать, оплачивать эти вечно растущие в цене билеты. И если не захотят платить – бригады чоповцев и контролеров словят их и будут превышать полномочия. Сама идея того, что кто-то может взять тебя и задержать на месте, если ты ничего плохого не сделал, казалась мне унижительной. Даже не так, не унижительной, а именно что нечестной, по детски неправильной. Или вот чиновники. Сидят там и распоряжаются нашими жизнями. Решают за всех. В свою пользу конечно. А что мы можем сделать? Выйти на улицу? И одновременно с нами выходят бугаи в доспехах и дубинками наперевес. Изобьют нас. А ведь за что нас бьют, что мы плохого сделали? Разве мы не правы в этой ситуации? Наши требования справедливы. Но нет, никого не волнует, кто прав, а кто неправ. Прав здесь тот, кто сильнее. И вот это тоже по детски нечестно. И ничего им за это не будет. Что уже нечестно до слёз.

Не желаю жить в мире, где и справедливости нет, и Страшного Суда не будет, святого возмездия всем и каждому, за хорошие дела награды, а за плохие дела страшной кары. А потому революция для меня приобрела апокалиптическое значение, заменила мне суды всех богов. Только вместо богов мы сами будем суд вершить. Те, кто пашут на низкооплачиваемых работах, кто платит арендную плату зажравшемуся рантье, владеющему тремя квартирами и живущему за счёт труда арендаторов. Те, над кем демонстрируют власть мусора и судьи. Те, кого пытаются в отделениях и тюрьмах. Те, за кого принимают решения чиновники.

Анархистка Эмма Гольдман однажды сказала – «если я не могу танцевать, то это не моя революция». И так фраза эта полюбилась всевозможных хиппанам и прочим анархистам, что теперь все её повторяют. Все любят танцевать. Только вот революция никакая им не нужна, чтобы танцевать, они итак танцуют. Забьются каждую пятницу в концертные залы, и да-

вай плясать. Ничего больше им не нужно, вся их революция уместится в одном концертном зале.

А мне концертного зала мало, мне нужен издыхающий и обливающийся кровью мегаполис. Я люблю перефразировать старушку Гольдман. «Если я не могу убивать, то это не моя революция». Страшного суда не будет, так устроим его сами, принесём немного справедливости в этот мир! Как пели прадеды в революцию — «и взойдёт за кровавой зарёю солнце правды и братской любви». Вот этого очищения грешного мира в крови мне и хотелось. Хотелось, чтобы озверевшие толпы врывались в отделения и рвали зубами плоть охувших мусоров. Хотелось, чтобы олигархов и чиновников толпа застала в их дворцах, и тут же разорвала на части. Богатства отняли, а сами дворцы спалили нахуй. Хотелось, чтобы горели тюрьмы и банки. И Кремль туда же.

В общем, как вы с нами, так и мы с вами. Чтобы всё по справедливости.

И вот обидно до смерти, что воображаемый мною страшный суд реален не более, чем в других религиях. На самом деле, это они нас будут пытаться, грабить, унижать. И ничего им за это не будет. Ну и пусть, мы бы их тоже не жалели.

* * *

Мы уже встречались с Дмитрием Энтео. Шли мы тогда на акцию в поддержку Pussy Riot. Сами Pussy Riot были нам безразличны, но нас очень интересовал один старый нацист по фамилии Босых. Босых пользовался покровительством самого Дмитрия Рогозина, будущего вице-премьера. И атаковал любые пикеты в поддержку Pussy Riot. Кадры здорового мужика, лупящего девушек с плакатами, достаточно мотивировали нас, чтобы собраться и попытаться отыскать его на очередной акции.

Вскоре организаторы акции, видя наш настрой, что-то начали подозревать. Обеспокоенная правозащитница спрашивает группу молодёжи:

– Ну вы что, пришли кулаками помахать?

– Нет, блядь, Pussy Riot защищать! – отвечаем ей в издевательском тоне.

Впрочем, Босых мы так и не встретили. Прибыло огромное количество мусоров, и нацист спокойно прогуливался за оцеплением. Накрыть его не было никакой возможности, и мы отошли во дворы. Там нас и нашли православные миссионеры, как они представились. Дмитрий Энтео с соратником подошли к нам поговорить. Было это перед огромным театром с вывеской-рекламой спектакля «Иисус Христос – суперзвезда». И, конечно, мы ещё не знали что это за ребята. Да никто не знал, тогда они ещё не были известны.

– Вы не подумайте, мы осуждаем Босых и его агрессивные действия, мы обычные православные миссионеры. Босых творит слишком много насилия, как нам кажется.

Мы не отморозки какие, и поймать планировали только конкретных злодеев. За православные взгляды бить людей было бы странно. Потому вступили в беседу с этими парнями.

– А чё вы до бедных девушек из Pussy Riot то доебались? Вон вывеска «Иисус Христос – суперзвезда». Это чё, ваши чувства не оскорбляет, а Pussy Riot оскорбляют?

– Ну... ну у нас просто нет сил, чтобы сейчас бороться с этим спектаклем...

Спустя полгода Энтео станет довольно известным персонажем. Прославится как раз тем, за что осуждал Босых – постоянными нападениями на «безбожников», насилием и провокациями. Мы очень горько жалели, что не побили его тогда. Одним прекрасным утром, зайдя в интернет, я увидел в топе яндекс-новостей: «Дмитрий Энтео добился запрета спектакля «Иисус Христос – суперзвезда». Рука тянется к лицу. Блядь, какой мудак. Я же пошутил тогда...

Теперь мы планируем подловить Энтео и его дружков на митинге против клерикализации общества. Поздняя осень, атмосфера депрессивная. Самое то для митингов. Но на сам митинг мы не идём. Во-первых, мы давно разочарованы в мир-

ных митингах и не видим никакого смысла в них. Во-вторых, мы не хотим даже близко подходить к этому сборищу. Какие-то хиппаны, стрёмные личности. Анархо-феминистки достают невиданные ранее флаги – черно-фиолетовые, чёрно-розовые, серо-буро-малиновые в горошинку. Разворачивают баннеры и плакаты с призывами отказаться от мужей и уничтожить кухни. Половина анархистов отделяется от них и идёт на другой конец площади, разворачивая отдельно красно-черные флаги и баннеры более адекватного содержания.

Нам всё-таки интересно поглазеть на происходящее, подходим к окраине площади. – О, смотри, смотри! Они против кухни. Что это значит вообще? А готовить где?

– Хуй знает. Я люблю готовить, не знаю чё они против кухни имеют. Ну если хотят, пусть фастфудом питаются. Остальных то зачем отговаривать кухней пользоваться. Ещё и как политический лозунг. Идиоты.

– А вон там что за флаг?

– Это флаг асексуалов, кажется?

– Чего, блядь?

– Ну, асексуалов. Типа кто сексом не занимается, он им не интересен.

– А нахуй им флаг?

– А хуй знает.

– Ну я же не выхожу на митинги с флагом, на котором написано, как я люблю ебаться. Нахуй это делать вообще. Вот митинг – на него надо выйти с флагами, что обозначают твою политическую позицию. То, как ты любишь ебаться – это надо на сайтах знакомств писать, а не на митингах на флаги поднимать.

– Да, очень странно.

– То есть я, конечно, не против, пусть ебутся, как хотят. Но смысл на политическом мероприятии это поднимать?

На площади также полно каких-то либералов и ЛГБТшников. Идущие на митинг радужные ребята, видя группу молодёжи, пляшущую на невиданное ранее зрелище, считают нас фа-

шистами. Старый хиппан с радужной шапкой поверх красных патл, в очках с нарисованными на них пацификами поверх морщинистого лица, и какими-то индийскими одеждами даже решил быкануть на нас.

– Э, православные! Вы с какого прихода? Старикан агрессивно движется на нас. Смеёмся над ним.

– У тебя приход отличный, как посмотрю!

Безумного хиппана уводят его товарищи. Мы стоим, обсуждаем происходящее дальше. Подъезжает тачка пропагандистского канала НТВ. Останавливается совсем рядом с нами.

– Слушайте, может, если Энтео не поймаем, НТВшную тачку разьебем?

– А что, идея...

Молодой человек крайне неуверенного в себе вида в очередной раз проходит мимо нас. ЛГБТшный скаут ходит туда-обратно и очень палится. Наконец, решает подойти к нам.

– Простите... а вы здесь чтобы этих людей с радужными флагами бить, да?..

– Не, ты чё.

– Нет, конечно.

– Не-не, иди давай.

– Да. А чё такое? Хочу добавить ещё, что и ему пизды можем дать, но на этом моменте его глаза широко раскрываются, лицо бледнеет. Он шепчет

– П-п-п-простите...

Оборачивается... два шага от нас на деревянных негнущихся ногах. Срывается в бег в сторону припаркованного неподалёку автобуса с ОМОНОм.

– ПО-ЛИ-ЦИ-Я!!!!

Блядь. Отходим во дворы. Убедившись, что ОМОН не думает никого забирать, возвращаемся к площади. Энтео с друзьями к этому моменту уже посетил митинг, устроил там какое-то шоу. Мы не смогли подловить его на подступах, очень жаль. Теперь, при армии мусоров, накрыть его не варик.

После завершения митинга, едем в клуб на юге Москвы. Не помню уже, что там за мероприятие – кажется, какой-то концерт. Меня не интересуют концерты, еду туда чисто за компанию, потусить. Раскол движения виден и здесь. В коридоре клуба две феминистки рубятся с антифашистами о феминизме. Весь коридор забит какими-то панками и скинами, что внимательно наблюдают за дискуссией.

– Ну вы посмотрите, даже русский мат построен на унижении женщин! Например, «иди нахуй», «соси хуй». То, что женщины делают с любимыми людьми каждый день, является чем-то оскорбительным, это ненормально. Мы же не говорим «потереби мой клиторок»... И почему вы говорите, что «не все мужчины такие»? Акулы нападают на человека в одном случае из 11 миллионов, и никто не говорит – «не все акулы такие»! Потому, что мы понимаем, что акула может напасть, она представляет опасность для людей! Но стоит сказать, что мужчины – насильники...

– Или, что все мигранты – грабители...

– Что-о-о-о-о? – на лице феминистки появляется маска ненависти.

– Ну вы же за коллективную ответственность. Вы говорите, раз некоторые мужчины насильники – значит, все мужчины насильники. А если некоторые мигранты грабители – значит, все мигранты грабители? Все негры торгуют наркотиками, а все женщины – бляди?

– Ты что, сравниваешь феминисток и правых?!

– Это не я сравниваю, это вы используете правую логику. Смотрите какое дело. Вот есть русские националисты. Они выходят на политические мероприятия, поднимая имперский флаг, который символизирует их самоидентификацию русских. А вы выходите, поднимая на флаг свою идентификацию женщин. Ну я вот жирный, и что дальше? Мне надо выйти на митинг с флагом, на котором будет написано «жир»? Чем вы от националистов отличаетесь? Те рубятся за свою нацию,

а вы за свой гендер. А надо бороться за весь трудовой народ, против чиновников и капиталистов...

Какой-то марксист спрашивает:

– Я вот полностью согласен, проблема домашнего насилия есть, и она стоит очень остро. С ней нужно бороться. Но что делать, например, с мусульманскими семьями? Я в метро иногда вижу мусульманские пары... Женщины там абсолютно бесправны. Что мы можем сделать, чтобы помочь им?

В ответ на вопрос лицо феминистки искажает злобная гримаса, она уставляется ненавидящим взглядом на марксиста и шипит:

– Ффффашшшшииист...

Такое ощущение, будто она вот-вот накинется на него.

После дискуссий в коридоре, выходим во двор клуба. Там толпятся всевозможные панки, скины. Общаемся, смеёмся, глумимся над феминистками. Бухаем. Раскурили траву, что притащил знакомый скин. Нормальная атмосфера.

Демонстрация против закона Димы Яковлева – последняя, кажется, крупная белоленточная демонстрация в центре Москвы. Власть приняла очередной людоедский закон, запрещающий усыновления российских сирот иностранцами. Закон вызвал негативную реакцию, и на марш против «закона подлецов» вышло действительно много людей. Но власть к тому времени уже оправилась от шока, привыкла к массовым протестам и медленно и методично уничтожала их, определяя правила игры и сажая протестующих десятками. Оппозиции нечего было ответить. Следующие демонстрации будут выдвинуты на окраины, и потеряют всю массовость.

Для анархистов же – одна из последних демонстраций, когда мы вышли единым блоком. Накануне моему товарищу позвонила активистка «Анархистского Действия». Искала возможность компромисса, чтобы избежать конфликтов на марше.

Просила, почему-то, согласовать компромисс со мной. Я был удивлён, при чём здесь я – некоторые антифа, действительно, были настроены весьма агрессивно и были не прочь разогнать радужных. Но я к этой среде был не причастен, и уж, тем более, какого-то влияния и авторитета для предотвращения насилия там не имел. Тем не менее, была достигнута договорённость, что радужных флагов в анархистском блоке не будет, вместо них будут чёрно-розовые флаги анархо-квиров. Донёс договорённость до соответствующих кругов, они с ней согласились.

В среде радужных тем временем тоже раскол. Поссорились сатанист-рыночник и Лена Оно, стоящее на принципиальных коммунистических позициях.

Вот собирается анархистский блок. Вдалеке к нам медленно плывёт странный флаг – разделенный по диагонали наполовину чёрный, наполовину радужный, с красной звездой в центре. Под флагом неуверенно идёт Лена Оно. Выходим с парой ребят из блока, идём в направлении флага объяснять, что ему здесь не рады. Лена Оно разворачивается и уходит, всё поняв и без всякой беседы. Очень хорошо. Но тут прямо в блоке появляется сатанист-рыночник в своём цилиндре. Поднимает радужный флаг. Подходим.

– Убери это. Есть договорённость, что радужных флагов сегодня быть не должно.

– Мне всё равно, я хожу, где хочу.

– Ну ходи в другом месте, здесь блок людей с определенными договорённостями, и идти с тобой они не хотят.

– Мне плевать что они думают, я индивидуальность со своим мнением.

Рядом с ним вырастает стена феминисток. Тычут в меня пальцами, орут «не тронь его!». С другой стороны налетают антифа и анархисты. Драки особой нет, скорее просто толкучка. Развожу конфликтующие стороны – один из анархистов налетает на сатаниста, отстраняю их друг от друга. Оба смотрят на меня удивлённо – и те и другие ожидали, что я буду с анархистами избивать радужных.

Тем временем один из феминистов в сторонке избивает малолетнего панка-пацифиста, которому также не нравятся радужные флаги. Увлеченные общей толкучкой, узнаём об этом только после жалобы панка. Феминист сразу извинился и попросил прощения, поэтому решили закрыть на этом конфликт. Это было первое применение насилия в этом конфликте. Произошло оно со стороны «Анархистского Действия». Тем не менее, уже тогда они начнут изображать из себя жертв и обвинять нас в том, что это мы прибегаем к насилию.

Кадры толкающихся анархистов будут использованы федеральными телеканалами, чтобы показать, насколько эта оппозиция переполнена внутренними конфликтами...

* * *

Вскоре произошёл и формальный раскол в крупнейшей организации анархистов «Анархистское Действие».

После поражения протестов стало очевидно, что движению нужна организованность. «Анархистское Действие», несмотря на все свои минусы, могло стать хорошей отправной точкой для организации движения. Тем более, что внутри АД была крупная фракция наших единомышленников. Соотношение сил между блоком феминисток и либералов и блоком анархистов и марксистов было примерно равным, пятьдесят на пятьдесят.

У нас тем временем сложился свой коллектив, который уже занимался борьбой с бандитами. Было много людей, в том числе достаточно боевых. И феминистки боялись нас и крайне не хотели, чтобы мы вступали в «Анархистское Действие». Когда мы пришли на «школу анархиста» – образовательное мероприятие для активистов АД – одна из феминисток стояла с огромной баклахой дешёвого пива и смотрела на нас ненавидящим взглядом. Потом рявкнула «не боюсь я вашего моба» и приложилась длинным глотком к бутылке. Выглядело это смешно и жалко. Мы уже не относились к нашим оппонентам серьёзно.

СВОБОДА
РАВЕНСТВО
СЕСТРИНСТВО

На собрании, где должен был рассматриваться приём нас в организацию, было принято специальное изменение организационных принципов – теперь новые участники должны были приниматься большинством в две трети голосов, что делало принятие людей при спорных случаях невозможным.

Я хорошо помню то собрание. Перед нами принимали других людей. Вот поднимается молодой парень 16 лет. У него нет каких либо взглядов, и он спрашивает у окружающих, что он должен думать, чтобы быть анархистом. На собрании у него спрашивают

- Что ты хочешь делать в нашей организации?
- Ну... я не знаю. Что скажете, то и буду делать.
- А какие у тебя взгляды?
- Ну, я не знаю. Какие расскажете.

Большинство решает, что этот достойный кандидат должен быть принят на испытательный срок.

Следующим приняли 15-летнего пацана, который через несколько месяцев уйдёт к нацистам, а потом станет сотрудничать с центром «Э», и сливать им информацию на анархистов и ультраправых. Он выступит секретным свидетелем в деле о беспорядках на Болотной площади.

Дальше – феминистка. На вопрос о том, что она хочет делать в рамках анархистской организации, она отвечает, что хочет бороться с неправильными взглядами внутри АД и продвигать там феминизм. Её принимают.

Наконец, наша очередь. Меня и двух моих товарищей принимают всем скопом. Первый же вопрос, обращённый к нам

- Почему вы правые?
- Что? Мы не правые. – Я не спрашиваю, правые вы или нет. Я спрашиваю, почему вы правые?

Начинается шум. Одни люди кричат, что мы хотим уничтожить их милый уютный анархизм с феминизмом и вегетарианством, что мы фашисты. Другие кричат им, чтобы вели себя адекватно и задавали нормальные вопросы. Наконец, половина зала поднимается, зачитывает заявление о том, что образуют

новую региональную организацию в рамках «Анархистского Действия», и принимает нас в неё. Мы немного удивлены, но не возражаем против такого поворота событий. Покидаем зал вместе с «откольниковыми». Со всех сторон шум и гам, люди возмущены, что-то орут. За нами пытается выбежать Игорь. Ему нравится наш радикализм и он сочувствует нам. Но вот за ним на улицу выбегает его девушка-феминистка, и под всеобщий смех затаскивает обратно.

Спустя несколько месяцев на съезде АД произошёл раскол уже всей организации, когда либерально-феминистическое крыло попыталось исключить ряд более радикальных товарищей из движения. Теперь было два «Анархистских Действия». Первоначально была достигнута договоренность между обоими организациями о том, что каждая добавит к названию определенное прилагательное, чтобы как-то отличаться. Также договорились не устраивать публичных разборок и принять совместное нейтральное заявление о расколе, где никого не будем обвинять. Но после того, как мы добавили к названию «социально-революционное», став «Анархистским Действием (социально-революционным)», второе АД выпустило заявление, что оно то и является настоящим «Анархистским Действием», а мы и вовсе не анархисты. На все вопросы «товарищи, как же так, мы же договорились» нам отвечали ехидным хихиканьем в духе «а мы вас обманули». Пришлось отдать название АД тем ребятам.

В дальнейшем, они начали регулярно публиковать заявления против нас, и, кажется, вся их общественно-политическая деятельность свелась к этому вопросу. Первое время мы терпели, но потом начали публиковать ответные заявления с разбором их заявлений и ответом на обвинения. Они начали заявлять, что своими ответными заявлениями мы разжигаем конфликты внутри анархистского движения. Мол, мы не имеем права отвечать им. К этой борьбе между двумя фракциями вскоре и свелась вся деятельность анархистов. Выпускали заявления, объясняли всем, кто был готов слушать, почему оппоненты — нехорошие люди и никаких дел иметь с ними не нужно.

Так вот комично произошла гибель крупнейшей организации анархистов.

* * *

В детстве я читал книги о людях-титанах, вышедших прямиком из античных легенд в наш несовершенный мир. Они были чисты, искренни, целеустремленны. Они меняли мир, убивали королей, зажигали сердца тысяч таких же бедняков, шли на эшафот с горящим взором и высоко поднятой головой. Суд служил трибуной, с которой они читали революционную проповедь, взывали к насилию и справедливости, к бомбам и свободе, к крови и равенству. Эти люди заставили сильных мира сего считаться с интересами слабых. Об этих людях слагали песни и легенды. Последнее слово перед казнью этих людей становилось революционным манифестом, который распространялся от бедняка к бедняку, из страны в страну, с одного континента на другой. Само их имя приводило в ужас власть имущих. Эти люди были анархистами.

Я хотел быть одним из них. Но в наше время анархисты – совсем другие люди... Бомбы, террор, революция – всё это теперь не более, чем атрибут субкультуры. Как ирокез панка или мартинсы скинхеда. Теперь анархисты не взывают к солнцу счастья и братской любви, что взойдёт за кровавой зарёю. Современные анархисты выступают за честные выборы, за равное представительство женщин в парламенте, за принятие правильных законов. Они социологи, правозащитники, музыканты, журналисты, примерные матери и отцы. Ходят на панк-концерты, работают в либеральных структурах. Поют песни про террор, но отрешиваются от бомб и публично осуждают городских партизан и насилие против нацистов. Боятся разозлить либералов антикапиталистическими лозунгами и осуждают тех, кто не верит в выборы. Один и тот же человек может публично осуждать радикальную акцию – потому, что за ней обязательно последуют репрессии. И этот же

человек может всячески эксплуатировать радикальную эстетику, выпускать книги о радикальных анархистах прошлого и писать хвалебные статьи об иностранных радикалах. Но здесь, в России – нельзя. Здесь это опасно, здесь это чревато. Все радикальные герои должны быть далеко отсюда – во времени и пространстве.

Трагедия среднего российского анархиста – он очень хочет казаться радикальным, но очень боится радикализма. Как своего, так и чужого.

Анархизм для них – это уютный мирок, в котором все свои, все правильные – не едят мясо, воруют в магазинах, носят правильные шмотки. Своим, людям из тусовки, прощают всё. Тусовочка тешит эго, здесь можно стать публичным лицом, завести блог, и время от времени приходить друг к другу в комментарии, обсуждать насущные вопросы, упоминать друг друга, лайкать и писать, как твой друг важен для анархизма. Или, если ты совсем нескромен, можешь сам писать о себе, какой ты важный анархист.

Вместе с тем, тусовочка – это постоянная грызня, выяснение, кто ненастоящий анархист, кто сексист, кто не заслуживает поддержки. Уровень поддержки, конечно, определяется тем, насколько ты вхож в тусовочку. Ты можешь писать заявления в полицию, публиковать личные данные активистов, резать по пьяни товарищей – и если ты свой чувак, тебе это простят. Ты можешь организовать сколько угодно проектов, провести сколько угодно акций – но если ты в контрах с тусовочкой, ты всегда будешь «неправильным анархистом». Само слово «анархист» превратилось в неприличное ругательство. «Анархист» – значит, что ты не совершаешь ничего опасного, с тобой безопасно тусить, ты достаточно беспринципен, чтобы закрывать глаза на подлости, и достаточно конформист, чтобы ориентироваться в нонконформистской моде. Если эти люди считают тебя за своего – с тобой что-то не так.

Я думаю, это тоже экзистенциальный выбор. Наш выбор – борьба, перманентный риск, действие, выносящее тебя за пре-

дела повседневности. Их выбор – примерное обывательское счастье, завёрнутое в яркий фантик радикальных образов. Есть такое понятие – культурная апроприация. Обычно о ней вспоминают там, где белые люди используют элементы культур национальных и расовых меньшинств. Я думаю, в значительной мере этот термин подходит и к анархизму.

Эти люди апроприировали анархизм. Они обвешались им, как ёлочными игрушками. Но им не нужен анархизм, они либералы по сути своих взглядов. Анархизм здесь – лишь красивая обложка.

Они апроприировали насилие. Они читают «Исход», «Заводной Апельсин», они пишут об ультранасилии, называют свои журналы в честь культовых произведений о насилии. Но они боятся насилия и осуждают его. Порежьте кого-нибудь из этих ультранасильщиков – и в ответ поднимется обычный стон интеллигентской среды, боящейся насилия. Побейте кого-нибудь – и эти ультранасильщики обвинят вас в насилии.

Эти люди апроприировали и терроризм. Пишут стихи о «Красных Бригадах», рассказывают о крутых западных анархистах-террористах, рисуют бомбы и горящий Кремль на своих мерчах, поют о бунте и терроре. Но когда жгли мусорские тачки и отделения – эти люди выступили первыми обличителями и критиками революционного насилия. Когда анархисты начнут взрывать бомбы – эти люди первые закричат о том, что не нужно «глорифицировать» террористов. Все идеи, действия для них – не более чем радикальный фантик. Если мы воспринимаем концепции и идеи как политические программы и руководство к действию, то для них это лишь очередной яркий принт на футболке. Общество потребления закономерно доходит до потребления образов. Идеи становятся товаром. И люди, нацеленные на потребление, начинают потреблять образы, вешать на себя фантик террориста и анархиста – пока это безопасно.

Это их экзистенциальный выбор – казаться, а не быть. Я могу уважать любого человека, если он является тем, кем

провозглашает себя. Если он нацелен на то, чтобы быть кем-то, а не казаться. А это... вообще не люди. Манекены, симулякры человека. Они реализуют себя не как человека, но как потребителя. В молодости я считал, что наши разногласия лежат в сфере политики, методов, стратегии. Теперь я увидел, как быстро фанаты террористов перекрашиваются в их противников, когда терроризм становится реальностью. Я увидел, как люди меняют свои позиции буквально на ходу. Нет, мы отличаемся не в сфере политики или стратегии. Мы отличаемся в экзистенциальном выборе. Мы хотим быть кем-то. Они же пытаются казаться нами. Они изображают из себя нас. И пока мы существуем, они будут атаковать нас. Поскольку оригинал является самым страшным для подражателя, подчеркивая своим существованием его бессмысленность и ничтожность.

Очень хорошо граница между симулякрами и людьми проводится в плане анонимности. Если ты хочешь казаться, если ты хочешь славы и известности, если ты не планируешь заниматься чем-то опасным – ты будешь пытаться раскрутить себя. Ты будешь пытаться стать медийным лицом, получить узкую известность как опасный бунтовщик. Но такие люди, как правило, не занимаются ничем реальным – только обслуживают собственное эго. Медийность – это инструмент, необходимый для воплощения их экзистенциального модуля. Таким же инструментом для нас является анонимность. Она необходима уже в политической сфере – ты просто не сможешь длительное время заниматься какими-то крутыми вещами, если не будешь пытаться оставаться анонимным. Но анонимность это также и экзистенциальный выбор. Хороший человек в принципе не будет стремиться к славе. Если человек стремится к известности – это значит, что он полон гордыни. Он здесь, чтобы потешить своё «я». А хороший, искренний человек должен постоянно морально бичевать себя за все те нехорошие и постыдные поступки, которые он совершил, должен рефлексировать об этом, должен ка-

яться и осознать себя несовершенно. Каждый был слаб или совершал плохие поступки. Если в тебе есть гордыня, в тебе нет раскаяния.

Прибегая к анонимности, ты отказываешься от славы, отказываешься от попыток тешить своё эго. Если ты пытаешься быть, а не казаться, то ты это сумма твоих поступков, действий. Ты остаёшься собой, независимо от того, что ты имеешь и что о тебе думают. Если же ты пытаешься казаться – здесь важно кричать о себе, поскольку ты – это то, чем ты владеешь, включая сюда и имидж, медийный образ. Без этого образа ты никто, за тобой ничего нет.

Я никогда не стремился к известности. Когда менты, наконец, приняли меня, они ничего не знали обо мне. Меня принимали по сфабрикованному делу, я нигде и никогда не обмолвился о своих самых радикальных акциях. В то же время я слышал, как множество совершенно непричастных к этому людей заявляют о своей причастности. Это было смешно, но я ни слова не сказал. Я нигде не пытался проталкивать себя медийно. Наоборот, я избегал этого. Моё имя по сети разнесли мои оппоненты, вопреки моему желанию и попыткам избежать этого. В СМИ моё имя появилось лишь в связи с моим задержанием и обвинениями мусоров в мой адрес. Я очень сожалею, что не сумел сохранить анонимность. Я чувствую себя очень странно, видя своё имя в сети.

Это касается, кстати, и манеры одеваться. Антисистемные хардкор команды поют – «нам не важно, во что ты одет, нам важен твой выбор, ты с нами или нет». Они критикуют общество потребления «плевать, что внутри, покажи-ка, что снаружи». Но вся антифашистская и анархистская субкультуры построены на модных шмотках. Когда люди напяливают на себя футболки, кричащие «я террорист» – ты понимаешь, что они не будут заниматься террором. Те, кто пытаются выглядеть круче всех, кто напускают на себя больше пафоса – делают меньше всех, и совершенно не понимают, как вести себя в критической ситуации или в отделе полиции. Думаю,

что кричащие символы, бренды, модные шмотки – это та же попытка казаться, а не быть. Я никогда не пытался выглядеть как модный анархист и цеплять на себя шмот с надписями типа «икстеррормашиникс». В детстве я был обычным говнарём, потом – безобидным ботаником. В более взрослом возрасте я носил обычную чёрную одежду без каких-либо модных надписей и рисунков. Мне нечего было компенсировать. И я скорее доверялся обычным ребятам, одетым как обсоски, чем бритым татуированным парням на пафосе. На практике, пафосные модные ребята чаще оказывались слабым звеном, и вели себя наихудшим образом во время репрессий.

Когда ты горишь желанием борьбы и справедливости, а приходишь к скучным трусливым работникам культуры, журналистики и социологии, апроприировавшим анархизм, насилие, революцию, и превратившим их в декорацию, цель которой – подчеркнуть собственную уникальность, тогда ты понимаешь, что тебя где-то обманули. Шёл на войну, а попал на дискотеку. Тебе говорят, что анархизм – это про выборы и хорошие законы, а не отрицание государства. Тебе говорят, что анархизм – это про тусовки, про отказ от мяса, про модный мерч с горящим Кремлём, про что угодно, но только не про сам горящий Кремль. Анархизм – это не про бомбы, не про «молотовы», не про восстание, не про насилие, не про борьбу со злом, не про прямое действие. В общем анархизм – это не про то, чтобы жечь, взрывать, громить, и биться с силами зла во славу светлого, доброго, вечного. Анархизм – это про то, чтобы во имя чего-то приземленного, как эго, во имя чего-то сиюминутного, как мода, петь песни, рисовать картинки и писать стихи про то, как кто-то другой взрывает, жжёт, громит, бьётся со злом.

И знаете что? Многие ведь понимают, что это неправильно. Что если ты назвался кем-то, то ты должен быть им. Многие критикуют эту тусовочку. Но проблема в том, что критики – ещё хуже. Если тусовочка просто примеряет на себя костюмы анархистов и террористов, проповедуя либеральные взгляды

и осуждая реальный радикализм, то критики являются ещё большими потребителями. Они даже не хотят примерять на себя яркий фантик террориста. Они хотят просто смотреть на действия радикалов в интернете, как сериал от Netflix. Это следующая стадия потребительства. Если человек-манекен пытается играть радикала, пытается превратить мир в театр и быть в нём артистом, то эти люди выбирают для себя роль зрителя. Что может быть хуже? Они сидят перед компьютерами, и ждут красивой картинки. Они готовы сколько угодно ныть, что анархисты сегодня не те, что анархисты ничего не делают. Но они сами никогда не задумаются о том, кто это должен делать. Кто, если не мы? Каждый, критикующий других, должен подавать пример. Здесь же мы видим, с одной стороны, какие-то симулякры на маскараде, примеряющие на себя костюм анархистов. А с другой – потребителей, требующих красивого зрелища.

Это тоже экзистенциальный выбор. Выбор зрителя, наблюдателя. Такой человек отказывается от действия, отказывается быть самостоятельным актором, субъектом происходящего. Человек эпохи онлайн-сериалов, он находится вне сцены действия. Он прячется в другой реальности, за изогнутым стеклом экрана монитора. И здесь отношения зритель-сериал полностью меняется. Сериал становится чем-то реальным, настоящим. А зритель исключается из реальности, существует только в виртуальном пространстве.

Оба типажа были мне отвратительны до глубины души. Я не хотел быть ни тем, ни другим. Я хотел быть человеком дела. Главное, чтобы за твоими словами стояли какие-то дела, верно? Что может быть хуже, чем превратиться в очередного болтуна, позера, в человека-манекен?.. Это сильнее, чем политические взгляды, это экзистенциальный выбор, избранная тобой линия жизни. Пусть будут мучения, пытки, тюрьмы, бесконечные страдания. Пусть жизнь твоя превратится в ад. Пусть мы лишимся уютной тюрьмы домашнего комфорта. Но зато это будет по настоящему.

1 мая 2013 года. Феминистки добились своего. Полгода они требовали, чтобы мы отделились от них, и шли отдельной колонной. Сегодня это произошло, отныне мы два разных движения, и наши истории здесь расходятся.

Первоначально, когда мы заявили об организации собственной колонны, они ликовали. «Наконец-то, красно-коричневая шушера отвалилась», говорили они в уверенности, что большинство будет с ними. Однако, очень скоро стало ясно, что большинство на нашей стороне. Осознав этот факт, нас начали обвинять в раскольничестве.

— Зачем вы делаете отдельную колонну? Вы раскалываете движение!

— В смысле? Вы сами требовали этого от нас полгода!

Очевидно, ни о какой принципиальной позиции речи здесь не шло. Наши оппоненты занимали ту или иную позицию исходя не из идейных соображений, но исключительно из эмоций и сиюминутной выгоды.

Теперь их колонна собрала менее сотни человек. В нашей — несколько сотен молодых ребят под красно-черными знамёнами. Огромная, красивая колонна. Из феминисткой колонны выбегает Влад Тупикин — старый левак, блогер, феминист. Вбегая в нашу колонну, начинает хватать молодых ребят и кричать им «зачем вы встали к ним? Вы что, не понимаете, что это фашисты? Все анархисты собираются там!». Товарищ осаживает его, называет сионистом (Тупикин, как настоящий анархист, является сторонником государства Израиль), и требует покинуть нашу колонну. Левак шипит и удаляется рассказывать, что его обозвали «жидом пархатым».

Дальше для наших оппонентов всё было только хуже. Посчитав себя большинством движения, они остались в меньшинстве. Какое-то время они ещё продолжали посещать протестные акции, но их блоки собирали по 10–20 человек. Пока, наконец, с одной из акций их не прогнали левые националисты. Что

характерно, Лена Оно и сатанист-рыночник, из-за которых они и инициировали раскол, перестали посещать мероприятия анархистов, как только их сторона потеряла массовость.

Мы же начали с этого момента собственную историю. У нас, в отличие от оппонентов, которые довольно быстро отойдут от дел, будет ещё много ярких страниц. В новой эпохе не будет уже места субкультурному насилию и уличным беспорядкам. Мы попытаемся создать другой, социальный анархизм. Абсолютно изменится образ врага, нашими главными оппонентами на долгое время станут бандиты и капиталисты. Работа с населением, политическая агитация, социальные проекты и организация простых людей в самостоятельную силу, способную противостоять организованной силе капитала и государства – вот какая задача будет поставлена во главу угла.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
ОРГАНИЗОВАННАЯ АНАРХИЯ

АНАРХО-БРАТКИ

Сложился наш коллектив в 2012 году, в ходе защиты высеяемых общежитий. Предыстория довольно простая. В советские времена рабочие при предприятиях получали жильё в общагах. После распада СССР и приватизации собственности, предприятия перешли в частные руки – а вместе с ними и расположенные при них общежития. Многие предприятия к 2010-ым годам уже закрылись, а общежития так и стояли. И, естественно, капиталисты имели свои виды на здания, расположенные в центре Москвы. Более прибыльно было бы выгнать оттуда всех жильцов, снести сами строения, и построить на их месте, например, гостиницу. Только вот сами бывшие работники своё законное жильё покидать не хотели. Тогда хозяева вырубали им электричество и отопление и пригоняли отряды мордovorотов. Полиция, как известно, всегда встаёт на сторону богатых, и бедным она не защитник. Тогда там и появлялись мы.

Про первую такую общагу «Красная Работница», кажется, прочитали в СМИ какие-то ребята из антифы. Как раз был скандал, злодеи пробили голову местной старушке и отправили её в больницу. Тогда на место прибыл большой отряд злых антифашистов. Привыкшие бить пенсионеров мордovorоты, увидев большое количество агрессивной молодёжи, довольно быстро отступили. Приехавшим по их вызову ментам местные жители пояснили, что ребята из антифы являются их гостями, и находиться здесь по закону имеют право. Менты развели руками и посоветовали решать всё через суд.

Были организованы дежурства – одновременно там пребывали порядка от пяти до двадцати человек, плюс в случае нападений сил зла большое количество ребят подтягивалось

по звонку. Входную дверь укрепили огромными деревянными балками, получилась небольшая баррикада.

Здесь и собрались все те, кто хотел от анархизма чего-то большего. Кто хотел реальной борьбы, реальных действий, кто хотел социально-ориентированного анархизма. Наша сила обуславливалась тем, что здесь собрались люди из совершенно разных кругов, с разными опытом, связями и умениями, которые отлично дополняли друг друга. К антифашистам довольно скоро подтянулись анархисты и марксисты, субкультурная и белоленточная молодежь. По вечерам здесь проходили дискуссии, в ходе которых молодые оппозиционеры увлеклись анархизмом, а субкультурные ребята получали представление об анархистской теории. Затем дискуссии начались уже между самими анархистами. Мы обсуждали причины поражения протестов, тупиковость старой тактики, искали новые пути. Дискуссия – всегда хорошо и плодотворно. В отличие от наших оппонентов, мы не боялись дискуссий, и именно в них происходило развитие наших взглядов.

Были распропагандированы и местные жители, которые вскоре стали посещать анархистские мероприятия, и проводить свои под нашими красно-черными флагами. Тогда всё казалось просто – нужно прийти на места социальных конфликтов, где люди против своей воли втягиваются в противостояние с конкретным капиталом. Поддержать их, объяснить природу их проблем в капитализме и государстве и перевести борьбу с конкретным капиталом в борьбу с капитализмом в целом. Как-то так это всё виделось. Хотя анархистами местные жители так и не стали – скорее, просто сочувствующими.

«Красная Работница» стала социальным центром. Здесь организовали библиотеку, проводили собрания, тренировки, лекции. Сюда приходили люди, интересующиеся анархизмом, молодые субкультурные ребята, желающие участвовать в движении, журналисты, желающие получить комментарий анархистов, иностранные активисты, желающие увидеть со-

циальный центр российских товарищей, приезжали защищать общежитие анархисты с других регионов страны...

Всё это – в условиях постоянной осады. Здесь всегда царила довольно странная атмосфера осажденной крепости, веселой компании, турниров по видеоиграм, серьезной дискуссии, сквота и социального центра. Сейчас это время вспоминается как одно из самых уютных в моей жизни. У нас были в режиме 24/7 приключения, хорошая компания, идеалы и большие надежды на что-то грандиозное и великое в будущем.

Хозяева общежития, убедившись в тщетности силового решения, отключили электричество в здании. Тогда мы ночами напролёт ломались в ворота их офиса, поливая охранников отборным матом, угрозами и весёлыми шуточками. Перепуганные охранники вызывали ментов. Но после приезда полиции выходить к ним – через нас – боялись. И менты, как правило, на вопрос о поломанных воротах удовлетворялись объяснением в духе «охранник вышел, стал биться головой о ворота, поломал их, а после повернулся и сказал что если мы не уйдём, то с нами сделает тоже самое». Обычно, этих мер оказывалось достаточно для возвращения электричества. Если же и после этого свет не давали, приходилось организовывать во дворе общежития народные сходы, жечь костры и тд.

Никогда не забуду прибывшее на один из сходов подкрепление красных и нацболов. Мы с товарищем отправились встречать подмогу к метро. Увидев довольно странного типа – круглые нелепые очки на половину лица, длинное пальто, горизонтально выпирающие из под губы зубы, мы принялись шутить, что, вероятно, этот парень нацбол. Шутки были услышаны, и парень расстегнул пальто, под которым красовался значок с лимонкой. И удивленно спросил: «а как вы узнали что я нацбол?»...

Вскоре, прибыло и остальное «подкрепление». Какие-то дедки с красными лентами и бухая молодёжь, с трудом стоящая на ногах. Приехал даже эфиопо-латвийский чернокожий русский национал-большевик, ставший в будущем мемным героем

«Русской весны». Пьяная нестройная толпа двинулась к осажденному общежитию. Во дворе которого ждала анархистская молодёжь – как на подбор спортивная, модно одетая, трезвая. И если вы видели «Оптимистическую комедию», сцену с подкреплением пьяных анархистов, прибывающих на помощь дисциплинированным красноармейцам, то должны представить себе эту ситуацию с точностью наоборот.

Не сказать, что все поголовно анархисты были спортсмены и трезвенники. Я сам был тем ещё типом – пьяницей, маргиналом, да и одевался как попало. Множество постыдных историй, связанных с алкоголем, происходили со мной. Напиться и заблевать всё вокруг. Нажраться до потери памяти, и в бессознательном состоянии кидаться на какой-то ресторан с мачете наголо. Жутко стыдно мне за такие истории. Воистину, алкоголь превращает человека в свинью, лишая его человеческого образа. Но, как говорится, в России в 12 лет начинают пить, а в 20 с небольшим бросают.

В общаге, этой цитадели московского анархизма, шли борьба с пьянством, пропаганда спорта и здорового образа жизни. Многие люди бросали пить и курить, начинали более ответственно относиться к образу анархиста, становились более дисциплинированными. Сопровождалось это конфликтами с людьми, которые не желали порывать со своими маргинальными привычками. Благоприятным образом эта среда сказалась и на мне – вскоре я бросил употреблять алкоголь, табак, траву, занялся собой. В те годы в антифашистской среде в целом уже прочно распространились идеи спорта и здорового образа жизни.

С тех пор в нашей среде уже не было места алкоголизму. Отдельные ребята, подверженные пьянству, подвергались коллективному порицанию. Спорт, чтение, активизм, саморазвитие – такие ценности здесь пропагандировались. Наверное, мы так и остались маргиналами. Но если в нулевые маргинальность проявлялась в бухом беспределе, бессмысленном насилии, то теперь наша среда более напоминала каких-то отморожков

с весьма специфичными внутренними приколами и обостренным чувством справедливости. Со стороны оппоненты часто принимали нас за бандитов.

Впрочем, не всё было так идеально. Сейчас я со стыдом вспоминаю некоторых ребят, которые хотели присоединиться к движению, но были не слишком социализированы и часто косячили. Вместо того, чтобы помочь им развиваться, избавиться от своих слабостей, многие – как субкультурные ребята, так и идейные анархисты – выдавливали их из коллектива, травили и унижали их. Я сам иногда делал попытки заступаться за них. А иногда, будучи раздраженным их косяками, также присоединялся к этой травле. Конечно, эти ребята озлобились на анархистов, затаили обиду и враждебное отношение к движению в дальнейшем, и ушли к националистам. Унижение навсегда отравило их сердца злостью и ненавистью, стремлением доказать, что они – не те нелепые подростки, которых унижали, но уличные пацаны и ничем не хуже, а даже лучше анархистов. Кажется, вся дальнейшая их судьба связана с попытками этого самоутверждения. В то время мы ещё не обладали достаточным опытом организации и работы с молодыми ребятами, поэтому допускали много ошибок в этом отношении. Мне стыдно за эти ошибки.

Проблема выселяемых общежитий стояла по всей Москве, а нас было довольно много. Потому вскоре мы начали расширяться и брать под свою защиту новые общаги. Большинство из них ничем особенным не отметились, но общежитие «Мосщёлка» подарило совершенно эпичную историю в лучших традициях средневекового штурма.

* * *

Начался «Мосщёлк» холодным январским вечером 2013 года. Мы тусили в общежитии на «Красной Работнице». Уже не вспомнить, чем мы занимались в тот момент. Может быть, вели дискуссии о роботизации экономики. А может, рубились всей

общагой в Tekken. Но мы узнали от обитательниц «Красной Работницы», что в общежитии «Мосщёлка» ЧОП избивает и выселяет на мороз местных жительниц, включая мать-одиночку с маленьким сыном. Вскоре на место происшествия уже гнал отряд анархистов на тачке. Прибытие подмоги серьёзно озадачило ЧОП, и беспредел прекратился. Здесь, как и в «Красной Работнице», были устроены регулярные дежурства.

ЧОП довольно быстро попытался вновь перейти в наступление. Случилось это в очень неблагоприятный момент — на дежурстве находилась, в основном, молодёжь, ещё не бывавшая в экстремальных ситуациях. Из опытных и спортивных товарищей был всего один человек. Решив, что такой состав не представляет опасности, отряд ЧОПовцев вломился в комнату матери-одиночки с ребёнком, и принялся ломать мебель, двери и даже стены. Молодёжь опешила и не очень понимала, что нужно делать. Но, к счастью, опытный товарищ не сплоховал и разогнал весь этот сброд в одиночку. Кадры, как высокий анархист в черных очках и черной же одежде разгоняет пинками толпу ЧОПовцев, а те бегут, роняя шапки, с криками «сюда все охранники!», получили довольно широкое распространение и стали визитной карточкой социально-революционных анархистов. Именно так мы назывались, чтобы противопоставить себя реформистскому анархизму наших оппонентов.

Хозяин «Мосщёлка» решил, что ему не нужен такой профнепригодный ЧОП, и эти ребята были уволены. Взамен пригнали более серьёзных охранников, которые ужесточили режим пропуска. Вход в общежитие находился в небольшом переулке, перегороженном воротами. Теперь эти ворота были всегда закрыты и внутрь никого не пускали. Регулярно мы собирали толпу в несколько десятков анархистов и антифашистов и устраивали стояние под воротами, что держало ЧОП в напряжении и не давало им устраивать беспредел. Вскоре мы обнаружили, что по крышам вполне можно зайти прямо в окно той самой матери-одиночки, которая подвергалась осо-

бому прессу ублюдков. И стали засылать дежурных в здание общежития через крышу.

Тусуясь же у ворот, мы угнетали охранников как могли. Оскорбляли их, отнимали замок от ворот, выбрасывали его в мусорный бак неподалёку. Взывали к их здравому смыслу. Объясняли, что предыдущий ЧОП не справился даже с одним нашим товарищем. И этому ЧОПу никто зарплату не заплатил. Пытались объяснить, что сейчас они делают гадкое дело. И им за него никто не заплатит. Потому что их мы тоже разгоним. И хозяин их точно также уволит. Мы же можем скинуться им, поддержать из солидарности, если они уволятся сами. На первое время, чтобы хватило на жизнь, пока новую работу не найдут. Охранники ухмылялись и говорили «спасибо, мы какнибудь сами». Очень скоро они тоже окажутся профнепригодными и их также разгонят. Пока же от расправы над ними нас удерживали полицейские наряды, постоянно дежурящие на месте. Один из этих нарядов как-то пристал к нам.

— Запомните наш номер. Один четыре восемь восемь. И не бузите.

— Чё? Мне пофиг, я анархист и антифашист — отвечал им товарищ. Мы это восприняли, как намёк на ультраправые взгляды мусора. Потом, впрочем, выяснилось, что 1488 — это номер тачки.

Вскоре штурм общежития всё же состоялся. В «Мосщёлке» вырубили электричество, и туда срочно стали стягиваться силы добра. В рабочее время первыми прибыли, конечно, совсем молодые ребята. Но и толпы подростков хватило, чтобы доставить неприятности ЧОПу. Пока мы с товарищами прибыли к «Мосщёлку», он уже был оцеплен полицией, и нам оставалось только наблюдать за происходящим внутри оцепления, делать выводы и планировать следующий штурм. Молодые товарищи, тем временем, полезли через решетчатые ворота, десантировавшись в узком переулке за ними. Из-за оцепления мы видели, как ЧОП оказался на земле. Впрочем, в само общежитие молодёжь так и не прорвалась. Группа чоповцев

встала в дверном проходе и смогла удержать его. Вскоре на место прибыло ещё больше ОМОНа и прорвавшихся внутрь товарищей задержали. Мы же начали планировать следующий день...

* * *

19 января 2013 года выдалось щедрым на снегопады. Узкие переулки столичного района Хамовники покрыты снежным покрывалом. Очень красивый, праздничный пейзаж. Несколько десятков человек в чёрном движутся по пустынной белой улочке. Навстречу нам идёт примерно такая же группа в 20–30 человек. Завидев друг друга, издаём радостные кличи, перекидываемся снежками. Вторая группа – тоже наши товарищи, анархисты и антифашисты. Объединившись, внушительной ордой идём к воротам общежития. Там уже стоит третья группа соратников.

После того, как предыдущий ЧОП с трудом справился с толпой подростков, хозяин «Мосщёлка» уволил и их. И набрал взамен каких-то мордovorотов. Теперь за воротами стоят ребята с уголовными лицами и самодовольными ухмылками. Они думают, что смогут остановить нас. Поза, лица, взгляд, улыбка – во всём читаются предвкушение будущего столкновения и уверенность в себе.

Пытаемся пройти внутрь. Они наваливаются на ворота. Часть хватают металлические дрыны, и колют ими нас через решётки ворот, подобно древнегреческим гоплитам. Поливаем их в ответ перцовым газом и тоже наваливаемся со своей стороны на ворота. В толпе совсем нет страха, есть только безумная радость, адреналин и чувство локтя товарища. Никакого сомнения в том, что мы победим и затопчем ублюдков. Гоплит-уголовник роняет дрын и склоняется пополам. Струя газа из перцового баллончика попала прямо в лицо, и ему сейчас не очень. Наконец, удар с ноги распаивает ворота. Иные моменты длятся долю секунды, но для тебя всё вокруг замедляется. Так

и мне кажется что ворота распахиваются в полной тишине вечность. Тишина, в которой ворота медленно, поддавшись удару, открываются, давит, её почти что можно потрогать. Наконец, штурмующие издают оглушающий радостный боевой клич и кидаются лавиной в переулочек. Копейщики тонут в нахлынувшей толпе. Поваленных ублюдков добивают кирпичами в голову.

Задние ряды неприятеля отступают вглубь переулочка и достают какие-то совсем уж неприлично огромные дыры. Подойти к ним сложно. Останавливаемся в нерешительности, оглядываемся... но ребята сзади уже тащат вперёд огромные металлические листы, найденные здесь же. Прикрываясь этими гигантскими щитами, двигают на копейщиков-бандитов. Вскоре последние противники лежат на снегу. Настоящее средневековое сражение, штурм замка.

Вооружившись молотками, выносим запертый вход в общежитие и вваливаемся внутрь. Внутри последний охранник, сидящий на проходной, вжимается в стул. Без лишней кровожадности выталкиваем его на улицу.

И вот я иду по пустому темному коридору, подобно средневековому рыцарю, захватившему замок. А за мной, средневековым воинством, полсотни ребят в масках. Вваливаемся, аки в тронную залу, в комнату матери-одиночки. Наша подруга, которую охрана пропустила ранее в гости к местным, радостно рыдает и вешается мне на плечи. Маленький пацан стоит и восхищенно смотрит на нас. Поворачиваясь к матери, спрашивает: «мама, а эти хорошие люди больше не уйдут? Они защитят нас?». Ситуация максимально эпичная. Должно быть, самая пафосная сцена в моей жизни.

Вопрос мальчика серьёзно растрогал меня и я понимаю, что мы должны сделать всё, чтобы не дать этим ублюдкам терроризировать детей.

Победившее войско разбредается по комнатам. Вскоре, прибывает ОМОН. Цепочкой идёт по темным коридорам. Обычно, на политических и социальных акциях омовцы не склонны

к переговорам. Они просто бьют тебя дубинками и тащат в автозак. Здесь же они не уверены, с кем имеют дело.

Командир ОМОНа спрашивает, что здесь происходит. Местные жительницы спокойно отвечают, что к ним пришли в гости. ОМОНовцы неуверенно пожимают плечами. В гостях так в гостях. Разворачиваются и цепочкой же уходят. Кажется, это единственный раз, когда ОМОН вступил с нами в переговоры и отказался задерживать.

Мы уже спокойно сидим по комнатам и общаемся, когда в окне появляется голова мента... Стоп, что здесь делает голова мента? Это же второй этаж! Подбежав к окну, видим толстого мусора, карабкающегося к нам. Он заглядывает внутрь и что-то кричит коллегам внизу, где расположились мусорская тачка и отряд мусоров. Смотрим в другие окна и видим ту же картину – под каждым из них по ментовской машине, здание оцеплено. До кучи у входа припарковано несколько автобусов ОМОНа. Ну ладно, подумаешь. Стандартная ситуация.

Спустя какое-то время, дают свет. Мы как раз стоим в коридоре огромной толпой. Все радостно кричат – поначалу это воспринимается как уступка хозяина, решившего вернуть жителям электричество. Однако, вскоре становится ясно, что свет дали для штурма. На место прибыли оперативники центра по противодействию экстремизму, которые погнали ОМОН на задержания. Вот, кстати, эти эшники в гражданской одежде уже ходят по комнатам, пытаются смешаться с толпой. А вот этого мудака в розовом поло мы видели вчера в кафе неподалёку. Сидел через пару столиков от нас. Кажется, они следили за нами. По коридору рассыпаются мусора с громкоговорителями, становятся у каждой двери. За ними цепочкой идёт ОМОН.

Мы забиваемся всей толпой в комнату, следом заходит какой-то мусорской начальник. Спрашивает, будет ли сопротивление, нужно ли применять силу. Мы решаем выйти сами. Нас выводят максимально вежливо и корректно. Никто тебя никуда не тащит, не заламывает. Просто окружают по три омовца

и идёшь в их конвое. Они крайне дружелюбны. Видимо, всё еще не уверены в том, что происходит и кого задерживают.

На улице ослепляют вспышки фотокамер. Не успеваю рассмотреть, но, кажется, журналистов здесь тоже целая армия. Нас грузят в автобусы и везут в ОВД.

Там – часы ожидания. Чтобы оформить и допросить такую толпу, требуется вся ночь. Ждём в подвале. Менты заводят журналистов «Вестей», снимать репортаж о преступной банде. «Банда», все как один, утыкаются лицами в шапки, закрываются руками. Антифашист Алексей, стремящийся к известности и медийности, кричит раздосадованно, развернувшись лицом к видеокамере: «Ну что вы как уголовники, чего скрываетесь!».

Нас перемещают в коридор. Компания подобралась отличная, а потому время пролетает быстро. Никого ещё не обыскивали, молодёжь скидывает палево по разным углам отделения – применяемое в драке оружие, баллончики, антифашистские наклейки. Прячут под стульями, в туалете, повсюду. Найдя очередной баллончик, мусор носится по отделению и орёт «чей баллон!?!». Хозяин так и не находится. Успокаиваю молодых ребят, объясняю им, как общаться (точнее – не общаться) с эшниками. Мусора водят нас по кабинетам, фотографируют, кричат на меня за то, что я вальяжно, по хозяйски, развалился на стуле в очередном кабинете. – Ну, не нравится, могу уйти – отвечаю им, но всё же распрямляюсь.

Берут объяснения (отказ от дачи показаний). Строят нас очередь в коридоре. Атмосфера такая, будто сейчас погрузят в товарные вагоны и отправят вперёд до Колымы. Я уже настроился на СИЗО, но абсолютно спокоен. После десятков задержаний и судимости, начинаешь как-то совершенно спокойно воспринимать такие ситуации, внутренне собираться и не нервничать.

Мордвороты с разукрашенными лицами теперь не такие самодовольные. Ходят вдоль толпы и указывают на людей, которые их избивали. Делают это нехотя, показывают всего пару человек. Эшник злится. Требует больше людей. Рейдер

неуверенно осматривает толпу. Эшник показывает пальцем на меня

– Ну вот он. Он избивал тебя?

– Ну... он там был. – Ну они все там были, поэтому и находятся здесь. Он тебя бил?

Охранник неуверенно качает головой.

Со временем, всех отпускают по одному. Мы с товарищем выходим в морозную январскую ночь. Идём через весь центр в общагу «Красной Работницы». От метро «Спортивная» до «Бауманской». Через Арбат, Манежную площадь, Лубянку, Покровку и Маросейку... Кажется, я помню маршрут через московский центр наизусть, и могу отчётливо представить его себе. Московские улицы зимней ночью особенно красивы. Здесь, в Париже, мне их очень не хватает. Не хватает снега. Возможно, вас это удивит, но центр Москвы может быть красивее Парижа. Москва в принципе очень хороший город.

Наутро федеральные телеканалы и печатные СМИ смакуют историю, как «люди, похожие на братков из девяностых, профессионально захватили здание в центре Москвы, в считанные минуты уложив охрану». Вот как. Бандиты и братки из девяностых, значит. Раньше феминистки называли нас анархо-пацанами (по задумке, это должно было оскорблять нас). Теперь берём титул повыше и называем друг друга «анархо-братками».

Для большинства участников штурм не имел последствий. Несколько человек помещены под домашний арест и подвергнуты уголовному преследованию. Также обвиняют пару участников прошлого штурма. Но грянувшая вскоре всероссийская амнистия по нетяжёлым статьям закрыла дела наших ребят. Всё хорошо.

Пока же многие залегли на дно. Уехали в другие города или просто сменили место жительства. Новые попытки штурма «Мосщёлка» не увенчались успехом. Теперь здесь всегда дежурит ОМОН. Во время очередной бузы даже как-то приехал спецназ ФСИН. К сожалению, мы ничего не можем сделать с оравой ОМОНовцев и спецназа. И пока эти «защитники правопорядка»

защищают бандитов от нас, образ ребёнка, спрашивающего с надеждой у матери, защитим ли мы их, не уйдём ли больше, не даёт мне покоя.

Для многих жителей общаг, впрочем, всё закончилось хорошо. Будучи не в силах выселить их силой, пришлось капиталистам выдавать жильё взамен комнат в общежитии.

Наиболее активные защитники общежития же сформировали коллектив, который в дальнейшем получил известность, как «Красно-черный блок». Социальный центр на «Красной Работнице» пришёл в упадок, когда наиболее активные товарищи временно покинули его. Стоило нам не появляться там месяц, как «Красная Работница» превратилась в подобие субкультурного сквота, с исписанными стенами, субкультурными аполитичными ребятами, что прямо рассматривали это место как сквот и место для тусовок, и тд. Этот опыт был для нас негативным, и дал важные уроки на будущее. В дальнейшем мы понимали, что на подобных конфликтах, привлекая субкультурную молодёжь, важно балансировать её постоянным присутствием политических анархистов, чтобы всё не превратилось в притон.

ПРОФСОЮЗНАЯ МЕЧТА

После поражения протестов и раскола в анархистском движении для всех встал вопрос поиска новых путей. Кто-то уходил в субкультуру, спорт, веганизм, «этичный бизнес», кооперативы и тд. Вскоре эти люди выпадали из анархистского движения и отстранялись от какой-либо политической деятельности. Анархо-феминистки, избавившись от «красно-коричневой шушеры», как они называли всех несогласных с ними, внезапно остались в меньшинстве. Если наши публичные мероприятия собирали в Москве от 50 до 300 участников, то они, объединившись с большим количеством леволиберальных и троцкистских организаций, совместно выводили, в лучшем случае, сто человек. Тем не менее, они были убеждены, что развитие анархизма должно быть связано с реформистскими движениями за принятие тех или иных законов, требования прав и тд.

Это было смешно, так как у них не было никакой силы, чтобы заставить власть обратить внимание на свои требования. 50 человек, требующих принятия «правильных» законов – довольно несерьёзное зрелище. Не говоря уже о том, что плохо сочетаемое с анархизмом. Да даже если они и добьются когда-нибудь принятия «правильных» законов – что изменится? В России огромное количество законов, которое просто игнорируется властью. Правоприменительная практика определяется не тем, что пишут в законах, а тем, достаточно ли у вас силы повлиять на власть и заставить её считаться с собой. Права и законы – это компромисс, который будет соблюдаться только в отношениях с сильным противником. По отношению к слабому обществу, которое не может никак повлиять на власть, и компромиссы не нужны. То есть даже

если вы хотите соблюдения прав – вам нужно не новых законов требовать, а организовываться и радикализироваться.

Тем не менее, феминистская повестка в России оказалась востребованной. Во втором десятилетии 21 века можно было наблюдать рост подобных движений. И в этом плане кажется очень странным, что левые и анархистские феминистки, одни из первых подхватившие эту повестку, так и остались в маргинальном положении. Теперь они даже в худшем положении, чем были. Не знаю, с чем это связано. То ли мы были правы, и эта повестка действительно осуществима только в рамках либерального дискурса. То ли просто анархо-феминистки оказались плохими и бесполезными организаторками и активистками.

Мы же делали ставку на социальную борьбу и развитие политической организации. Мы не верили в реформизм и возможность допроситься у власти принятия каких-либо законов. Угнетенные должны решать свои проблемы самостоятельно, организовавшись в ходе коллективной борьбы. Вопрос был в том, в какой форме должна вестись эта борьба.

Первое время, у многих людей было много ожиданий от независимых профсоюзов. В начале десятых годов они росли и не боялись вступать в конфронтацию с начальством, организовали ряд забастовок. Левые в некоторых городах вполне успешно действовали в рабочем движении. Перед глазами стоял пример Калуги. Здесь троцкисты из Российского Социалистического Движения организовали сильные профсоюзы и громкие забастовки, и даже втянули профсоюзных работников в свои политические мероприятия. Это считалось большим успехом.

Внутри АДСР, как мы стали называться после раскола «Анархистского Действия», отношение к профсоюзам отличалось от города к городу. В Москве достаточно скептически относились к профсоюзной бюрократии. Левые и анархисты, думали мы, могут в рамках этого движения рассчитывать только на роль услуги для бюрократов. Сейчас они тратят все свои силы на развитие профсоюзов, но в итоге их радикализм там будет никому не нужен, их просто выдавят оттуда. Впрочем, мы

критически поддерживали профсоюзы, проводили множество акций в поддержку бастующих рабочих, но считали, что анархистам нужно создавать собственные независимые структуры, основанные на самоорганизации и прямом действии.

Питерское же отделение плотно взаимодействовало с профсоюзами. Все новички, вступающие в организацию в Питере, должны были распространять профсоюзные газеты на заводских проходных где-то в пригородах. Эта практика стала своего рода мемом. Она отпугивала от движения людей и являлась предметом постоянных насмешек других анархистов. Впрочем, обратной стороной было установление контактов с профсоюзным движением. Кажется, они даже стали размещать в своих газетах статьи анархистов. Но я лично слишком далёк от этой практики, чтобы оценить, насколько она оказалась эффективна. По крайней мере, никаких видимых результатов анархистам это не дало.

Гораздо более удачно в этой сфере работал Эдуард Каляманов из Иваново, также входивший в АДСР. Они с товарищами основали независимый профсоюз медицинских работников «Действие». Профсоюз стремительно развивался — проводились забастовки, открывались новые отделения. Мы вместе с работниками профсоюза посещали московские больницы и клиники, где агитировали медицинских работников. Как раз проходила очередная реформа здравоохранения, которая сделала условия труда в сфере медобслуживания совершенно невозможными, и потому на профсоюз люди реагировали очень хорошо, он продолжал расширяться. Эдик умел организовывать такую работу. Но он никогда так и не стал профсоюзным бюрократом. Каляманов совмещал деятельность в профсоюзе с основной работой.

Но, к сожалению, сбылись наши опасения. Вскоре профсоюзная бюрократия вытеснила анархистов. Каляманов покинул собственное детище, и попытался организовать новое рабочее движение. Мы сотрудничали с ним, он предоставлял нам контакты недовольных медработников и данные нехороших

начальников больниц, на которых неплохо было бы повлиять в нашем стиле. Но в 2014 году Эдуард умер на рабочем месте.

Попытки анархистов работать в профсоюзной среде в итоге обернулись ничем. Также плохо всё закончилось и у леваков, которые были гораздо успешнее в этом плане. К концу десятилетия, кажется, профсоюзные иллюзии у людей иссякли.

ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ

Мы противопоставляли профсоюзам прямое действие. Находили небольшие социальные конфликты, мобилизовывали на них анархистов и просто неравнодушных людей, организовывали самих пострадавших, и шли разбираться с начальниками и мошенниками как умели. Сторонники профсоюзов презрительно называли нас «тимуровцами», подразумевая, что мы просто делаем добрые дела без какого-либо отклика для движения. Однако отклик, на самом деле, был огромный. Зачастую пострадавшие, которым мы помогали, начинали интересоваться анархизмом или даже сами становились анархистами. Кроме того, мы привлекали радикальную молодёжь. Молодые анархисты получали в ходе такой деятельности важный опыт активизма и конфронтации. Вскоре к нам начали приходиться совершенно новые люди, которые до этого не имели никакого отношения к анархизму. Их интересовала именно эта деятельность. В дальнейшем они втягивались в коллектив и проникались анархистскими идеями. Ну, и помимо того, нам создавался очень хороший образ.

Было довольно сложно организовать такую деятельность и привить её анархистам. После раскола, поначалу, ничего не изменилось. Мы также продолжили посещать политические мероприятия, и расходились до следующего раза. За плечами уже был опыт защиты общежитий, но, казалось, никакого развития он не получит. Всё превратилось в тусовку – мы просто собирались по кабакам, и все бахвалились, как они покажут настоящий анархизм этим феминисткам. Я воспринимал такие заявления достаточно серьёзно, и действительно ждал каких-то действий. Но несмотря на все планы на обновление анархизма, ничего не происходило. Слова опять вступали в конфликт с делами.

Я горел идеей организовать бригады из радикальной молодежи, которые противостояли бы бандитам и решали проблемы с начальством. Насилие – это основа молодёжной околополитики. Есть достаточно молодёжи, которой хочется заниматься насилием, и они бьют друг друга и случайных людей. Спрос на насилие всегда будет высок. И любое движение, которое занимается насилием, всегда будет популярным, будет привлекать к себе горячие головы. Почему бы не направить эту жажду насилия против тех, кто действительно его заслуживает? Почему бы избивать не друг друга, но, например, бандитов?

Поначалу это было достаточно тяжело – люди очень скептически относились к моей идее. Старые активисты высмеивали её. От других я слышал, что связываться с криминалом опасно. Я никак не мог понять, чего хотят эти люди. Вроде бы понятно, что политическая деятельность и социальная борьба сопряжены с риском, за них всегда и везде сажали и убивали. Но такие риски неизбежны, если это настоящая борьба, а не субкультурная тусовка. Какой смысл изображать из себя каких-то радикалов, уличных бойцов, ещё кого-то, но пасовать перед опасностями? Вы никогда не сделаете ничего настоящего, если будете бояться.

Впрочем, вскоре мне удалось организовать первую подобную акцию. Первую «жертву» я нашёл через Antijob. Это довольно популярный сайт, на который люди присылают отзывы о недобросовестных работодателях. Я думал, что это довольно удачная площадка – ведь можно не только публиковать отзывы, но и решать трудовые конфликты? К сожалению, Антиджоб связан с «Анархистским Действием». Несмотря на раскол, я был сторонником сотрудничества между разными фракциями анархистов, а потому написал им и обрисовал концепцию деятельности, которой хотел заниматься. Им понравилось. Дали мне контакты пострадавших, которым я принялся писать с предложением помощи.

Откликнулись пострадавшие от действий фирмы «Интелгрант». Эта контора предлагала работу по программе «воркинг

трэвел». Схема сводилась к тому, что студенты платили довольно крупные суммы (в районе ста тысяч рублей), после чего их обещали устроить на работу в США или Европе. Конечно, выйти на связь с фирмой после оплаты услуг было уже нереально. И когда я предложил студентам помощь в возвращении денег и наказании мошенников, они согласились.

Вскоре мы с пострадавшими и группой анархистов вломились в офис «Интелгранта» и терроризировали директора фирмы. Бедный перепуганный мужичок в белой рубашке не понимал, что происходит. Он бегал от нас по всему зданию бизнес-центра, безуспешно пытаясь найти защиту у охраны. Приехавшая полиция не стала никого задерживать, но посоветовала обращаться в суд.

Затем мы разместили в социальных сетях фото, имя, фамилию и телефон директора фирмы, с указанием его прегрешений и призывом к подписчикам звонить персонажу и спрашивать о деньгах. У мошенника оказались не слишком твёрдые нервы, и он довольно быстро сдался, вернув все деньги. В дальнейшем эта история для него плохо сказалась. Спустя год он заваливал меня звонками, умоляя удалить информацию о нём из интернета. Она разошлась довольно широко, и он не мог устроиться ни на одну приличную работу, где служба безопасности находила эту историю. Продолжать заниматься мошеннической деятельностью он также уже не мог. Даже предлагал деньги за удаление информации. Но мы не менты и денег не берём. Я получил удовлетворение, разрушив жизнь мрази, наживающейся на чужих бедах.

Акция получила определенную известность, и теперь многое изменилось. Те, кто вчера был настроен скептически, теперь были полны энтузиазма. Антиджоб тоже оценил, насколько такие акции эффективны. Мне был поставлен ультиматум – если я хочу сотрудничать с ними и проводить такие акции, я должен держать в секрете, что к этому причастно АДСР, а действовать должен от имени проектов «Анархистского Действия», которое продолжало обвинять нас в фашизме. Оно, кстати, опубликовано

вало и эту акцию от своего имени. Конечно, я отказался от такого замечательного предложения.

Думаю, что если бы Антиджоб занял менее сектантскую позицию и был бы готов к сотрудничеству, то наш проект по борьбе с работодателями удалось бы вывести на массовый уровень. Лишившись базы контактов, нам стало довольно тяжело искать пострадавших от действий работодателей и мошенников. Однако я подолгу мониторил интернет в поисках жертв мошенников. Иногда удавалось что-то находить. Чем больше подобных акций мы проводили, тем больше была наша известность. И, со временем, люди стали писать и обращаться за помощью к нам сами.

Поначалу же добрую службу сослужил нам счастливый случай. Девушку товарища кинули на деньги при трудоустройстве. Я предложил решить проблему способом, испытанным в «Интелгранте». Ворвавшись в офис мошенников, нам удалось добиться возвращения денег. Мы разместили видео в интернете, и нам стали писать другие пострадавшие...

Речь идёт о фирме «Сателлит». Выяснилось, что у неё функционирует большое число офисов по всей Москве. Схема крайне проста. Мошенники забивают сайты поиска работы низкоквалифицированными вакансиями – продавец, курьер, охранник, грузчик и тд. Откликнувшиеся на вакансию соискатели, придя на место трудоустройства, обнаруживают, что это не прямой работодатель, но кадровое агентство. Где им объясняют, что вакансия существует, но нужно заплатить деньги за услуги. Как правило, сумма небольшая: 300–1000 рублей. Многие предпочитают не запариваться ради возврата таких денег. Но поток соискателей в эти офисы достаточно высок, чтобы у мошенников получалась приличная сумма. С миру по нитке, как говорится. Впрочем, для безработных и студентов, ищущих работу, и такая потеря была довольно ощутимой. Но дальше интереснее – после оплаты соискателя посылают по другому адресу, где с него также требуют деньги под предлогом оформления медицинской книжки, покупки униформы и тд. Конечно, после оплаты на связь с ним никто не выходит.

Мы вычисляли всё новые офисы по всей Москве, врываются в них вместе с пострадавшими, блокировали их работу, и даже сумели закрыть несколько контор. В конце концов, нас начали узнавать в новых офисах. Когда мы обнаруживали очередную контору, её сотрудники звонили начальству, сообщая что «к нам пришли те самые активисты». Мошенники представляли из себя совершенно разных людей. Где-то это были молодые студенты, где-то обычные офисные сотрудницы. Где-то же откровенные уголовники или огромные быки. Зачастую такие ребята не очень понимали кто мы, и после того, как их убеждали вернуть деньги, звали нас работать вместе с ними. Один особо мерзкий персонаж, типичного зековского вида, говорил нашему товарищу «ты пойми, мы же кого кидаем? Это беженцы с Донбасса, эти крысы с войны бегут!». Иногда мы очень сильно жалели, что нулевые закончились, времена ужесточились и мы не можем более так щедро применять насилие. В нулевые можно было бы избить их арматурами и сжечь офис. Теперь приходилось быть аккуратнее. Жаль – эти мрази, наживающиеся на самых бедных, на находящихся в состоянии нужды людях, которые не имеют устойчивого положения и работы, чтобы прокормить себя и оплатить своё жильё, заслуживали, на мой взгляд, самых жестоких мер.

Однажды, в очередном офисе, был встречен совсем интересный персонаж. Он приехал из Самары на заработки в Москву. По объявлению пошёл снимать квартиру. Наткнулся на мошенников – заплатил деньги, получил адрес. Приехав, понял, что адреса не существует. Пошёл по объявлению устраиваться на работу. Заплатил деньги за трудоустройство, вышел из офиса. Понял, что его кинули. И вот стоит он, парень из Самары, посреди Москвы. Без денег, без жилья, без работы. Не знает, что теперь делать. И тут к офису подходит толпа анархистов. Конечно, после посещения «Сателлита», который любезно согласился вернуть ему деньги, следующей целью стал визит в контору мошенников, что кинули его по поводу жилья. Там суммы, на которые кидают, более крупные, и соответственно ребята сидят

более серьёзные. Какие-то огромные мужики. Но после общения с анархистами тоже любезно согласились вернуть деньги.

Этот мигрант из Самары очень обрадовался, конечно, что встретил анархистов, и в дальнейшем всегда был рад оказать посильную помощь. На самом деле, нам удалось помочь довольно большому количеству людей, многие из которых существенно изменили своё мнение об анархистах. Или даже стали ими. Мы никогда не скрывали своих взглядов, и объясняли причины существования таких контор в капитализме, доходчиво разъясняя, как одно связано с другим.

Примерно тогда мы создали отдельный проект под борьбу с мошенниками, работодателями и квартирными рейдерами. Он и получил название «Социальное Движение». На медиастраницах «Соцдвижа» мы прямо указывали, что являемся анархистами, объясняли наши взгляды и принципы, и давали ссылку на анархистские ресурсы.

Мы всегда руководились анархистскими принципами прямого действия, и никогда не обращались к государству, судам или полиции, полагаясь вместо этого на солидарность простых людей. Это правильно не только в рамках анархистской логики, но и просто рационально – объединившись, группа граждан скорее сумеет повлиять на преступную банду или конкретного босса, чем на государственный аппарат, заставив его принимать нужные нам законы и решения. За бандой или боссом стоит гораздо меньшая сила, чем за государственными инстанциями. За непонимание этого простого факта мы критиковали тех же феминисток. Вместо их пикетов за принятие того или иного закона мы даже хотели организовать аналогичный проект по борьбе с домашним насилием через самоорганизацию и прямое действие, но, к сожалению, у нас не хватило на это организационного ресурса.

В дальнейшем мы расширили свою деятельность. Вслед за «Сателлитом» мы нашли конторы других мошенников. У нас появилась определенная репутация, и люди уже стали писать нам сами с просьбой о помощи.

Схема наших действий была проста. Большой толпой мы вламывались в офис к мошенникам или нехорошим начальникам. Зачастую уже одно это приводило их в ступор. Тем более, что в конце концов у нас выработался собственный стиль. Ребята в черных одеждах, многие бритые и бородастые, часть по скиновской моде, вваливаются большой толпой в офис. Бандиты решали, что мы конкурирующая банда. Работодатели либо воспринимали нас как толпу скинов, либо вовсе принимали за рэкетиров. Это вызывало когнитивный диссонанс – девяностые ведь уже давно закончились.

Хуже всего, если негодяи вели себя спокойно и уверенно. В этом случае они не совершали никаких ошибок. А нам было скучно оккупировать их офис. Всё-таки, многие шли на такие акции не только из желания сделать доброе дело, но и из-за драйва. А просто сидеть часами в душном офисе – удовольствия мало. Гораздо лучше, когда злодеи начинали впадать в панику, совершать ошибки, истерить и кричать, проявлять агрессию, пытаться убежать. Тогда и нам было весело, и получалось отличное шоу – мы снимали всё происходящее на камеру. Это было нужно как в целях создания агитационных видео, так и оказания давления на злодея. Но что самое важное – это защищало нас от необоснованных обвинений.

Ведь зачастую мошенники искали защиту от нас у полиции. Если приезжал наряд, мы не били себя в грудь, что мы какие-то активисты. Некоторые ребята, которые пытались воспроизвести наши акции, делали так, и закономерно уезжали в отделения. Если активист – значит, уже виноват. Ещё, может, и экстремист какой. Мы же просто представлялись недовольными клиентами, которых кинули, либо друзьями обманутых работников. Объясняли мусорам суть обмана. После этого менты, как правило, становились на нашу сторону. Они видели не активистов или бандитов, но просто обманутых работяг, и без приказа от начальства даже испытывали что-то вроде рабочей солидарности с нами. Но для нас то они всё-равно оставались мусорами, и мы не прибегали к их помощи. Тем

более, что и помочь они никак не могли – во всех ситуациях разводили руками и советовали обратиться в суд.

Впрочем, иногда получалось смешно. Так, приехав выручать мошенницу, запершуюся в офисе, полицаи, чуть разобравшись в ситуации, очевидно начали симпатизировать нам. Вывели кидалу из запертого офиса на улицу, и сказали, что на этом их полномочия заканчиваются. На мольбы мошенницы увезти её отсюда на машине они лишь улыбались и отвечали, что не имеют таких полномочий. В итоге кидала была вынуждена добираться домой в полной панике, под наше улюлюканье и преследование. Улыбающиеся мусора лишь смотрели нам вслед.

Если в ходе оккупации офиса решение о возврате денег не было принято, мы начинали оказывать психологическое и экономическое воздействие. Тем же вечером размещали личные данные, адрес и номер телефона негодяя в социальных сетях и призывали людей названивать ему с вопросом о деньгах. Если и это не помогало – блокировали работу офиса. Как правило, ставили одного человека одиночным пикетом прямо у офиса, и еще нескольких человек с листовками плюс небольшая группа поддержки неподалёку. Контора не могла работать в таких условиях. Попытки физически разогнать одиночный пикет пресекались группой поддержки. А менты одиночный пикет разгонять не спешили – по закону его и согласовывать не нужно. В общем, более выгодно вернуть деньги, чем терпеть убытки от простоя работы предприятия.

Мошенники и работодатели неоднократно писали заявления на нас и меня лично по самым разным обвинениям. Согласно заявлениям, я был рэкетиrom, бандитом, избивал людей... Но кто-то скажет, что мы делали что-то плохое?

Такая ситуация, когда бандиты пишут на тебя заяву, рассматривалась нами как единственная, при которой допустимо написать заявление в ответ. Ответное заявление здесь служит лишь средством защиты. Увидев два встречных заявления, полицаи, скорее всего, откажут обоим и посоветуют обращаться в гражданский суд.

Помимо очень большого количества своих ребят, я постоянно находил желающих участвовать в такой деятельности через социальные сети. Люди очень хорошо откликались на неё. Однажды, к нам инкогнито пришли даже два нациста, которые после оставили «рецензию» на нашу деятельность на каком-то нацистском паблике, в духе «шавки то, оказывается, не такие плохие ребята, здоровые дела делают». Естественно, на тот момент я не знал, что эти люди являются нацистами.

* * *

Довольно быстро наши методы попытались перенять другие коллективы. Было создано много проектов, аналогичных «Социальному Движению». Внутри АДСР к таким методам стали прибегать и группы из других городов. Правда, порой они могли допускать ошибки – обозначить себя как активистов, развернуть на акции баннер «Социальное Движение». Естественно, приехавшие мусора воспринимали их как экстремистов и забирали в отдел. Тем не менее, иногородним товарищам удалось провести несколько успешных акций, добиться возвращения денег обманутым работникам.

Наиболее крупную попытку создать свой аналог «Соцдвижа» предпринял Антиджоб. У него было большое преимущество перед нами – огромная база контактов обманутых работников. Но не было всего остального... Ребята попытались скопировать лишь форму, не восприняв анархистских принципов прямого действия, которыми мы руководились. Получилось не очень. Созданная ими «Сеть Солидарности» действовала в Москве и Питере.

В Москве они довольно быстро разочаровались в таких методах, не сумев толком их применить. Посетив бар, в котором не выплачивали заработную плату работникам, они просто передали письмо с просьбой выплатить зарплату и ушли. Конечно, после такого эффект внезапности был потерян. Когда они пришли в следующий раз, охранник бара просто попр-

сил их покинуть помещение. Они подчинились. Попробовали заблокировать работу бара пикетом – но зачем-то подали уведомление в префектуру. Конечно, там им отказали. Обнаружив свою неспособность заниматься такой деятельностью, ребята прекратили попытки. Реформистские, легалистские методы вновь показали свою несостоятельность.

В Питере «Сеть Солидарности» была гораздо эффективнее. Но проведя серию удачных акций, в конце концов они столкнулись с работодателем, который просто нанял футбольных фанатов. Те напали на активистов, которые сразу принялись угрожать заявлением в полицию – ситуация, позорная для анархистов и совершенно неприемлемая для нас. После этого ребята, видимо, были подавлены морально, и более подобных акций не проводили.

Реформизм, легализм и неготовность к насилию и лишениям никогда не оказываются эффективны.

БОРЦЫ С РЕЙДЕРАМИ

Другим интересным направлением нашей деятельности была борьба с квартирными рейдерами. Отчасти это напоминало защиту общежитий, но в меньших масштабах.

Суть проблемы заключалась в следующем. Зачастую, у квартиры может быть несколько собственников. Например, одна восьмая часть вашей квартиры может принадлежать дальнему родственнику. Или же квартира может достаться в наследство нескольким детям старого собственника, каждый из которых будет обладать долей жилья. В этой ситуации, по закону, прежде чем выставить свою долю на рынок, собственник должен предложить выкупить её, в первую очередь, другому совладельцу. И лишь потом, в случае отказа, уже может предлагать долю другим возможным покупателям. Но вот по поводу того, чтобы подарить свою долю кому-то, в законе ничего не сказано...

В результате один из собственников может просто «подарить» свою долю бандитам за денежное вознаграждение. После чего бандиты приходят в квартиру и объясняют жильцам, что им принадлежит часть квартиры. И предлагают альтернативу – или выкупайте долю по цене, выше рыночной. Или продаём квартиру и делим деньги. Конечно, никто не горит желанием продавать своё единственное жильё. И после этого начинается интересное: рейдеры выламывают двери, ломают мебель, избивают жильцов арматурами, вселяют туда каких-нибудь алкашей или бандитов. В общем, не дают жить спокойно. Приехавшая полиция разводит руками и говорит: «они тоже собственники, обращайтесь в суд».

И вот тут и появляемся мы. Мы успокаиваем рейдеров, как умеем. В случае необходимости – организовываем дежурства на квартирах.

Первую такую квартиру нашёл товарищ вскоре после ситуации с общежитиями. Жить там хозяину квартиры было невозможно, так как его регулярно подкарауливали рейдеры и нападали с арматурами. Примерно раз в неделю они пытались ворваться и в квартиру. Выламывали дверь, а один раз, кажется, даже попытались влезть в окно при помощи какой-то строительной техники (а это был этаж, кажется, девятый). Потому квартира была отдана на попечение анархистам.

К тому времени я уже имел большое количество всевозможных организационных обязанностей. Организовывал борьбу с мошенниками, демонстрации, собирал людей на мероприятия, занимался медиа-ресурсами, чем-то ещё... Многие товарищи также были заняты во всевозможных проектах, а потому сидеть безвылазно в этих квартирах мы уже не могли. Тем более, что со временем количество квартир увеличивалось, и требовалось всё большее число дежурных. На первую квартиру просто заселили симпатизирующую нам субкультурную молодёжь. В будущем организовывали заселение людей следующим образом: просто размещали объявление на наших ресурсах что есть пустая квартира, въезжайте кто хотите. Бесплатно. Бонусом идут приключения – в эту квартиру время от времени ломятся вооруженные быки, потому необходимо постоянно там находиться. В общем, идеальное предложение – жилплощадь в столице и насилие абсолютно бесплатно. Желаящие всегда находились.

Поначалу, мы просто время от времени, примерно раз в неделю, навещали обороняемое жильё. И во время очередного визита поняли, что здесь что-то не так. Стены оказались изрисованы неприличными надписями и рисунками. Мне больше всего запомнился коловрат из х*ёв, намалеванный на стене. В самой квартире обитало большое количество какой-то живности. Кажется, там было две белки, маленькая собачка, взрослая кошка, котёнок и кролик. Животные были на редкость тупые и ходили в туалет где придётся, несмотря на стоящий здесь лоток. Лишь котёнок был нормальным, и пользовался лотком

по назначению. Но это было бесполезно, так как потом в этот же лоток забирался тупой кролик, и раскидывал широкими взмахами лап его содержимое по всей квартире. Мы были немного шокированы такой картиной, и нам пришлось вести профилактические беседы с молодыми ребятами, которые уверяли нас, что животные — это их друзья, часть их политики и вообще занимал либерейшен. К счастью, профилактические беседы сыграли свою роль, ребята образумились и вскоре армия животных из квартиры исчезла. Но это не решило всех проблем — между живущими здесь ребятами постоянно возникали какие-то конфликты, на почве личной неприязни или субкультурных разборок в духе веганы против мясоедов. Приходилось ездить на квартиру уже затем, чтобы разбираться во всех этих конфликтах, на что времени тоже особо не было.

В принципе, с этой проблемой мы сталкивались ещё при защите общежитий. Там, где становилось слишком много субкультурных ребят, всё превращалось в какой-то притон. Мы рассматривали подобные места как территорию классового конфликта, где люди набирались опыта, где оформлялась структура движения, где новые люди вовлекались в анархистскую деятельность. Сами общежития и обороняемые квартиры использовались как помещения для нужд движения. Там возникали социальные центры, вписывались иногородние товарищи и тд.

Субкультурщики же видели просто весёлую тусовку. Среди субкультурных ребят тоже было много достойных людей, и некоторые из них вполне искренне интересовались анархизмом и вовлекались через такие квартиры в политический активизм. Но для большинства мотивы были сугубо корыстные — найти вписку, потусить, получить бесплатное жильё. И им плевать, как это будет выглядеть — для них вопрос развития движения не стоит. Всё превращалось в притон — обоссанные животными полы, разрисованные стены и тд. Поэтому, конечно, довольно быстро мы изменили свою политику привлечения людей. Приходилось тщательнее отбирать дежурных и контролировать

происходящее в квартирах – нужно было всё время быть на связи с хозяевами квартир, с дежурящими там ребятами, а в идеале ещё и обеспечивать присутствие наших ребят в каждой из квартир.

Заселяясь, они просто ждали появления рейдеров, после чего вызывали нас. Мы же собирали товарищей и приезжали на место большим отрядом карать злодеев.

В случае, если рейдеры уже заселились в квартиру и терроризировали местных жителей, то наше появление полностью переворачивало ситуацию. Теперь анархисты начинали терроризировать рейдеров, что заселились туда, чтобы терроризировать жильцов квартиры.

Рейдеры, несмотря на свои откровенно насильственные методы, нередко действовали сообща с ментами. Некоторые наиболее подлые банды после каждого своего нападения обращались к полиции и жаловались, что это на них напали. В этих случаях спасала видеофиксация всего происходящего – мы никогда первые не применяли насилие против бандитов, но всегда охотно отвечали им. Иногда, мы действовали на упреждение. Например, после столкновения с рейдерами заранее фиксировали повреждения. К тому времени, как рейдеры возвращались с ментами, которым уже накатали жалобу на побои, у ребят уже была справка из медпункта о полученных повреждениях. Пострадавшими в этой ситуации юридически выходили мы, но мы никогда не писали заявлений. Те уходили ни с чем.

Информация о нас распространялась, в основном, по сарафанному радио. Федеральные телеканалы были заинтересованы в съёмке телепередач о мошенниках и рейдерах, и неоднократно выходили на нас с предложениями. Предлагали высылать на наши рейды съёмочные группы, наладить постоянное сотрудничество. Думаю, это очень хорошо помогло бы нам в развитии проекта. Однако мы понимали, что эти федеральные телеканалы сотрудничают с полицией. И все кадры с рейдов вместе с лицами участников через этих журналистов окажутся у сотрудников центра «Э».

Оппозиционные же журналисты, близкие к анархистам, принципиально не писали о нас. Журналистская околоанархистская тусовка была завязана вокруг «Анархистского Действия» и феминисток, которые всюду призывали к нашему бойкоту. Иногда они могли делать репортажи о нашей деятельности и проблемах, с которыми мы боремся – не упоминая при этом о нас самих. Такое сектантство, конечно, сильно вредило общему делу. Пока мы боролись с бандитами, эти люди продолжали бороться с нами.

Тем не менее, добрыми делами, вопреки известной поговорке, прославиться можно. О нас шла хорошая молва, и вот уже нам начали писать сами москвичи, столкнувшиеся с рейдерами. Мы принципиально оказывали помощь только тем людям, которые защищали своё жильё. Мы отказывались, когда нас пытались позвать на защиту каких-то бизнес владений, или «лишних» квартир, которые не используются в качестве жилья, а будут в будущем сдаваться в аренду. Ведь в этом случае мы были бы ничем не лучше тех самых рейдеров. И мы и они рубились бы за финансовые интересы определенных сторон. Но именно эта этическая составляющая и отличала нас, что мы защищали жильё граждан и противостояли бандитам и их насилию, в то время как они рубились за бабки, за прибыль. С юридической же точки зрения они имели те же самые права.

Вскоре о нас знали, кажется, все банды рейдеров. Даже после того, как ФСБ загнало нас в подполье, и совершенно другие ребята продолжили наше дело, рейдеры (даже те, что никогда не сталкивались с нами) по привычке называли их «Соцдвижем», а ФСБ проводило рейды среди них в поисках людей, связанных с нами.

В результате, мы получили много весёлых историй, адреналина, полезного опыта, помещения для движения и новых участников, привлеченных такой благородной деятельностью. Мы долгое время пытались распространить подобную деятельность и среди иных анархистских коллективов. Однако начинающим группам, не обладающим значительным опы-

том, достаточным количеством участников и физической подготовкой это было невозможно даже в крупных городах. В провинции же, где анархистские группы зачастую могли представлять из себя трёх подростков, такая деятельность вовсе была для них недоступной.

ВЕРБОВЩИК

Мы гуляем поздним вечером по Коломенскому парку. Женёк сильно изменился после знакомства с нами – теперь он копирует наш стиль. Бритая голова, борода без усов, чёрная одежда. Парень из провинции, раньше он был нацболом. Потом разочаровался, примкнул к левакам. В конце концов, разочаровался и в леваках – мы на их фоне выглядели намного лучше.

– Да там унтера одни – угрюмо говорит Женёк о своих бывших товарищах. Он будто излучает какую-то злобу и ненависть. Замкнут, говорит мало. Но если говорит, то всегда как-то злобно. Почти и не смеётся. Лишь когда слышит о чьём-то унижении, раздаётся немного истеричный смех. Женёк тогда тянет букву А на разных высотах.

– АаАхаАхАаахаААхахаА!

Последние несколько месяцев он посещает все наши мероприятия. Этим вечером мы тусим с ним в парке, общаемся, хотим познакомиться поближе и понять, кто он и чего от него ожидать. Он ругает леваков, рассказывает о квартире, в которой жил, разные гадости о своих вчерашних товарищах. Потом пытается убедить нас, что единственный путь – вооружённые тренировки в лесах. Надо уйти в подполье и тренироваться.

– А смысл?

– Ну будет революция. Надо быть готовыми к ней.

– Ну уйдешь ты в подполье, а дальше что? Вот будем мы тренироваться все в лесах, человек сто нас. Мы замкнёмся и не будем привлекать новых людей. И мы количественно и качественно проиграем. У государства таких людей, которые тренируются – тысячи и миллионы. И их уровень подготовки гораздо выше того, что можешь себе позволить в лесу ты. Даже у нацистов таких людей сотни, потому что их тупо боль-

ше. Сейчас нужно работать вширь, расширяться, привлекать новых людей. Поэтому мы мутим, например, всю эту борьбу с рейдерами, работодателями и тд.

Женёк соглашается с нами.

Ещё одна непростая задача для любого организатора – регулярные встречи с желающими присоединиться к движению. Встречи-встречи-встречи, как много сил и времени на них уходит! Субкультурные ребята, панки и скинхеды, неформальная молодёжь или новомодные хипстеры. Порой попадают и совсем странные ребята.

Мы стоим у метро на одном из московских бульваров, поздний вечер, морозный зимний вечер. На поверхность из него поднимается наш клиент – какой-то великовозрастный роцкер в бандане с названием рок-группы и с немного глуповатым лицом. Ребята морщатся.

– Слушай, ну тут всё ясно. Ты сходи, поговори с ним, а мы тут подождём.

Тяжело вздыхаю. Опять они сваливают всё на меня. Как всегда...Подхожу к нему. Недолго общаемся, и становится очевидным, что это совсем не наш клиент.

– Ну... а ты читал что-то из анархистских теоретиков? Классиков может?

Он радостно кивает.

– Да. Я знаю Кро... Кропотника. И Бунина.

– Хм. Да, это хорошие, уважаемые теоретики. Бунин и Кропотник... Знаешь что? На самом деле, мы просто медиа-ресурс. У нас никакой организации нет. Но в Москве есть настоящая анархистская организация. Они делают много всего, прям активность у них – охуеть. Им, мне кажется, нужны такие люди как ты. Ты слышал про «Анархистское Действие»? Загугли, попробуй к ним обратиться. – Спасибо! – он радостно улыбается. Вскоре, уезжает домой. Я возвращаюсь к ребятам.

- Ну что? Чё скажешь?
- Ну... Он Бунина и Кропотника читал.

* * *

С этими ребятами мы уже встречались. Оба они живут на моём районе, а потому попали под мою ответственность. Простые парни, какой-то молодой студент и спортивного вида неформал примерно моего возраста. Гуляем вечером по району, расклеиваем листовки, рисуем трафареты. Не то, чтобы от этого было много пользы. Но это хороший начальный шаг для новичков. Во время таких рейдов можно с ними пообщаться побольше.

– А почему вы заинтересовались анархизмом?

– Ну я искал куда прибиться – отвечает студент – я ходил в бойцовский клуб. Вы не ходите в бойцовские клубы?

– Нет.

– Зря. Их много в Москве. Но в нашем клубе совсем немного народу. Мы пиздили там друг с другом... и я потом иду домой. И вижу вашу листовку. Я прочитал, мне понравилось, стало интересно.

– Вот-вот. Мне скучно, понимаешь – говорит неформал. – В смысле?

– Ну, как я живу? Дом, работа, ничего не происходит. Мне хочется чего-то большего. Я увидел вас в интернете, как вы боретесь с бандитами. Это очень здорово, это то, чем я хотел бы заниматься.

Мне нравится его честность. Он говорит прямо и без обиняков. Такие мотивы, на самом деле – у большинства из нас, когда мы только приходим в движение. Это скучно и уныло, жить иначе. Я чужд тому снобистскому чувству превосходства над «обывалами», но сам бы я как они жить не смог. Я бы сошёл с ума, спился, вскрылся, уехал бы куда-нибудь далеко, если бы не вся эта деятельность. Фильмы и книги рассказывают нам о героях, задают модели поведения. А жизнь твердит,

что ничего героического и особенного с тобой не будет. Самое большое приключение в твоей жизни – это туризм. В горы или в Париж, сфотографироваться на фоне Эйфелевой башни, или на горной вершине, и выложить это в инстаграм, где миллионы таких же фотографий. Самое большое приключение в твоей жизни. Не хочу этого. Я понимаю его, этого парня.

Большинство же ребят, когда только приходят, несут какую-то претенциозную пафосную чушь, которой не соответствуют на деле. Они с жаром будут доказывать тебе свою приверженность анархизму, а завтра переобучатся в нацизм, коммунизм или что угодно.

– То есть ты не анархист так-то по взглядам?

– Не совсем. Ну мне интересно это, но я скорее симпатизирующий. Что можно почитать по теме?

Нагружаю его списком литературы. Никто из новичков, кажется, не читал так много, как он. Вскоре он действительно проникнется идеями анархизма. И никто из новеньких, пожалуй, не кидался с таким жаром в деятельность, не брал на себя столько обязанностей. Этому парню было действительно интересно попробовать всё самому. За короткий период прошёл многое, набрался опыта, и сам стал хорошим организатором. Его активность и преданность делу могли, пожалуй, сравниться лишь с его скромностью и беззлобностью. Сильный и спортивный, но вместе с тем добрый и спокойный парень, не стремившийся к субкультурному авторитету. Он напоминал мне более всего, пожалуй, Данилу Багрова из «Брата» – такой 100% русский герой.

Субкультурные ребята, которые не делали и десятую часть того, что брал на себя он, бывало старались поставить себя выше его, подчеркнуть своё место в субкультурной иерархии. Он просто добродушно пожимал плечами и продолжал делать то, что делал. Субкультурные ребята уходили, он оставался. Лучшие люди вообще приходят не из субкультуры.

Сильный добрый человек, спокойно делающий то, что нужно сделать. Он всегда вызывал моё восхищение. Из такого человека вышел бы гораздо лучший герой повествования, чем из меня.

АКТИВИСТСКИЕ БУДНИ 2013

Арсенал наших методов был достаточно широк: мы посещали локальные социальные конфликты – забастовки, протесты против точечной застройки или вырубки парков; проводили легальные и несанкционированные акции – шествия, пикеты, митинги; организовывали лекции и спортивные турниры; в Москве при активном участии активистов АДСР был создан анархистский вегетарианский клуб Project V, где проводились концерты и просветительские мероприятия... В общем, охват деятельности был большим.

Помимо «Анархистского Действия (социально-революционного)», в Москве действовала довольно крупная формация «Красно-черный блок», стоящая на схожих позициях революционного социального анархизма. Но, в отличии от АДСР, КЧБ был, скорее, большой тусовкой, где не было чёткого членства и обязанностей. Дезорганизованность КЧБ с лихвой компенсировалась количеством и качеством – через него за пару лет существования прошло, должно быть, человек двести, одновременно к нему могли причислять себя под сотню активистов. Всегда было много субкультурной молодёжи и боевых спортивных ребят из антифашистских кругов, что политизировались и увлекались анархизмом.

Действовал простой принцип «кому больше надо, тот и делает», и в этом было, наверное, самое слабое место КЧБ. Больше всех, как правило, было нужно мне. Не то, чтобы я занимался вообще всем. Многие мероприятия и проекты проводились в принципе без моего участия. Также, как и обозначения меня как «лидера» этих структур, тоже совсем неверно. Со временем, у меня появился определенный авторитет, как у деятельного товарища, организующего большое количество различных

проектов. Но я никогда не принимал каких-либо решений самостоятельно. Все решения принимались коллективно. Тем более, что я в принципе не являюсь человеком, который может стать каким-то субкультурным лидером. У меня не было качеств, которые ценятся в субкультурной среде – я недостаточно харизматичен для этого, я далёк от субкультуры, я не являюсь каким-то уличным бойцом или спортсменом.

Более того, я в принципе был слишком не уверен в себе. Знаете, это вот как ты растёшь, и вокруг тебя какой-то мир со своими правилами. И ты не до конца уверен, что понимаешь их. Ты вообще не понимаешь, откуда окружающие знают, что нормально, а что нет, как им вести себя. Ты подвергаешь сомнению все свои слова, поступки, идеи. Сомневаешься в них, и постоянно спрашиваешь себя «бля, а не ебанутый ли я? Не несу ли я хуйню? А эта идея, она вообще нормальная?». Чтобы понять, что идея нормальная, нужно одобрение окружающих, которые подтвердят – да, ты нормально придумал. Ну, или скажут – нет, это плохая мысль.

Потом понимаешь, что это вовсе не так работает – что это не ты отдельно, а социум отдельно. Каждый отдельно, и точно также сомневается. И как раз те ребята, что хотят показать себя наиболее уверенными, и агрессивно лезут со своим мнением и не сомневаются ни в себе, ни в чем – вот они как раз ничего не знают и не умеют. Самые лучшие люди, действительно уверенные в себе, которых я знал, как раз не боялись подчеркивать свою некомпетентность в каких-то вопросах, не боялись менять своё мнение, выслушивать других людей. Таких людей, сильных и уверенных в себе, мало. Но у них можно многому научиться, я рад, что они были с нами.

Но, в конце концов, никто не понимал, что нужно делать. То есть на словах то все в общем и целом понимают, что надо делать что-то хорошее, какие-то социальные проекты, организацию. Но когда доходит до дела, никто не понимает, с чего вообще нужно начать. Когда предлагались какие-то конкретные вещи, никто не понимал, как их осуществить в реальности.

Я тоже не понимал. Но увидев, что это не я такой слабый и растерянный, чего-то не понимаю, а все такие, я уже просто брал и делал – ведь кто-то должен.

Я не то чтобы стремился взять на себя как можно больше обязанностей. Но просто ты понимаешь, что либо это сделаешь ты, либо никто. Со временем начинаешь делать слишком много, и люди уже воспринимают тебя как человека, который и должен всё делать. И когда у них возникает какая-то идея, они вместо того чтобы реализовать её сами, предлагают сделать это тебе. Это всегда раздражало меня.

* * *

В самом начале существования АДСР мне пришлось, совершенно внезапно для себя, организовывать несанкционированную демонстрацию на годовщину революции. Я вообще не видел смысла в демонстрации 7 ноября, но собрание АДСР решило иначе. Двое товарищей вызвались организовать её. За неделю до запланированной даты выясняется, что они ничего не сделали. Только связались с красными организациями, договорившись, что анархисты примут участие отдельным блоком в их демонстрации. Вопросом организации блока никто, конечно, не занялся. А здесь, до кучи, ещё и власти запретили красным их марш. Товарищи сложили с себя обязанности и сказали что не будут ничего делать. В то время, как мероприятие от нас уже анонсировано. Пришлось проявлять инициативу.

Первым делом, пошёл на собрание красного оргкомитета. Зрелище стрёмное – дедки в советских пиджаках, заставшие, должно быть, ещё Сталина, и молодые марксисты в растянутых свитерах обсуждали свои планы. «Наша акция законна, и любые попытки помешать её проведению со стороны полиции будут преступны. Мы призовём людей собраться в определенном месте и двинемся демонстрацией...». Услышав такие предложения, я немного опешил. На вопрос, почему бы не собрать людей в неизвестной для ментов точке, красные деды засмеялись.

«Это же невозможно! Вас всех прослушивают, как вы не понимаете. Полиция будет знать, где вы планируете собраться!»

Они очень рассчитывали на присутствие большого количества анархистской молодёжи. Но мне, почему-то, выводить людей под стопроцентное задержание без какого-либо смысла не очень хотелось.

Понял, что обсуждать что-то с дедами бессмысленно. Ничего не сказав красным, последующие дни я встречался с большим количеством знакомых анархистов и антифашистов, которым сообщал место и время несанкционированной акции. Бегать за каждым было невозможно, поэтому, как правило, я писал ребятам через сервис одноразовых сообщений, которые могут быть прочитаны лишь единожды, что с такого-то по такое-то время буду находиться в таком-то кафе. Приходите, есть важная информация. Так удалось оповестить несколько десятков человек.

Ночами, когда возвращался домой, занимался раскруткой готовящегося мероприятия. Делал какие-то кривые афиши, совершенно не умея работать в фотешопе. Монтировал видео-ролики с призывом к участию в демонстрации. Нашёл товарища, который изготовил макет баннера, но слишком поздно – его не успевали распечатать. К счастью, другой товарищ спохватился и параллельно сам изготовил свой баннер. Заготовил достаточное количество пиротехники. Ещё какую-то часть принесли другие участники демонстрации.

Чтобы усыпить бдительность красных и полицаев, которые знали, что анархисты тоже что-то планируют, публично объявил, что анархисты будут собираться на станции метро «Белорусская». Красные призвали собраться на соседней «Краснопресненской», так что место сбора должно было навлечь полицаев на мысль, что мы собираемся присоединиться к красному маршу.

План был прост – полиция будет ждать на «Краснопресненской», где сбор объявили коммунисты, и на «Белорусской», где сбор объявили анархисты. Вероятно, на «Белорусскую» придёт

большое количество людей, узнавших о демонстрации из интернета. Поэтому там должны быть и наши ребята, которые будут всех аккуратно перенаправлять на «Бауманскую», где тем временем соберемся мы. Там и состоится наша демонстрация.

В последний вечер, 6 ноября, АДСР вызвало меня на экстренное собрание. Вообще, я звал их встретиться со мной в предыдущие дни, чтобы организовать мероприятие вместе. Но тогда никто не проявил энтузиазма. Теперь же, менее чем за сутки до даты, они встретились, чтобы узнать, где и когда состоится шествие.

«Кто принимал эти решения? Почему организация не в курсе» недовольно спрашивали они. Такая бюрократия шокировала. По мнению бюрократов, уже заявленная демонстрация скорее не должна была состояться, чем была бы организована по чьей-то личной инициативе.

Покритиковав меня за организацию шествия, они, тем не менее, решили к нему присоединиться. Постановили послать на «Белорусскую», оповещать народ, двух не совсем адекватных и немного безумных мужичков лет сорока, непонятно откуда взявшихся и постоянно косячащих.

– Ээээ... может не стоит?

– Почему это? Пусть сделают!

Я знал, что ничего они не сделают. Тем не менее, подробно проинструктировал. Они должны находиться на «Белорусской» с 19.30 до 19.45, направляя людей на «Бауманскую». Мы же в 19.30 на «Бауманской» начинаем подготовку к демонстрации.

Наконец, наступает 7 ноября. Красные собираются на «Краснопресненской», где их, ожидаемо, принимают менты. На выходе из «Белорусской» – армия ОМОНа ждёт анархистов. На часах 19.30, мы собираемся на «Бауманской». Люди подъезжают по одному, я направляю их на выход, где их разводят по дворам небольшими компаниями до часа X. Подъезжает очередной поезд, двери открываются... и я вижу двух этих мужичков, которые прямо сейчас должны быть на «Белорусской», встречать людей и перенаправлять их сюда. На мой удивлённый взгляд и вопрос «блядь, хули вы здесь делаете, вы где должны

быть», они виновато разводят руками и говорят «извини, мы поняли, что не успеем на общий сбор, если будем стоять на «Белорусской» до 19.45».

Ну, как я и предполагал. Пытаюсь понять, как исправить последствия бюрократического вмешательства. Сейчас на «Белорусской» куча ребят, и если их не увести, вполне возможно, что их примет ОМОН. Телефоны на несанкционированных акциях — это в принципе харам, но ещё больший харам — если людей задержат. Собираю и включаю разобранный ранее телефон, начинаю обзванивать знакомых, аккуратно интересуясь, где они находятся в эту минуту. Нахожу тех, кто на «Белорусской». Координирую их уезжать оттуда и уводить людей, кого найдут. Кого-то удалось даже перенаправить на «Бауманскую».

Из-за ошибки дорогих товарищей, многие так и не добрались до места. Тем не менее, по личным контактам за несколько дней до этого мне удалось оповестить под сотню человек. Сейчас здесь около пятидесяти. Этого хватает. Растягиваем баннер, зажигаем пиротехнику, выходим на проезжую часть.

Демонстрация получилась яркой и красивой, попала в СМИ. Её опубликовали даже наши оппоненты из «Анархистского Действия». Накануне демонстрации, они выпустили целое заявление, что анархисты никаких мероприятий в этот день не готовят. И даже принялись вычислять людей, собирающихся присоединиться к нам, и объяснять им, что мы фашисты, и участвовать в наших акциях не надо. Теперь, отчёт о шествии они опубликовали от имени «анархистов», то есть себя. В этом была ещё одна проблема — у нас практически не было собственных развитых медиа-площадок. После раскола все ресурсы организации остались за оппонентами, и нам пришлось, поначалу, создавать новые с нуля. Это было затруднительно, учитывая, что АД, обладая более крупной площадкой, просто публиковали наши тексты и акции как свои собственные. Всем

ресурсам же, что с нами сотрудничали, тщательно разъяснялось, что мы «фашисты». Как в этих условиях развиваться?

Впрочем, вскоре нам достался небольшой субкультурный паблик на пару тысяч подписчиков, который и был переделан под страницу АДСР. Работать в социальных сетях анархисты в принципе не умели, и медиа-площадки анархистов выглядели очень плохо. Немного потрудившись, мы смогли создать приличное анархистское медиа, которое довольно быстро набрало популярность и обогнало конкурентов.

Каждый вечер публиковались интересные статьи на актуальные темы. Регулярно оформлялись новости о происходящем в стране. Это не была банальная копипаста с крупных СМИ, как у других анархистов. Мы оформляли новости, разбирая их с анархистской точки зрения. Внезапно, это стрельнуло – количество читателей постоянно росло, наши тексты разлетались, их репостили сотни людей и довольно крупные ресурсы. Анархистская критика существующего порядка оказалась востребованной.

Это ежедневно отнимало много сил и времени, но, думаю, оно того стоило – мы создали приличную площадку для распространения анархистских идей, которую читали десятки тысяч людей. Многие хорошие активисты, появившиеся впоследствии, стали анархистами именно через чтение наших ресурсов. Медиа-работой занималась целая команда людей, но основной поток статей и новостей и координация всей команды были на мне, что, вкуче с прочими обязанностями, практически не оставляло уже никакого свободного времени. Но мы, практически с нуля, смогли создать крупный и популярный анархистский ресурс, оставив конкурентов далеко позади. В какой-то момент наши площадки стали основным рупором анархистского движения.

* * *

Мне приходилось заниматься также пиаром и организацией демонстраций. Большая часть анархистов и антифашистов Мо-

сквы выходили на демонстрации в составе наших блоков, и это только подогревало нападки на нас со стороны оппонентов. Чем меньше людей собирали их собственные мероприятия, тем активнее они обвиняли нас в фашизме, сексизме, гомофобии и прочих воображаемых грехах. Мы же со своей стороны критиковали их за либерализм и реформизм.

Очередной конфликт разгорелся накануне антифашистской демонстрации памяти убитых антифашистов. Формально, она должна была проходить без «партийных» лозунгов и символики, чтобы объединить всех людей антифашистских взглядов. На практике же либералы и ЛГБТ открыто демонстрировали свою символику. Фактически, запрет касался только анархистов и левых. Когда мы решили сформировать на очередной демонстрации антикапиталистический блок под анархистскими лозунгами, «Анархистское Действие» и троцкисты из «Российского Социалистического Движения», входившие в оргкомитет, подняли скандал. Отстаивая право либералов на пользование своей символикой («от них зависит, будет ли согласована демонстрация, а потому мы должны просто принять это»), они пытались запретить её анархистам («либералы просто не захотят иметь с нами дел в будущем, если вы выйдете под анархистскими лозунгами»). Но сила и количество были на нашей стороне, потому им пришлось смириться с присутствием анархистского блока. Было довольно смешно – престарелые либералы подбегали с возмущенным видом, чтобы наставить нас на путь истинный и объяснить, что капитализм – единственный путь к счастью и свободе. Лев Пономарёв, лидер движения за права человека, добродушно успокаивал их: «ребята ещё молодые, горячие. Повзрелеют – поймут. С ними работать надо...».

Многие были возмущены, что шествие памяти павших товарищей превратилось в либеральное шоу. Оргкомитет шествия даже спросил у нас: «что мы можем сделать, чтобы вы нас не разогнали?». Я никогда ещё так не смеялся. Впрочем, многие товарищи действительно были настроены в подобном ключе, пришлось их успокаивать. Сейчас мне кажется, что зря мы это сделали.

АНАРХИСТЫ И МАЙДАН

Начавшийся Майдан только усугубил расколы в антифашистской среде. Многие отправились в Украину, чтобы поддержать украинский народ в борьбе с диктатурой. Я же был уже слишком загружен организационной работой в Москве. Тем не менее, мы приложили немало усилий для поддержки Майдана в России. Помимо постоянной информационной поддержки, провели акции в поддержку восставшего народа. Забросали пиротехникой посольство Украины. Организовывали анархистские блоки на антивоенных маршах против российской интервенции в Крыму и на Донбассе. Пропагандистские каналы всю использовали кадры, на которых толпа молодежи под анархо-коммунистическими чёрно-красными флагами скандирует «Небесной Сотне – слава!». Конечно, нас окрестили бандеровцами. В политизированной среде, где всё более распространялись имперские настроения, вдохновленные «русской весной», мы тоже стали восприниматься как «национал-предатели». Это было здорово!

На втором Марше Мира мы выстроили большую чёрную колонну анархистов – все в черных одеждах и под чёрными флагами. Хотели тогда кричать лозунги нараспев, на манер американских военных, но скучные бюрократы из организации убедили, что не надо этого делать. «Это будет выглядеть, как будто бы мы за США!».

«Патриоты» выстроились вдоль ограждений, освистывая демонстрацию. Наше появление приводило к какой-то животной ненависти. Нацболы под флагами ДНР, завидев нас, начали скандировать «Фашизм не пройдёт!», имея в виду, что мы связанные с «Киевской Хунтой» фашисты. «Фашизм не пройдёт!»

отвечали мы им, имея в виду, что они сами ультраправые фашисты, поддержавшие российский империализм.

Сборище продонбассовских ультраправых фанатов, завидев нас, разразились озлобленным воем. Но между нами стоял ОМОН, и никакой стычки не случилось. Зато случился небольшой конфликт с проукраински настроенными ультраправыми, с которыми наша колонна в какой-то момент поравнялась. Оттуда выбежали малолетние нацисты, зиганули, и убежали обратно под защиту правого блока. Начался бедлам, мы остановились на какое-то время перед их колонной, не давая им двигаться дальше, и разразились взаимной руганью. Какой-то худой мужичок среднего возраста спрашивал «вы что, евреи?». «Да, я еврей, и что?» – отвечал ему анархист. Мужичок запрокинул глаза к небу, распростёр руки и стал орать «они еврееееееииии!!». Такого количества дегенератов, как в ультраправом блоке, я в принципе никогда не видел.

Впрочем, разошлись без драки.

Конечно, конфликты не ограничивались демонстрациями. Когда нацболы вошли в состав титушек из «Оплота», что забрасывали демонстрантов на Майдане взрывпакетами, начиненными гвоздями, мы обсуждали возможность вылавливать нацболов здесь, в Москве. Это, в принципе, было бы несложно. Незадолго до этих событий лидер московских нацболов Авдюшенко повстречался нам в кафе. Товарищу не понравилась одежда ультраправой марки у этого персонажа, поэтому во время очередного перекура на улице Авдюшенко пришлось забиться в угол до приезда полиции.

Во время обсуждения темы в одном из московских кафе, нам повезло. Внезапно, за соседним столиком оказался Александр Аверин – тогда пресс-секретарь «Другой России»⁹², а впоследствии один из лидеров партии. А мы как раз обсуждали, как было бы неплохо его встретить. Поэтому, увидев его по соседству, одевающегося и выходящего из кафе, мы, не сго-

⁹² «Другая Россия» – название партии национал-большевиков в 2010–2020 годах

вариваясь, вскочили и выскочили следом. Не стали его бить, но немного унизили на камеру на улице. Его товарищ тем временем всё грозился вызвать полицию.

Более суровыми ребятами были те из антифашистов, что заняли пророссийские позиции. После нашего участия в антивоенных маршах один из них разразился было оскорблениями в наш адрес, и на предложение прийти и выразить все претензии не придумал ничего лучше, чем ворваться с товарищами в наш клуб, устроив разборки прямо во время лекции. Ну, каков привет, таков и ответ — когда какие-то типы ворвались в клуб, и передний из них налетел на меня, я рубанул его мачетом. Его товарищ же сломал мне нос. В целом, моё поведение в ситуации не было героическим — мы вышли на улицу, где мой товарищ побил одного из нападавших, меня же свалил на землю двумя ударами в голову другой патриот.

На следующий день возвращать деньги жертвам мошенников поехал со сломанным носом и посиневшим лицом. В офисе нас встретил эковского вида персонаж с таким же синим побитым лицом, и его, кажется, это очень повеселило. Косился в мою сторону и понимающе хихикал. — Ну я то в аварию попал. А у тебя что? — язвительно спрашивал мошенник, когда уже согласился вернуть деньги обманутому парню.

— Да, приходится иногда махать, — ответил товарищ, и продемонстрировал бандиту палец, поврежденный о зубы одного троцкиста.

— Это весело, спортивно молодёжно, мы любим такое.

Мошенник уважительно кивнул и вернул бабки.

Тогда же нас обвиняли, что мы начали волну насилия против сторонников Новороссии. На самом деле, было несколько единичных случаев насилия против таких ребят, но связаны чаще они были не с их политической позицией, но с тем, что они распространяли дезинформацию (вроде того, что мы воюем в составе батальона «Азов» на Донбассе), или просто оскорбляли нас. Эти единичные случаи, вкупе с нашей промайданной позицией и репутацией радикалов, привели к тому,

что в какой-то момент любое насилие против сторонников ЛДНР стали записывать на наш счёт. Но это было довольно далеко от правды.

В Украине существовали сильные анархистские и антифашистские движения. Но они оказались совершенно неготовы к революционным событиям. Многочисленные колонны анархистов, ранее выходящие на улицы по памятным датам, куда-то исчезли. Одни обвиняли Майдан в «буржуазности», ведь протестующие рубятся за смену власти. Это не по анархии. Но однажды рабочие организуют всеобщую забастовку, и вот тогда анархистам будет не западло к ней присоединиться... Другие плевались от Майдана, потому что в нём участвовали нацисты. Третьи занимались неумными выходками, проводя перфомансы против «славы, гордости, чести» на Майдане, в то время как люди бились с полицией.

Тем не менее, многие анархисты и антифашисты России и Украины пытались организовать на Майдане. Но...

Сперва феминистки, в разгар бунта, разослали письма в Европу с обличением «в фашизме» участвующих в Майдане анархистов. Непонятно, зачем было это сделано, и почему именно в такое время, но феминистки призвали европейцев не оказывать поддержку «ненастоящим анархистам».

Затем, анархисты были изгнаны с Майдана превосходящими их количественно правыми. Когда анархисты собрали свою «сотню» и стояли на Майдане для принятия присяги, туда явилось огромное количество нацистов с топорами и прочими аргументами, и поставили ультиматум – или «шавки» убираются, или будет сеча. Коменданты «Майдана», видя, что сила на стороне ультраправых, предпочли принять их сторону, и попросили анархистов на выход.

Пока анархисты думали, участвовать ли в Майдане, правые уже заняли там сильные позиции. Так что было слишком поздно.

Анархисты продолжили принимать участие в тех событиях в индивидуальном порядке, и гибли в боях с полицией. Но никакой самостоятельной силы так и не смогли организовать. Это привело к гибели анархистского движения в Украине после Майдана. Многие, убедившись в своём бессилии, просто прекратили заниматься чем-либо. Другие встали на националистические позиции.

Для нас это стало очередным сигналом о том, что необходимо сильное организованное движение, имеющее чёткую стратегию, организаторский опыт и готовность к конфронтации с государством и другими оппонентами.

Поведение ультраправых на Майдане казалось образцом того, как вообще нужно вести себя при восстании. Как мы должны были вести себя во время белоленточных протестов. Собрав костяк радикальной молодёжи, они послали к чёрту всех лидеров протеста, клеймивших их провокаторами, и ринулись с головой в бой с полицией. Довольно быстро слава «Правого Сектора» привлекла к ним симпатии всех сколь-либо радикально настроенных людей.

Но для таких результатов недостаточно одного радикализма. Нужна организованность, нужна некоторая публичность, чтобы привлекать новых людей, и нужен опыт конфронтации и координации.

Перед глазами стоял и другой пример – во Львове левые антиавторитарные националисты из движения «Автономный Опиr», близкие к анархизму, имея гораздо более серьёзную организацию, смогли оказать влияние на происходящие события. Несмотря на идейные конфликты, мы всегда уважали их за организованность и дела. Они успешно противостояли нацистам, и участвовали во всех основных событиях местного Майдана – захвате городской администрации и «ночи гнева», когда протестующие захватывали здания МВД и прочие объекты. Фотографии людей с анархистской символикой на улицах восставшего города и разгромленные помещения городской власти не могли не вдохновлять всех честно настроенных революционеров.

Они призывали к углублению революции, и вносили в Майдан социальную повестку. Вскоре на западе Украины работники стали захватывать предприятия, заводы, рынки. И, как мне кажется, «Опир» имел шансы на то, чтобы стать действительно массовым народным движением. Но с вторжением России всё большее значение стала играть патриотическая повестка, на которую повелись и опировцы. На патриотическом поле же у них было достаточно конкурентов. Спустя несколько лет они растеряли все свои позиции.

К сожалению, и в этих условиях многие анархисты стали атаковать «Опир». Люди, существующие только в интернете, но обладающие относительно крупными медиа-площадками, доказывали, что анархисты не должны поддерживать этих ребят, поскольку те пользуются неправильной символикой. Против «Опира» развернулась настоящая кампания. Происходило это в самые решающие моменты борьбы. Мы сами довольно критически поддерживали «Опир», критикуя его национализм и русофобию, но признавая его наиболее прогрессивной силой в регионе.

Главным врагом анархизма являются сами анархисты. Большое количество из них в принципе не заинтересованы в революции и развитии движения, не занимаются никакой деятельностью, но испытывают интерес к склокам и конфликтам. И в моменты репрессий или массовых выступлений они пытаются лишить поддержки в критической ситуации тех, кто в ней нуждается.

Первыми, кто встанет на вашем пути, если вы будете эффективны, будут не менты или нацисты, но сами анархисты.

ANTIFA-BONEHEADS

Испытали это на себе и мы. Оппоненты, казалось, свели всю деятельность к попыткам изолировать нас, доказать всем, что мы ненастоящие анархисты. Дошло до того, что участники Анархистского Чёрного Креста – организации, в Москве связанной с Анархистским Действием и провозглашающей своей целью поддержку политзаключенных анархистов – писали письма политзаключенным, описывая нас чуть ли не как нацистов. Мы неоднократно обращались к ним с предложением сотрудничества – но получали лишь отказ. Все попытки объяснить пагубность борьбы анархистов между собой не привели ни к чему.

Вскоре дошло до нападений. Оппоненты на первом этапе предприняли несколько попыток подавить нас через насилие, но сила оказалась на нашей стороне. Поэтому им осталось только избрать позицию жертвы и всюду выставлять себя пострадавшими.

Больше всего возмущали именно эти подлость и лицемерие. Мы часто использовали насилие, но мы никогда не отрицали это и не пытались перекладывать вину. Мы не видели в насилии в определенных случаях ничего зазорного, и применив его, прямо говорили, почему нам пришлось к нему прибегнуть. АД же боялось брать на себя ответственность за свои поступки.

Вообще в те времена было много лайтового насилия. Мы использовали его как против правых и рейдеров, так и против левых. В этой среде были приняты довольно странные нормы поведения. Люди откровенно оскорбляли друг друга, распростирали клевету, и это было в порядке вещей. Мы подошли к вопросу иначе. Мы всегда пытались говорить с людьми, объяснять неприемлемость такого поведения. И часто это работало. Но там, где это не срабатывало, приходилось их бить.

Так, один левак, распространяющий информацию о том, что мы воюем в составе «Азова», получил по лицу, и этого оказалось достаточно, чтобы он пообещал более не распространять такие слухи. На деле это не помогло, и при следующей встрече ему надавали пощёчин и отправили в качалку, где мы занимались, мыть полы.

Троцкисты из Комитета за Рабочий Интернационал выступили с оскорблениями и обвинениями нас в фашизме, заявив что «за антифашизмом КЧБ ничего нет». Это было довольно резкое заявление потому, что в КЧБ хватало антифашистов, противостоящих нацистам на улице и теряющих друзей в этой войне. На все объяснения, однако, мы получили издевательский ответ «ну и что вы теперь сделаете, в буржуазный суд пойдете?». В буржуазный суд мы не пошли, а устроили суд пролетарский, после чего нас обвинили в том, что мы являемся антифа-бонами, а в левой среде поднялась паника. Нас боялись, кажется, больше чем нацистов.

И не то, чтобы мы специально искали их. Мы либо случайно где-то встречали нехороших людей, либо могли сидеть в каком-нибудь кафе, когда нам кто-нибудь писал, что планируется мероприятие, которое собираются накрыть православные активисты, либо что кого-то из стукачей или некрасиво ведущих себя леваков заметили в каком-то заведении. Если было нечего делать, мы собирались и ехали туда.

Довольно быстро мы получили хорошую репутацию. Банда отморозенных анархистов, нападающих на вообще всех — бандитов, леваков, правых, без разницы. Пропагандистские СМИ о нас так и писали, как о наиболее радикальном крыле анархистов. Репортажи с наших мероприятий обычно описывались пропагандистами в таком духе: «здесь собрался настоящий революционный хардкор, который станет ударной силой будущего российского Майдана...»

Появилось множество хороших расследований о нас. Энтео рассказывал в интервью, что мы вместе с КПРФ готовим красный Майдан. В Государственной Думе депутатам зачитывали

доклады с описанием того, какая опасная движуха — Красно-черный блок. Журналисты «разоблачали» наши воображаемые связи с украинскими нацистами. Но самое прекрасное, пожалуй, расследование выдал дугинский «Евразийский Союз Молодёжи». Расследование называлось «Под маской анархии: фашизм и криминал». В нём утверждалось, что мы сколотили революционную секту, где людям промывают мозги скандинавским язычеством. Мы организуем нападения по всей Москве, имеем боевиков за границей, и от нашего насилия страдают даже помощники депутатов. Все нападения проходят под лозунгами «За Одина! Вперёд в Вальхаллу», и каждое из них организовано лично мною. Согласно расследованию, мы занимаемся криминалом и крышуем бордели. О крышевании борделей писали также некоторые журналисты, утверждая о перестрелках и криминальных разборках с нашим участием.

На крупных антимайданных митингах, проходящих в Москве, выступали молодые патриоты, истерично визжащие со сцены: «анархисты поддерживают Майдан! Убить всех анархистов!».

Это были очень хорошие расследования и прекрасная истерика. Нам нравилась такая атмосфера. Чем больше насилия мы делали, чем больше нас осуждали, тем больше людей шло к нам. Все любят насилие. Занимайтесь насилием, и вокруг вас всегда будет много хороших людей.

* * *

Наконец, удалось подловить и Энтео. Впрочем, было не особо интересно. По окончанию нашего первомайского митинга, мы раздумывали, чем-бы заняться. И вспомнили, что неподалёку проходит первомай АД и троцкистов. Туда, из года в год, традиционно приходили бороться с «содомитами» Дмитрий Энтео с соратниками. Решили, что наконец удастся поймать его.

Выйдя из метро «Маяковская», видим митинг под радужными и красными флагами. Совсем немного народу, человек 50. И совсем небольшая группа православных, человек пять,

наверное, во главе с Энтео. Спровоцировать православных было легко.

– Блядь, по Москве уже не пройти! Выйдешь из метро, и петухи кругом: там радужные, здесь православные! – громко возмутился товарищ, проходя мимо православных.

Сам Энтео стоял молча в сторонке, зато замечание оскорбило жирного грузина из его компании. Но начавшуюся было драку через секунду прекратили сбежавшиеся отовсюду менты. Впрочем, сам Энтео выглядел осадившимся. Вот так, нас «Анархистское Действие» фашистами называло, а мы его мероприятия от гомофобов защищали, можно сказать.

Потом тусили неподалёку. Парочка парней хипстерского вида, идущих с мероприятия АД, обернулись к нам и робко спросили:

- Простите, а вы из АДСР?
- А что такое? Ты пизды хочешь?
- Нет, нет, ничего, простите.

НА АБОРДАЖ!

В комнату входит парень в куртке с питбулем.

— Бля, пацаны, это лучший косплей тюремной хаты, что я видел!

Нас что-то около пятнадцати человек. Разобрали шконки, подшучиваем друг над другом по тюремным понятиям. Играет, кажется, Высоцкий. Мы же играем в «дурака». К проигравшей щуплой девушке выстраивается целая очередь спортивного вида парней и девчонок. Каждый лупит её по лицу. После игра продолжается. Играем на пощёчины. И если уметь правильно их пробивать, то звучит это совсем не так безобидно. Ведём себя быдловато, местные в шоке. Пробовали играть с нами, но проиграв один раз и наполучав по лицу, поднимаются со стеклянными глазами и молча уходят. Что с них взять, интеллигенция — какие-то педагоги, студенты. Зато на глазах меняются молодые ребята. Если в первый день они крайне неуверенны, стесняются лупить друг друга, то к концу второго дня уже никого не жалеют. Проиграв же, орут с бешеными глазами «давай, сука, бей сильнее», и гогочут, получая по лицу.

Здесь же тренировки — бокс, ножевой бой. Здоровяк из нашей компании немного растерян отсутствием снарядов для качалки. Вскоре находит выход — берёт одну из невысоких девушек, и использует её вместо штанги. Я обыгрываю местных в шахматы. По вечерам играем в настольные игры, смотрим фильмы. Какой-нибудь «Беспредел» или «Груз 200». В самые стрёмные моменты, которые заставляют местных серьёзно напрягаться, мы довольно гогочем при виде насилия, поножовщины и прочей жести на экране. На нас смотрят, как на психов. Ну, мы, кажется, и правда больше похожи на сборище

каких-то отморожков. Это хорошо, революционная молодёжь и должна так выглядеть.

Приезжают две феминистки. Заходят в нашу комнату и видят картину – стоят два огромных мужика над девушкой, ржут и лупят её по лицу. Ничего не понимают, но лишний раз убеждаются, что мы сексисты. Ничего они не понимают в революционной атмосфере!

Так, день за днём, мы несём дежурство на дебаркадере. Дом-на-воде – уникальное место, здесь базируются люди из института Монтрессори. Какая-то особенная педагогическая система. Вроде как по ней из самых безнадёжных детей воспитывают гениев. И вот власти Москвы решили очистить столицу от всех дебаркадеров. Мы, недолго думая, собрались и пригнали в это волшебное место. От берега на борт прокинута узкая доска, по которой и нужно проходить на дебаркадер. В случае штурма судна государевыми псами, можно просто скинуть доску в Москву-реку.

Однажды к Дому-на-воде подплыло правительственное судно – должны были брать нас на бордаж, зацепить крючьями и отбуксовать на стоянку для дебаркадеров. Мы в предвкушении, вооружились мачетами, топорами, приготовились отбивать штурм и рубить канаты. Здесь же на судне нашли огромные деревянные щиты каких-то реконструкторов. Дополнили вооружение ими. Ну, теперь мы настоящие викинги. Вперёд в Вальхаллу!

Ждём абордажа. Он, к сожалению, не состоялся. Государевы псы уплывают. Мы продолжаем тусить на дебаркадере.

Здесь всегда было полно интересных людей. Например, смуглый черноволосый парень по имени Иван увлекался славянской историей, в свободное время занимался реконструкцией, и прожужжал обитателям дебаркадера все уши о выставках, которые устраивало его историческое общество. И рекон-

струкцией его интерес не ограничивался. Вскоре он уже вещал «истинную» историю славян, основанную на крайне сомнительных источниках. А там где славяно-арийские веды, там и... правильно, парень оказался русским националистом. Вскоре, правда, выяснилось, что звали его, кажется, Ваган, и был он армянином. Он очень обижался, когда его называли по настоящему имени. Ваган очень хотел быть русским. А потому был готов поверить в самые дремучие мифы долбославов об истории славянства. Политический национализм виделся ему лучшим способом доказать свою русскость.

Другим занимательным персонажем был Поклонная Гора. Как-то вечером, когда мы отдыхали в комнате, в неё ввели грязного парня с неопрятными патлами и безумным блуждающим взглядом. Местные презентовали его как очередного добровольца, прибывшего защищать дебаркадер. Новенький сказал, что его зовут Поклонная Гора. Он только что приехал из Индии, где жил в наркокоммуне последние десять лет. Там Поклонная Гора долбил кислоту и изучал основы мироздания. После десяти лет учёбы, Гора достиг просвещения, и осознал, кажется, вообще всё. И теперь он был не человеком, но всей вселенной – Кришной, Шивой, космосом. На моменте, когда он начал рассказывать об устройстве космоса, мы все под разными предлогами вежливо вышли «по делам». Оставшись в комнате один, Гора продолжал очень энергично рассказывать о своём визите в иные миры. То ли он не заметил, что мы вышли, то ли вёл разговор со вселенной.

В последующие дни он поведал нам о своей прошлой жизни, когда он был белым генералом, расстрелянным на Дальнем Востоке красноармейцами. Поначалу это было безумно весело, мы смеялись его историям, и добродушно подшучивали, но чем дальше, тем более утомительными становились его вечные приставания к людям с безумными рассказами. В конце концов, его, кажется, выгнали. Парень просто сжёг свои мозги кислотой и прочими радостями наркоманской жизни.

МИНЗДРАВ НЕ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ!

– Минздрав не предупреждает! Что идёт сокращение медиков, и медики, соответственно, нас нормально обслуживать не смогут.

Товарищ стоит с плакатом у входа в одну из московских клиник. Вокруг него образуется толпа – преимущественно, пенсионеры, но видна и молодёжь. Люди подходят по одному, парами, и вскоре всё начинает напоминать несанкционированный митинг.

– Итак уже дурдом, развод в какой раз... – вздыхает старушка.

– Надо объединяться – ходить к главврачу, давить на Минздрав, чтобы беспредел этот прекратили... Им не выгодно, чтобы было много врачей, не выгодно много больниц. А выгодно, чтобы было много денег. А чтобы было много денег, нужно сократить врачей и сократить медучреждения.

– У вас есть сайт?

– Да, у нас есть сайт, «Социальное Движение», адрес здесь на плакате написан.

– Что нужно делать? Чтобы вести эту борьбу за права врачей?

– Нужно, в первую очередь, компостировать мозги главврачу, чтобы они не давили на врачей. Давить на Минздрав, поддерживать врачей. Например, вы сходили на приём к врачу, вы сходите после к главврачу и спросите, почему мы вынуждены – мы и врачи – мы вынуждены при таких условиях существовать? Врачи не могут нормально работать, следовательно они не могут нормально нас лечить. Мы все здесь в одной повозке – простые врачи и простые люди, простые пациенты...

Глядя на толпу вокруг товарища, ещё раз по хорошему позавидовал его уверенности и харизме. Идём с другими товарищами в саму клинику. Обходим этаж за этажом, оставляя всюду листовки о последствиях медицинской реформы.

К нам обратились ребята из профсоюзов. Попросили поддержать медиков, бастующих против медицинской реформы. Новая реформа вводит какие-то неприличные стандарты для врачей, отводя им по несколько минут на обслуживание каждого пациента. Что может сделать врач за пару минут? В знак протеста в нескольких клиниках объявили «итальянскую забастовку» – работу строго по нормативам. Нормативы же таковы, что если их соблюдать, работа заведения окажется парализованной. Что и происходит. Нас просят о поддержке – ну а мы всегда легко срываемся на такие мероприятия.

Когда мы уже направляемся к выходу, на первом этаже нас догоняет администрация больницы с охраной.

- Кто вам разрешает распространять эту агитацию?
- Я сам себе разрешил.
- Пойдите, не уходите молодые люди.

Встают у нас на пути. Мы обходим их, идём ко входу, где толпится огромное число пациентов. Здесь все видят нашу дискуссию с администрацией, в неё втягиваются какие-то старушки, активно нас поддерживают. Охрана вызывает полицию, мы спокойно выходим. Меняемся с товарищем у входа – беру плакат, встаю перед входом. Мимо проходят заканчивающие смену медработницы. Благодарят за поддержку.

Наконец, приезжает полиция. – Что здесь происходит?

– Митинг, несанкционированный! Листовки раздают! С плакатом стоят! – махают руками охранники.

– Ну да, раздаём листовки, законом не запрещено. С плакатом стою я один, одиночный пикет никакого согласования не требует, его может проводить любой гражданин.

– А по какому поводу пикетируете?

– По поводу медицинской реформы. Сейчас власти проводят реформы, которые вводят какие-то нереальные нормативы

работы для врачей. Выделяют им несколько минут на каждого пациента. Так же работать невозможно!

Вспоминаю, что у ментов тоже проводятся какие-то реформы. Подумав, добавляю:

– Это же у всех бюджетников происходят. Кажется, даже в полиции, вы сами знаете.

– А вы тут при чём? Вы медработник?

– Нет, я пользуюсь их услугами. Если я завтра заболею и приду к врачу, он мне просто не сможет оказать квалифицированную помощь.

– А вы в это медучреждение ходите? Почему у него пикетируете?

– А я у всех пикетирую, по очереди. Проблема глобальная, вот и нужно не только своим медучреждением ограничиваться.

Мусора шепчутся между собой:

– А ведь у нас тоже самое будет. Ребята наверное и нас поддержат, когда реформа до нас дойдёт.

Ага, конечно. Делать нам нечего, мусоров поддерживать. Впрочем, благоразумно умалчиваю об этом своём важном мнении.

Мусора вызывают на место другой экипаж. Приезжают совсем молодые менты. Старые уезжают. Молодые стоят, наблюдают. Мы принципиально решаем дождаться ухода ментов. Проходит час... Молодой мент подходит.

– Простите, а вы долго тут будете стоять?

– Ну я решил стоять тут, пока вы не уедете. В противном случае охрана же будет вызывать вас каждый раз, когда мы будем приходить. А мы будем приходить каждый день. Оно вам надо?

– Эх, а нам сказали стоять тут и ждать, пока вы не закончите пикетирование...

Плохо. Из принципа постояли ещё полчаса, после чего свернули пикет и отправились на следующий объект. В эти дни мы регулярно будем навещать клиники.

РЕЙДЕРЫ ИЗ ПЕРМИ

Закрытый московский дворик. Здесь мы встречаемся с бандой квартирных рейдеров – несколько дней назад они позвали нас на переговоры. Все квартирные рейдеры, в принципе – конченные ублюдки. Но эти ребята уж совсем себя не уважают. Какие-то бандиты из Перми, а ведут себя... ну, запаadlo так должно быть вести себя преступникам.

Когда мы в первый раз ворвались в квартиру, удерживаемую этой бандой, там находился рейдер Роман. Он вальяжно развалился в одной из комнат на кровати, залипал в телефоне. И был очень удивлён толпе ребят, ворвавшихся к нему в комнату. Долго орал с просьбой ударить его, чтобы написать затем заявление в полицию. Ну, я бы с радостью ударил его, но понимал, зачем он хочет, чтобы его ударили, а потому отвечал ему – нет, ударь ты меня. В итоге он просто сбежал из квартиры. Во дворе его подельники поставили ему фингал, с которым он сразу же пошёл к участковому. К счастью, мы фиксировали всё происходящее. Потому участковый, взглянув на видео, и увидев, что никто Романа не бьёт, спросил его «ты ебанутый чтоль?». И ушёл.

Вселили в квартиру наших ребят. Теперь уже они не давали Роману покоя. Мы же разжились помещением в центре Москвы. Постоянно тусили здесь, играли в настольные игры, вписывали ребят. Было здорово. Роман ещё какое-то время вёл себя агрессивно – пришлось осадить его уже довольно грубыми методами. Конечно, эта мразь сразу побежала в ментовку. Также с нулевым успехом – к приезду мусоров у ребят уже была справка из травмпункта.

Наконец, Роман понял, что наша бригада покруче их банды, и начал пытаться переманить нас в свой бизнес. Предлагал

работать вместе. Естественно, мы отказались. Даже если мы решили бы заниматься криминалом, зачем нам нужны были эти лохи?

И вот, теперь он звонит, предлагает встретиться. Окей.

Выходов во дворике немного и мы сразу их перекрываем. Выходят группы наших ребят, встают в каждом из проходов. Рейдеры начинают нервничать. Товарищ подходит к ним.

– Ну, о чём хотели поговорить?

– Надо нам как-то в мире жить...

– Да, конечно. А зачем вы мужика терроризируете, жильё у него отнимаете?

– Да он гандон. Вы не видите, что он вас использует?

Разговор ни о чём. Товарищ самодовольно кивает на группки наших ребят, оцепивших двор. – Вот мы молодняк пригнали. Но это ерунда, если захотим, по звонку более серьёзных ребят вызвоним.

Товарищ выглядит очень уверенным, говорит просто. По нему видно, что говорит правду.

Рейдеры жмутся. Неуверенно и фальшиво отвечают:

– Мы же тоже можем вызвать серьёзных ребят. Но мы хотим о мире договориться...

После разговора идут в ближайший ОВД. Пишут заявление, что мы вызвали их на встречу, где угрожали.

Наверное, если бы мы хотели, могли бы уже сколотить банду и поднимать бабло на криминале. Между собой мы шутили, что пока боремся с бандитами, просто изучаем их методы, мошеннические схемы. А через какое-то время можно будет применять на практике. В принципе, мы были не против криминала самого по себе. Эти ублюдки вызывали в нас ненависть потому, что они наживались на самых слабых и беззащитных, на тех, у кого итак ничего нет.

– Хули вы делаете, вы бедных грабите, неимущих! Бедный бедного не грабь, бедный грабь богатого! Грабили бы вы буржуев охувевших, слова бы вам не сказали – говорили мы зачастую этим подонкам. Они, конечно, нас не понимали.

В их мире всё было наоборот – сильный жрёт слабого, лохи для того и нужны, чтобы обеспечить сытую жизнь богатым. В этой разнице в понимании мира и пролегла линия.

САМАЯ БЕСПОЛЕЗНАЯ ВЕЩЬ НА СВЕТЕ

Самая бесполезная вещь, которая только есть на свете – это марксисты. Живут себе в своём книжном мирке, зачитываются Лениным. Изначально АДСР, как и «Анархистское Действие», позиционировалось, как организация «анархистов и либертарных марксистов». Марксисты откололись от «Анархистского Действия» вместе с нами, но ввиду полной бесполезности довольно быстро были отписаны.

Самый одиозный, наверное, персонаж, приходил на все собрания с томиком Сталина. Пока все обсуждали какие-то действия, он сидел в углу, уткнувшись в книгу вождя народов, постигал «науку» марксизма. Позвал я как-то его встречаться с пострадавшими от действий мошенников. Аналогичный результат. Демонстративно отвернулся от всех, достал Сталина, и начал обмазываться им прямо при всех. После обсуждения, когда пострадавшие ушли, говорит мне:

– Зачем им помогать? Лучше давайте изучать «Капитал», коллективно читать его.

Естественно, деньги выбивать с нами не пошёл.

Он всюду писал о мелкобуржуазности анархистов, грезил тем, как очистит от нас АДСР. Получилось, правда, ровно наоборот. Это сильно обидело аполитичного богемного поэта, также доставшегося нам в наследство от «Анархистского Действия». Поэт прямо заявлял, что на анархизм ему плевать. Напившись, подходил ко мне и заявлял: «слушай, вы вообще крутые ребята, и делаете нормальные акции. Но вот нафига вам весь этот анархизм? Надо делать как нацболы, мутить акции ради самих акций, без этого политического сектанства».

Такие люди достались нам от АД... К счастью, этот персонаж, обидевшись за отписку из организации сталинистов, вскоре вышел сам.

Другой марксист мимикрировал под анархиста, и объяснял всем, что Ленин и Маркс — это анархистские теоретики. Якобы, они понимали «диктатуру пролетариата» как анархию. Помню, сидели тогда в кафе компанией. У меня оказался с собой томик работ Ленина. На такие сильные заявления просто достал книгу, открыл на нужной странице. Вслух зачитываю отрывок из Ленина о том, как он понимает «диктатуру пролетариата» — в ключе единоличной диктатуры вождя. Марксист сидит с каменным лицом. — Ленин такого не писал.

Все взрываются смехом. Книга идёт по кругу, все читают отрывок и смеются. Марксист повторяет:

— Нет, Ленин такого не писал.

Наконец, книга доходит до марксиста. Прочитав своими глазами, он поднимает голову, и повторяет:

— Ленин такого не писал.

Было очень смешно. Как правило, марксисты сами не знают ни Ленина, ни Маркса, ни других своих теоретиков.

Ещё показательный марксист повстречался на съезде организации. Он решительно ничего не хотел делать. Обсуждаем вопросы деятельности отделений. Выясняем, что этот парень ничем не занимается и организации, как бы, вообще не нужен. — Ну слушай, вот мы в Москве, например, боремся с бандитами, рейдерами. Может ты замутил бы что-нибудь такое у себя?

— Нет, я не смогу.

— Ну можешь заниматься акционизмом, проводить какие-то акции?

— Это бессмысленно.

— Хорошо, ты можешь работать по медиа-ресурсам организации? — Не, я не хочу.

Конечно, вскоре он отвалился. Создал какой-то кружок по коллективному чтению Маркса и начал хейтить анархистов.

Вскоре мы полностью избавились от марксистов ввиду их бесполезности. «Марксист» для нас стало ругательным словом. Они всюду проявляли себя как абсолютно бесполезные ребята, сторонящиеся дела. По их мнению, нужно было читать Маркса. Несмотря на это, Маркса они знали очень плохо...

* * *

В 2015 году мы решили, что неплохо бы организовать первомай совместно с леваками. Наш блок всегда был самым массовым и красивым, с адекватно выглядящей молодёжью. Но, будучи одиноким, он смотрелся несколько сиротливо. Мы решили – а почему бы не позвать леваков? Они выстроят свои мини-блоки, малые по численности и стрёмно выглядящие. И мы на их фоне будем смотреться ещё лучше. Позвали на сбор несколько относительно крупных коммунистических движений, которые могут собрать хотя бы по 50–100 человек. Те, зачем-то, позвали какие-то микроскопические секты марксистов, завязанные на чтении Маркса.

Приезжаю на первое собрание. Там сидит марксист из секты, едва ли способной вывести десять человек. И говорит:

– Мы всё уже решили. Будет так...

Я несколько удивился с таких раскладов. Поднимаюсь, говорю:

– Ну, если вы всё решили, то нам и встречаться незачем, правда?

Это подействовало несколько отрезвляюще. Марксисты осадились, и решили, всё-таки, приступить к обсуждению вопросов. Хотели всем командовать на марше. Конечно, им этого никто не позволил.

На второе собрание они уже подтянулись с подмогой – подвезли всю свою секту. И давай по новой – хотим, чтобы мы всем руководили. Также требуем, чтобы были флаги СССР. Ещё мы сформируем группу охраны, и будем решать все проблемы...

С нашей стороны сидят ребята – спортивные, рубятся с бандами. Половина в нулевых годах в антифе была, с нацистами воевала, реально обеспечивала безопасность мероприятий. И тут сидят какие-то дрыщи, в растянутых свитерах, и рассказывают, как будут нашу охрану обеспечивать. Ну, мы посмеялись с них, отказываемся. Кого вы вообще охранять можете? – Вы не понимаете. Скоро будет революция. И нам придётся управлять восставшими массами. Нам нужно учиться этому. Вас много. Мы хотим потренироваться на вас управлять массами.

У нас чуть слёзы из глаз не пошли. Сказали им – идите своим блоком, там управляйте кем хотите, а к анархистам не суйтесь.

Время от времени вылезает какой-то латышский коммунист. Он приехал из Латвии в Россию, чтобы «спасать российское коммунистическое движение от маргинальности». Каждые десять минут влезает в обсуждение:

– В Латвии запрещён флаг Латвийской Советской Социалистической Республики. Я хочу выйти на демонстрацию с этим флагом. Он антигосударственный, то есть анархический. В Латвии об этом обязательно все узнают, и у латвийского правительства бомбанёт.

Отказываем им в их просьбах – управлять нашей колонной и обвешать всё символикой СССР. Обижаются. – Давайте тогда голосовать!

– А как голоса считать?

– Один присутствующий здесь – один голос.

– Так вы способны вывести по 10–50 человек, а мы больше, чем вы все вместе взятые.

– Ну и что?

– Ну окей, сейчас мы отзвоним нашим ребятам, сюда ещё человек тридцать приедут, тогда проголосуем.

У марксистов конкретно бомбануло с этой фразы. Разошлись, ни о чём не договорившись.

Ребята после позвали эту марксистскую секту на тренировку, угареть. Избивали на ней марксистов, а один из чуваков из

этой секты стоял в сторонке. Худющий парень, в растянутом советском свитере, кепке и с длинными волосами до пояса. На вид непонятно, то ли 17, то ли 50 лет ему. Представился всем именем Ленин. Тренироваться отказывается – говорит, кости слабые у него, сломаются. – А чего же ты сюда пришёл?

– Вас агитировать. Вы не понимаете, что нужна сильная коммунистическая партия, а не этот ваш анархистский разброд?

– У тебя есть партия?

– Нет. – Ну, чё ты тогда пиздишь.

Говорит им, что скоро пролетариат обязательно восстанет. Но не будет знать, что делать дальше. И тогда пролетариат придёт к нему, к Ленину. Он к тому времени прочитает всего Маркса, и точно будет знать, что делать...

После встречи с этими ребятами у нас была истерика, мы смеялись так искренне, как, наверное, вообще редко смеялись в своей жизни. На глазах были слёзы. Больше мы с марксистами дел предпочли не иметь.

Впрочем, они и сами мероприятие в итоге не провели. Не сумели договориться друг с другом.

К марксизму же у нас долгое время отношение было нейтрально-положительное. Да, думали мы. Марксисты – конченные унтера. Но теория то вроде у них нормальная. В какой-то момент марксисты начали совершать набеги на наши ресурсы, агитируя за «научный метод» Маркса. Со стороны они выглядели как религиозные сектанты. В принципе, они писали какие-то глупости, и даже без особого знания марксизма было видно, что они совершенно не разбираются ни в политике, ни в экономике, ни в истории, ни вообще ни в чём. Мы были достаточно начитанные ребята, и видели, что их знания... ну просто не соответствуют современной науке. Особенно запомнилась секта казанских марксистов, которые выступали против бастующих дальнбойщиков.

– Маркс доказал, что путь к социализму лежит через концентрацию всей экономики в руках крупного капитала. Потому мы должны приветствовать подчинение мелких буржуа-дальнобойщиков крупным корпорациям...

Мы начали всерьёз изучать марксистских теоретиков. Я читал Гегеля, Маркса, Энгельса, Каутского, Гильфердинга, Люксембург, Ленина, Троцкого, Сталина, Мао, Ильенкова, Валлерстайна... Вскоре, я разбирался в марксизме лучше большинства марксистов. Марксизм серьёзно разочаровал всех нас. Догматическая религиозная философия. Именно философией он и оставался, презентуя себя «научным методом». Марксизм строился на устаревших и ошибочных теориях 18 века. С тех пор наука шагнула далеко вперёд, никто уже эти теории, кроме самих марксистов, не разделяет. Но они продолжают веровать, что обладают научным знанием. Потому что в 18 веке было доказано... И если современная наука с этим не согласна...

В философском плане марксизм базировался на диалектике, которая являлась чистейшим софизмом. Вводя множество категорий и «всеобщих законов», через которые марксисты пытались объяснить мир, они не проясняли ни один из этих законов, ни один термин. В разных ситуациях одни и те же авторы могут просто трактовать их по различному. Пассажи Ленина же, в духе «Иван есть человек, а Жучка собака, следовательно отдельное тождественно общему» просто являлось надругательством над всем, что я знал о логике.

В области экономики марксисты же и вовсе основывались на той идее, что стоимость каждого товара определяется количеством вложенного в него труда. Выводя отсюда всё остальное. В политике марксисты, начиная с Маркса, выступали за сильное централизованное государство. Ленин использовал софизмы, чтобы доказать, что «диктатура пролетариата» – это синоним «советской демократии». Пассажи вроде «единоличная диктатура никак не противоречит самой широкой демократии» «единоличная диктатура вождя партии и диктатура народных масс – это одно и то же» и вовсе отсылали нас к Оруэллу с его 1984.

Мы стали убежденными антимарксистами.

ЭЛЕКТРИЧКА

Десять лет я каждый день езжу на электричке – утром на учёбу/работу, и поздно вечером, ночью – домой. Каждый день я трачу четыре часа на дорогу – два часа туда, два часа обратно. Эти четыре часа изматывают меня ещё до прибытия на работу, а после – уничтожают последние силы, которые не сумела отнять работа. Иногда мне становится страшно, когда я пытаюсь представить, сколько времени отняла у меня электричка. 10 лет – это 3650 дней, умножить на четыре – 14600 часов. Это 608 суток бесконечной езды на электричке, почти два года. На что я мог потратить два года своей жизни? За это время можно сделать карьеру, создать семью, построить с нуля крупное радикальное движение, создать интересные медиа-проекты. Я же вместо этого ездил на электричках. Одна шестая моего времени. Можно сказать, что электричка стала моим вторым домом. Первые пару лет мне снились кошмары о том, что я еду в электричке.

За десять лет изменилось всё. Изменилась Москва, похорошев при Сергее Семёновиче. Изменился мой город – на окраинах выросли целые районы, куда набиваются те, кому не хватило места в Нерезиновой. Изменилась страна, воплотив антиутопию киберпанка. Теперь камеры в мегаполисах тщательно следят за вами, а людей сажают за комментарий в интернете или одёргивание мусора за рукав. Не изменилась только электричка.

Обожаю ночные электрички. Они хранят в себе дух ушедших десятилетий. Москва облагораживается, хипстеризируется, по её улицам ходят модные девчонки и ребята, на каждом шагу раздадут вай-фай, продают веганские бургеры и надзирают умные камеры с встроенной системой распознавания лиц.

Москва отдана на откуп хипстерам, бизнесменам и ментам – всем, кого я ненавижу. Ночные электрички же – последний оплот ушедших эпох. Здесь обнаруживаются все те люди дна, люмпены, что изгнаны с благоустроенных улиц столицы. Мужики в кожаных, пьющие пивас, а в следующие минуты бьющие стекла в «собаке» и лица друг другу. Менты с сонными глазами, высматривающими алкашей. Те самые алкаши – конченные опустившиеся люди, с хрипотой в голосе, характерным цветом лица и бесцветной одеждой, не имеющие, кажется, уже ничего, кроме бутылки. Группки маргинальной молодёжи, что едут домой, в пригороды. Обычные рабочие мужички, хорошо отметившие пятницу и едущие домой в бессознательном состоянии. Мелкие воришки, хватающие на остановке сумку у такого пассажира, и выбегающие с добычей на улицу.

В последней электричке всегда есть шанс стать невольным зрителем какого-нибудь спектакля, который скрасит ожидание своей остановки. Пьяные разборки, драки футбольных фанатов, сектанты всех мастей или просто блаженные, пристающие к пассажирам... Иногда спектакль превращается в весёлый хэппенинг, и вовлекает тебя в происходящее в нём действие. Однажды даже пришлось спасти какую-то девушку от насильника. Моё присоединение к действию тогда разрушило синдром свидетеля у остальных пассажиров, и вот уже целый вагон подорвался бить немоощного патлатого мужичка, что пытался насилием добыть себе немного любви.

Ночная электричка это последний оплот хаоса и маргинальности в нашем царстве порядка и стабильности. Режим подавил радикальные движения, религиозные секты, упорядочил бандитскую вольницу и установил лояльное правительство в Чечне, но вот навести порядок в ночной электричке так и не сумел.

* * *

Едем с товарищем на последней электричке в подмосковную Рузу. Дежурили на очередном объекте, ожидая вторжения сил

зла. Но несколько дней решительно ничего не происходило, и мы даже заскучали. Тут нам и позвонил один персонаж с интересным предложением. Звонивший – такой классический левак из «Левого Блока», с него как будто стереотипы на леваков рисовали. Патлатый алкаш из нулевых. Я лет десять назад, в принципе, был таким же. Но мне тогда было семнадцать. Ему же сейчас что-то в районе тридцати, у него ребёнок есть. А он всё ещё патлатый, всё ещё алкаш.

Перед выборами у него всегда есть предложения работы. Например, подделывать подписи за кандидатов от КПРФ. Естественно, для нас это запахло, и мы, обычно, отказываемся. Но на этот раз предложение действительно заманчивое. Нужно поехать в подмосковную Рузу, где проходят местные выборы, и на протяжении недели уничтожить всю предвыборную агитацию. Почему бы и нет?

Срываемся, садимся в последнюю электричку.

– Я тут загуллил. Руза то бандитский город, один из самых криминогенных в области.

– О, в хорошее место едем.

Впрочем, список показывает, что мы сами из ещё более криминогенных городов, моя Балашиха и вовсе занимает гордое первое место по этому достойному показателю. Потому становится уже не так интересно.

– Смотри, нам столько лет уже. А мы такой ерундой занимаемся. Не боишься, что ещё лет через 10–15 превратимся просто в состарившихся маргиналов?

У нас пример перед глазами – нескольких сорокалетних фриковатых мужичков, что вступили в «Анархистское Действие» накануне раскола. После выбрали сторону АДСР, к нашему великому неудовольствию. Ребята действительно стрёмные, постоянно дискредитируют нас. Могут заявиться на собрание левопатриотов, и поставить подпись от лица организации за Антимайдан, против «бандеровцев» и «хунты». Постоянно попадают в какие-то нелепые ситуации, за которые становится стыдно. Один мужичок пришёл на объект, удерживаемый нами

от рейдеров, и зазвал всю молодёжь на некую «акцию». Ну, ребятам интересно, что он там замутить хочет. Идут с ним. Приводит он их к офису правозащитников, и с криком «снимайте, снимайте!» падает на колени, рвёт на себе штаны, начинает крутить чётки и орать «Правозащитники, придите на суд к анархистам!». Всем было стрёмно, конечно.

Это тяжёлое наследство «Анархистского Действия» серьёзно смущало нас. Многие нормальные ребята стремились вступать в АДСР, пока там такое. Те же, кто уже вступил, просто бомбардировали нас просьбами что-то сделать с этим. Мы вроде попытались решить вопрос, но бюрократы всерьёз вцепились за этих мужичков и не желали допустить их исключения. Кажется, им было важно количество, а не качество людей, и они готовы были принимать кого угодно.

Меня же смущало вот что. В принципе, все старые анархисты из 80-ых это такие стрёмные типы. В лучшем случае это интеллигенция, оторванная от жизни, которая до седины сидит на семинарах и копается в писанине Кропоткина и Бакунина. В худшем – состарившиеся маргиналы, нелепые и смешные. И ведь у нас все шансы стать такими же. То есть здорово, конечно, отдавать всего себя движению, бить витрины, мусоров, бандитов, и тд. Проблема в том, что концентрируясь год за годом на этом, мы совершенно забиваем на собственную жизнь, карьеру и тд. И вот к сорока годам у нас разве что-то останется за спиной, кроме маргинальных весёлых историй? Нет, мне-то ничего более и не нужно в этой жизни. Но сорокалетнего мужика, ничего из себя не представляющего, работающего каким-нибудь дворником, просто уже никто всерьёз воспринимать не будет. Весёлая жизнь с эпичными приключениями грозит жалкой старостью.

В принципе, политический авторитет недолговечен, сегодня ты можешь вершить великие дела, а завтра ты уже обычный клоун. Вот хорошие примеры – Стрелков и Баркашов. Стрелков начал войну в Украине, был авторитетным командиром. Кто он после войны? Герой мемов, который пытается в политику,

провозглашает создание каких-то объединений, но его всерьёз никто не воспринимает, ничего у него не получается. А Баркашов? В девяностые был лидером одной из самых радикальных уличных сил, защищал Белый Дом во время мятежа. Теперь же Баркашов превратился даже не в тень себя былого – в пародию. Старик сидит и мониторит по поиску ВК, что о нём пишут в интернетах. И, конечно, не удержится от того, чтобы зарубиться в комментариях, когда кто-то неправ.

Это стало даже локальным мемом в социальных сетях. Когда в комментариях становится скучно, достаточно написать «Дух Баркашова, вызываю тебя». И – о чудо! – в комментариях объявляется тот самый лидер РНЕ, Александр Баркашов, который на полном серьёзе рубится с какими-то подростками. Доказывает им, что он великий русский политик, что он им бы в молодости головы поотрубал, перечисляет важных людей, которым он жал руку... В ответ, конечно, стebутся. А вы никогда не вызывали дух Баркашова в коментах? Попробуйте, это интересно. Просто напишите его фамилию. Для верности можете добавить ещё три волшебные буквы «РНЕ». Старик тут-же объявится и перечитает все комментарии, может быть, даже влезет со своим важным мнением.

Можно быть самым великим героем самой великой войны, самым радикальным террористом самой радикальной оппозиции. Но в политике все заслуги истекают в полночь. И с боем часов вчерашний герой становится очередным фриком, выставленным на посмешище публике. Он бессильно скрежещет зубами, припоминая заслуги. Но сегодня это всё неважно. Это было вчера. Сегодня ты смешон.

Кажется, героя от фрика отличает только то, что герою посчастливилось не пережить войну, революцию, горячую молодость. Он сложил буйную голову, и навсегда остался героем. На этом его история закончена. Те же, кому не посчастливилось выжить, вынуждены искать себя вне войны. Но это невозможно, война навсегда остаётся в тебе, она становится частью тебя. Больше нельзя вытравить её, отделить от себя. Но меняется

эпоха, и то, что было важным для людей вчерашнего дня, для современников не имеет значения. Твоя война кажется им смешной. Ты же либо забываешь идеалы, и занимаешься чем-то никчемным. А в глубине тебя живёт тоска по буйной юности и великим делам. Либо же носишься с пожелтевшим от старости списком своих заслуг на всеобщую потеху.

Иногда нужно просто вовремя уйти. Идти до конца – выбор отчаянных, смелых, единственно достойный уважения выбор. Но в конце ждут только забвение и безудержная боль за ушедшие дни боевой славы. Поэтому важно суметь найти себя в чём-то, кроме активизма. И вот проблема в том, что когда активист находит, где себя реализовать, в большинстве случаев никакая политика становится ему уже неинтересной. Возможно, что весь этот активизм только и нужен для убогих да скучающих. Чтобы убогие реализовались хоть в чём-то, а скучающие – нашли какой-то смысл жизни и удовлетворили жажду адреналина. Когда я думаю об этом, я решительно не понимаю, что я бы делал, не будь в моей жизни активизма. Мне ничего более не хочется в этой жизни, ничего не интересно. Наверное, спился бы. Ну, или стал бы путешественником. Мысль об обычной жизни «дом-семья-работа» вгоняет в экзистенциальный ужас. Жить скучной жизнью – не хочу, это преступление против человечности, это самоубийство.

Спустя несколько лет, когда наше движение будет разгромлено ФСБ, а я, будучи объявленным главным экстремистом от анархизма, буду вынужден скрываться в Париже, эта мысль будет возвращаться ко мне регулярно.

* * *

Сейчас мы смеёмся над перспективой превратиться в таких-же персонажей. Хотя у товарища есть аргументы против. Ведь очевидно, что эти ребята были поехавшими фриками ещё задолго до сегодняшнего момента. Люди не становятся фриками в один момент, этому всегда предшествует какой-то период.

В принципе, они все занимались какой-то бесполезной фигней, жили в своём маньямирке, обсуждали Кропоткина, и думали, что делают что-то революционное. Мы же делаем реально крутые вещи, за которые нас, рано или поздно, посадят. Так что, скорее наше будущее будет связано с тюрьмами. Но что делать, когда мы выйдем? Весёлая молодость-тюрьма-безумная старость. Не самый хороший вариант. Поразмыслив ещё, понимаем, что если заниматься чем-то действительно стоящим, то реализоваться нигде не получится – всегда будет висеть над головой карающий меч правосудия. Можно делать бизнес, криминал, искать себя в каких-то профессиях... Но всё это уже было у других. Бизнес у политических отжимается властями, криминал тоже заканчивается тюрьмой, после которой – ничего... Можно выстраивать инфраструктуру движения, создавать какие-то клубы и тд, и в сорок и пятьдесят лет заниматься ими. Но ведь и они закрываются властями! Оставляют только симулякры, какие-то безопасные вещи. Становиться безопасной фальшивкой тоже не хочется.

На этой ноте заходят контролёры. Безбилетники поднимаются, перебегают из вагона. Мы тоже безбилетники, но продолжаем вести свою философскую беседу о будущем...- Молодые люди, билетики предъявляем.

– Не будем.

– Что? Вы знаете, что за безбилетный проезд предусмотрен штраф?

– У нас есть билеты.

– Так покажите!

– Ничего я тебе показывать не буду, иди отсюда. Не обязан.

Контролёры, побесившись, проходят дальше. Мы, тем временем, приезжаем на нужную станцию.

* * *

Подмосковные железнодорожные станции – это отдельный вид искусства. Каждая изуродована следами невидимой борьбы

между бедными и богатыми, между обществом и корпорациями, между безбилетниками и РЖД. То здесь, то там – очередной ответ одной из сторон оппоненту. Дыры и спиленные участки заборов против колючей проволоки, против какого-то мазута, которым испачканы прутья заборов; против уродливых и совершенно не к месту приваренных металлических прутьев, которые образуют новые заборы и перекрывают бреши в стенах. Каждую ночь народные смельчаки, городские герильерос, проделывают очередной партизанский лаз, которым пользуется народ Подмосковья – спиливают забор, ломают стены. Каждый день силы реакции и капитала заделывают эти лазы. Эта война, кажется, бесконечна, как ночная электричка – силы сопротивления народного неистребимы. Ушла в небытие анархистская городская герилья, арестованы приморские партизаны, разгромлена ультраправая рахова, подавлены боевики на Кавказе. А на подмосковных станциях из года в год продолжается своя маленькая герилья.

В этом особенность российского гражданского общества. На западе люди, в случае наступления государств и корпораций на их права, действуют прямо, совместно, открыто. Они объединяются в профсоюзы и гражданские движения, выходят на улицы, бьются с полицией. Там сопротивление коллективное. В России же оно индивидуальное, тайное. Русские люди не выходят биться с государственным Левиафаном – они прячутся от него. Уходят на территории, на которые ещё не пал взгляд государства, и проворачивают свои дела там.

Раньше, сотни лет назад, наши предки использовали подсечно-огневое земледелие в сельском хозяйстве. Благо, территория Руси это позволяла. Можно было высвободить пространство под поле, сжигая леса. Зола служила замечательным удобрением для сельскохозяйственных нужд. Через несколько лет процедуру можно было повторить в ином месте. Таким образом, русские крестьяне не были привязаны к одному месту. До поры можно было убежать от государства, от барина, прячась в лесах. Теперь на смену подсечно-огневому земледелию

пришли тeneвая экономика и правовой нигилизм, в которых мы прячемся от ока бояр, ментов и государства. А смысл всё тот-же – не вступать в борьбу с боярином-угнетателем, а убежать от него. Пойди найди нас в лесах да гаражах, пойдй докажи, что мы нарушаем закон. Так и здесь – пойдй поймай нас, пока мы зайцем проникаем на станцию через дыру в заборе. А зайдёт контролёр в электричку – побежит полвагона. И ловить зайцев никто не пытается, знают ведь, что бесполезно. Просто пройдутся для виду, чтобы зайцы побегали, чтобы жизнь мёдом не казалась.

Вся общественная жизнь есть, по сути, противостояние между обществом и государством, между бедными и богатыми. В одних странах оно явное, более открытое, проходит в виде сражений двух армий. В других тайное, пронизывающее всю нашу повседневность, скрыто от неопытного глаза, которому предстаёт иллюзия железного порядка. И нигде это тайное сопротивление не становится так очевидно, не прорывается наружу так ярко, как на подмосковной железнодорожной станции, испещренной, как шрамами, следами этой борьбы.

* * *

На этой станции следы войны с зайцами проявляются довольно необычно. Огромный пешеходный переход, ведущий из станции на улицу, перегорожен вдоль посередине уродливым забором. В конце стоят турникеты. С одной стороны – на вход, с другой – на выход. Перелазим забор, находим автобус до Рузы. Там нас ждёт гостиница, работодатели заботливо сняли номера для работников. В одном из номеров нас инструктируют. Нужно ходить по городу, уничтожать предвыборную агитацию. Выдают даже связку ключей, с помощью которых можно открыть любой подъезд.

- А кто избирается?
- Ну, вот Алкснис, например.

– О, помню этого пидора! Он в нулевые сидел в Думе, писал в полицию депутатские запросы, чтобы нами занялись. Депутат был, с правыми связан.

– Ну вот, видишь, по совместительству антифашистская акция получится.

Инструктируют дальше. – Нужно уничтожить всю агитацию... кроме «Единой России».

Чего? Куда этот левак нас направил вообще? От него всего ожидали, но «Единая Россия»...

Товарищ отводит меня в сторону.

– Я не смогу этим заниматься. Это просто против моей совести, я себя уважать перестану. И представляешь, какое пятно, от него никогда не отмыться уже.

– Да, я согласен. Я думаю также.

На «Единую Россию» работать нам запаadlo. Уезжаем рано утром на первом же автобусе, разочарованные беспринципностью леваков.

ЛЕВАЯ ИДЕЯ

Идея для арт-акции. Толпа чуваков в чёрных бомберах с арматурами заваливается в книжный магазин «Фаланстер». Подлетают к полкам с левацкой литературой, переворачивают их, раскидывают книги во все стороны, рвут, крушат. Собирают всю леваческую печать, выносят на улицу, устраивают костёр из книг. Такая себе культурная революция, такой себе маоистский бонизм. Мечтали в своё время с товарищем – кстати, околomarксистом – о таком экшене.

Посыл акции – против догматизма. Как говаривал старик Мао Цзедун: кто много читает, тот глупеет. Вот и левацкая литература не нужна, люди от неё только тупеют. Забьются по кружкам, обмажутся Марксом, и потом не делают ничего, только спорят в интернетах и других поучают, как правильно. Такие себе симулякры. А ведь идея без дел мертва.

Всю левую идею можно выразить просто – они охуели! Творят незнамо чё, грабят нас, яхты покупают, а простые люди последний хуй без соли доедают. А леваки что? Мажутся Марксом, Кропоткиным, постмодернизмом, обсуждают Фуко, тусуют по своим семинарам. Хочется каждого такого интеллектуала уебать и сказать – хватит пиздеть, иди и делай! Нет сил олигархов и корпорации разьебать – начни с малого. Вон, на улицах полно бандитов, кидал, мошенников. Начни с небольшой банды, с отдельного недобросовестного работодателя. На улицах полно людей, которым нужна помощь. Начинайте бороться. Никто не говорит, что теория не нужна. Но теория должна вырастать из практики, идти с ней рука об руку. Занимаясь же интеллектуальным онанизмом, так и будете до самой старости собираться на свои интеллектуальные посиделки.

Ненавижу леваков, это сборище бесполезных пиздоболов, копающихся в дерьме мамонта, в каких-то Кропоткиных, Делёзах, Фуко, Лениных. Они нам не нужны, нам нужны люди действия.

Как-то в период увлечения маоизмом смотрел передачу про маоистский Китай. Там древний китайский старец так говорит о том, почему народ поддержал коммунистов:

«Когда пришли красные, жить стало лучше. Потому что мы стали спускаться с гор, и нападать на помещиков. Мы их грабили. Отбирали ценные вещи, и приносили сюда. Так что жить стало лучше...». Вырезал отрывок, закинул в социальные сети. Распространилась со скоростью пожара.

И вот, казалось бы, в этом замечательном изречении древнего китайского мудреца и заключена вся мудрость, необходимая левым. Все же понимают, что кругом несправедливость, что богатые охуели, забрали всё себе, и продолжают выискивать, чего бы ещё отнять. Но нет, надо собираться и пиздеть про постструктурализм, интерсекциональность, диалектику и прочие гендеры. Потому и остаются десятилетиями на уровне небольших сект и кружков. Потому, что пустой пиздёжь никому не интересен и не нужен. Мы просто хуярили мразей, и к нам шёл народ. Потому что, во-первых, насилие это весело и приятно, а во-вторых – насилие против охуевших буржуев и бандитов нужно и полезно всем. Казалось бы, простой урок, простое руководство к действию. Как говаривал один фашист – мы признаём только одну диалектику, диалектику кулака и пистолета.

Вообще, самым прекрасным эпизодом классовой войны для меня всегда являлся аргосский скитализм. В славном древнегреческом полисе Аргос беднякам-демократам как-то стало известно о существовании олигархического заговора. Схватили заговорщиков, что прямую власть народа олигархическим правлением заменить хотели, и под пытками заставили выдать имена сообщников. После взяли дубины-скиталы, да и забили нахуй всех заговорщиков. Чуть подумав, решили

захуячить вообще всех олигархов и богачеев. Подумава ещѐ, отправила на подселение к Аиду и всех политиканов, в том числе демократических умников. Умники пытались увещевать народ и отговорить его от погромов и массовых расправ. Народ в этой ситуации поступил по уму – хули эти умники пиздят там. Ну и ебанули и их тоже. Надо не пиздеть, а ломать и крушить! Богатства же честно экспроприировали и поделили поровну. И без всего этого пиздежа леваческого обошлись. Ну, прекрасно же. Нормальные ребята, сразу видно – люди дела.

Пока вы пиздите, вы никому не нужны и не интересны. Люди присоединяются только к тем, кто действует.

В ГОСТЯХ У КИДАЛ

Завтра идём в гости к очередным ублюдкам. Ещё одна контора, маскирующаяся под кадровое агентство. На нас вышла кинутая ими семейная пара. В интернете увидели видео с одного из наших рейдов, и решили написать нам. Договорились с ними сходить и решить проблему.

Одно из правил организатора – написанное в общие чаты не написано никому конкретно. Каждый воспримет это, как обращённое к другим. Поэтому давно взял за основу – организовывая мероприятие, пиши и в закрытые координационные чаты, и каждому человеку лично. Это скорее побудит человека откликнуться. Это довольно проблемно – я на работе, а у нас под сотню ребят. Но я давно уяснил, что левые делятся на два вида. На леваков – и они унтера. И на анархистов – и они распиздяи.

Наконец, наступает следующий день, на часах 11.00. Мы с группой товарищей на станции, перенаправляем прибывающих на выход...

Знаете, московское метро, всё-таки – одно из красивейших в мире. Каждая станция – произведение искусства. Метрополитен в Париже – уродливый, грязный. Небольшие одинаковые станции, выглядящие просто как подземный тоннель с установленной бетонной платформой. На проходе развалились бездомные, всюду пахнет мочой. Культурные французы при нужде просто встают в углу и справляют малую нужду прямо здесь. Вы бы видели парижские станции после реставрации – бесцветные бетонные полы, такие же стены. Из пола торчит металлический штырь... Московский метрополитен не таков. Московские станции – это подземные дворцы, которые правильнее сравнивать не с парижским метрополитеном, но с Лувром или Версалем. Что ни станция, то шедевр...

Поднимаемся с подземных залов в морозное зимнее утро. наших уже человек тридцать. Костяк – мы, группа старых товарищей, уже давно занимающаяся такими угарами. Помимо нас – молодые анархисты, пара старых антифашистов, сочувствующие нам скины, и молодёжь из КЧБ. солидный состав.

Ещё только выходя из метро, слышу обрывки очередного рассказа Хэнка. Хэнк – здоровенный парень, не очень ответственный и дисциплинированный, пьющий и маргинальный, но вместе с тем спортивный и боевой товарищ. Его громоподобный глас слышно издали.

– ...и она меня спрашивает: «а почему ты всегда бьёшь тех, кто слабее тебя?»...

Вот мы выходим наружу, и перед нами предстаёт этот здоровый детина, победно изрекающий после короткой паузы:

– ...а я отвечаю: «а кого мне ещё бить? Большинство людей слабее меня!».

Самодовольный смех.

– Станный вопрос. Разве если ты кого-то побил, не значит ли это, что он слабее тебя? Как можно побить того, кто сильнее? Если ты его побил, то он, очевидно, не сильнее.

– О, здорова! Ну ты то, мне кажется, вообще не будешь с этим заморачиваться. У тебя вон даже внешность такая маниакальная.

– В смысле, маниакальная? – не понимаю я намёка.

– В прямом, ты выглядишь как... Знаешь, ты всем своим видом как будто говоришь: «Я люблю свою семью, детей и резать людей» – довольно смеётся Хэнк.

– Ага, ладно, ладно. Двинули, может?

Разбиваемся на небольшие группы, чтобы не привлекать внимания, и ведём людей к конторе, расположенной в подъезде одного из жилых домов. Оставляем у входа одного из скинов стоять одиночным пикетом с плакатом, предупреждающим о кидалове, сами же входим внутрь. Действуем по обговоренному плану – я встаю справа от двери офиса, наши ребята

скрываются ниже, у входа. Кинутая парочка звонит в дверь. Дверь открывается, я влетаю внутрь...

Влетаю в охранника – огромный шкаф два на два метра, загораживает собою весь коридор. Когда врезаешься в такое – решимость как-то убавляется. Но вот за мной врывается Хэнк. За ним – ещё три десятка наших ребят. Мною, как тараном, просто выносят эту здоровенную детину. Охранник, видимо, не очень блещет умом, а потому не придумал ничего лучше, чем начать поливать нас газом из баллончика. В помещении.

Вываливаемся в подъезд, удерживая двери – офис скоро проветрится, и мы сможем зайти обратно. А вот кидалы будут вынуждены дышать собственным газом, и к нашему возвращению будут совсем готовые. Идиоты сделали всю работу за нас. Впрочем, заглядываю в офис ещё раз – наиболее горячие головы повисли на охраннике. Кричу им, что пора выходить. Наконец, все на выходе. Из офиса раздаются какие-то адские крики страдания – мошенники явно не привыкли к перцовому газу.

Первая пошла. Из газовой камеры вылетает тётушка-мошенница. Визжа, держится за лицо. С разбегу врезается в стену подъезда, от чего начинает визжать ещё сильнее. Кто-то хватает её за руку. Её истерика усиливается.

– Да отпусти её, пусть побегает.

Мошенницу отпускают. Она разворачивается, бежит... и бьётся о другую стену. Вопль усиливается. С третьей попытки ей удаётся взять нужное направление и выбежать из подъезда. На улице она спотыкается об огромный сугроб и заваливается в него. Сугроб окружает группа молодых скинов, угарающих с кидалы. В этот момент она достигает финиша, обделывая свои штаны. Появляется характерный запах, и подозрительная куча в её штанах оттягивает их к земле. Мразь в неадекватном состоянии проваливается в снег до приезда полиции.

Офис, тем временем, проветрен, и мы вваливаемся внутрь. К сожалению, вершить расправу уже не над кем. Здоровяк-охранник заперся от нас в камере. Мужики из руководства

конторы заперлись в отдельном кабинете. В основном помещении остаются только пятидесятилетние тётушки-мошенницы. И не пойдёшь же выбивать двери в запертые кабинеты, чтобы вытащить охрану и руководство – за такие угары в наши времена сразу уедешь. Приходится беседовать с тётушками.

Одна внезапно начинает распускать руки, пытается выхватить телефон из рук нашей соратницы, осуществляющей съёмку. Приходится немного её успокоить и поучить хорошим манерам, объяснив, что руки распускать не надо.

Они уже вызвали ментов. – Вы понимаете, что зря полицию вызвали? Это дело ваше, конечно, мы сами хотели бы без полиции разобраться. Но если полиция приедет, то вас же и заберут, вы понимаете?

Не верят. Хотя, кажется, в следствии стресса они потеряли способность здраво анализировать ситуацию. Они в панике, и продолжению общения с нами предпочтут, кажется, чтобы их забрала полиция. Окей, вызывайте полицию, как хотите.

Мусора приезжают в неприличном количестве. Какие-то опера в штатском. Медбригада. Мошенники сразу кидаются к ним с жалобами. Обвиняют нас, что мы ворвались в офис, говорят, что я кого-то избил. Только вот проблема в том, что когда охранник распылял газ, я стоял прямо перед ним. У меня повреждение сетчатки, я сразу обращаюсь с этим к приехавшим с полицией врачам. Они направляют меня в травмпункт. Мошенников выводят под конвоем, проводят сквозь коридор из наших ребят, продолжающих психологическое давление на эту мразоту. Выглядят максимально раздавленными – залили сами себя газом, насрали себе в штаны, а теперь их ещё и полиция забирает, которую они же сами и вызвали.

Меня везут в травмпункт. Получаю справку о повреждениях сетчатки глаза, с которой меня отвозят в местное ОВД. Это важно – теперь заява мошенников голословна, так как пострадавшие с нашей стороны. В ответ на их заявление пишу объяснительную. Пришёл устраиваться на работу по объявлению. Поднимаюсь в офис, там стоят люди, ругаются друг

с другом. Тут сотрудники конторы достают газовые баллончики и поливают перцовым газом недовольных клиентов — и меня в том числе.

Меня отпускают, кидал оставляют в отделении. Предупреждали же их — не вызывайте полицию, не пишите заявление... Идиоты.

На выходе уже собираются наши ребята. Подхожу к ним. Следом выходят опера. — Ребят, тут какое дело. Можете помочь нам? Очень нужны понятые.

Нам же понятыми у мусоров выступать запаadlo.

— Не, мы в баню собираемся, нас там подруги ждут, шашлыки, пивас. — Ну это быстро, займёт совсем немного времени...

— Не, мы не хотим.

— Ну смотрите, мы же пока по хорошему просим.

— А нам что по хорошему, что по плохому — не хотим и не будем.

Разочарованные опера идут искать понятых в другом месте.

По факту проверки заявления мошенников, выдаётся ответ, что состава преступления не обнаружено, решайте проблемы в гражданском суде, пожалуйста. Ну, на это мы и рассчитывали. Ни в какой суд, понятное дело, мы не пойдём.

СЛОВО И ДЕЛО

А ведь ещё как бывает. Скажут тебе

– Да вы же диванные анархисты. Что вы делаете вообще? Листовки клеете? В интернете пиздите?

И вот пытаешься объяснить человеку

– Ну почему ты так говоришь? Ведь это неправда. Да даже если было бы правдой – агитация в интернете и на улицах это важно, мы доносим до людей свои взгляды, многие люди к нам пришли именно через листовки на улицах и чтение нас в интернете. Что в этом плохого?

– То, что вы только болтаете. Нет за вами никаких дел, кроме болтовни.

– Но ведь это неправда. Мы вот с рейдерами боремся, с недобросовестными работодателями. Людям помогаем, организуем их. Многие люди через эту деятельность к нам приходят. Или вот демонстрации организуем, митинги, пикеты. Забастовки поддерживаем, против вырубок парков боремся. Несанкционированные акции проводим...

– Ясно, ясно, до хуя делаете и надо теперь этим хвастаться! Вот поэтому вас и не любят, что вы всюду хвастаетесь этим.

– В смысле? Ты же сам спросил, что мы делаем?

– Да, потому что вы никуя не делаете, только пиздите.

И вот начинаешь уже терять терпение. Люди настойчиво не желают воспринимать информацию, которая неприятна для них, не укладывается в их картину мира. И если не сорвёшься, не ответишь человеку агрессивно, а спросишь его терпеливо «как так, никуя не делаем? Я же тебе только что объяснил, что мы делаем», то отвечают тебе:

– И что? Все это делают!

– Ну кто, например?- Эээ...

– Ну кто последний раз несанкционированное шествие проводил? А санкционированное шествие анархистов, чтобы человек сто собрать? Или с работодателями кто регулярно борется, с мошенниками, чтобы не разовые акции? Агитрейды кто регулярно проводит?

– Но ведь это же всё хуйня! Вот посмотри на Грецию, например. Что делают анархисты там, и что делаете вы.

– Ну анархисты там очень разные и много что делают. В том числе и уличной агитацией занимаются, и агитацией в интернете. И социальными проектами, вроде борьбы с работодателями.

– Но ты сравни размах!

– Ну да, у них там другие условия, у них там организованное движение. Это всё не сразу складывалось. Мы вот работаем над тем, чтобы было организованное движение. И потихоньку наращиваем массу.

– Но ведь не этим надо заниматься! Всё это ерунда.

– А чем надо заниматься?

– Борьбой! Террором. Я понимаю, нормальные анархисты в Греции – поджигают мусоров, атакуют банки...

– А ты сам почему этим не занимаешься? Почему ты ждёшь, что кто-то другой будет делать то, что ты считаешь правильным?

– Ну у меня нет людей, а у вас есть!

– Ну у нас есть люди, потому что мы доносим свою точку зрения и не сидим на жопе, а пытаемся делать то, о чём говорим?

– Ага, то есть только вы что-то делаете, а остальные не делают, да?!

– Ну ты же не делаешь то, что считаешь нужным? Ты ждёшь, что мы за тебя сделаем то, что ты считаешь нужным, как потребитель. А мы тебе что-то должны? Почему ты думаешь, что я должен обслуживать твои вкусы и интересы, а не делать то, что сам считаю нужным, например? Ты мне не начальник, ты мне вообще никто. Если хочешь делать что-

то — делай, мы тебе не мешаем. А мы делаем то, что считаем сами нужным.

Такого никогда не прощают. Люди всегда вешают на тебя собственные мечты, и проклинают, когда ты не оправдываешь их ожидания. Но самое смешное, что когда действительно доходит до радикальной деятельности — эти словесные радикалы исчезают. Либо же и вовсе начинают проклинать подпольщиков на чём свет стоит.

Люди слова — они никогда не прощают тех, кто осмелился не только говорить, но и делать. Люди дела служат постоянным раздражителем для них и напоминают им о собственной несостоятельности. Потому они, в конце концов, занимаются не терроризмом, но лишь подковерной борьбой с теми, кто осмелился делать. Потом людей дела уничтожает государство. И остаются только болтуны, которых не интересует дело и развитие движения. Их интересует только самоутверждение. И люди деятельные всегда будут бельмом на их глазу.

КТО ХОЧЕТ БЫТЬ ФЮРЕРОМ?

АДСР, как и «Анархистское Действие», было, что называется, «широкой левой». В АД вступали все, от либералов до сталинистов, и раскол нисколько не поспособствовал созданию более стройной идеологии. Просто в один откол отвалились всевозможные либералы и «анархисты образа жизни», а у нас смешались анархисты с марксистами.

Марксисты вскоре отпали ввиду своей бесполезности. Но внутри АДСР оставались своеобразные фракции. Костяком первой, направленной на прямое действие и анархизм, была наша московская группа. Вторая же имела довольно размытые взгляды, совмещая марксистские идеи с анархистскими. В Москве она была представлена бюрократами и фриковатыми мужичками. В Питере же костяком была бригада олдовых скинов, завязанных на профсоюзах. У их лидера были очевидные фюрерские замашки, из-за чего он успел перессориться в Питере со многими соратниками. Внутри организации он также довольно быстро попытался подмять всех под себя.

Питерские скины с московскими бюрократами были, что называется, платформистами⁹³. Выступали за создание единого ЦК, который выпускал бы заявления от имени организации и направлял бы приказы её участникам. Мы, в противовес этому, предлагали демократию участия, при которой решения по каждому конкретному вопросу принимают те, кого этот вопрос конкретно касается и кто им занимается. Общие решения же в рамках организации должны решаться голосованием, а не волей отдельных членов ЦК.

⁹³ Платформизм – течение в анархизме, выступающее за создание единой революционной организации с центральным руководством

Платформисты выпускали осторожные статьи, в которых делались намёки на необходимость власти, управления и тд. Идеино они критиковали марксизм и анархизм, называя себя «либертарными социалистами» – термин, используемый теми, кто не разделяет анархистские взгляды, но хочет отнести себя к движению. В какой-то момент пропасть между нами стала очевидной, когда бюрократы предложили проект программы организации, являющийся, по сути, социал-демократическим. Проект предусматривал борьбу за честные выборы, избираемость судей и прочую представительную демократию. Чуть левее, чем у либеральной оппозиции. Естественно, он был отклонён.

При этом они были не какими-то болтунами, но вполне искренними людьми дела. В плане акционизма ушли не очень далеко, организовывали одиночные пикеты и участвовали в организации демонстраций. Зато понимали важность развитой инфраструктуры. Организовали издательство, выпускали книги. Была попытка организовать газету для широких кругов населения. Самое успешное – они приняли участие в создании веганского клуба в Москве. В нём проводились всевозможные левые мероприятия. Но остро стоял вопрос о финансировании, поэтому пришлось всё чаще проводить панк-концерты. А где панк, там – алкоголь, грязь и насилие. После панков клуб и территория вокруг него были в мусоре и блевоте. Неадекватное поведение панков же привело к тому, что наши ребята на охране устраивали массовые избияния самым неадекватным из них. Можно было идти в клуб, и встретить бегущих оттуда испуганных субкультурщиков с криками «не ходите туда, там панков бьют!». Били, на самом деле, только совсем неадекватных бухих персонажей.

На одном мероприятии, например, нашёлся чувак, которому показалось весёлым кидаться десятирублёвыми монетами в затылок сидящих спереди. На его беду, сидящими спереди были мы. БУМ! Монетка ударяется о затылок товарища.

– КТО ЭТО СДЕЛАЛ БЛЯДЬ!? КОМУ ТУТ ПИЗДЫ ВЫДАТЬ?! – оборачивается он. Молчание. Сидим дальше.БУМ! Монетка прилетает подруге в голову.

– КТО ТАКОЙ ОХУЕВШИЙ, ШО, ПОШЛИ ВЫЙДЕМ?! – бесится подруга, ища глазами шутника. Молчание...

БУМ! – эта монетка заготовлена для меня.

– КТО, БЛЯДЬ!... – обернувшись, я заметил этого ублюдка – сидит в белой рубашечке, с аккуратной бородкой. Приличный человек на вид. Бухает коньяк из под стола. Напился, решил развлечься. Сидит, улыбается, смотрит на нас с вызовом. Уже даже не скрывается. Окей, думаю, сейчас я тебя развлеку. Вскокаиваю, рука тянется под куртку, к мачете. Товарищ успокаивает:

– Ты что, ебанулся? Выведи его на улицу, да там ебани, нахуй тебе мачете.

Успокаиваюсь, кричу ему через весь зал:

– Ты охуел, что-ли, хули делаешь?

И тут этот мудака отвечает мне факом... краем глаза вижу стул, и в следующую секунду он летит мудаку в голову. Двинулся к нему, но меня останавливают ребята. Разбираются, принимают решение вывести пьяную свиноту с территории клуба. Он оказывается уже совсем бухим. Его довольно грубо выталкивают из клуба, он слетает кубарем с лестницы на улицу. Там падает на колени... и по его штанам расплывается мокрое пятно. Кричит «это всё из-за вас», достаёт член и пытается ссать куда-то ещё, кроме своих штанов. Но так как стоит на коленях, всё равно попадает на ноги. Его гоняют по всей территории клуба пинками, брезгуя прикасаться после этой истории. Вскоре мудака выгнан за ворота.

Ну, вот таких персонажей обычно и били. В конце концов, это не спасло клуб. Бухие панки после одного из мероприятий зарезали какого-то мужика прямо на входе у клуба. Кажется, ему ещё ухо отрезали. Об убитом говорили разные вещи – то ли он был простым работягой, то ли гендиректором небольшой фирмы. Клуб был закрыт, а прибывшая полиция обнаружила в нём склады листовок «Социального Движения» и АДСР, после чего начала усиленно интересоваться нашей движухой...

В целом, я считаю, что бюрократы занимались довольно важной работой. Но чем дальше, тем больше расходились наши взгляды. Очень жаль, что мы не сумели договориться – несмотря на разногласия во взглядах, они были людьми дела, необходимыми движению.

Питерские скины же были «либертарными марксистами» – больше марксистами, чем анархистами. Они гораздо более успешно, чем москвичи, развивали инфраструктуру, создав несколько работающих проектов. Но в политическом плане они, кажется, совершенно не понимали, как нужно действовать. Были излишне завязаны на профсоюзах, и каждый вступающий к ним должен был заниматься раздачей профсоюзных газет на проходных заводах где-то в перди. Это было уныло и бесполезно, отпугивало от организации людей.

С ними конфликты больше происходили на почве личных амбиций их лидера. Он постоянно пытался влезать в дела других групп, довольно агрессивно объясняя, почему все му-даки и должны делать так, как скажет он. Чужое мнение же по деятельности в Питере он слушать не очень хотел, требуя не нарушать автономию его группы.

Чем больше росло влияние нашей группы, тем более обострялся конфликт. Мне кажется, что питерский фюрер просто ревновал организацию, видя в нас конкурентов. Он рассматривал разные варианты для того, чтобы исключить нас. Однажды предложил вынести в рамках организации обязанность для каждой группы участвовать в профсоюзах.

– Но ведь москвичи не занимаются профсоюзами?

– Ну, значит Москва пойдёт нахуй из организации.

Вскоре, повод был найден. Мы постоянно били каких-то леваков. Питерцы же выступили с инициативой создания левого альянса в своём городе, куда включили бы и троцкистов, и местное отделение «Анархистского Действия». Классическое левацкое объединение – каждый год объявляется о создании таких союзов. Но так как они состоят, в основном, из бездействующих групп болтунов, то и остаются такие союзы лишь

на бумаге. Они умирают как и жили – в склоках леваков. Вот и этот союз – никто сегодня даже не вспомнит его названия. Я и сам не помню. Продержался ли он хотя бы год?

Для нас было очевидно, что действительные союзы выстраиваются на основе не заявлений и уставов, но лишь многолетней совместной практики. Чтобы соединить несколько групп, нужно не принимать для этого какие-то документы, а вести общую деятельность, планировать совместные кампании, иметь общие проекты, в ходе которых группы естественным образом будут сливаться в подобие федерации. Формалистский подход же к объединению никогда себя не оправдывал.

Не оправдал и здесь. Но питерцы не желали никого слушать. Кажется, сама идея такого объединения была нужна лишь для конфликта с нашей группой. Они требовали, чтобы мы прекратили бить леваков, и рекламировали их новый союз на ресурсах организации. Мы, на самом деле, всегда были за сотрудничество. Но, во первых, только с анархистами. То есть без всяких красных. А во вторых, это должно быть двухсторонним движением. То есть это не должно быть так, что леваки нас оскорбляют, АД срывает наши акции и клеймит фашистами, а мы идём на поклон. К тому же, «Анархистскому Действию» мы и сами регулярно предлагали забыть конфликты и начать сотрудничать, но нам отказывали. АД в принципе вело борьбу на наше политическое уничтожение, сконцентрировав на этом все силы. Питерцы понимали, что московское АД не хочет мира, и мы не можем просто согласиться с их требованиями. Что это зависит не от нас. Потому давили на этом.

– Ребята, давайте обсудим какие-нибудь компромиссы? Вообще обсудим ситуацию, разберемся, что является приемлемым для обеих групп? Обсудим конструктив, а не эмоции?

– Пиздец, слово какое убанское, «конструктив»... Наш компромисс – вы делаете так, как вам скажут.

Питерцы были уверены в поддержке других региональных групп, а потому действовали напролом. Однако, когда они уже вынесли этот вопрос на голосование, оказалось, что все

города – и часть самой питерской группы – поддерживают нас. Воздержались, кажется, только московские бюрократы. После этого их позиция резко сменилась, и они предложили нам «искать компромисс»...

– Какой компромисс, мы вам предлагали компромисс. Вы же вынесли вместо этого вопрос на голосование, оно уже прошло. Что теперь то обсуждать.

Пришлось питерским скинам выйти из организации. Теперь платформистская фракция, мечтающая о ЦК и синтезе анархизма с марксизмом, была представлена только московскими бюрократами, и уже не обладала достаточным влиянием для проведения своей позиции. На съезде организации были приняты установки на внутреннюю демократию, а АДСР практически единогласно решили переименовать. Так как в эти годы мы уже стали основной анархистской организацией, но громоздкое название обычно сокращали до простого «Анархистского Действие». Чем пользовались недруги из АД, активно пиарясь на нашей деятельности. Потому вскоре АДСР была переименована. Новое название было позаимствовано у нашего проекта по борьбе с мошенниками и квартирными рейдерами – «Социальное Движение».

Бюрократы же, проиграв идейную борьбу, вышли из организации следом за питерскими скинами. И те и другие создали собственные организации, но они так и остались небольшими локальными объединениями без какой-либо деятельности. Теперь наша организация была чисто анархистской по своим взглядам и методам.

В неспособности разных групп договориться и была трагедия анархистов. Каждая обладала теми или иными полезными навыками. У кого-то были свои помещения, успешные спортивные проекты, связи в субкультурной или журналистской среде. У кого-то – хорошие дизайнеры или проекты вроде

«Антиджоба». У кого-то — боевой запал, готовность и умение действовать, развитые медиа-проекты.

Мы видели идеал движения как множество групп, стоящих на разных позициях, критикующих друг друга и ведущих дискуссию (а идея без критики и дискуссии не может развиваться), но координирующихся, сочетающих свои сильные стороны, дополняющие друг друга в сотрудничестве. Должна быть чёткая теория и последовательность в идеях в рамках одной группы. Но в рамках движения разные группы могут взаимодействовать.

Остальные считали иначе. Однажды другие группы вроде как согласились с нашим предложением о подобном проекте, но тут же объявили о создании собственной федерации, презентуя её через все анархистские ресурсы как «единую анархистскую площадку» — в тех самых терминах, в которых мы договаривались делать единый проект.

— Мы же договаривались создать совместный проект?

— Ну да, но я подумал, и решил, что хочу создать что-то своё, к чему остальные присоединятся. Хотите присоединяйтесь, не хотите — не надо.

Конечно, эта новая «федерация» тоже осталась лишь на бумаге. Тем не менее, этот случай весьма показателен, он идеально характеризует анархистское движение. Каждая группа, вплоть до самых мелких и бездеятельных, руководилась собственными амбициями и эго. Каждый хотел стать фюрером. Но сильные стороны этих групп, в отрыве друг от друга, были бесполезны. Наши же сильные стороны можно было применить и сами по себе. Мы превратились в своего рода «гегемон» движения. Мы были единственной организацией, обладающей ячейками во многих городах. Мы были активны, у нас были крупные медиа. Каждая отдельная группа видела в нас угрозу своему эго, и мы представлялись им более опасным соперником, чем государство или нацисты. В движении, кажется, они хотели лишь самоутвердиться, а потому многие занялись борьбой с нами.

И чем больше росло моё личное влияние, тем сильнее ненависть к «Социальному Движению» сменялась ненавистью ко мне лично. В самом начале раскола АД относились ко мне ещё благожелательно. Единственной их претензией было то, что я занял «неправильную сторону» в конфликте. Однако чем больше я создавал успешных проектов, чем больше меня воспринимали как лидера Соцдвижа, тем сильнее меня ненавидели. Теперь уже я был настоящим исчадием ада. Меня обвиняли во всём. В самом начале раскола различные персонажи могли мериться между собой заслугами, и спорить, кто из них организовал раскол, чья это заслуга. Теперь же, оказавшись в меньшинстве, они обвиняли, что это я всех перессорил и развалил движение.

Поначалу это оказывало деморализующее воздействие. Я не мог понять, что я вообще сделал всем этим людям? Тем более, что меня теперь люто ненавидели и абсолютно незнакомые мне люди, которые общались с ненавидящими меня персонажами. Со временем же я привык к этому, и уже игнорировал развернутую травлю. Когда до меня доходил очередной слух, расписывающий мои ужасные преступления против всемирного анархизма, я лишь улыбался – это стало смешно и весело. Когда ходит столько слухов – начинаешь наслаждаться ими и коллекционировать самые смешные. В остальном же я с головой ушёл в деятельность. Это было лучшим ответом на сплетни. Пока они все болтали, я делал дела. Люди видели это, и потому в нашем движении всегда было народу больше, чем во всех остальных группах вместе взятых. Теперь уже становилось неважно, что говорят про меня – всё равно никто их теперь не слушает, все смотрят только на дела.

Я совершил самое страшное преступление, которое только может совершить человек – я оспорил власть. Здесь это – власть старых АДшников в небольшом анархистском сообществе. Они воспринимали это, кажется, так, что появилось какое-то быдло в нашем лице и отжало у них движ. И никогда этого не смогли простить. В глазах остальных я был не

меньшим преступником. Я посмел добиться большего там, где остальные не добились ничего. Я организовал крупное движение, успешные проекты, сильное анархистское медиа. Что в большей степени может указать человеку на его бесполезность и ничтожность, на бессмысленность его существования, чем чужой успех?

Когда я подловил одного из участников «Анархистского Действия», нападавшего ранее на нас вместе со своими друзьями, и поговорил с ним чуть более серьёзно, чем он ожидал, мои оппоненты даже обрадовались. Теперь у них появился реальный, невыдуманный повод обвинять меня. Теперь они забыли все старые обвинения в мой адрес в фашизме, гомофобии, сексизме и тд. Теперь они могли обвинять меня в чём-то настоящем. Конечно, не упоминая контекст истории и что именно к этому привело. И поддерживая людей, которые сами применяли насилие против «своих» в прошлом. В анархистской и антифашистской среде такие истории в нулевые, на самом деле, были не редки.

Вскоре перестали критиковать и «Социальное Движение». То, что я делал, все сочли безусловно полезным. Главная проблема заключалась в том, что это делал я. Ранее нас как коллектив обвиняли в фашизме, расизме, сексизме, гомофобии и тд. Но доказать это было невозможно. Половина нашего коллектива состояла из национальных меньшинств, было много девушек. Многие из них были довольно авторитетными и важными людьми.

Пока в среде наших феминистически настроенных оппонентов постоянно возникали какие-то скандалы, связанные с домогательствами и насилием против женщин, у нас такого в принципе быть не могло. За все годы случился лишь единственный случай, когда один из товарищей домогался соратницы. Мы поговорили с ним, выслушали обе стороны, и вскоре он покинул коллектив.

У нас были довольно строгие моральные принципы, и мы не стали бы терпеть в своих кругах лицемерие, столь распро-

странённое в других группах. Если товарищ был неправ в чём-то — его критиковали, в случае тяжких проступков исключали. Я и сам подвергался порой такой критике.

Часто я в принципе отказывался от права на собственное мнение, и пытался стать посредником, регулирующим конфликты. Порой приходилось терпеть хамство и очень тяжелые для меня выпады, терпеливо объясняя в ответ на них необходимость компромиссов. Впрочем, если человек был бесполезен, абсолютно ничем не занимался, или никак не понимал недопустимость хамства, продолжая из раза в раз оскорблять других людей, то и я в конце концов срывался, отвечая той же монетой. В целом, у меня с нервами всё довольно плохо, на самом деле. Но до насилия внутри коллектива никогда не доходило, это было недопустимым. Также, как и манипулировать коллективом или обманывать его. Если такое происходило, мы объясняли человеку, что так делать не стоит. Если он продолжал в том же духе, то мы прощались с таким человеком.

В конце концов, я всё реже высказывал собственное мнение, превращаясь в обычного модератора. Проблема абсолютно всех анархистских коллективов в их авторитарности. Авторитарность зависит не столько от злой воли лидера, сколько от пассивности остальных. Они отказываются от каких-либо обязанностей, перекладывая их на того, кого считают лидером. В результате, любая группа всегда ограничена возможностями этого лидера. То есть она в принципе не эффективна, по настоящему в любой группе работает один или два человека. В принципе, и никаких анархистских групп нет, на самом деле. Есть отдельные анархисты, вокруг которых собираются люди. Когда «лидер» это понимает, он или разочаровывается, или превращается в самодовольное говно, местного фюрера с непомерным эго и амбициями. Думаю, от того в анархистской среде такое большое количество фюреров и возникает, которые только и делят власть в небольшом сообществе, что их к этому приучают сами анархисты. Даже если ты идеально честный и самоотверженный человек — со временем ты

будешь видеть, что никому ничего не нужно, всё делаешь ты один. И ты привыкаешь к этому, и считаешь это естественным – принимать решения за всех. Кроме того, это отучивает человека от коллективной работы. Поэтому эти небольшие фюреры никогда не договорятся между собой – они просто не умеют работать в коллективе равных. Но, что хуже всего, после того, как фюрер пропадает, когда его сажают или он просто во всём разочаровывается – разваливается и его движение. Я видел это во всех анархистских группах.

Я и сам стал ощущать своего рода профессиональную деформацию. Я стал более отстранено смотреть на вещи, всё больше оценивая их с точки зрения полезности для движения. Стал прохладнее относиться к беспорядкам, погромам и прочему, что так радостно возбуждало меня в юности. Нет, я всё ещё любил угары, но теперь я не мог отдаться им полностью, вот чтобы просто громить и ни о чём не думать. Теперь первым делом ты думаешь, как это может быть использовано для движения. Во время самого экшена уже начинаешь скучать, не погружаясь в него головой, а наблюдая скорее со стороны, чтобы контролировать ситуацию и не дать свершиться какой-то критической ошибке. Мне не нравилось, что я становлюсь более прагматичным в этом плане, я как будто бы потерял часть себя.

* * *

Думаю, что это проблема не только анархистов, но и всего нашего общества. Россияне больны авторитаризмом, и подобная картина складывается повсеместно. Вы найдёте ровно тоже самое у коммунистов, либералов, националистов. Вы найдёте это же в любых самых аполитичных сообществах. Проблема авторитаризма в России заключается вовсе не в наличии диктатуры, подавляющей граждан. Наоборот, диктатура является следствием авторитарного характера нашего общества, она наилучшим образом отражает чаяния нашего народа, его веру в сильную руку и доброго царя.

Как об этом писал ещё социальный психолог Эрих Фромм – в любом обществе будут становиться нормативными те модели поведения, которые наилучшим образом обеспечивают выживание и успех его участникам. В России с её авторитарной историей выживание всегда обеспечивали холопство и подчинение иерархии. Инициативность, свободолюбие были здесь самым страшным грехом, не дающим тебе никаких шансов. Общество столетиями жило в условиях крепостничества, где наши предки были скотами, обязанными унижаться по каждому слову бояр. Затем – Советский Союз с его чекистами и ГУЛАГами, с всеобъемлющей властью партии и подчинением государственной идеологии. И вот, наконец, Федерация, при которой идеологией президента стала вертикаль власти, беспрекословное подчинение иерархии. Слово, сказанное поперёк менту, начальству, чиновнику, может быть роковым. Ну, какая политическая культура, какая психология могла выработаться у нашего общества за эти столетия? Снятие всякой инициативы с отдельного человека, поиск ответственного за всё сильного лидера?

Посмотрите, ведь даже оппозиция здесь всегда хотела лишь сильного царя. В девяностые самыми сильными движениями были те, что требовали покончить, наконец, с разгулом либерализма и демократии. РНЕ, НБП, всевозможные сталинисты. Закат этих движений в нулевые связан с тем, что у власти, наконец, оказался сильный лидер, который удовлетворил спрос общества на твёрдую руку. Но и в нулевые самыми массовыми движениями оказались нацисты. Да что говорить, даже либералы являются у нас вождистскими движениями, завязанными на своих лидеров. Преклонение либералов перед вождями несколько не уступает преклонению патриота перед Путиным. Да и антифашистское движение у нас было в значительной мере правым, консервативным. Даже анархисты ищут себе локальных вождей, объединяясь вокруг местечковых лидеров.

Снять с себя всякую ответственность, найти сильного человека, который взял бы на себя все трудности и воплотил твои

мечты и идеи, был бы ответственен за всё и говорил тебе, что делать — такова наша национальная идея, глубоко засевшая в головах всех — от анархистов до нацистов, от либералов до консерваторов, от коммунистов и до самых аполитичных людей. Даже те, кто говорит об иных ценностях, подсознательно стремится к поиску вождя... или же хочет стать вождём сам. Здесь не может быть демократии ещё очень долго — любая демократия обернётся диктатурой. Лишь в ходе длительной социальной борьбы, создавая новые формы организации и беря на себя ответственность за свои действия и решения, люди смогут приучиться к инициативности и демократии.

* * *

Осознавая проблему фюрерства, я со временем стал всё более отстраняться и от собственного мнения, просто моделируя ребят, собирая их мнения, и озвучивая разные варианты. Нас было много, и я не хотел быть фюрером. Теперь я ставил задачей формирование полноценного коллектива, своего рода воспитание нового поколения организаторов, что смогут действовать самостоятельно. Если в первые годы мне действительно пришлось примерить на себя роль фюрера, организующего всё, то чем дальше тем больше я превращался просто в модератора и консультанта, что делился опытом. А молодым ребятам мы дали проявить себя в полной мере. Для этого пришлось немного изменить методы.

ВОЗРОЖДЕНИЕ АКЦИОНИЗМА

К началу 2017 года анархизм был мёртвым болотом, где не происходило вообще ничего. Никто не знал, что делать, да и не хотел уже – все были во всём разочарованы. Единственной действующей организацией анархистов было «Социальное Движение». А единственная деятельность анархистов – собственно та, которой мы занимались, наши социальные проекты.

Проблема здесь, как отмечалось выше, заключалась в том, что такая деятельность была довольно сложной для других анархистов. Никто, кроме нас, так и не сумел успешно вести её на регулярной основе, хотя попытки предпринимались во множестве городов. Даже продемонстрировав на своём примере, что бороться с криминалом возможно, мы не смогли научить людей организовывать такую деятельность эффективно.

Со временем стало сложно проводить и какие-либо открытые мероприятия. Их начала накрывать полиция, и нам пришлось постараться, чтобы никого на них не задержали. Власти также стали отказывать в проведении демонстраций и митингов. Хотя мы уже и сами успели разочароваться в этом формате. Организация каждого марша требовала множества усилий, что никак себя не оправдывало. Пара сотен ребят в модных одеждах под радикальными лозунгами собирались пройти под полицейским кордоном из точки А в точку В. По пути они громко грозились разогнать полицию, уничтожить капитализм и государство... и по окончании шествия расходились до следующего раза. Большинство этих людей не было видно во время борьбы с бандитами, в каких-либо проектах. Вся их деятельность ограничивалась парой демонстраций в год. Сами демонстрации давно превратились в спектакль для радикальной молодёжи. По итогу же – ничего, кроме красивых фоточек

в социальных сетях. Нам нужна была не пассивная массовка, но активные действующие люди, готовые стать активистами и организаторами.

Тогда и стало очевидно, что нужна простая альтернатива, в которую смогут вовлекаться те, кто не может сразу заняться социальными проектами. Эта деятельность должна воспитывать организаторские навыки в людях, чтобы, начав заниматься чем-то простым, они, со временем, приобрели бы достаточно опыта, чтобы перейти к чему-то более сложному. Кроме того, в ходе такой деятельности должны складываться новые группы, вовлекаться новые участники.

Выход был найден в акционизме. Во времена КЧБ мы начали с критики акционизма. Вывешивания баннеров, граффити, пикеты – тогда это было неактуально. Анархисты занимались этим уже целое десятилетие, и актуальность акционизма, очевидно, на тот момент была под вопросом. Ведь зачем нужен акционизм? Уличные акции сами по себе не являются какой-то борьбой с системой. С одной стороны, это яркий инфоповод для привлечения внимания к какой-либо проблеме и движению. Это реклама радикальных движений для пассионарных людей. А с другой стороны – это «школа активизма», в ходе которой активисты приобретают определенные организаторские навыки, учатся адекватно действовать в стрёмных ситуациях, совладевать с адреналином в довольно безопасных условиях.

То есть акционизм нужен для рекламы движения и создания активистской базы. Но если заниматься акционизмом всё время, то этот эффект проходит. Одни и те же акции, ранее бывшие яркими и интересными, уже приедаются, становятся обыденными, и более не привлекают новых людей. А старые люди, увидев всю практическую бесполезность акционизма, разочаровываются и уходят.

Поэтому тогда, в 2012 году, когда у анархистов уже были известность и большое количество опытных активистов, мы объясняли бесперспективность дальнейшего занятия акционизмом. Сейчас, говорили мы, необходимо развивать инфраструктуру

туру, социальные проекты и тд. К сожалению, большинство опытных активистов вместо этого ушли в какие-то кооперативы, спорт, веганские и феминистские движухи, или вовсе занялись семьёй и карьерой.

Но за пять лет сменилось целое поколение, и большое количество новых анархистов совершенно не имели никакого опыта. Для них школа акционизма была необходимой. Тем более, что теперь мы имели сильное медиа, служащее рупором, и работающие социальные проекты, куда можно было «переводить» прокачавшихся в акционизме ребят. Потому в начале 2017 года мы решили, что современному анархизму необходима новая акционистская волна.

Схема была проста. Мы проводим акции, и пропагандируем их через наши медиа-ресурсы. Время от времени объявляем недели общих действий, в рамках которых призываем всех к активности. Те группы, что регулярно присылают нам отчёты, мы, со временем, включаем в активистскую сеть, созданную вокруг «Социального Движения». Также всех новых людей мы задействуем постоянно в акционистской деятельности, чтобы они с головой вовлекались в коллектив. Со временем, мы начинаем подписывать их не просто в качестве участников, но даём небольшие поручения. Изготовить трафарет, потом баннер, потом самостоятельно организовать и провести акцию. Сперва попроще, потом сложнее. Уже через полгода мы имеем вместо новичка опытного активиста, которому поручаем проделать ту же самую работу с новыми людьми. Теперь он приобретает опыт и в организации группы. После этого мы подтягиваем его уже в саму организацию, где он занимается какими-либо социальными проектами, медиа, или организацией активистской сети. Получается конвейер активистов, со временем всё больше переходящий на самопроизводство.

И это дало потрясающие результаты, на которые мы и не рассчитывали. Если поначалу в активистской сети участвовало всего три города, то уже через год здесь была огромная сеть, а акции публиковались ежедневно. Охват деятельности был

что-то около полусотни городов только в России (а нам приходили отчёты теперь также из Казахстана, Беларуси и Украины). Всего за год из не слишком большой организации мы создали масштабное движение, в котором мне теперь даже не приходилось контролировать всё — люди действовали сами, проекты жили теперь независимо от меня. Даже в Москве я мог теперь переложить многие обязанности на участников организации, поднаторевших в организации акционистской волны, и заняться организацией движения на уровне всей страны. Казалось, что извечная проблема фюрерства анархистов, проблема раздробленности, наконец, решена. В какой-то момент нам удалось консолидировать вокруг себя большинство действующих групп и создать множество новых.

* * *

Первоначально, зимой 2017, в акционистских кампаниях участвовали, кажется, всего три города. Тогда ещё, по большому счёту, это были просто трафаретные рейды. Однако нам повезло — мы пытались делать лозунги как можно ярче, и довольно быстро следы наших агитрейдов разлетелись по пабликам-миллионникам.

Весной возрос географический охват акций — теперь это было что-то около десятка городов. Помимо агитрейдов, также вывешивались баннеры в людных местах на актуальные темы, проводились арт-акции, вроде повешения чучел чиновников, а также акции порадикальнее. Например, в Москве анархисты с весны 2017 года регулярно навещали посольства стран, репрессирующих анархистов. Какие-то посольства закидывались дымовыми шашками, а в каких-то ограничивались вывешенными на заборе посольств баннерами. Кроме того, московские анархисты начали проводить акции против тотального наблюдения, уничтожая камеры наружного наблюдения на улицах. В общем, шалости, но люди через них серьёзно вовлекались.

Летом всё стало напоминать снежный ком. Мы объявили несколько недель общих действий. Так, например, в июле 2017 года были проведены небольшие кампании в поддержку политзаключенных, обвиняемых в насилии против полиции на акциях оппозиции, и в поддержку заключенных в Гамбурге за участие в протестах против G20. В начале июля в немецкий город Гамбург съехались мировые лидеры для участия в саммите, где сильные мира сего обсуждали судьбы мира. Туда же съехались и протестующие со всего мира анархисты, коммунисты и прочие леваки. В результате атаки полиции на мирную демонстрацию в городе вспыхнули мощнейшие беспорядки, подавлять которые, в конце концов, пришлось вооруженному огнестрельным оружием спецназу. За время беспорядков были ранены полтысячи полицейских, городу причинён ущерб на 12 миллионов евро. Протестующими были атакованы полицейский участок, отель, в котором остановился Владимир Путин, и прочие нехорошие объекты. 51 протестующий задержаны (включая двух россиян). Им грозило до 10 лет лишения свободы, но в результате всемирной кампании солидарности, большинство вышло на свободу.

Кампанию в России организовывали мы. Акции прошли уже в десятке городов, во многих из них анархисты посетили немецкие дипломатические объекты, где оставлены граффити, или проведены яркие несанкционированные акции. Так, например, в Москве провели небольшую, но яркую демонстрацию возле немецкого визового центра. Изначально хотели у немецкого посольства, но после появления нашего призыва, у него начали дежурить мусорские тачки. Мы не растерялись и нашли новый объект.

Почему-то, уже на этом этапе мы подверглись озлобленным нападкам диванных анархистов. Первоначально нас обвиняли в том, что мы вообще проводим эту кампанию. Затем — столь типичные комментарии к агитрейдам в духе «ну да, нанесли надписи на стене, теперь точно революция случится». Комментаторы, впрочем, революцию тоже не сделали, зато те ребята,

что «наносили надписи» в дальнейшем уже, поднаторев, проводили акции посерьезнее, создали местные группы и влились в активистскую сеть, которая всё продолжала расти. Со временем эти акции стали появляться на том же «Анархистском Действии». Доходило до смешного – так, они опубликовали отчёт с агитрейда, замазав квадратиками цензуры ссылку на наш сайт, размещенный на листовках. Публиковали и более серьёзные акции с пометкой их как своих.

В августе уже 16 российских городов приняли участие в международной кампании в поддержку заключённых анархистов.

В октябре – акции против контор микрокредитования. В декабре – против роста тарифов ЖКХ, в поддержку дальнобойщиков, и участие в международном дне против государственного террора. Разнообразие акций всё росло – так, например, в поддержку бастующих против системы «ПЛАТОН» дальнобойщиков в Москве была перекрыта дорога у офиса системы, а в Питере и Челябинске офисы были закрыты замками и монтажной пеной. И это не говоря об одиночных акциях, вне рамок кампаний. В Москве, например, в столетний юбилей революции провели небольшую, но яркую уличную демонстрацию в центре Москвы, с большим количеством пиротехники и армейских дымовых шашек. Кроме того, не забрасывали мы и социальную деятельность против мошенников и рейдеров. Рассказать обо всех акциях и визитах к мошенникам было бы излишне долго, наверное.

В январе 2019 года в антифашистских акциях, приуроченных к годовщине убийства нацистами антифашистов Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой, приняли участие уже 19 городов.

Многие из акций получили заметное распространение, десятки тысяч просмотров, что для анархистов было фантастическим уровнем. Количество акций и групп всё росло. У меня же возникло много новых забот – координация этой межгородской сети, посещение других городов для знакомства с местными группами, организация кампаний. Московские дела всё больше

отходили под опеку моей девушки – Саши. Это было довольно удобно, в плане, что мы жили вместе, и таким образом постоянно находились на связи, я мог её консультировать по всем вопросам и делегировать многие обязанности. В дальнейшем московская группа становилась всё более самостоятельной, и в какой-то момент я начал с удовлетворением замечать, что на её функционирование мне приходится тратить всё меньше сил и времени.

АКТИВИСТСКИЕ БУДНИ 2017

Вечер, станция метрополитена в спальном районе, расположенном, однако, совсем недалеко от центра. Десяток парней и девчат выстроились кругом, общаются, кого-то ждут. У половины парней – бритые головы и короткие бороды без усов. Все одеты однотипно – чёрные толстовки, чёрные штаны-«скамы», черные кроссовки... Наконец, подходит опаздывающий товарищ. Синие джинсы, красная куртка. У нас нет дресс-кода, но он так выделяется на нашем фоне, что все, не сговариваясь, прекращают разговоры и недоумевающе смотрят на него.

– Извините – смущаясь, улыбается он и отходит за колонну. Возвращается через минуту, как все – чёрная толстовка, чёрные штаны и кроссовки...

– Во, совсем другое дело – ободряюще улыбаемся мы ему.

Выдвигаемся в наш рейд по спальным районам. Большая часть ребят – совсем новенькие, молодёжь. Старым активистам такие мероприятия неинтересны. Мне, признаться, тоже, и здесь я чисто с организаторскими целями. Совместный досуг, так сказать, общение с новыми ребятами, какая-то совместная практика и передача опыта. Кроме меня здесь Саша и Женёк. Саша – неумолимая, с бьющей через край энергией, постоянно только и думает, как бы чего организовать. Женёк – злобный, молчаливый, открывающий рот только для того, чтобы сказать какую-нибудь гадость о ком-нибудь. Он, кажется, уважает только меня и ещё нескольких старых активистов. Всех прочих же ненавидит. Но даже он повеселел, ему нравятся такие агитрейды, он любит чувствовать движуху.

Остальные – та самая молодёжь. Мы разбиваемся на группы по 2–3 человека, растягиваемся и идём по вечерним улицам. Группы спереди и сзади мониторят ситуацию, чтобы заранее

предупредить о появлении полицейского патруля. Те, что посередине разрисовывают улицы агитационными трафаретами – специально вырезанными на снимках из под рентгена рисунками и лозунгами. «Если бы выборы что-то меняли – их бы запретили». «Нет никакого кризиса – они просто пиздят наши деньги». И надписи от руки. Одни – серьёзные. «Чиновник – главный тунеядец». «Свободу политзаключенным». Другие – шуточные, больше для себя, чем для других. «Вся власть интернету!». «Экспроприировать и роботизировать!». «Менты и начальники портят житуху!». «Твой босс купил твою жизнь».

Кто-то начинает писать откровенно экстремистский лозунг «смерть всем...». Его останавливаем криками.

– Ты что делаешь? Смотри, если тут будет призыв к убийствам, это уже другая, более тяжёлая статья. Искать будут настойчивее. Тут всюду камеры. По ним нас, в принципе, можно отследить. И за такой призыв ребята в СИЗО и потом на реальные сроки могут уехать. То есть все из-за тебя пострадают. Давай, всё-таки, будем согласовывать с коллективом, что пишем?

Впрочем, всё равно, смысл не в этих надписях. Смысл – в совместном времяпровождении, в активности, в приучении ребят к коллективному действию.

Большая квартира на окраине Москвы с высокими потолками и множеством комнат. Одну из них, на пару с соседкой, и снимает Саша. Здесь живут, в основном, старые разочаровавшиеся во всём анархисты из регионов, приехавшие в Москву, и плюнувшие на идеалы молодости. Теперь они просто пытаются выжить во взрослом мире. Один из них – Артём, наркоторговец, сидит за большим деревянным столом на кухне и что-то доказывает мне:

– Понимаешь, это всё хуйня, не серьёзно. Вот если бы вы террором занимались, какими-то серьёзными вещами, я бы

к вам присоединился, помог бы. А так, то что вы делаете — это не серьёзно...

Я не спрашивал его мнения. И в принципе не говорил с ним о наших делах. Но зная, что я не забыл о наших мечтах и утопиях, он сам начинает говорить мне что-то об этом, пытаюсь, кажется, убедить не меня, но себя. Доказать себе, что он всё тот-же... И вот он сидит, шатаюсь, с укуренными глазами, затягивается косяком и говорит, как он был бы рад присоединиться к террору. Я знаю, что это неправда. Ни к чему он бы не присоединился. Все эти кухонные разговоры... В юности я воспринимал их всерьёз и пытался подбить тех, кто так разглагольствует, на что-то серьёзное. Теперь же я просто пропускаю мимо ушей весь этот наркоманский бред укуренного барыги. Отвечаю ему сухо и скупо.

— Бля, а я вот новость прочитал недавно — продолжает Артём — к парню, который барыжил, ворвались мусора с обыском. А он гранату рванул. Пострадала только собака мусоров. И вот я думаю: за что, зачем? Она же просто собака. А мусора и нам жизнь портят, и собак мусорами делают. Они ещё поэтому мрази. Но ведь собаки то невиновны...

— Их так воспитали. Точно также, как и мусоров. Мусора тоже не рождаются мусорами, их делают такими воспитание, пропаганда, школа. Всё тоже самое и с собаками. Их так воспитывают и обучают. Но после того, как они стали мусорами, они будут делать то, что от них ждут хозяева. Касается это и людей и собак.

— Ого, глубокая мысль! — кивает Артём.

— Ладно, чувак, я к Саше пришёл, хотел с ней время провести...

— Погоди, слушай. Я нашёл, чем вам заняться!

— Кому это, нам?

— Ну, анархистам. Вот вы же боретесь с мошенниками какими-то, работодателями?

— И чё?

— А то, что я нашёл вам цель — радуется Артём.

– Да?

– Да. Вот у меня номера украли.

– Какие номера?- От машины?

– А мы тут при чём?

– Ну смотри. Я полгода назад выхожу во двор, подхожу к машине. А там, значит, номера и боковые зеркала сняты. И на стекле бумажка с номером. Ну я звоню туда. А мне говорят, что за пять тысяч вернут номера и зеркала...

– А новые сделать?

– Долго же! А ехать прямо сейчас надо. Ну, что поделаться. Я перевёл им деньги. Они мне скинули описание места, как найти эти номера и зеркала. Ну, я нашёл, приделал, и поехал.

– Ну и чё?

– Ну вот, это полгода назад было. А на днях – снова повторилось. Выхожу я, и та же самая картина. Опять тачка стоит без номеров и зеркал. И снова телефонный номер на стекле приклеен. Ну я звоню туда и говорю – ребят, ну хоть скидку дайте уже, второй раз такая хуйня. Посмеялись с ними. Ну они говорят, переводи пять тысяч, получишь номера... Ну я перевёл. Они скинули мне место. Я прихожу – а там только задние номера лежат, передних нет. Я звоню, спрашиваю – мол, ребят, что за дела, а где вторые номера, мы же договаривались. А они мне говорят – ну, переведи ещё пять тысяч, получишь вторые номера. Я перевёл. И они больше на мои звонки не отвечают!

Артём выжидающе смотрят на меня.

– Вот.

– Понятно.

– Ну вот я вам тему придумал – искать таких мудаков и бороться с ними.

– Ну молодец, придумал – бери и ищи.

– А что я? Это же вы этим занимаетесь, боретесь с мошенниками.

– Ты нас, кажется, с полицией перепутал, или с кем. Мы не должны заниматься этим по чьему-то требованию, мы

сами решаем чем нам заниматься. И никто от нас ничего требовать не может. Ты понял это?- Понял, понял... но мне то можете помочь?

– Ну если займёшься этим сам, то мы, конечно, поддержим, поможем. Но за тебя мы ничего делать не будем.

Вообще говоря, этот тип откровенно неприятен мне. Он наркоторговец, и уже этого достаточно, чтобы мы провели акцию против него, а не против тех парней. Апелляции к товарищеским чувствам тоже напрасны – он, в прошлом, из «Анархистского Действия». Я знаю, что за глаза он поносит нас, всячески оскорбляет. Но для меня он никто и мне это совершенно неважно. Тем более, мне не хочется затевать разборки с соседями своей подруги. Так что, я довольно вежливо отшиваю его с его просьбой.

* * *

– Знаете – с тоской смотрю я на зашипованные гвоздями деревья – в моей практике, это ни разу не помогло остановить вырубку.

– А ты часто этим занимался? – спрашивает кто-то из ребят, на секунду прекращая орудовать молотком.

– Достаточно – киваю я – не знаю, возможно, что это правда затрудняет вырубку. Но всегда, когда мы шиповали деревья, они всё равно достаточно быстро оказывались вырубленными.

– А что делать тогда? – спрашивает меня товарищ по соседству.

– Ну, полно методов. Вообще – заговорщицки понижаю я голос – мне кажется, можно было бы ночью прийти и ебнуть технику. Если рабочие тут будут и начнут выебываться – просто дать пизды. Уйти легко, это же лес. Через минуту нас уже будет не отыскать...

– Не-не, ты чего! Сейчас с этим строго, искать будут серьёзно – запротестовал товарищ.

– Ну, как знаешь. Моё дело предложить.

Мы заканчиваем шипование и возвращаемся в лагерь к протестующим против вырубки лесопарка. Огромный зелёный массив на востоке Москвы – сейчас часть его вырубают под строительство хорды, что должна соединить юг и восток столицы. Помимо нас здесь местные жители, и какие-то гражданские активисты – дяденьки с бумажками, объясняющие всем, как они будут спасать лесопарк через суд. Ничего они, конечно, не спасут таким образом – суды принимают те решения, которые им скажут принять те самые люди, которые организовали и строительство хорды. Здесь же мужичок под сорок в кепке ЛДПР, довольный сидит на стуле под тентом и смотрит пьяненькими глазами на обстановку в лагере. Поворачивается к одному из наших ребят и самодовольным тоном пьяного бати заявляет ему:

- Вот я здесь на ночь останусь дежурить.
- Ну... хорошо.
- А ты останешься?
- Я нет, у меня дела.
- Чё это ты не останешься? Я останусь, хотя у меня тоже дела. А тебе что, слабо?
- Ну, я... – затушевался анархист.
- Слышь, ты хули доебался? – окрикиваю я мужичка.
- Да я просто спрашиваю...
- Ты спросил, он сказал, нет. Чё тебе ещё надо, чё ты доебался? С первого раза не понял что-ли?
- Да ничё, ничё – успокаивается мужик и продолжает рассматривать протестный лагерь.

Мы, тем временем, группируемся. Нас здесь сейчас совсем немного, человек шесть, наверное. Но этого достаточно. Мы идём к площадке, огороженной строителями, где происходит вырубка леса. Зовём с собой остальных протестующих:

- Давайте, перекроем проезд строительной технике.

Когда грузовик, полный вырубленной древесины, пытается выехать с площадки, мы преграждаем ему путь. Разозлённый водитель – крепкого телосложения среднеазиат – выскакивает из кабины, и несётся к нам, призывая на помощь коллег.

– Что вы нам работать мешаете!?

– А чё вы лес вырубаете? Найдите себе другую работу, никто вам мешать не будет тогда.

– Да нам плевать на ваши разборки, протесты все. Нам надо семьи кормить, мы сюда работать приехали. Нам сказали – вырубать. Мы вырубаем.

– Ну да, вы приехали, а вот местные жители, люди, которые здесь живут, не хотят, чтобы вы вырубали. Мы не против, работайте тут, но так, чтобы местным не вредить. Вы лес вырубите и уедете, а нам тут жить всем. Нам всем лес нужен.

Рабочие в бессильной злобе скачут перед нами какое-то время, ругаются на своём языке. В конце концов, вызывают полицию. Пока те приезжают – проходит какое-то время. Нам удалось задержать работы таким образом совсем ненадолго, не больше часа.

– Так, что здесь происходит... – лениво спрашивают подошедшие полицейские.

– Мешают! Мешают работать! Проехать не дают! – кричит рабочий.

– Неправда, мы вот тут стоим себе в сторонке. Ничего мы никому не мешаем. Вы лучше посмотрите – вон у них древесина, ветки, через край вываливаются грузовика. По закону они должны быть накрыты сверху тентом, чтобы мусор на дорогу не вываливался...

– Ну, может быть. Но мы же не ДПС – улыбается полицейский – если им ДПС на пути попадётся, то оштрафуют их, а у нас таких полномочий нет.

Оборачивается к рабочим:

– Давайте, езжайте. Если кто встанет на пути, мы их задержим.

Грузовик едет, ветки сыпятся через край прямо на проезжую часть. Возмущённый гул местных жителей сотрудниками полиции проигнорирован. В конце концов, у них те же самые начальники, что и у этих рабочих. И любые надежды

на прекращение вырубki, санкционированной властью, через апелляцию к этой самой власти наивны и утопичны.

Поздно вечером, уже ближе к полуночи, мы с ребятами возвращаемся ночными тропами на железнодорожную станцию. Чуть впереди видим юных левых националистов. В большинстве своём – бывшие антифашисты, подвергавшиеся в антифашистской среде унижениям. – Антифа! Антифа! Давай говно! – в шутку начинают скандировать им вслед ребята.

– Ага, ну ещё прыгнем на них давай – улыбаюсь я.

Молодой скинхед секунду обдумывает эти слова, и вкрадчиво, не понимая, шучу ли я, произносит задумчиво, косясь на меня:

– Ну вообще... я если что готов.

Теперь уже раздумываю я.

– Не, знаешь. На хуй они нужны. Это же дети, по сути. Дурачки, но вреда же не делают никому. Нахуй здесь разборки начинать ещё. Я даже больше скажу – пока они работают в среде националистов, их надо поддерживать. Поскольку они там левые идеи распространяют. Вот если бы они в нашей среде пытались работать, пропагандировать здесь национализм – вот тогда им нужно было бы противостоять жёстко. А так их поддержать даже было бы неплохо, если у них конфликты с более правыми нацистами выйдут.

Мы возвращались с ним с очередной акции против мошенников. Всё прошло довольно странно – мы пытались бороться с теми мерзкими конторами, что обещают тебе работу по какой-либо вакансии, но когда ты приходишь туда – тебя отправляют торговать на улицы книгами, или дверьми, или ещё чем-нибудь. Эти конторы порядком злили нас – ты ищешь работу, тратишь время и деньги на поездки по собеседованиям. Тебе обещают работу, ты договариваешься о месте. Прекращаешь поиски. Приходишь на новое рабочее место – и там

такая засада. И вот ты потратил пару дней на этих ублюдков. Бесценное время, которое мог бы потратить на поиск работы.

Не очень понятно было, как бороться с этими конторами. Ну, где кидают на деньги, мы можем предъявить конкретные финансовые требования. А здесь было как-то нелепо. Мы приходили к ним, говорили: «ай, как плохо, больше так не делайте». Они смотрели на нас, невозмутимо говорили: «хорошо, больше не будем так делать». Ну, что тут поделаешь? Мы уходили ни с чем. Пробовали было оставлять им напоследок какой-нибудь подарочек. Плеснуть в них какую-нибудь ерунду, чтобы испортить их наряд. Но выходило, скорее, как детская шалость. Что-то делать с этими конторами было нужно, а что – непонятно.

Так что домой – жили в одном направлении – возвращались мы в глубоком раздумье.

– Мда...

– Да уж...

– Раньше проще было бы. Можно было просто прийти и ебнуть их.

– Ага.

– Или закинуть внутрь дымовуху какую, или ещё что.

– А прикинь, было бы круто просто закрыть их. С дымом, файерами, просто прийти, закрыть их дверь на цепь, повесить плакат, мол здесь мошенники.

– Да, идея... Но мы об этом уже думали. Смотрели их дверь. Её снаружи так не закроешь, не на что.

– Мда уж...

Мы снова глубоко задумались. Ехали так какое-то время, пока он не сказал мне.

– Знаешь, мы вообще не тем занимаемся.

– А чем нужно заниматься?

– Ну то есть это всё круто, конечно, ебашить мошенников и всё такое. Но ты посмотри. На «Выхино» бастуют работники метрополитена. Можно было бы поехать и поддержать их.

– Ну, чувак, ты же понимаешь, что для этого нужны какие-то организаторы? Вот смотри, нас, конечно, дохуя. Мы можем туда приехать, постоять там для красивой картинки. А что дальше? Этого недостаточно, нужно работать с ними, иметь свои идеи по ситуации, что-то совместно с ними организовывать. А кто будет это делать? У меня все силы уходят на мошенников, на рейдеров. Встретиться с жертвами тех и других, всех организовать, скоординировать, потом ещё работу медиа надо скоординировать, регионы организовать... А остальные что? У нас нет сил и времени на это, мы же ещё работаем. Мы не можем тянуть всё на свете.

– Да я понимаю... Но было бы круто, понимаешь, если бы мы занялись этим.

– Ну, давай ты займешься. Я тебе помогу. Буду на подхвате. Ребят буду направлять к тебе. Проконсультирую, подскажу, что можно сделать, как можно сделать.

– Ну не, чувак, я не могу. Я далеко живу.

– Так я тоже далеко живу. В Подмосковье.

– Ну, в общем, моё мнение такое, что было бы круто, если бы мы этим занялись.

– Так я тебе объясняю, как это работает. Это не берётся из воздуха. Для этого надо поднять жопу и сделать. Вот давай если ты считаешь, что нужно этим заняться, я соберу ребят, мы пригоним туда, но ты возмёшь на себя основную организаторскую работу. А я буду просто консультировать тебя.

– Посмотрим...

Я занялся этим. Собрал ребят. Мы приехали рано утром на забастовку. Его с нами не было.

Я зашёл за Сашей, сижу и жду её в коридоре, когда из комнаты выходит Артём. Он, кажется, укуренный. Завидев меня, он кричит:

– Во! Слушай! А Дима тоже говорит, что на «Социальном Движении» хуйню какую-то пишут.

Что? Какой Дима? Почему мне вообще должно быть интересно его мнение? Почему мне должно быть интересно твоё мнение? Я сижу и безразлично смотрю на Артёма. Он несётся ко мне, за ним выходят девушка и парень – тот самый Дима. Щуплый паренёк с хитрым самодовольным лицом. Я сразу узнаю такой типаж – провинциальный анархист из небольшого города. Анархизм таких ребят ограничивается тем, что они ездят в другие города в гости к анархистам, впитывают слухи и сплетни, и разносят их по другим городам. На этом вся их связь с движением заканчивается, они не принимают участия ни в какой деятельности, и не имеют никаких серьёзных контактов. Но, прикоснувшись к сплетням и слухам, они считают себя вполне «движовыми» ребятами «в теме», с которыми все должны считаться. Это, конечно, вовсе не значит, что все провинциальные анархисты такие. Но конкретно вот этот, кажется, относится конкретно к этому типу, переживающему движ через слухи и сплетни.

Я тупо смотрю на них.

– И чё?

– А то, я же говорил Саше, что хуйню пишут!

– Ну, напиши лучше. Соцдвиж сейчас самая популярная площадка анархистов.

– И чё, людям вообще говно нравится. Людям «Дом-2» нравится! А, и ещё я рассказал Диме, что вы не стали мне помогать, когда у меня номера спиздили! И он тоже говорит, это пиздец какой-то! Хачам каким-то и пидарасам помогаете, а товарищу не стали!

Дима стоит и кивает. Я тупо смотрю на них.

– И чё? Тебе кто-то что-то должен?

– Нет, но ведь хачам и пидарасам помогаете! А мне нет!

Прежде, чем я успел спросить его, он хач или пидарас, по его логике, что он претендует на помощь для «хачей и пидарасов», Саша уже выходит из комнаты. Мне, по большому

счёту, пофиг, что там несёт какой-то наркоман. Она, почему-то, воспринимает это ближе к сердцу и кидается на него

– И что, так ты возьми и сделай! Кто тебе вообще должен делать что-то?!

– Так вы же другим помогаете, а мне нет! – визжит Артём.

– Ты готова? – оборачиваюсь к Саше.

– Да – она собирается что-то ещё сказать Артёму, но я встаю и иду на выход – Тогда пошли.

Мы выходим на улицу. У нас в планах – поехать посмотреть место для очередной акции. Планируем нелегальное шествие: нужно выбрать маршрут, посмотреть пути отхода после акции, места для расстановки «скаутов»...

– Пиздец, почему он так говорит! – всё ругается Саша.

– Ты не о том думаешь. Нам нужно мероприятие готовить.

– Да, но это же пиздец!

– Ну, не знаю. Это же дурачок и наркоман какой-то. Я его не воспринимаю сколь-либо серьёзно.

– Но он, получается, сказал Диме, что ты из Соцдвижа. Что ты пишешь что-то для Соцдвижа.

– Хм. Действительно... Я поговорю с ним вечером.

По пути мы срезаем и воруем пару рекламных баннеров. На обратной белой стороне можно нанести лозунги, и даже какие-нибудь примитивные рисунки. Сгодится для демонстрации – развернём баннер впереди, будет вполне прилично. Позже, ребята соберутся что-бы разрисовать баннер у кого-нибудь на квартире. Тоже повод собраться вместе. Включить музыку, разметить по линейке равные участки под буквы на баннере. Аккуратно нарисовать контуры карандашом, и закрасить их краской. Стандартная процедура, происходящая на регулярной основе.

Проводив вечером Сашу домой, я подхожу к комнате Артёма.

– Артём, можно тебя?

– Да, да, конечно. Что такое?

Гости Артёма ушли. Самого его, кажется, отпустило, выглядит и ведёт себя гораздо адекватнее.

– Скажи мне, Артём. Почему ты говоришь людям, что я причастен к «Социальному Движению»?- Я... я не знал, что это секрет. У нас в АД никто этого не скрывал, кто там состоит. Я думал, у вас также.

– Не надо говорить людям, кто там где состоит. Я хотел бы, чтобы ты не делал этого в будущем.

– Да, конечно, извини если что. Слушай, хочешь, я покажу тебе кое-что?

Артём убегает в комнату. Возвращается с каким-то ножом. – Смотри! Смотри, что я с ним сделал! Смотри какая сталь! Хочешь, тебе тоже сделаю?

* * *

Шествие не удалось. Часть потенциальных участников повязали на утреннем санкционированном шествии. Другие банально перепутали станцию и поехали в другое место. Выезжая на акцию, телефоны мы с собой не берём, так-что их мы потеряли этим днём окончательно. И вот нас здесь собралось всего полтора десятка человек. Мы приуныли, сидим в большой беседке и обсуждаем возможные действия:

– Слушайте, ну это несерьёзно. Любая акция должна выглядеть нормально. Шествие, чтобы оно нормально выглядело – нужно собрать хотя-бы 50 человек. Ну, 20–30, если небольшая улица. Иначе это смотрится не очень, прямо скажем... Мне кажется, таким составом можно просто перекрыть дорогу, развернуть баннеры, зажечь файеры и постоять так какое-то время, лозунги поорать. Либо просто можем разделиться на группы, поделить баннеры, и вывесить их где-нибудь. Если ни у кого больше нет вариантов, то у нас вот три варианта. Шествие, перекрытие и баннеры.

Решаем разделиться и вывесить баннеры в разных местах Москвы. Заходим, предварительно, в строительный магазин –

закупаемся скотчем и пластмассовыми стяжками. Делим людей, баннеры, стяжки и скотч, и разъезжаемся по разным участкам.

Мы с Сашей, Женьком и ещё несколькими ребятами подходим к мосту над МКАДом. В ближайшем парке разворачиваем баннер на скамейке. Как давно я этим не занимался...

— Так, смотрите — объясняем мы с другим старым товарищем процедуру.

— Если мы просто вденем стяжки в баннер, то он порвётся, когда мы его вывесим. Поэтому, обычно, если мы хотим вывешивать где-то баннер — в идеале его делать с такими металлическими кольцами сверху и снизу, в которые и продевать стяжки...

Где мои 17 лет? Сейчас, обучая этим несложным хитростям молодёжь, я как-будто заново переживаю свой собственный опыт, но уже в ином качестве, в иной роли.

— Но так как на этом баннере таких колец нет, то нам нужно проделать отверстия ножом и укрепить их скотчем. Надо много скотча. Наклеить слоёв 5–6 с обеих сторон, чтобы наверняка, на 4–6 участках сверху и снизу, проткнуть их ножом. Ага, теперь вдеваем внутрь стяжки, но не защёлкиваем их... Вот. А теперь осталось только подняться на мост. И защёлкнуть эти стяжки, продетые через баннер, на ограждениях моста. Ну, держайте.

Я остаюсь внизу заснять процесс на камеру. Мне, на самом деле, давно уже неинтересны такие акции. Но они интересны молодёжи. А главное — на таких акциях молодёжь набирается опыта, учится координировать действия, следить за полицией, учится организовывать что-то. Я научил их. Дальше они проделают несколько таких акций сами. И смогут обучить новое поколение молодёжи. Те, со временем, будут обучать ещё новое поколение. А эти ребята перейдут к акциям посложнее. Сегодня они вешают баннер под моим руководством. Завтра — делают это сами. После завтра — учат этому молодёжь. Ещё спустя немного времени они будут организовывать шествия, работу небольших ячеек движения, акции против мошенников... Акционизм — хорошая школа для молодёжи.

Несколько тёмных фигурок ниндзя в чёрной одежде и масках пробегают по мосту, вешают баннер с надписью «Вся власть народу», зажигают файеры.

* * *

– Так что случилось то? – Борис сидит на нашей с Женьком кухне, и жаждет подробностей. Он приехал бить людей (а людям нравится бить людей – просто бросьте кличь, и к вам присоединится большое число любителей этого дела), и здесь совсем недалеко. Квартира, которую мы с Женьком снимаем в столичном районе Чертаново, располагается в нескольких минутах ходьбы от квартиры, где живёт Саша.

– Ну Саша сейчас живёт на квартире съёмной. Такая коммуналка. У неё сосед охуевший. Артём, бывший АДшник, барыга. Эта квартира вообще – там живут все эти бывшие анархисты из нулевых, приехавшие из провинции. Ну, им давно уже ничего не интересно. Но старые связи, друзья, вот это вот всё остаётся. И вот Артём тоже переехал в эту квартиру. И практически сразу начал выдавливать оттуда старых жильцов. Там год назад жили вообще другие ребята, но он их выдавил, и заселил своих корешей. Ну, оно понятно, квартира то охуенная...

– Так если такая охуенная, может мы тоже их вышибем оттуда и сами въедем? – улыбается Борис.

– Ага, было бы охуенно – улыбаюсь я в ответ.

– Так а что произошло то?

– Ну вот там сейчас Саша живёт. Артём последнее время чем дальше тем больше на неё гонит. Я когда прихожу, со мной вежлив, заискивает даже, а когда меня нет, на неё гнать начинает. Недавно даже на меня попробовал выебнуться, но я с ним поговорил после, он вроде успокоился, признал, что был неправ... Но вот после этого ситуация. Большая квартира, три парня и две девушки. Куча гостей ещё постоянно. И у них постоянно свинарник. Убираться парни не приучены. Ну Саша с соседкой какое-то время за всеми убирали. Потом им это

надоело. Они решили какое-то время не прибираться. Мол, станет так грязно, что парни сами уборку будут вынуждены провести. Но ни хуя, там уже вода из раковины не уходит, так как слив забит. Жрать неоткуда – вся посуда в раковине лежит. Стол липкий. Парням по хую. Бабы первыми не выдержали. Вычистили всё. И вот Саша придумала. Берёт листок. Разбивает всю квартиру на пять зон. И пишет сверху «План генеральной уборки». Выбирает одну зону из пяти, убирает её. Пишет там своё имя, мол она это убрала. И уходит по делам, гуляем мы с ней. Потом она возвращается, и что бы ты думал?

– Ни хуя не убрано?

– Ну это похуй. Хуже. Приходит она домой. И там сидит на кухне Артём укуренный. Смотрит тупым взглядом на план уборки. Поднимает его, показывает Саше и спрашивает: «это что такое? Твои писюльки?». Она говорит, мол, да, мои. Он как давай на неё орать «а хули ты тут распоряжаешься? Что значит генеральный план? Ты что, генерал?». Подходит к ней, нависает сверху и орёт. Ну ей страшно, обидно. И он бежит с этим планом в коридор, размахивает им и орёт своим корешам: «парни, парни, у нас тут генерал завёлся!».

– Бля, вот он пиздец мудака!

– Ага. Я думал сразу же к нему двинуть и ебало разбить. И тут думаю. Ну вот я приду. Разобью ему ебало. Так ведь он там не один же. Ну, я ему ебало разобью. А его кореша меня потом нахуярят. – Ну да, резонно.

– Ну вот я думаю, их трое. Ну позову тоже ребят и тоже втроем придём и если они вмешаются, то и я буду с поддержкой.

– Ну, правильно, что. А чё за чуваки там с ним?

– Ну, один наркоман какой-то, добродушный такой, вообще вроде хороший парень. Но худой, безобидный и с этой карточкой психа. То есть пырнет тебя и не сядет ещё.

– Ахуенно. А второй?

– А второй огромный детина такой, панк-здоровяк.

– Больше меня?

– Да раза в два больше тебя. Он, наверное, как Хэнк габаритами.

– Бля, чёт как-то хуево. В прошлый раз когда так на хату врывались к кому-то, гораздо веселее было.

В прошлый раз мы с Борисом и ещё одним товарищем ворвались на унтер-хату. Унтер-хатой называлась вписка леваков из «Левого Блока». А леваки это, знаете ли, те ещё унтера. Кривые, худые, глупые, выглядят как пиздец, все эти старые советские растянутые свитера. Конкретно на этой хате жили:

Латышский толстенький коммунист лет тридцати пяти. Тот самый, что «приехал в Россию спасать левое движение от маргинальности». Вписался в эту хату и спился, бухая корвалол.

Пара классических молодых леваков – кривых и убогих.

Левый нацбол, отколовшийся от партии Лимонова из-за несогласия с его пророссийскими позициями в украинском конфликте. Это не мешало нацболу работать на «Единую Россию» перед выборами, уничтожая предвыборную агитацию оппонентов ЕР.

Женёк – единственно прилично выглядящий там человек. Он люто ненавидел и презирал всех своих соседей, и, при первой возможности, перешёл к нам.

И, наконец, самый эпичный персонаж – Василий Недопекин. Смуглый коротышка с такой же нелепой внешностью и глупыми идеями. Среди жителей квартиры он считался уродом и унтером, хотя, сказать по правде, все его соседи были не менее уебищными. Но он, по какой-то причине, подвергался постоянным унижениям и насмешкам с их стороны. Однажды он не выдержал, и побил латыша. После чего вся квартира стала угарать уже над латышом. Мол, если тебя побил такой унтер, то ты и сам являешься чмом и унтером. Но после этого Недопекин побил и левого нацбола, проживающего на этой хате. Теперь насмешки перекинулись и на нацбола. Потом, как несложно догадаться, Недопекин побил и остальных обитателей квартиры, кроме Женька (который, всё же, унтером не являлся). И вот, все эти леваки теперь глумились и унижали

друг друга за то, что их побил Недопекин. Сам Недопекин же, будучи самым слабым из них, и находясь в положении один против всех, таким образом сумел защитить себя и отстоять своё достоинство. Так что во всей это ситуации он был, вероятно, самым положительным персонажем.

И вот как-то жильцы этой квартиры додумались разразиться потоком оскорблений в нашу сторону. Нам делать было нечего, так что мы быстро вычислили, где они живут, и вломились туда в поисках конкретных виновников. Картина была замечательная. Я захожу в квартиру, за мной ребята в масках со взглядом, в котором читается отвращение, разглядывают грязную квартиру. — Я внутрь входить не буду — брезгливо сообщает один из них.

Из комнат выглядывают кривые унтера-коммунисты. Все как на подбор, щурятся, будто впервые за долгие годы увидели свет. И вообще такое ощущение, будто на кухне у них биореактор установлен. В общем, получилось смешно, только вот виновников ситуации мы не нашли, и пришлось вылавливать их на улице.

— Ну, на этой хате, конечно, чуваки не такие унтера. Этот большой панк если впряжется то реально может мы ещё пизды все получим, он спортик какой-то.

— Ну ладно, что делать. Пошли.

Через десять минут мы уже звоним в Сашину квартиру.

— Он с девушкой у себя в комнате — шепчет она нам, пропуская внутрь.

— А друзья его?— Их нет.

Мы в некоторой нерешительности останавливаемся в коридоре.

— Ну чё. Он один, с девушкой.

— Ну, в комнату к нему врываться, когда он там с бабой, как-то не по-пацански совсем — качает головой Борис.

— Ага. И он один в итоге. Без друганов. Тогда втроём нет нужды тут погром устраивать. Давайте пока на кухне потусим, он из комнаты выйдет, я его спрошу сам тогда, по-джентльменски так сказать.

Проходим на кухню, рассаживаемся за большим деревянным столом. Борис сразу переходит к актуальной теме.

– А что ты ему предъявишь то? Надо сразу решить, что предъявлять.

– Ну он по уборке себя некрасиво повёл, на Сашу наехал.

– Ну да, но может чёто другое лучше предъявить.

– Ну, Саша говорила, он за спиной пиздел про нас хуйню всякую. Вот это спрошу и ебну его.

– Ну да, нормас тема. Слушай, включи музыку какую-нибудь?

– Ага, щас.

Я копаюсь немного в телефоне, и квартиру оглашает воинственное пение Тимура Муцураева:

Вставайте, братья! Мы верою сильны!

Нам нет преграды! Мы зажжём огни!

Огни свободы! Весь мир у наших ног!

Война за веру! И нет других дорог!⁹⁴

Муцураев – самый, должно быть, популярный исполнитель у всей модной молодёжи. Неважно, простой хипстер ты или опасный экстремист. Либералы, нацболы, либертарианцы, нацисты, анархисты, коммунисты – все любят Муцураева. В его песнях есть та искренность, которой лишен наш мир, которой не хватает всем нам. Человек, прошедший войну, поёт о настоящей борьбе за идею, о настоящих людях и их лишениях. Мы во всё это только играем. И, как образцовые потребители, мы хотим прикоснуться к чему-то настоящему хотя бы на уровне образов. Нам страшны настоящая борьба, настоящие лишения, искренние порывы сердца. И мы компенсируем это через приобщение к Муцураеву. Я, впрочем, всегда хотел думать, что я, в отличии от этих людей-манекенов, действительно трачу свою жизнь и все силы на что-то настоящее. Я действительно отдаю себя идее. И этот фанатизм Муцураева гармонировал с тем, что я чувствовал, и что делаю. Но ведь каждый из хипстеров думает также? Как же тогда понять, что

⁹⁴ Тимур Муцураев – «Единобожие»

именно я настоящий, а не такой же, как они? Как бы там ни было, я хотел настоящей войны, и был готов отдавать всё своё время и силы на борьбу с режимом, пройдя через любые лишения и испытания. В то время, как большинство других «радикальных» ценителей Муцураева, были готовы осуждать любые реальные действия.

– Чё, Борис, а чем у тебя история с Хвоей то кончилась?

– Ну как. Ты же знаешь, мы как развелись, она заторчала и с нацболами затусила?

– Ага, слышал об этом.

– Ну вот. Она в конце концов совсем сторчалась. Даже бабки на ребёнка, что я ей посылаю – она их тупо прогуливает где-то с нацболами. Дочку у матери своей оставляет, а сама на притонах тусит.

– Пиздец. – Ага. И пособие на ребёнка тоже, туда же. Ладно бы она ещё просто хуй забила и у матери дочь оставила. Так она ещё и те деньги, что на ребёнка приходят, тоже на наркоту тратит.

– Ну это охуеть. А чё ты дочу не заберёшь тогда?

– Ну как. Так то я работаю, а родители у меня в провинции. Мне, например, её оставлять на время работы вообще не с кем. Я приехал разбираться. С матерью её поговорил. Договорились, что я ей буду деньги отдавать. Но карточка, на которую пособие на ребёнка приходит, всё равно у Хвои же. – Охуенная картина, конечно. Нацболы я сколько помню, всегда были какими-то унтерами. Пафоса то у них сколько про революционеров. Мол самая революционная партия, сверхлюди с горящими глазами. А посмотреть – одни наркоманы, на притоне деньги, полученные на ребёнка, на наркоту спускают.

– Ахахаха, да, охуенно получается.

– Главное о себе кричать побольше.

– Да хуй с ними, ясно же, что они унтера. Я, значит, думаю, что надо разобраться с этим. Просто прийти к ним, и поставить её на место.

– Охуенно, так давай! Чувак, разьебать притон нацболов – это же охуенно, представляешь, сколько народу соберётся под такую тему?

– Да погоди. Я сперва с ней поговорил. Мозги ей вправил. Если после этого будет хуйня какая, то разберёмся, конечно.

– А что ты сделал?

– Бля, короч знаешь. Ты угаришь, как это охуенно. Я просто взял пару ребят. Пришёл с ними на марш нацболов. Вижу – она там, с ними марширует. Вхожу просто в их колонну. Беру её за руку. И вывожу оттуда.

– А они что?

– Ничего.

– То есть какой-то мужик просто приходит к ним в колонну, берёт их соратницу, и тащит оттуда, а им похуй?

– Ага. Там только какой-то лох попытался вмешаться, но очень вяло. Подходит такой и спрашивает: «всё в порядке?». Так, знаешь, робко ещё, уже обосрался. Ну Хвоя ему как-то вяло кивает, и идём с ней дальше. Они даже и не рыпнулись.

– Ахахаха, бля, чувак. Это шикарно. И эти люди столько пиздят про то, какие они там охуенные радикальные чуваки. Да они же всегда какими-то чмошниками были.

– Ага. Я теперь всегда когда слышу, какие нацболы «боевые ребята», я ржать начинаю. Слуш, чёт Муцураев заебал уже. Давай что-то более бодрое?

Призывы к джихаду от Муцураева сменяются бодрыми ритмами Оных.

Slam, da duh duh, da duh duh

Let the boys be boys

Slam, da duh duh, da duh duh

Make noise b-boys⁹⁵

– Ооо, вот это охуенно! Вот такое надо включать перед разборками – впервые за долгое время что-то говорит Женёк.

⁹⁵ Оных – «Slam»

– Базаришь, прям создаёт нужный настрой – улыбается Борис.

Наконец, в коридоре появляется Артём. Он смотрит на нас, и понимает, что что-то не так.

– Здорова, парни.

– Привет, Артём. Можно тебя на секунду? Разговор есть.

Он сглатывает слюну, нервно кивает.

– Слушай, Артём. Мне тут сказали, что ты назвал АДСР мудаками и пиздаболами. Скажи, а кого ты имел в виду?

Артём – худоватый парень в очках, как-то странно сгорбливается, втягивает голову в плечи, и становится похож на мышь. В этот момент я понимаю, что бить его, скорее всего, уже не стану.

– Нннн-ну... н-н-н-икк-к-ког-го... – заикаясь, отвечает он.

– Ну мне вот Саша сказала, что ты так говорил. Кого ты имел в виду? Может меня? Или его? Может, Сергеева? Или всех сразу? Кто мудака и пиздабол то?

– Й-й-й-я имел в ввиду, что вы неправильно говорите о некоторых событиях...

– Ну о каких? И кто? Кто пиздабол то?

– Ну ты же не был на расколе АД? Вот когда вы говорите про раскол...

– То есть мудаки и пиздаболы это те, кто были во время раскола?

Он стоит, сжавшись, и не знает, что ему ответить. Сил придаёт его девушка, зашедшая на кухню следом за ним.

– Что здесь происходит?

В этот момент Артём преображается. Забитая мышь расправляет плечи, высоко поднимает голову и переходит в контрнаступление

– Так я этого не говорил.

– То есть Саша пиздит?

– Ну, если она говорит, что я это сказал...

– Ага, то есть это она пиздаболка? – я встаю и иду к нему, с очевидным намерением.

– Нет-нет, конечно нет! – отходит он, упираясь спиной в раковину – я имею в виду что...Он что-то быстро и убедительно говорит, и смотрит на Сашу с победоносной улыбкой. Лицо светится, на нём читается триумф человека, который только что отпизделся от пиздюлей. Но я же не базарить пришёл.

– Бля, заебал – усталым голосом отвечаю я на его тираду и бью ему по ебалу. В эту же секунду ко мне подключается Женёк, истерично взвизгнув:

– Я убью тебя!

Я немного удивлён – предполагалось, что раз Артём будет один, то и бить я его буду в одиночку. Но я всё равно благодарен Женьку за поддержку. Артём оказывается на полу, Борис равнодушным взглядом смотрит, как мы с Женьком бьём его. Подруга Артёма визжит и кидается было на помощь своему парню, но Женёк заезжает ей по лицу локтём. Я попинываю Артёма довольно лайтово, скорее в воспитательных целях. Женька же мне вскоре приходится оттаскивать от него.

– Всё, хорош, Женёк, хватит.

Отряхиваясь, барыга поднимается, ошарашенно смотрит на меня.

– Ты... ты пришёл ко мне домой... и бьёшь меня у меня же дома...

– Я пришёл к ней домой и бью тебя у неё дома – показываю я на Сашу.

– Почему ты веришь ей, а не мне?! – обиженно кричит он.

– Ты чё, совсем долбоёб? Ты ебанный барыга, а она товарищ.

– Я понял, я понял... смотри, оглядывайся теперь. Ты сорвал чеку – бросает мне Артём, выходя из комнаты.

Возмущённый дружный крик служит ему ответом. Практически одновременно мы отвечаем ему. Что-то кричит Женёк.

– Ты что, угрожаешь?! – даже Борис вскакивает, разгневанный таким ответом.

Я же просто высовываюсь в коридор, хватаю Артёма за шкирку, и кидаю на то самое место, где он лежал минуту назад. Теперь мы активно запинываем его втроём.

– Сука... я же просто сидел, молчал... но даже меня надо было довести – пыхтит здоровяк Борис, пиная Артёма. С его же стороны работает ногами Женёк. Я pinaю с другой стороны, и вскоре понимаю, что тело барыги запинывают буквально мне под ноги, и вот я уже стою на нём. Пожав плечами, пару раз прыгаю по его корпусу и успокаиваю ребят. – Всё, хорош, хватит.

Затем наклоняюсь к Артёму, и советую ему:

– Ты прежде чем угрожать мне, подумай лучше о том, что я знаю, где ты живёшь.

Когда мы уходим, Артём, обиженный, высовывается из комнаты.

– Парни, вы в следующий раз придёте, предупреждайте, чтобы нас тоже трое было.

– Ты чё, забиться хочешь? – рывкает Борис.

– Нет-нет, ничё – засовывается обратно в комнату Артём.

На следующий день он соберёт вещи и покинет квартиру. Будет жить в машине какое-то время. Я же на пару недель впишусь в его квартире, поживу вместе с Сашей. После она переедет ко мне.

* * *

Встаём рано утром и проверяем в лесу недалеко от дома армейские дымовухи. Густой чёрный туман расползается по морозному лесу, ползёт по твёрдой земле, покрытой первым редким снегом, охватывает оголённые, сбросившие листву деревья. Эффект что надо.

После едем проверить маршруты – чисты ли они? На Тульской у нас имеется длинный, хороший маршрут по широкой улице, с отходом через дворы. Самый, должно быть, опасный. На Бауманской подкрепляемся шаурмой – здесь присутствует необычайное её разнообразие – и убеждаемся, что этот маршрут не годится. Во дворах большое количество полицейских машин, газели, отряды мусоров. Сегодня, пожалуй, сюда лучше

не соваться. Едем на основной маршрут, подобранный заранее. Небольшой переулочек, зато в самом центре, на Чистых Прудах. Весь день на районе встречаемся с товарищами, показываем им их места, пути подхода, отхода, объясняем задачи каждого из них.

Вот, до часа икс остаётся полтора часа. Вдвоём с одним из молодых ребят тщательно обходим район, каждый двор, тупик и переулочек. Обращаем внимание на каждую припаркованную машину, на каждого подозрительного человека. Всё чисто. Ближе к назначенному времени заранее расставленные у метро ребята встречают новоприбывших, и отводят их переулками к одному из модных кафе. Вскоре там собирается несколько десятков человек. Я стою на перекрестке перед началом шествия. Товарищ стоит в конце маршрута. Телефоны — одноразовые, купленные специально для таких акций — включены только у нас и у одного человека на месте сбора. Мы должны заранее сообщить ему, если на горизонте появится полиция. Маршрут подобран таким образом, чтобы люди могли исчезнуть небольшими группами во дворах и переулках в любой момент. Есть ответственные товарищи, каждый из которых знает свой маршрут отхода и должен повести по нему нескольких человек. В общем, шансы быть задержанными сегодня у ребят равны нулю.

Мне откровенно скучно. Мне было бы скучно и на самом шествии. Странно, в 17 лет мне ничего другого и не нужно было бы, кроме как пройти несанкционированным маршем по московскому центру. Желательно, ещё и разгромить что-либо. Теперь это безумно скучно. Надоело.

Мы обмениваемся сигналами, ребята начинают марш. Я слышу гул десятков голосов, скандирующих какие-то лозунги. Переулочек за мной освещается огнём пиротехнических факелов, вдалеке вырастает густая черная дымовая завеса. Редкие прохожие и машины, двинувшие было в направлении переулочка, останавливаются, шокированно смотрят на это зрелище, после чего разворачиваются, и решают идти и ехать в обход.

Перехожу перекрёсток туда-обратно, поглядывая на проезжающие мимо машины. Гул голосов и свет факелов отдаляется от меня, двигаясь вперёд по переулку. Наконец, затихает где-то вдалеке. Становится тихо, совсем малоллюдно. Темно, холодно. Как же это скучно. Качаюсь с ноги на ногу. Сигнал на телефон оповещает, что шествие закончено, ребята расходятся. Для многих из них это впервые, у них полно эмоций и энтузиазма на будущее. Фото и видео с марша, опубликованные в соцсетях, вдохновят ещё не одну группу анархистов на проявления активности и присоединение к нам. Мы обрастаем всё новыми группами, нас становится всё больше, ребята – всё активнее. Пожалуй, только это и компенсирует всю эту смертную скуку. С чувством удовлетворения покидаю свой пост.

* * *

Центр «Э» опять начал активно интересоваться моей личностью. То одни, то другие знакомые сообщали, что к ним приходили из этого подразделения, настойчиво интересовались мною и моей деятельностью. Впрочем, ничего необычного – подобная инфа время от времени приходила ко мне на протяжении уже пары лет. Когда такое случалось, я временно приостанавливал все свои проекты, выжидал и пытался понять, что они будут делать. Ничего не происходило, и, спустя какое-то время, я снова с головой уходил в организацию деятельности. Так длилось несколько лет. Так случилось и сейчас.

По этой причине, я несколько дней не появлялся в протестном лагере против вырубки парка. Теперь этим занялась Саша. Она организовывала культурные мероприятия в лагере, всевозможные концерты, семинары, лекции – всё, что могло привлечь сюда как можно больше анархистов. Потом делали что-нибудь хорошее. Сегодня, например, после концерта, они сломали заграждения, которыми строители обнесли зону вырубки.

Мы возвращаемся с ней поздним вечером домой, идём по пустой улице, не освещенной даже фонарями. При отсутствии

электрического света видны полная луна и звёзды. Звёздный свет тоже неплохо освещает улицу.

Я давно свыкся с интересом политической полиции, и спокойно воспринимаю тот факт, что рано или поздно меня закроют. Я был готов к этому с самого начала. Саша же никак не могла свыкнуться с этим. Тем вечером мы снова обсуждали это. Саша почему-то подняла тему о кампании в мою защиту в случае ареста.

— А что делать, если тебя посадят? Это же всему конец. Всё развалится. Тогда вообще останется только идти и жечь всё... Но ведь будет же какая-то кампания в твою поддержку? Других политзаключенных же защищают?

Я понимаю, что ничего не будет. Устало объясняю ей:

— Ну, какая кампания. Посмотри, даже сейчас всё делаем мы с тобой. Ребята ещё неорганизованны для того, чтобы проводить какие-то кампании сами. А другие... Я тебе так скажу, что когда меня закроют — я не получу поддержки. Вместо этого меня будут поливать дерьмом и призывать не помогать мне. Те люди, что сидят сейчас тихо и ничего не делают, вылезут со всех сторон, чтобы объяснить всем, что я фашист, и мачист и прочее...

Саша никак не понимала этого.

— Но почему? Ведь всё что сейчас происходит, это ты делаешь. Как можно вообще так говорить? Кто сможет так говорить?

— Вот увидишь, так это обычно происходит. Неважно, что я делаю. Здесь важно, кто с кем общается. Это же тусовка, а не политическое движение. Более того, эти люди начнут доказывать, что мы в принципе ничем не занимались, они же уже сейчас пытаются паразитировать на нашей деятельности, приписывая её себе.

И она плакала, и кричала, что не хочет, чтобы я садился, и что тогда она сама организует кампанию в поддержку, и не позволит, чтобы я остался один после репрессий. И она так была прекрасна тогда — невысокая сильная девушка с длинными

чёрными волосами до пояса, поднимающая других людей на борьбу, со слезами на глазах, совершенно искренняя на тот момент, боявшаяся за близкого ей человека и обещавшая не оставлять его.

СЕТЬ

В десятиные годы среди анархистов распространялась идея о том, что нужно, условно говоря, «не ждать, а готовиться». Все оставили какую-либо политическую деятельность. Многие ушли в спорт, или начали тренироваться обращению с оружием. Само по себе это прекрасно, но вкупе с отказом от публичной деятельности и пропаганды, всё стало напоминать закрытую секту. Это капля в море, которая ничего не сможет сделать ни против силовых структур, ни против нацистов. Без массового движения, без популярных медиа, без постоянного притока людей, все тренировки бессмысленны. Они могли пополнять свои ряды только за счёт уже имеющегося движения, вербовать людей оттуда. Зачастую, эти люди были весьма сомнительного качества.

К тому же, изолировав себя от какой либо деятельности, человеку становится психологически сложно перейти к делу, когда это требуется. Становится психологически сложно противостоять силовикам после ареста. Ребята, по сути, стали обычными страйкбольщиками. Если бы они вместо этого вложили свои силы на протяжении этих лет в какую-то реальную деятельность, то, вероятно, добились бы гораздо большего. Они могли бы привлечь больше людей, создать инфраструктуру движения, какие-то значимые проекты. Так – очередное потерянное десятилетие. Идея без дел мертва.

«Подпольщики» превратились в субкультуру, занятую мелким криминалом («добыть деньги на революцию») и тренировками в лесу. С конспирацией всё было ещё хуже – эти ребята, как правило, рассказывали о своих мелких криминальных делах первому встречному. «Мы не занимаемся

всякой ерундой, и не клеим листовки» – презрительно говорили они. «Мы делаем реальные дела». После чего следовал полный расклад по криминальным делам или же фантазии «подпольщиков», в которых они уже вели партизанскую войну. Эти подвиги были очевидно выдуманы, и вскоре среди активистов «подпольщики» стали восприниматься в довольно комическом ключе. Тем более, что порой те заявляли о своей причастности к реальным акциям, к которым они, в действительности, не имели никакого отношения. Когда до меня доходили пущенные ими слухи, что они причастны к какой-то акции, проведенной мною и моими товарищами, я лишь улыбался, но молчал.

Впрочем, цену они себе так набивали, вовлекая субкультурных ребят в «подпольные группы». Как и все анархисты, они могли объединяться лишь вокруг фюреров, создающих себе авторитет мифами о «реальных делах». Последователи же, вкушая этот пафос, могли почувствовать себя причастными к какому-то боевому подполью, и удовлетворить эго, поставив себя над окружающими. Даром что боевых акций это подполье не проводило.

* * *

Началось всё с наркотиков. На хранении и торговле наркотой погорели пензенские «подпольщики». Один из задержанных за наркоту поспешил выдать ФСБшникам всё «подполье», чтобы облегчить своё положение.

Осенью 2017 года – аресты антифашистов-страйкбольщиков в Пензе. Ребят сразу начали, что называется, допрашивать с пристрастием. Пытали электричеством. Родственники и защита не слишком хотели предавать этот факт огласке, а потому попыткам ничто не препятствовало на протяжении нескольких месяцев. Конечно, за это время они дали показания, которые от них требовали, сознавшись в организации террористической группы.

Начались повальные обыски среди антифашистов по всей стране. ФСБ хотели слепить всероссийскую террористическую организацию, и каждый, к кому они приходили, боялся сообщать публично об обысках, опасаясь, что это скажется на его приобщении к делу. Так, на протяжении нескольких месяцев, спецслужбы при полной тишине тормозили безмолвных и запуганных антифашистов.

В январе 2018 – новые задержания. На этот раз в Питере. Питерские ребята, в отличие от пензенских, молчать не стали и заявили о пытках. Это произвело эффект медийной бомбы – спецслужбы похищают молодых людей и пытаются электричеством, заставляя сознаться в терроризме. Раньше такое было возможно только по отношению к кавказцам или мигрантам из Средней Азии, на которых русским людям плевать. Теперь террористические методы работы ФСБ перенесла на русскую молодёжь, и это то и стало возмутительным.

Следом заговорили и пензенские обвиняемые. Выяснилось, что их подвешивали вниз головой, и пытали электричеством. Теперь они пытались отказаться от данных ранее показаний – и за это их пытали снова.

Обвинение было действительно фантастическим. ФСБ заявило о разоблачении террористического подполья анархистов, имеющего отделения в Пензе, Питере, Беларуси и Москве. Подполье, якобы, собиралось взорвать мавзолей Ленина и провести теракты к выборам президента весной 2018 года, и чемпионату мира по футболу летом того же года. Позже станет известно, что на роль руководителя московской группы «Сети» (так спецслужбы окрестили мифическую организацию) был назначен я. Что было довольно абсурдно, так как я в принципе занимался совсем другой деятельностью, и вместо того чтобы бегать по лесам, играя в страйкбол, организовывал социальные проекты. Никакого отношения к этим кругам я не имел. Впрочем, вскоре из-за поднявшейся шумихи и общественного возмущения ФСБ прекратило расширять дело, ограничившись лишь питерской и пензенской ячейками.

* * *

Дело «Сети» могло бы стать основой для романа. Динамика развития дела потрясает, превращая его фигурантов из стойких революционеров-мечтателей в монстров. «Бесы» наших дней, не иначе.

Как могла бы выглядеть структура этого романа? Начать бы стоило, пожалуй, издаека, ещё с первой русской революции. Тогда, в 1905–1907 годах, в том же городе Пенза действовал анархист Николай Пчелинцев – однофамилец (а может, и дальний родственник) лидера пензенской группы «подпольщиков» Дмитрия Пчелинцева.

В 1905 году в России вспыхнула революция, погрузившая всю страну на следующие несколько лет в пожар революционного террора. Революционеры атаковали государство повсеместно. Оно отвечало репрессиями. Весной 1907 года Николай Пчелинцев с товарищами атаковали конвой, перевозивший заключенных анархистов. В результате дерзкой атаки заключенные были освобождены и перевезены в Баку. Однако, вскоре взамен арестовали группу Пчелинцева. При задержании анархистами в перестрелке был убит жандарм – и это убийство повесили на 17-летнего Николая. На допросе жандармы переломали Коле все пальцы, забили железной кочергой и выдавили глаз. Несмотря на это, он никого не сдал, и был казнён через повешение.

Такой героический революционный пролог неплохо подготовил бы нас к современной драме, когда ФСБ задерживает в разных частях Пензы юных анархистов во главе с другим Пчелинцевым. Схваченных молодых людей везут в подвалы местного аналога Лубянки, где пытаются током, пока те не сознаются. Они создали подпольную анархическую группу, тренирующуюся с оружием для подготовки к русскому Майдану.

Но, не смотря на пытки и заключение, юные подпольщики не сдаются. Находясь в одиночной камере под постоянным прессом, Пчелинцев являет из себя идеального революционе-

ра, не сгибаясь перед режимом. Он прямо заявляет о пытках, пытается покончить с собой в знак протеста, переживает всё новые и новые пытки, но не сдаётся. Его воля может служить примером всем нам!

В деле появляются стукачи, бывшие товарищи сотрудничают со следствием и сдают подельников, рассказывая суду о террористическом подполье анархистов. Но Дмитрий и его товарищи продолжают бороться из тюрьмы. На воле, тем временем, идёт масштабная кампания поддержки. Ребята становятся символом, жертвами режима. За них вступаются рок-звёзды, журналисты, правозащитники, многие медийные личности, проводятся крупные акции солидарности...

Этот образ омрачается появлением в деле двух наркоторговцев – участников подпольной группы. Ребята делали закладки с наркотиками, распространяли «альфу» – один из самых дешёвых и опасных наркотиков. Но пока что все отмахиваются от этого. Ведь они, вероятно, делали это сами, «автономно» от остальных обвиняемых. Не стоит переносить их грехи на всю группу.

Кроме того, правда, в анархистских кругах говорят ещё об одном обвиняемом – Армане Сагынбаеве. Этот парень болеет ВИЧ, и не сообщал о нём своим девушкам... И вообще, вёл себя с ними довольно жестоко, будучи настоящим тираном. В дальнейшем и его история предаётся огласке. И там, помимо этого, насилие – физическое, психологическое и сексуальное. Так, в Новосибирске он с местным нацистом насилует свою бывшую девушку, сопровождая это унижениями и записью на камеру. Не смотря на это, он остаётся «своим», и продолжает заниматься подобными вещами в других городах.

История изобилует подробными, яркими и грязными описаниями «подвигов» Армана, которые в современном издании «Бесов» могли бы быть представлены сценами в лучших традициях Ирвина Уэлша. Но и здесь ещё можно сказать – в семье не без урода. Низкие поступки Армана никак не должны сказаться на остальных обвиняемых...

Однако вскоре заговорили фигуранты дела, бежавшие из страны, и картина совершенно изменилась. Герои и мученики превратились в монстров. Бывшие товарищи описывали их как авторитарную секту, в которой последнее слово всегда было за Пчелинцевым. Любое несогласие или непослушание несли санкции и дискредитировали ослушавшегося. «Вы все умные, но я умнее», говаривал Пчелинцев. «Кто не с нами, тот под нами».

Выяснилось, что торговля наркотиками была не просто маленьким заработком двух задержанных, но общим делом, при помощи которого финансировалась группа. Наконец, когда силовики задержали троих участников группы (первоначально – по подозрению в торговле наркотиками), «подпольщики» решили убить двух менее надежных товарищей, в которых они не были уверены. Парня и девушку заманили в лес под Рязанью. Девушке перерезали горло ножом, а парню, сказав последнее «извини», выстрелили в лицо картечью. Трупы были найдены там, где указал бежавший из страны участник убийства.

Так, постепенно, юноши со светлыми лицами изменили свой образ до банальных наркоторговцев и убийц. Живи Достоевский в наше время, он сделал бы на основе этой истории замечательный роман.

Большинство фигурантов «Сети» оказались убийцами, насильниками, наркоторговцами и стукачами. Однако и здесь нашлось место героизму. Из 11 человек, четверо не были причастны к подобным историям.

Один из фигурантов, Илья Шакурский, стал известен в узких кругах ещё задолго до дела «Сети». В своё время, широко разошлось видео, где он, совсем ещё подросток, будучи окружён толпой нацистов в каком-то кафе, спокойно говорит, что является антифашистом, и высказывает правым всё, что о них

думают. «Нацисты сосут хуй. Есть ещё вопросы?» – эта фраза получила большую популярность в субкультуре.

Перед задержанием Илья, кажется, стал разочаровываться в игре в подполье, и активно искал взаимодействия с другими группами анархистов. В отличии от большинства «подпольщиков», что относились к любой деятельности высокомерно, Илья был известен как человек дела. Он активно участвовал в самых разных проектах, и никогда не занимал высокомерную позу, характерную «подпольщикам». Он не источал высокомерного пафоса, а действовал вместе со всеми.

Теперь же его пытали током, требуя назвать себя лидером террористов. Дав первоначально соответствующие показания, впоследствии он отказался от них и проявил достаточную твёрдость.

Первым же заявившим о пытках был питерский фигурант Виктор Филинков. Не смотря на страшные пытки электричеством, он нашёл в себе силы практически сразу отказаться от данных показаний и заявить о пытках.

Эти люди – герои и пример всем нам. Тем отвратительнее, что столь большое количество людей, не подвергавшихся пыткам и преследованиям, испугались и отступили. Что столь большое количество людей оправдывало стукачей, потому что «их пытали». Но ведь Шакурского и Филинкова тоже пытали? И разве это сломало их?

* * *

Посреди атмосферы страха, вызванной репрессиями, мы не поддались ей и лишь усилили деятельность. Репрессии ставят своей целью подавить анархистское движение, запугать нас, говорили мы. Если мы отступим – то палачи и садисты победят. Мы покажем тем самым, что репрессии это действенная мера против анархистов. И каждый раз, когда анархисты будут демонстрировать эффективное развитие, нас будут репрессировать. Потому, что это окажется эффективным. Нужно показать, что репрессии вызовут обратный результат.

Мы организовали крупную кампанию против пыток по делу «Сети», в которой приняли участие более двух десятков российских городов. Присоединились и анархисты из других стран. Большой отклик нашёлся в странах Европы и Северной Америки.

Акции стали проводиться ежедневно в каких-то неприлично огромных количествах. По несколько акций в день из разных городов – от одиночных пикетов и уличных агитрейдов, до несанкционированных демонстраций и символических атак на офисы ФСБ. Самые яркие акции прошли в Москве и Челябинске. В Москве мы провели несанкционированный марш под лозунгом «ФСБ – главный террорист» в самом центре столицы, под окнами у главного управления ФСБ. В Челябинске местные анархисты вывесили баннер аналогичного содержания на заборе у местного офиса ФСБ и закинули на его территорию дымовую шашку.

Обе акции и сама кампания получились громкими, о них писали довольно крупные СМИ. Публиковались карты России и мира, где отмечались города, в которых были проведены акции – вышло крайне внушительно. Другие, провластные СМИ, начали атаку на нас, обвиняя в терроризме и экстремизме. В общем, теперь нам удалось прорвать информационную блокаду, организованную нашими друзьями-журналистами из «Анархистского Действия». Теперь анархистское движение всё более консолидировалось вокруг нас. И чем дальше, тем больше это злило наших оппонентов. По прежнему, нас обвиняли во всех смертных грехах. Любимым обвинением было что мы «только листовки клеем» – не смотря на огромное количество более радикальных акций, на масштабные кампании, на борьбу с рейдерами и бандитами. Но даже и листовки, на самом деле – довольно полезная деятельность, и если бы они были правы и мы занимались бы только этим, то даже это было бы несравненно больше того, что делали все они вместе взятые. Чужие деятельность и успехи всегда злят бездействующего.

Иные группы, напротив, объявляли собственные дни единых действий. Эти призывы так и оставались призывами, никто

на них не откликнулся. Они думали, что достаточно опубликовать призыв, и дальше всё будет сделано само собой. Но это, конечно, не так. Организация кампании — это колоссальный организаторский труд, и одних призывов здесь мало. Анархисты так и не поняли этого, полагаясь на мифическую «самоорганизацию», на русский «авось».

Но, впрочем, всё это было неважно. Всё больше анархистов просыпались от сна бездействия. Всего за год акционизм расшатал это мёртвое болото, пробудил его и теперь активность анархистов захлестнула страну, шокируя силовиков. Это то вскоре и привело к моим заключениям.

ЛЕВЫЙ БЛОК

Особые проблемы мы поимели с движением «Левый Блок». В нулевые в России было полно комсомольских организаций, мечтающих о возвращении СССР. Комсомольцы занимались, в основном, акционизмом. На начальном этапе акционизм работал хорошо, но после достижения определенного уровня уже переставал привлекать людей. Те разочаровывались и уходили. Запрос на возрождение СССР всё падал, эти движения становились всё менее крупными, да и качество кадров там оставляло желать лучшего. В десятые годы такие комсомолы представляли из себя малочисленные сборища фриков.

Примерно в это время ветераны комсомолов, всевозможные сталинисты из нулевых, создали движение «Левый Блок», претендующее на объединение анархистов и марксистов. По сути, это был всё тот же самый комсомол, но теперь они пытались вербовать и анархистов.

Сами себя они презентовали как «либертарных левых», противников государства. К тому же, на первых порах они показали себя очень неплохо – провели несколько громких акций, участвовали в протестах оппозиции. Потому я начал приглядываться к ним и предложил товарищам наладить сотрудничество. Я понимал, что ни одна организация не может объединить вообще всех, не смотря на все наши успехи. На тот момент существовало два сильных движения – «Социальное Движение» и «Левый Блок». И, считал я, мы можем попытаться наладить сотрудничество. В случае успеха, можно создать своего рода федерацию из разных групп, о которой я столько мечтал – стоящих на разных позициях, но всё равно сотрудничающих.

Однако ЛБ выглядели довольно стрёмно, и вовсю юзали советскую тоталитарную эстетику. Мне пришлось даже

убеждать товарищей хотя бы попытаться взаимодействовать с ЛБ. Главное это не символы, а идеи, говорил я. В конце концов, мы можем приглядеться к ним, и если нам что-то не понравится, то просто откажемся от сотрудничества. Что может плохого случиться, убеждал я ребят. По иронии судьбы, именно для меня это сотрудничество обернулось весьма плачевно.

Вначале эти ребята начали писать заявления в полицию на своих политических оппонентов. В Ростове левак Рязанцев написал заявление на местных нацистов. А когда тех посадили, «Левый Блок» разразился хвалебной статьёй о победе над нацистами. Для нас это было абсолютно неприемлемо, и мы, конечно, публично осудили такие действия.

Затем мы даже пригласили ЛБ поучаствовать в нашей акции. Дождавшись леваков в условленном месте, наши ребята были немного шокированы их внешним видом. Выглядели те очень стрёмно, да ещё и пахли перегаром. Но и это не всё — мы несколько дней серьёзно готовили эту акцию, ребята реально вложились в неё. Леваки же после опубликовали отчёт в том духе, что акция была проведена ими, даже не посоветовавшись с нами. После такого наши ребята немало возмутились, и мне было довольно стыдно перед коллективом. Ведь это я предложил попытаться сотрудничать с леваками.

Вскоре, ЛБ начал публиковать стрёмные статьи о том, что анархизм это правильно работающее государство с честными правителями и судами, а народовластие это то, что было в СССР. Конечно, здесь мы уже совсем дистанционировались, и подвергли их аргументированной критике. Те обиделись, и вместо дискуссии по существу опубликованных аргументов отвечали оскорблениями и вопрошали, почему мы их не любим. Инфантильные ребята, любую критику и дискуссию они воспринимали как оскорбление.

Примерно тогда они начали распространять мои фотографии, имя и фамилию, с указанием, что я являюсь лидером «Социального Движения». Что уже было за гранью.

Наиболее активно со стороны ЛБ «воевал» Дмитрий Кноблех – тот самый мужик, что начал раскол анархистского движения, нападая на радужные флаги на шествиях. После раскола АД он присоединился к АДСР, где входил во фракцию бюрократов. Кноблех – огромный детина, настолько же большой, насколько тупой. Он был бывшим ментом, что бюрократы решили скрыть от организации. В АДСР он проявил себя крайне ненадёжным товарищем, не справляясь со взятыми обязательствами. После ухода бюрократов из организации, он попытался было вернуться и вступить повторно. Но ему отказали – во-первых, его посчитали бесполезным и даже вредным. А во-вторых, уже было известно, что он был ментом.

Он затаил нешуточную обиду, и вступил в «Левый Блок», с медиа-страниц которого начал атаковать «Социальное Движение» ещё в то самое время, когда мы пытались наладить сотрудничество. Он же, видимо, поделился с участниками организации моими личными данными, которые ранее предоставила ему полиция. Теперь они писали всюду о том, что именно я являюсь лидером «Соцдвижа». Нами это было расценено, конечно, как откровенный политический донос. Писать публично, что какой-то человек причастен к организациям, которые интересны правоохранительным органам – это практически тоже самое, что сливать инфу мусорам. Такова цена ошибки, которую я совершил, пытаясь наладить сотрудничество...

Я несколько раз встречался с лидерами «Левого Блока» по поводу этой ситуации. Они соглашались, что получается некрасиво. Но ничего не менялось. Поняв, что договориться с ребятами не получится, мы предложили третейский суд. Вызвался быть посредником один политический беженец из Европы. Он сразу предупредил, что симпатизирует ЛБ, но обещал быть беспристрастным. Разобравшись в ситуации, он признал, что «Левый Блок» абсолютно неправы, но, видимо, постеснялся выносить решение против своих друзей, и пропал.

Оставался последний способ – насилие. Тем более, что та сторона тоже была не против. В нашу сторону раздавались

угрозы поймать и порезать всех критиков ЛБ, а в интернете ребята писали, что Соцдвиж – «мыши, что только могут вонять в интернете из под веника». Конечно, мы с превеликой радостью согласились на встречу с этими ребятами. Со столь же превеликой радостью узнали, что они собираются на соседней с нами станции за час до встречи. Но... видимо, собравшись, они поняли, что погорячились. Мы прождали их час на непосредственно забитом месте, и они так и не явились. Лишь прислали СМС, что передумали.

Мы, разочарованные отсутствием экшена, сидели в кафе и обсуждали, как быть дальше.

У меня был хороший план, весёлый.

– Хорошо. Раз они не идут к нам, то мы сами придём к ним. Вот что я предлагаю. У них есть штаб в подвальном помещении, на окраине. Мы придём во время очередного открытого мероприятия, кто-то постучится. Сходу ёбнем человека на дверях. Берём газовые баллончики, вставляем туда кусок спички, чтобы баллон расплылся самостоятельно, без зажима рукой. Бросаем баллоны им в подвал. Они щемятся наружу в ахуе. Там узкая лестница, они смогут только по одному подниматься, будет давка и неразбериха. Заливаем лестницу из моего пенного баллона. Они все в газу, в жгущей пене, в ахуе по одному вываливаются на улицу, ничего не соображают толком. Здесь мы их сразу ебашим молотками. Для такой акции нам не нужно много людей, возьмём самых надёжных. Думаю, там десятка сможет ебануть всех, сколько бы их внутри не находилось. Тем более, что они лохи, у них опыта такого противостояния нет никуя. Для них это шоком станет.

О, у меня всегда были замечательные идеи. Ребята, правда, как-то замялись.

– Никуя себе...

Молчание. Все обдумывают план.

– Бля, это очень круто.

– Охуеть. Я не буду за это голосовать. Но если вы решите это делать, то я с вами.

– Чисто по нулевым.

– Не, это плохая идея.

– Почему?

– У них там большинство это дети какие-то, которые даже не вдуляют, что происходит. Что ты предлагаешь, детей там мариновать и молотками хуярить?

– Да, в натуре. Тогда можем посмотреть, когда у них там мероприятие. И просто вылавливать перед штабом их основных чуваков, кто причастен ко всей этой хуйне со сливами данных.

– А если они все вместе пойдут, с детьми? Ебашить детей?

– А что, если оставить заявку на вступление на их сайте. У них обычно с новичками кто-то из основных встречается. Они придут принимать новых участников, а там мы, просто ебнем их да и всё. – Не, обычно они на людных станциях встречаются, в центре. Там стрёмно ебашить.

В конце концов, решили, что зашлём скаута, который внедрится в организацию и придумает, где и когда лучше накрыть их костяк.

К сожалению, заняться этим мы так и не успели – практически сразу после этого грянули репрессии против нас в целом, и против меня лично как «лидера Соцдвижа».

Впрочем, вся эта история очень пагубно сказалась на репутации «Левого Блока». Люди начали массово уходить оттуда, и вскоре ЛБ окончательно сдулся.

НАЧАЛО РЕПРЕССИЙ

31 января 2018 года группа анархистов атаковала офис «Единой России» в московском районе Ховрино. Впрочем, «атака» больше напоминала детские шалости – разбили окно и закинули внутрь дымовую шашку. Тем не менее, это дело будет использовано для разгрома московских анархистов. В причастности к атаке обвинят «Социальное Движение», и меня лично, начнутся обыски, пытки и аресты. Я спокойно отношусь к этому. Для меня очевидно, что данная акция была лишь предлогом, и если бы не она – нашёлся бы иной повод. Причина же заключалась в желании силовиков нейтрализовать не в меру активных анархистов накануне президентских выборов и чемпионата мира по футболу.

Однако, тем не менее, нужно отметить некоторые характерные ошибки проведенной акции. Если бы я, как утверждает следствие, был действительно причастен к ней, я бы не допустил подобного.

1) Вызывает большой вопрос сам состав участников. Задержанные не были какими-то опытными активистами. Это люди, совсем недавно находящиеся в анархистском движении, перешедшие сюда от «Левого Блока», в котором разочаровались накануне. Проводить сколь-либо радикальные акции следует с проверенными товарищами, а не теми, кого ты знаешь несколько месяцев и не уверен в том, как они поведут себя во время акции и на допросе.

2) Когда этих людей задержали, они довольно быстро сломались и дали показания. Не смотря на обилие в анархистском движении семинаров и пособий по общению с сотрудниками полиции, поведению на допросе и тд.

3) Вычислили этих людей по камерам, расположенным на улице и в транспорте. Довольно быстро следствие получило

всю картину их передвижений – от сбора в кафе, до возвращения людей по домам после акции. Ребята, кажется, даже не запарились с тем, чтобы исчезнуть с поля зрения камер, сменить одежду, запутать маршрут.

4) Большую роль здесь играет и выбор объекта атаки. Ховрино – спальный район, окружённый городскими джунглями, усыпанными камерами наблюдения. Составить там маршрут передвижения, чтобы остаться инкогнито – задача не из лёгких, если вообще возможная. Ребята сделали просто – поехали от ближайшего метро на автобусе. Со вполне закономерным результатом. Куда разумнее было бы, например, выбрать объект, расположенный недалеко от большого лесопарка. Войти в лес с одной стороны. Переодеться. Выйти с другой стороны. Атаковать объект. Скрыться в лесопарке. Переодеться. Выйти с третьей стороны.

* * *

В феврале начались задержания. В полицейских телеграм-каналах публиковали картины врывающегося в квартиры ОМОНа, сопровождая это комментарием, что «пришли к анархистам, что проводили несанкционированный марш в центре». Первая задержанная – девочка-ученая, Лена. Обыск, потом допрос. Недопуск к ней адвоката. Пара дней заключения в ИВС. Лена, непривыкшая к подобным ситуациям, довольно быстро повелась на угрозы и обещания следователя, и признала вину. И тут вопрос, чья это вина в большей степени – самой Лены, или того, кто готовил акцию и подписал её туда?

Как бы там ни было, Лена сдала другого участника акции. Коба – молодой парень, до недавнего прошлого бывший участником «Левого Блока», где неоднократно задерживался за различные яркие акции. В следствии описанной выше ситуации в «Левом Блоке» он разочаровался, и перешёл к анархистам. И тоже хороший вопрос – кто догадался подписать молодого, только пришедшего к анархистам парня, на радикальную акцию?

В отличие от Лены, Коба упорствовал и отказывался брать на себя вину. Однако потом был заключён в ИВС, где его посадили в камеру с «подсадным» заключённым, работающим на администрацию. Тот оказал на Кобу достаточное моральное давление. А когда ему дали взглянуть ещё и на показания Лены, то совсем сдался и тоже дал показания.

Они дали следствию косвенные признаки, по которым то могло искать других участников; дали доступ к своей переписке в зашифрованных мессенджерах; и дали показания о том, что акция была спланирована заранее, группой лиц, по сговору... Что уже утяжеляло статью. Смешно, ведь первоначальная статья даже не предполагала меры наказания в виде лишения свободы. Ребята сами потопили себя своими показаниями.

Что можно сказать в их оправдание, так это то, что в дальнейшем, они будут тяжело переживать это и пытаться всячески исправить свою вину перед товарищами. Но, конечно, сделанного уже не воротишь. И вот тут тоже своего рода морального дилемма – кто несёт ответственность за их действия? Они, или те, кто их подписал? В принципе, чего ещё ожидали то от молодых неопытных ребят, только-только появившихся в движении?

* * *

Пошли репрессии и в Челябинске. Началось всё после визита местных анархистов к офису ФСБ, где был вывешен баннер «ФСБ – главный террорист», и закинута дымовая шашка на территорию офиса. Акция вышла достаточно громкая, попала в крупные СМИ. Теперь спецназ ФСБ врывается в квартиры известных им ранее анархистов. Несколько человек были задержаны и доставлены в местное управление ФСБ, где на протяжении ночи их пытали током. К чести челябинцев, показания они не давали до утра. Лишь когда ФСБ пригрозили начать пытать девушку одного из задержанных, он согласился дать показания о том, что это он организовал акцию. Товарищей он силовикам не сдал.

* * *

Приближались президентские выборы, и атмосфера всё накалялась. И вот за две недели до выборов СМИ пишут о совещании президента с силовиками. На котором он дал приказ «найти и наказать всех организаторов нелегальных уличных акций». Так как в эту пору основными организаторами уличных акций были мы, и репрессии уже начались, для нас было очевидно, что дальше будет только хуже.

Тем не менее, мы решили теперь провести и кампанию против президентских выборов, сконцентрировав внимание на том, в каких условиях они проходят. Повальные репрессии, пытки током – в общем, выборы на высоте.

К тому моменту мы уже практически объединили вокруг себя все активные группы в стране, была очень большая сеть. Теперь мы планировали показать, что перед лицом репрессий нужно забыть все старые обиды. Нам не нужны были другие организации для того, чтобы организовать кампанию. Однако, если кампания будет проводиться от лица всех анархистских организаций, то это, во-первых, будет огромным шагом на пути к преодолению раскола и вражды. А во-вторых, ещё больше мотивирует анархистов, придаст импульс движению. Наконец то анархисты выступают единым фронтом, единым движением. Тогда мы были близки к этому, и потому предложили выступить в качестве соорганизаторов кампании другим коллективам, в том числе «Анархистскому Действию». Даже начали готовить агитматериалы для АД. Те, однако, так и не преодолели в себе сектантской вражды, и отказались от участия. Что не помешало им после распространять видео с этой кампании, подписав его своим именем. В такие моменты не перестаёшь поражаться человеческой глупости и низости.

Я понимал уже, что ко мне придут, но такова цена развития, правильно? Если ты будешь эффективен, то тебя в любом случае репрессируют. Главное – не сдавать назад, и чтобы

были люди, готовые продолжить твоё дело. А для этого нужно демонстрировать им пример, идти до конца.

Перед выборами некоторые города заявляли что-то в духе «мы, пожалуй, не будем ничего проводить, в противном случае нас здесь ебнут мусора». Это злило. Меня то в любом случае прессанут. В принципе, на меня и будет направлен основной удар. Но всё равно отвечаешь «смотрите сами, это ваше дело. Но с таким отношением мы так и останемся на уровне небольших групп. Репрессии будут обязательно, и если угроза репрессий останавливает нас, то мы тем самым отказываемся от дальнейшего роста и развития».

Впрочем, мы с Сашей на всякий случай покинули квартиру нашего проживания. Мотались по впискам друзей и знакомых с этим странным чувством, когда тебе некуда идти. Покидая очередную вписку, сидели в каком-нибудь кафе (потому, что больше идти некуда), и чувствовали это. Совсем как в детстве, когда уходишь из дома. Думали, снять новую квартиру, полагая, что старая уже засвечена мусорами. Наш сосед Женёк убеждал нас:

— Да кому вы нужны. Вас то не за чем арестовывать. Если бы хотели прийти, то уже пришли бы. Я здесь живу всё это время, что вас нет, никто не появлялся...

Я не знал, что в материалах дела «Сети» уже лежали показания от его имени о том, что я являюсь лидером московской ячейки «Сети» и одним из руководителей организации. Занимаюсь закупками оружия, руководством террористической подпольной организации... И вот наш товарищ убеждает нас вернуться. Спустя, быть может, месяц, убедившись, что никто не пришёл, и поддавшись на его уговоры, мы возвращаемся в квартиру.

Спустя пару дней за мной пришли.

**ВМЕСТО ЭПИЛОГА.
СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ**

Мы сидели в каком-то кафе. Борис пил пиво, а я ждал «счастливого часа», когда цены на всю еду в заведении упадут вдвое. Тогда я спросил его:

– Думаешь, во всём этом есть хоть какой-то смысл?

В жизни каждого активиста, должно быть, появляется этот вопрос.

– В чём именно? – не понимает Борис.

– Ну, во всём. В том, чем мы занимаемся. Анархизм, активизм, вот это вот всё. Мы здесь уже более десяти лет. А изменилось ли что-нибудь? Десять лет назад, я помню, было полно разных чуваков и групп, что что-то мутили. Сейчас остались только мы, мы последние. Раньше были сотни. Теперь – десятки. И ведь помнишь, сколько пафоса было, слов про сцену, про убеждения, идеалы, сколько было презрения к «обывалам». Самые пафосные, кто кричал больше всех – где они теперь? Давно забили на все эти идеалы, и живут жизнью «обывал», которых так презирали.

– Ну ты же понимаешь, почему так... Все повзрослели, а взрослая жизнь оказалась, мягко говоря, не такой, как они представляли... Надо работать, семью содержать. Да и государство гораздо жёстче стало. Раньше можно было всю Москву разгромить, а теперь тебя за комментарий «Вконтакте» посадят...

– Да и просто это всё было не по настоящему. Так, игра...

– Ну да. И все эти шествия и погромы, в сущности, мало что меняли.

– Ага. Знаешь, что по настоящему меняет будущее? Технологии. Сегодня, во многом, фронт пролегает именно там.

От того, кому будут принадлежать технологии, и зависит будущее. – Ты про роботизацию и 3D-принтеры?

– Ну да, и про них тоже. Уже есть же все эти технологии. Уже можно роботизировать физический и значительную часть интеллектуального труда, чтобы этим занимались роботы. Но это же невыгодно в рамках капитализма. При капитализме, если всю работу будут делать роботы, количество производимых товаров возрастёт, а покупать их безработные люди не смогут. То есть тут уже мы напрямую подходим к тому, что капитализм исчерпал себя и стоит на пути прогресса. – Ага, как и учили марксисты... – ехидно улыбается Борис.

– Да ты этих марксистов читал вообще? – раздражённо спрашиваю я его – Они вообще не о том были. По Марксу, капитализм исчерпает себя, когда все богатства будут находиться в руках крупных компаний, монополий. Тогда останется только захватить власть, передать эти монополии в руки правильной партии, и оставить структуру как есть. Мол, монополии сами по себе уже есть почти социалистическая форма организации. Тут речь о другом... Здесь дальнейшее логическое развитие технологий уже невозможно в силу того, что они противоречат нашему экономическому укладу. Но развитие общества не линейно, в отличие от того, что говорят марксисты. Нет какой-то заданной модели развития. Эти технологии можно использовать в общих интересах. Например, передать производства в общественную собственность, посадить туда роботов работать, и пусть они штампуют товары. А потребители могут просто, как в интернет-магазинах, делать заказы на специализированных сайтах. Потом специальные программы подсчитывают куда что доставить, рассчитывают логистику, и рассылают производимые товары на дом там, или в районные распределительные центры. А люди, вместо работы, могут заниматься саморазвитием, наукой, спортом, искусством. И, конечно, у них освободится время для общественной деятельности. Можно упразднить государство, профессиональных политиков, и передать всю власть в руки

населения. Знаешь, как в древних Афинах, где граждане могли позволить себе участвовать в управлении полисом, пока рабы работают. Вот типа того, только вместо рабов – роботы. Сейчас даже проще, сейчас не надо всем тысячам людей в одном месте собираться. Можно устроить прямую демократию через интернет, через специальные сайты. Там можно организовать обсуждение, голосования... В общем, все эти технологии есть уже сейчас, создать коммунистическую экономику и прямую демократию более чем реально. Но с этими же технологиями можно построить такую антиутопию, такой киберпанк, что мы все охуеем. Можно наладить слежку за каждым, можно разработать такой ИИ, чтобы он анализировал и предсказывал, кто там неблагонадежный гражданин, где подозрительные сборища проходят... Можно полицию так вооружить, что мы никогда уже ни на что не сможем рассчитывать...

– Да, но ты говоришь о конечной модели. А речь то о том, что сейчас можно делать вообще.

– Ну да, о том и речь. Что весь вопрос в том, кому принадлежат технологии. Вот есть технологии централизации, разрабатываемые в интересах государств и корпораций. А есть технологии децентрализации, разрабатываемые в интересах общества. Это как гонка вооружений. Государства и корпорации отслеживают твои действия в интернете, а TOR помогает тебе избежать этой слежки. Государства и корпорации охраняют авторское право, делают информацию объектом собственности. А всякие торренты делают программы, книги, фильмы и прочее достоянием всех. Завтра государства начнут внедрять камеры с автоматическим распознаванием лиц. А в ответ общество начнёт разрабатывать способы противодействия этим системам... То есть понимаешь, о чём я? Сейчас любой разработчик, разрабатывающий такие вещи, полезнее чем все «революционные движения» вместе взятые. Мы уже старые для этого, но, по хорошему, если человек хочет сделать что-то действительно стоящее, то ему не в «революционные партии» идти нужно, а учиться разработке приложений и всякие ништяки разрабатывать.

– Ну ведь эти технологии сами по себе не изменят ситуации. Должен быть кто-то, кто ими воспользуется. Вот, например, спору нет, там тысяча крестьян безоружных ничего не сделает против сотни вооруженных рыцарей. Но и тысяча алебард без солдат тоже ничего не сделают против рыцарей. Тут вопрос в том, что должны быть и технологии, и те, кто ими воспользуется...

– Ну да, но это, по большому счёту, вопрос не в «революционных движениях», а просто в гражданском обществе. Должны быть какие-то низовые инициативы, из которых и вырастет то самое гражданское общество. Вот как мы, например, мутим проекты по борьбе с рейдерами и недобросовестными работодателями – из этого и должно что-то вырасти в будущем, более широкое, чем наше движение.

– Ну, мне кажется, скорее, что вопрос здесь не в гражданском обществе, а в организованном пролетариате. То есть вот конкретно мужики, что работают на производстве, они если выключат условный рубильник, вся экономика встанет.

– Ну, это марксистский взгляд. Сегодня экономика развитых стран это не только производство. Тем более, что российская экономика вообще стоит на нефтяной трубе. Какие угодно заводы могут отключаться, но пока нефть течёт по трубам – деньги будут. – Да, но я, на самом деле, вообще разочаровался во всей этой профсоюзной деятельности. Знаешь, вот последние годы были эти сильные профсоюзные ячейки, где всякие левые, марксисты играли большую роль. Мы думали, что всё – создали революционный пролетариат... А рабочим, когда они своего добьются, уже ничего не нужно. Хорошая зарплата, хорошие условия труда, это всё. А все эти левые идеи им нафиг не нужны.

– Да... а что касается «революционных движений» – они, конечно, нужны. Но они никакой не «авангард революции». Их значение переоценивается. Зачем они действительно нужны – это, во-первых, как раз помогать гражданскому обществу развиваться. Инициировать какие-то полезные проекты, и в со-

циальных конфликтах выступать, своего рода, «мускулами». Ну, большое количество организованных ребят боевых, с опытом столкновений и организации проектов. Вот они никакой не авангард революции, а должны поддерживать, помогать развиваться гражданским движениям в правильном русле. Ну и во-вторых – действительно, во время каких-то массовых выступлений они могут стать радикальным ядром, катализатором, который всё изменит. И тогда уже может быть большое будущее и у протеста, и у этого «авангарда». Но проблема в том, что у нас какая динамика – движение появляется, разрастается до какого-то уровня, и его начинают громить ФСБ, центр «Э»... Если оно будет развиваться – всех посадят. А если не будет развиваться – то стагнирует, все разойдутся кто куда, и оно само загноётся. Здесь, своего рода, зависит от удачи – оказаться именно в том моменте, когда произойдут какие-то потрясения. Окажешься раньше или позже – и тебя уберут. – Ну так и что делать?

– А не знаю. Наверное, просто делать и передавать опыт дальше. Чтобы следующие поколения не совершали наших ошибок. Чтобы наш опыт не ушёл в трубу. И чтобы была преемственность, чтобы нас хоть разгромили, разгромили тех, кто был до нас, и кто будет после – но чтобы огонь этот передавался дальше, чтобы к моменту потрясений были его хранители. Чтобы были они закалены этой борьбой, чтобы уже не боялись репрессий и знали как действовать. – Ну, таких людей не найти. Репрессий сегодня все боятся. Современному человеку есть что терять. Всё-таки, при капитализме, даже российском, человек может рассчитывать на какую-то степень комфорта. – Ну да... потому, конечно, мы видим, что репрессии работают. Никому не нужно менять уют дивана на тюремные камеры ради непойми чего, каких-то идеалов...

– А если они работают, то и борьба вся эта смысла не имеет...

– Ну, не скажи. По большому счёту, здесь смысл, скорее, экзистенциальный. Ведь понятно же, что всем этим людям –

им просто жить скучно. Нацизм, коммунизм, анархизм... Всё это декорации. Просто надо чем-то занять себя. У кого-то есть эта потребность в борьбе, в адреналине... Кому-то эстетика нравится. Кому-то правда обидно за то, что происходит, и ему хочется таким образом защитить своё достоинство. Вот давай начистоту. Ты сам то веришь сейчас во все эти социализмы, революции? - Ну, я точно понимаю, что, скорее всего, не доживу до революции и не буду жить при коммунизме. Но я просто не хотел себя чувствовать дерьмом. Понимаешь, мы же здесь никто. Политики, начальники, менты – мы вообще ничего не можем сделать перед ними. Но вот когда мы мутили забастовки, например – я чувствовал, что мы сила, что мы можем постоять за себя, что мы можем даже сами раздавить их. Или вот вы мутите эти рейды против работодателей. Это же охуенно – каждый из нас никто перед начальником. А посмотришь ваши видосы – приходит бригада таких парней и ставит мразей на место. То есть смысл в том, что коллективно мы можем намного больше. Коллективно мы представляем ту силу, которая может защитить каждого из нас по отдельности. Мы уже не дерьмо. Смысл уже даже не в революции, смысл в том, чтобы не быть скотом. Для таких как мы, это единственный способ остаться человеком.

– Да... всё так. Знаешь, я всю свою жизнь чувствовал себя наблюдателем. Будто бы вот я оказался в этом мире и просто наблюдаю, как в кино. А все события проходят мимо меня. И я здесь никто. Ну потом в молодости мы делали какие-то дела. Громили всё, творили ад и угар. Но всё равно, это было... ну что мы, просто бухали, там случайных людей пиздили, деградировали, в общем. Мне кажется, я человеком стал, только когда начал что-то организовывать... Все эти проекты по борьбе с рейдерами, мошенниками и прочее. Акции все. Я, при чём, вообще не хотел этого. Просто никто другой ничего не делал, а что-то должно было быть сделано. Ну, я был неуверенным в себе, и по большому счёту было так, что я делал, и смотрел на всех, спрашивал, мол правильно ли я делаю.

А потом понял, что все точно также неуверенны и не знают, что нужно делать. Потом как-то все на меня стали так смотреть уже как на человека, который знает что нужно делать, и тут уже меня загрузили по полной. И вот здесь я перестал быть наблюдателем. А я был наблюдателем даже во время погромов — это был как будто не я, я просто приходил со всеми, делал то, что все. Кто-то другой всё это организовывал. Я как будто смотрел на всё изнутри. Я был функцией, инструментом. А теперь я стал актором, действующим человеком. Теперь я почувствовал, что я могу что-то делать, что от меня что-то зависит. Я тратил всё своё время и силы на то, чтобы какие-то проекты работали, чтобы работал паблик «ВКонтакте», чтобы движение было, акции проходили, чтобы мы росли. И вот я, уставший, вижу, что всё это дало результаты. Что есть движение, группы в разных городах, проекты, медиа-ресурсы. Ни у кого нет, а у нас есть. И я понимаю, что я это сделал... То есть понимаешь, я будто стал актором, личностью, только через эту деятельность... Человеку необходимо быть активным, творцом, организатором. Человек реализуется через деятельность. И, наверное, нам в детстве, по разным причинам, было трудно реализоваться. Мы ничего не видели для себя в этой жизни. И только в этих движениях мы смогли стать кем-то, смогли вырасти, закалиться в каких-то трудностях, перерасти всё это подростковое «ноу фьюче». У нас появилась цель, мы научились ответственности... А ответственность — это очень важно. Помнишь, когда нам было по 17 лет, казалось, нет ничего важнее «свободы». Это заставляло биться сердца, вставать на баррикады, было самым смыслом существования. Тогда «свобода» представлялась как некая абстрактная ценность. Мы стали взрослее, и поняли, что такие абстрактные слова ничего не значат, и надо говорить о более конкретных вещах. Но всё же интересно, как мы понимали «свободу» тогда. У этого слова столько толкований... В 15 лет это свобода негативная, это свобода «от». Маргинальная свобода это синоним безответственности, когда ты никому ничего не должен. Сейчас же если

бы меня спросили что такое «свобода», то эта зрелая свобода была бы полной противоположностью того, как я понимал её, будучи подростком. Теперь свобода – это ответственность, которую ты берёшь на себя. Ответственность за собственную судьбу, за судьбу общества. Это позитивная свобода, свобода не «от», но «для»... И мы научились этому только через движ.

Но если бы это общество дало нам в юношестве другую возможность реализоваться, то все эти движения и нам были бы не нужны. Главное – развиваться, реализовываться, и в этом плане нет большой разницы, через что ты это делаешь – спорт, наука, семья, творчество, активизм, политика... И даже в плане политики не столь важно, за кого ты, сколь важно, кем ты стал в результате своего пути.

Борис задумался.

– Думаю, это очень правильные мысли.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Пролог	11
Русское детство	13
Мой 2007	28
О таком не рассказывают	51
2008. Беспорядки.....	70
Часть вторая. Анархия в РФ	89
2009. Guerilla Urbana.....	90
2010. Антифашистские погромы.....	109
2011. Хорошее время для панк-рока.....	134
Часть третья. Наше поражение	143
2012. Революция не состоялась.....	145
Активистские будни 2012	165
2013. Раскол.....	188
Часть четвертая. Организованная анархия	217
Анархо-братки.....	219
Профсоюзная мечта	232
Прямое действие.....	236
Борцы с рейдерами.....	246
Вербовщик.....	252
Активистские будни 2013	256
Анархисты и Майдан.....	264
Antifa-Boneheads.....	270
На абордаж!.....	274
Минздрав не предупреждает!.....	277
Рейдеры из Перми.....	280
Самая бесполезная вещь на свете	283
Электричка	289
Левая идея.....	299
В гостях у кидал.....	302
Слово и дело	307
Кто хочет быть фюрером?.....	310

Возрождение акционизма.....	323
Активистские будни 2017	330
Сеть.....	358
Левый блок.....	367
Начало репрессий.....	372
Вместо эпилога. Стать человеком.....	377